

Тулепберген Каипбергенов¹

КАРАКАЛПАК-НАМЭ

Роман-эссе

Перевод с каракалпакского Евгения Сергеева

От автора

В этой книге есть и предисловие и послесловие, имеются и эпиграфы, то есть она весьма основательно обставлена всяческими предуведомлениями, но тем не менее я счел нужным предпослать ей еще несколько слов, адресовав их людям, которые будут читать мой роман по-русски.

Народы всегда стремились отстоять свою самостоятельность, самобытность, что и естественно, но столь же естественно и вечно стремление народов к сближению. От века считалось, что лучший способ породниться - это отдавать своих дочерей в жены сыновьям других народов и женить своих сыновей на дочерях других народов.

Для писателя каждое произведение - это его детище. И эта книга дорога мне, как родная дочь. Всякому, кто выдавал замуж дочерей, знакомо чувство грусти. Но всякий, кто растил дочерей, знает: гораздо печальнее и тревожнее, если остаются они непросватанными, если грозит им участь вековух.

Перед свадьбой невесту прихорашивают, обряжают и отдают с ней приданое, что собиралось и хранилось долгие годы. О приданом конечно же знали все в доме, но в обиходе никогда им не пользовались. Так и сейчас: отправляя свою книгу к русскоязычному читателю, вынул я из сундука своей памяти некоторые вещи, что доселе держал в уме, полностью привел те поговорки и притчи, сказки и легенды, издревле собранные народом, на которые в каракалпакском тексте я лишь ссылался или намекал.

¹ [1] Тулепберген Каипбергенов – Народный писатель Каракалпакстана и Узбекистана. Герой Узбекистана. Лауреат Государственных премий СССР, Узбекистана, Каракалпакстана. Лауреат Международных премий имени Махмуда Кашкарий, Михаила Шолохова, а также премий ВЦСПС и Союза писателей СССР. Победитель конкурсов газеты «Правда» и журнала «Крестьянка».

Уходя в другую семью, невеста оставляет некоторые вещи в родительском доме, они были и нужны ей и дороги, но в новой жизни уже не пригодятся.

Впрочем, все это понятно, ибо таковы обычаи. Не мы их придумали, не нам их и отменять.

Еще. У нас в Каракалпакии, прежде чем пригласить гостя к обеду, его спрашивают, как он привык есть: за столом или за дастарханом? Умеет ли он брать плов руками, или нужны ему ложка и вилка. Сам-то я убежден, что за дастарханом - удобнее, а руками - вкуснее. Научитесь, и вы поймете, что это действительно так. Но если ради соблюдения национальных обычаев я стану навязывать гостю свои привычки, то в итоге нарушу главный наш обычай - обычай гостеприимства. Гость уйдет из моего дома голодным, поскольку не сможет отведать моего плова, только пальцы обожжет да рис на дастархан просыплет, не донеся до рта.

Но если он сядет за стол, то нужен ему стул, а напольная подушечка уже не нужна; если будет он есть ложкой, то не понадобится ему и чашка для ополаскивания пальцев.

Стол и дастархан обставляются и сервируются по-разному. Я перенес плов с дастархана на стол, но это тот же плов, тут я могу ручаться.

И еще. Эта книга переводилась с подстрочника. Знаю, знаю - лучше бы обходиться без него. Но не скоро еще появятся в Нукусе переводчики, которые владели бы русским языком столь хорошо, чтобы заниматься переложением художественной литературы. И русские прозаики, видимо, еще не скоро выучат каракалпакский язык. А потому пока, к сожалению, без подстрочника не обойтись.

Подстрочник - бледная и немощная копия оригинала. Он похож на израненного, обескровленного человека. Он в обмороке, он без памяти, он лишился чувств и потерял сознание.

Ему нужен не хирург, пусть и виртуозный мастер, способный пересадить сердце. Нет, книге не нужно новое сердце. Нужен донор. Но книга оживет только в том случае, если у автора и переводчика одна группа крови.

И наконец. Свой роман «Каракалпак-намэ» сам я считаю актуальным, проблемным, остросовременным, потому что убежден: самые насущные, самые острые из современных проблем - это проблемы нравственные, духовные. От их решения зависят

взаимоотношения людей и держав, отношение к труду, к природе, то есть решение проблем международных, экономических, экологических, воспитательных.

В сказаниях, притчах, легендах и поговорках хранятся ответы на нравственные вопросы, ответы, которые народ собирал веками. И если предания и пословицы разных народов порой похожи, то это и значит, что нравственность едина для всех людей. Потому-то люди и понимают друг друга, хотя говорят на разных языках, придерживаются разных обычаев и принадлежат к народам, прошедшим различные исторические пути. Потому-то я и считаю свой роман остро современным, хотя в нем, как убедится читатель, множество сказаний, притч, присловий и речений аксакалов.

Не мы первые живем на свете - истина известная. И не мы последние - это тоже станет неопровержимой истиной, если поймем, в чем человечество на протяжении тысячелетий видело смысл жизни, поймем и сумеем углубить этот смысл, сумеем избежать тех бедствий, которыми люди грозят себе и природе.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Не будь наследником своего отца, будь сыном человека.

Каракалпакская пословица

...Рассказывая про себя, поступаешь в ущерб себе:
самообвинениям твоим всегда охотно верят, самовосхвалениям -
никогда.

Мишель Монтен

Вместо предисловия. Интервью, которое я дал самому себе

Вопрос. Почему я начинаю роман с интервью, данного самому себе?

Ответ. В сущности, человеку свойственно беспрестанно спрашивать самого себя, самому же и отвечать. Только так и можно разобраться в собственных чувствах и мыслях, глубже заглянуть в собственную судьбу. А это необходимо, чтобы глубже заглянуть в судьбу своего народа, ведь судьба народа существует не сама по себе, она так или иначе отражается, как в зеркале, в жизни каждого отдельного человека.

Человек - это целый мир, и если хочешь постичь Вселенную, надо сперва постараться познать себя; если хочешь понять смысл жизни вообще, то определи сначала, насколько осмысленна твоя собственная жизнь; если ждешь от людей доброты и совестливости, то спроси себя, добр ли и совестлив ты сам; не ломай хребет другому, если хочешь, чтоб твой позвоночник остался цел; когда стремишься помочь чужой душе, то прежде осознай свою душу. Лишь в этом случае можно свои потребности, мечты и тревоги соотнести с потребностями и мечтами других людей, с нуждами и тревогами народа.

Вопрос и ответ - это как вдох и выдох. Это дыхание души и мысли. Моя цель - не дышать в одиночку.

Вопрос. В сегодняшнем мире избыток каналов информации, и по ним буквально хлещет информационный поток. Многие люди, особенно молодежь, в свои двадцать - двадцать пять лет считают себя вполне сведущими, знающими людьми, считают себя эрудитами. Они уже успели устать от давящего груза всевозможных сведений, а потому чтение книг считают делом зряшным и нудным. А тут еще нехватка бумаги, разросшаяся чуть ли не до одной из мировых проблем.

Недавно в Лондоне был выпущен каталог всех книг, появившихся в мире за последние 400 лет (1556 -1956). В нем 754 тома. В каждом томе 527 страниц. Каждый том каталога содержит 11 340 наименований книг. Перемножь это и посчитай. А если добавить сюда еще издания, вышедшие в свет за последние три десятилетия, то станет ясно, сколько книг ожидает сегодня читателя. Как же, зная все это, можно решиться написать еще одну новую книгу?

Ответ. Однажды хан, разгневанный стихами непокорного Бердаха, велел привести поэта к себе во дворец и спросил его: «Ты осмеливаешься судить обо всем на свете, ты берешься всех поучать, многие простолудины считают тебя ясновидцем. Поглядим, что ты знаешь. Я задам тебе вопрос, ответ на который мне точно известен. Если ты ошибешься - сниму с тебя голову. Понял? Отвечай: сколько людей во всем подлунном мире?»

Ни на секунду не задумавшись и прямо глядя хану в лицо, поэт произнес: «В подлунном мире сто девяносто девять миллиардов, сто девяносто девять миллионов, сто девяносто девять тысяч, сто девяносто девять человек».

«Врешь, самонадеянный пустослов!- вскричал хан.- Мне доподлинно ведомо, что в подлунном мире около двух миллиардов человек».

«Знаю,- ничуть не смутившись, ответил Бердах.- Но вы считали лишь одну часть человечества. Я же сказал обо всех трех его частях».

«Какие еще три части?»- удивился хан.

«Одна часть человечества - в земле. Другая - в утробах матерей. А третья часть, численность которой вы совершенно верно назвали,- это мы, живущие ныне, те, кто нуждается в еде и справедливости».

Хан подумал и вынужден был, умерив ярость, отпустить Бердаха.

Судьбы книг подобны судьбам людей. Их тоже можно разделить на три части. Одни - еще не рожденные, не выношенные. Другие - числятся в каталогах и справочниках, погребены в архивах библиотек и книжных завалах. Третьи - живут с живыми людьми.

Дело чести и совести писателя - хорошенько подумать, прежде чем засесть за работу над новой книгой. А определять судьбу книги - это уже дело времени. Если мой новый роман окажется нужен людям, то и бумага для него сыщется, и долгая жизнь ему будет дарована. Так что осмелюсь писать.

Еще. Помню, как давным-давно мы с матерью возвращались из аула моего дяди - маминого старшего брата. Путь долгий, день знойный, ноша тяжелая - подаренный бабушкой огромный самар²[2], выточенный из целого куска дерева. Подарку мать очень обрадовалась: «Теперь-то мне полегче будет, смогу готовить тесто сразу на полный тандыр³[3]».

Самар мать несла на спине, а мне места уже не осталось - я привык ездить у нее на закорках. Пришлось идти пешком, держась за подол ее платья. Шажки мелкие, ребячьи. Семеню, семеню, сам устаю, и она тоже устает - не привыкла к медленной ходьбе. По пути, чтобы я не расхныкался, мать стала рассказывать сказки, зная, что я большой охотник до них и, слушая предания, легенды, притчи, увлекаюсь и забываю обо всем на свете. По одной из сказок выходило, что Земля, на которой мы живем, огромна и кругла. Держит ее на рогах громадный-прегромадный голубой бык. Он невероятно сильный, мощный, а рога у него золотые. Время от времени бык устает и перебрасывает Землю с

²[2] Самар - таз.

³[3] Тандыр - куполообразная печь.

рога на рог, тогда лето сменяется зимой. Снова перебрасывает, и опять вместо стужи начинается жара.

Сказка мне так понравилась, что я начал воображать себя преогромным голубым быком. Я такой же могучий и сердитый. Набычился и несколько раз мотнул головой, перебрасывая Землю и меня погоду - то стужа, то зной.

Мать иногда останавливалась, утирала пот у меня со лба, клала самар на голову, а меня усаживала на спину и шла быстрее. Вот так, с передышками, двигаясь то быстрее, то медленнее, мы под вечер добрались наконец до своего аула, но здесь нас ожидала непредвиденная неприятность.

Возле аула - канал Шортанбай. Обычно в это время года он мелеет, почти напрочь пересыхает. А тут вдруг разлился, разбушевался, вспучился. Наверное, где-то Амударья прорвала дамбу.

Мать остановилась и задумалась. Идти в обход слишком далеко, и так ночь уже близится. Кричать? Вряд ли кто услышит. В этот час все разошлись по своим домам, хлопочут по хозяйству. Да и стеснялась она: женщинам ведь не положено голосить, этого не любят аксакалы. Перебираться через канал опасно: глубоко и течение сильное, а я еще не умел плавать.

Но вдруг она решила: разделась, смотала одежду, привязала к голове и вошла в воду. Деревянный самар колыхался около нее. Я мигом сообразил, что она задумала, и пустился наутек, но куда там... Мать быстро настигла меня, взяла на руки и, усадив в самар, велела крепко держаться за края таза.

Подталкивая самар перед собой, она направилась к другому берегу. Через несколько метров ее ноги уже не доставали дна, и теперь она плыла, толкая мой «ковчег» подбородком, потому что плавала она «пособачьи», гребя руками под водой.

Я сжался от страха. Сжался в комочек, маленький и дрожащий. Пальцы окостенели, я словно зубами вгрызся ими в края самара, а зубы свел, как пальцы, - не разжать.

Вода - огромный голубой бык - качала мою круглую Землю - мой самар. И от этой качки зима и лето, весна и осень менялись ежесекундно: меня то озноб пробирал, то прошибал горячий пот, то теплилась весенняя надежда, то одолевала стылая осенняя тоска. «Ковчег» мой вращался, и я видел, что берег, покинутый нами, удалялся быстро, страшно быстро, а другой, желанный, приближался медленно,

страшно медленно. Мне становилось жутко, и тогда я искал взглядом глаза матери. Они - две черные искрящиеся звездочки - смотрели спокойно и даже весело. Это придавало мне чуточку уверенности, но лишь на несколько секунд. А потом опять, с каждой новой волной, накатывала и волна страха.

Наконец добрались до берега. Я думал, что, как только окажусь на суше, тут же кинусь бегом дальше от воды. Но нет. Так и сидел в самаре, держась за его края,- ноги не слушались, не было сил подняться и стиснутые пальцы не разжимались.

Мать вышла на берег и тоже долго сидела молча. Наконец, отдышавшись, спросила:

- Сере4[4], тебе не было страшно?

Все опасности остались позади, и я, прибодрившись, постарался как можно веселее и увереннее сказать:

Нет!

Но голос дрожал, и это не только она заметила, это я и сам чувствовал.

- Мне кажется,- продолжала она,- что ты немного испугался и разволновался. Но разве ты не знаешь, что ребенку нечего бояться, если рядом мать? Навсегда запомни: ты не должен ничего страшиться, когда мать с тобой!

Этот завет я действительно запомнил навсегда. И еще я убежден, что не зря во все века сравнивают Родину с матерью.

Моя родная Каракалпакия в общечеловеческом море мала, как самар. Но, что бы я ни делал, всегда уверен, что Родина-мать со мной и никогда не даст мне пропасть.

Каждая моя книга - это слово признательности ей и одновременно клятва на верность, клятва, писанная кровью сердца. Вот почему я с уверенностью приступаю к новому роману и надеюсь, что он проживет долго и никому не наскучит.

Вопрос. Почему после романов «Дочь Каракалпакии» и «Дастан о каракалпаках» следующую книгу я решил назвать «Каракалпак-намэ»?

Ответ. Надеюсь, все объяснит сама книга. Однако...

Однако перед тоем5[5], когда женщины собираются, чтобы сообщить приготовить побольше теста, всегда среди них отыщется хоть одна

^{4/4} Я первый ребенок у матери, а по старинному обычаю женщина не должна называть своего первенца по имени. Мать называла меня Сере что значит «лучший из джигитов».

^{5/5} Той - праздник, торжественно.

нетерпеливая, та, что не в силах удержаться от искушения. Она отщипнет от края кусочек - ив тандыр его, под горячую золу. А потом вытащит и ест быстро, обжигаясь. Лепешка не лепешка, а все же приятно: как-никак первая отведала.

Так же и среди мужчин. Пока разделявается туша барана, пока она кипит в котле, самые нетерпеливые отрезают полоску мяса и жарят ее на огне. Им невтерпеж испробовать вкус мяса непременно до начала тоя.

Есть и торопливые читатели. Чтобы удовлетворить их любопытство, я «отщипну кусочек» от замысла этой книги.

Существует у нас древний обычай: когда в ауле появляется на свет новый человек, счастливые родители приглашают в дом самого почтенного, уважаемого старца, чтобы он нарек новорожденного. Конечно, при этом учитываются желания отца и матери, мало того - выслушивают и родственников, и знакомых, ведь все ждали появления будущего человека и заранее искали для него подходящее имя. Но когда оно уже найдено, когда все пожелания выслушаны и споры улеглись, тогда наступает торжественный миг. Аксакал берет младенца на руки и, приблизив его ухо к своим губам, трижды произносит имя. Как только младенец закричит, седобородый старец отдает его матери и, повернувшись к присутствующим, торжественно изрекает: «Этот человек узнал свое имя. Впредь никто не сможет изменить его».

Книги как люди, хоть их нарекают иначе.

И еще. Предание, пересказанное коше-бием. Нижеследующий инцидент имел место быть в первобытный период минувшей истории. Как только количественная численность потомков Адама возросла до уровня такой степени, что они стали разделяться на самостоятельные группы, так в сей же момент бог составил себе специальный список, куда занес большое множество придуманных им названий, и с этим списком на руках отправился к людям с целью присвоения каждой группе своего отдельного наименования.

Делалось это так: встречает всевышний каких-нибудь людей и спрашивает:

- Кто вы такие?

Если они отвечают: «Мы и сами не знаем», тогда он их выстраивает, заглядывает в вышеупомянутый список и трижды громко восклицает на весь мир:

- Инглис! Инглис! Инглис!!! Или:

- Рус! Рус!! Рус!!! Или:

- Узбек! Узбек!! Узбек!!!

А потом соответственно в собственном списке против каждого присвоенного имени ставит галочку, чтобы не путаться и не повторяться. Те же народы, которые из божеских уст услышали свое имя, начинают ликовать, выражая свою радость при помощи песен и танцев.

Когда присвоение имен закончилось и в списке не осталось ни одной строки, не отмеченной галочкой, всевышний отправился обратно, но решил прогуляться окольным путем. И вот в том районе, где река Аму впадает в Аральское море, увидел он камышовые лачуги и живущих в них неучтенных людей.

- Кто вы такие?- вопрошает он.

- Сами не знаем, господи. Но люд мы тебе подведомственный и ждем от тебя всяческих благ.

- Как так не знаете?- изумился всевышний.- Я же дал вам имя.

- Нет, господи,- возражает неучтенный народ,- никогда и ничего ты нам не давал.

- Не мог же я просчитаться,- недоумевает бог.- В списке-то все наличествующие имена уже исчерпаны.

- Этого мы не знаем, но только полное отсутствие у нас какого-либо имени является непреложным фактом,- объясняют ему люди из камышовых лачуг.

- Ничего-то вы не знаете. Темные вы какие-то. И, видать, по темноте своей прошляпили раздачу имен. Так вот и назову вас-«темные шляпы»-каракалпаки.

- Поступай, господи, как знаешь. Мы в твоей воле, но только сделай все по закону, прокричи и наше имя трижды на весь мир.

- Ну уж нет,- отвечает бог,- идите-ка лучше по свету, поищите, не затерялось ли где все-таки лишнее имечко. А если не сыщется, то присоединяйтесь к какому-нибудь из нареченных народов хотя бы на время. А я за этот период проверю небесную учетность. Коли и впрямь промашка вышла, то подкорректирую список в сторону увеличения. Будет, будет вам имя, не беспокойтесь.

Сказал и удалился.

А безымянный народ пошел по миру. Услышали люди, что в европейском списке есть невостребованные имена-«печенегии» и «черные клобуки»,- отправились в Европу. И кто бы ни крикнул, кто бы

ни позвал: «Эй, черные клобуки!», «Эй, печенег!»- они с готовностью откликались. Но все же при этом постоянно ощущали, что имена эти не богом данные, а потому решили продолжить поиск собственного имени.

Затем услышали, что в азиатском списке пустуют имена «кула хи сиях» и «калпак»^{6[7]}, повернули в Азию. И теперь кто бы ни окликнул: «Эй, кула хи сиях!», «Эй, калпак!» - тут же отзывались: «Это мы...» Но и здесь бывшие неведомые люди не обрели почета, не стали именитыми.

Так и скитались, и мыкались они в течение нескольких веков. Наконец решили воротиться на прежнее местопребывание в устье реки Аму, где чувствовали себя дома, где сам бог хоть и в шутку, хоть и мимоходом, но все ж таки дал им имя. Какое-никакое, но дал.

Из-за того, что каракалпаки вечно тянули уши к небу, вечно ждали голоса всевышнего, не позовет ли он их, из-за этого уши у каракалпаков продолговатые, гораздо длиннее, чем у людей других национальностей...

В третий раз я выношу в заглавие своего романа слово «каракалпак». В третий раз я нарекаю свою книгу именем своего народа, чтобы, как и положено по древнему обычаю, трижды возвестить это имя всему миру.

Каракалпак! Каракалпак!! Каракалпак!!!

Вопрос. Почему для новой книги я выбрал непривычный для себя жанр романа-эссе, выбрал новую и не опробованную мною форму?

Ответ. У нас есть поговорка: «Кто ошибается впервые, тот еще не ошибается, а пробует; кто повторяет ошибку, тот уже не ошибается, а заблуждается».

Мой дедушка меня поучал: «Как подрастешь и надумаешь строить свой дом - не торопись. А то смолоду все мы чуть что - сразу землю рыть да саман месить. А ты пройдишь по соседям, осмотри не меньше дюжины домов. Все разузнай, расспроси. Но не затем, чтобы кому-то вторить или что-то брать за образец, а затем, чтобы никого не повторять. Тогда это будет твой дом ».

^{6[7]} Названия каракалпаков у разных народов.

Коше-бий⁷ советовал: «Хочешь научиться играть на дутаре, так не бренчи без толку, а возьми инструмент у знатного музыканта, послушай, какой у него регистр, подстройся и пальцами коснись его двенадцать раз. Только при этом условии и добьешься полного унисона».

Моя мать говорила, памятуя, что однажды в детстве я сильно испугался воды: «Станешь учиться плавать, так начинай с мелководья. Потихоньку. И прежде чем бухнуться в воду, не забудь двенадцать раз макнуться, чтобы привыкнуть».

Я всегда придерживался этих советов, хоть никогда и не стремился стать хорошим строителем, музыкантом или пловцом. Образцами прекрасных художественных зданий я считал и считаю книги Саади и Монтеня, трактаты древних философов, «Тысячу и одну ночь», «Кобус-намэ». Я брал их в руки, как берут превосходный, мелодично звучащий дутар. Но я хочу спеть свою песню.

Самобытность - превосходное свойство, но из-за него любой самобытный человек всегда остается тайной, загадкой для другого человека. Всякий народ всегда кажется странным, не вполне понятным другому народу.

И все же, по утверждению древних мудрецов, чтобы узнать судьбу другого народа, порой достаточно узнать судьбу всего лишь одной семьи, а то и одного человека. Не обязательно опрашивать все население страны, не обязательно знакомиться с каждым жителем того или иного края, лучше расспросить одного, но расспросить обстоятельно, подробно обо всем, чем он живет и о чем тревожится, думает и мечтает. Лучше познакомиться с одним, но сойтись с ним близко, а если удастся, то и сдружиться.

⁷ [6] Коше-бий - вожак, руководитель улицы. Это не чин и не выборная должность. Их никто не назначает сверху, но я не помню, чтобы за них когда-либо голосовали. Однако свой коше-бий есть в каждом ауле и даже на каждой городской улице. Это в большинстве своем расторопные, общительные люди, зачастую шутники, балагуры, но в то же время - весьма решительные, настойчивые и не лишённые организаторской жилки. Они решают споры между соседями и устраняют мелкие дрязги. Без них не обходится на улице ни одна свадьба, ни одни родины или поминки. Если в каком-то доме той, они созывают соседок в помощь хозяйке, добывают недостающую посуду, стулья и прочее. Они же при необходимости помогают расселить по домам на ночлег приезжих гостей.

Наш аульный коше-бий считал себя начальником и потому любил казенные слова, искренне полагая, что звучат они «солидно» и «научно». А уж как у него это получалось, судить читателю.

Да, у всякого своя особенность, своя тайна, но беседа двух людей, беседа искренняя, заинтересованная - это не удвоение загадки. У всякого своя душевная глубина, но соединение душ - это не слияние глубин, образующее бездну. В том и тайна человеческого общения, что, соединившись, две загадки превращаются в совместное решение, две тени - в два источника света, два неведомых мира - в две яркие звезды на небосводе человечества.

Всегда ли это так?

Вот на этот вопрос помогает полнее ответить форма романа-эссе. Поэтому я ее и выбрал.

1

По мнению медиков, у большинства людей к сорока годам слабеет зрение. Я, видимо, принадлежу к этому большинству, потому что в положенный срок тоже надел очки. Полезная вещь очки - они укрупняют мелочи и приближают то, что отдалено. И однажды, расфантазившись, я возмечтал: а вот создали бы аппарат, приближающий прошлое, создали бы такие очки для памяти, чтобы ясно увидеть все происшедшее в детстве и юности, отчетливо припомнить все забытое...

Нет! - решил я после долгих раздумий.- Пусть лучше этот аппарат не изобретают, а то большинство людей, безусловно, погрязнет в грехах и ошибках молодости и от стыда за них, за эти юношеские благоглупости, не будет знать, куда девать глаза, и станет спотыкаться на каждом шагу. И старость окажется не временем заслуженного отдыха после долгого и трудного пути, а годами раскаяния и душевного смятения. И не то чтобы у каждого из нас в жизни проступков больше, чем достойных поступков, а просто один досадный случай, один день огорчений - это дракон, который способен заживо проглотить память о неделе, а то и о месяце радости и благополучия.

У кого из нас в душе не прячутся такие драконы?

Ведь мы люди!

«Какое семя в молодости посеешь, такой злак в старости пожнешь», - учил меня дедушка.

«Это еще смотря как сеять,- поучал коше-бий,- а то ведь бывают и такие моменты, что сажали рис, а выросла осока».

* * *

Когда я выпустил свои первые книги, у меня состоялись три встречи с неким старым знакомым. Как-то так сложилось, что на правах давнего приятельства он то ли интервьюировал, то ли допрашивал меня, притом явно подзуживая, подначивая, а я вроде бы обязан был ему отвечать. Теперь я со стыдом и смущением вспоминаю свои ответы.

Однажды он спросил:

Что ж это за работа такая - писательство?

Я отвечал:

Труд писателя тяжел, как труд чернорабочего. Но рабочий отстоял смену - и домой, на отдых. А писатель наскоро перекусит и добровольно выходит во вторую смену, а то и в третью, если надо.

Вероятно, он ожидал услышать другой ответ, а может быть, я, живописуя трудности творчества, малость перестарался, но только с тех пор приятель начал держаться со мной высокомерно, словно интеллеktуал с чернорабочим. Он поучал меня, наставлял, давал советы, читал всяческие назидания и нравоучения и порядком поднадоел мне своей заносчивостью.

А между тем время шло, и я опубликовал роман, который удостоился положительных откликов в местной печати. Мы вновь с ним свиделись, и на сей раз, с той же иронично подначивающей интонацией, он спросил:

- И сколько же вас, писателей, у нас в Каракалпакии?

- Двое,- выпалил я не задумываясь.

- Это кто же? А ну, назови!- потребовал он. И я назвал:

- Каипбергенов и остальные.

- Хвастун!- сказал он зло и ушел не оборачиваясь.

Через неделю-другую мы столкнулись с ним лицом к лицу на улице. Не здороваясь и не протягивая руки, он спросил, словно продолжая прерванный разговор:

И кто же из тех двух писателей ведущий?

- Разумеется, остальные,- вновь не задумываясь выпалил я.

Какая-то самодовольно-пренебрежительная усмешка скомкала его узкие губы, и, не говоря ни слова, он пошел прочь. Больше мы не встречались. Но когда порой я вспоминаю эти разговоры с ним, у меня в

душе возникает тоскливая боль, будто кто провел по сердцу напильником, провел медленно и с нажимом...

Однако и не вспоминать нельзя. Стоит ли надеяться на завтра, если не можешь оценить вчерашнее. Коли существуешь на этом свете, то дай знать о себе, но говори только правду, ибо обманывается тот, кто намерен обмануть других.

Притча коше-бия. Бродяга и беспечный весельчак, Омирбек держал маршрут пути следования через неизвестный ему аул. В ауле он увидел ребятню, которая всецело посвятила себя барахтанью в пыли и вела какую-то игру. Омирбек тут же в нее и ввязался. Не пристало конечно же взрослому человеку встречать в легкомысленные ребячьи забавы, да что с него, беспутного, возьмешь? Такой уж он уродился по характеру своего нрава.

Ребятня, заметив чужака, произвела его окружение и, гроздьями повиснув на плечах и руках, вскарабкавшись на спину, наконец свалила Омирбека и устроила кучу малу.

Омирбек, находясь в приземленном положении, не может ни выдохнуть ни вздохнуть. Глаза запорошены. Рот полон пыли дорожной. А сверху все насаждают и насаждают. Тут и смекнул весельчак, что в данный момент и в данном состоянии ему не до шуток. Сообразив все это, он пустился на обман при помощи хитрости.

- Эй,- кричит,- пока вы тут в пыли барахтаетесь, в соседнем ауле идет бесплатная раздача яблок. Каждому, изъявившему желание, насыпают полный подол халата.

Вся куча мала мигом рассыпалась, и с криками: «Яблоки! Яблоки дают! Даром дают!»- понеслась ребятня в соседний аул и такую пылищу босыми пятками взбила, словно табун прошел.

Поднялся Омирбек и стал приводить в порядок свой облик и внешний вид одежды. Долго отплевывался, отряхивался, палец слюнил - песчинки из глаз выуживал. Наконец прокашлялся, прочихался, проморгался и оглянулся вокруг. И что же он видит?

А видит он следующую картину: все - и стар и млад - поспешно движутся по направлению соседнего аула.

- Люди, куда вы?- задает он им закономерный вопрос.

- В соседний аул. Там бесплатно раздают яблоки. Каждому отсыпают полный подол,- получает он естественный ответ.

Тогда Омирбек рассуждает сам с собой следующим логическим образом: «Я, конечно, обманул ребят, но если это ложь, то почему столь много разных людей в нее поверило? А вдруг и впрямь раздают яблоки? Тогда надо и мне поспешить, а то как бы я один не остался в дураках и с пустым подолом».

Произведя такой мысленный расчет, Омирбек побежал следом за остальными.

«Если писатель сам не верит своему рассказу, то может ли он надеяться, что ему поверит читатель?» - часто говаривал мой учитель литературы.

* * *

В детстве я часто спрашивал у своей матери:

- Скажи, что самое трудное в мире?

Учиться у других уму-разуму,- говорила она.

Ответ казался мне совершенно верным, более того -прозорливым. Мать словно заглянула мне в душу, словно подслушала мои мысли. Ведь сколько раз я корил себя за то, что не мог перенять у других людей нечто очень нужное и полезное. И вроде бы старался... АН нет. Ничего не получалось.

Прошли годы. Я вырос, повзрослел, сам уже стал отцом и вот снова обратился к матери с тем же вопросом:

- Что самое трудное в жизни?

И на сей раз она ответила быстро и точно:

- Самое трудное - это учить других уму-разуму. Вновь ответ пришелся мне по душе. Вновь он оказался именно таким, каким я и надеялся услышать его. Ведь сколько я ни старался - только что разве из кожи не лез,- чтобы привить своим детям все самое лучшее, чтобы вразумить их, наставить на истинный путь, настроить на добрые дела, а все, казалось мне, ничего не выходит. И злился я сам на себя, да так злился, что аж внутри все горело...

Что же сейчас для меня в мире самое трудное?

Это написать книгу под названием «Каракалпак-намэ».

Почему?

Да потому, во-первых, что сейчас все - умные, грамотные, широко информированные, всесторонне осведомленные. Многие даже мечтают

избавиться от избытка информации, а заодно и от излишка ума. А моя книга напоминает какого-то настырного советчика, назойливого умника.

А во-вторых, я пользуюсь народной мудростью - легендами, поговорками, притчами, но пользуюсь ими, чтобы рассказать о себе. Так велика ли надобность в подобной книге для читателя, у которого и так все услышанное и вычитанное еле-еле в мозгу умещается? Он и так уже часть знаний и памяти прячет не в голове, а в кармане - в записной книжке.

Порой тот, кто в мечтах подобно птице возносится под небеса, на самом деле лишь мельтешит, как муха.

Вот так зачастую и слова жужжат мушиным роем. А меж людей немало брезгливых: заметят, что хоть одна муха попала в котел с пищей, и - весь котел на помойку. Потому и надо следить за словами, ибо одно, всего лишь одно-единственное слово может приблизить человека ко всем живущим, породнить с народом, а может и рассорить, отдалить, отделить, да так, что хоть бросай родной очаг и беги с глаз людских долой.

Да, люди - народ разнообразный.

Одни как реки: сливаясь, образуют море. Другие как кошка с собакой: сойдясь, взъерошатся, и шипят, и рычат...

Есть отцы, что живут для блага детей. Есть дети, живущие лишь славой отцов.

Наш двадцатый век - особое время, век неисчислимых противоречий и противоположностей.

Одни люди до соседа дойти не могут, хоть под руки веди, другие, напротив - срываются с места и со сверхзвуковой скоростью мчатся из края в край, из страны в страну. На одном конце планеты мужчины, багровея от натуги, натягивают тетиву на лук, чтобы при его помощи навязать свою волю сородичам или иноплеменникам, и мастерит один из них грозное оружие и не знает, что на другом конце той же планеты другой мужчина грозит тем, что без малейших усилий может нажать ядерную кнопку, чтобы заставить все человечество считаться с его желаниями. На всей планете полная путаница: верующие живут рядом с атеистами, астрономы и физики постигают неведомые законы сущего мира, а астрологи и метафизики растолковывают сущность законов

мира неведомого, лидеры демократов наносят визиты монархам, свергнутые монархи просят убежища у демократов, одни страны не знают, как поднять рождаемость, другие - как ее уменьшить, одни люди страдают от ожирения, другие - от голода.

И все это разнообразие требует твоего сочувствия, а лучше - соучастия, требует твоего личного продуманного и выстраданного мнения, твоего личностного отношения, требует твоей души, твоего ума.

И в этом сложном, напряженном, запутанном мире книга - если она лишь сборник советов, справочник назиданий - никому не нужна.

Какой бы мудрец ни явился со своими проповедями и поучениями, какие бы легенды и притчи он ни выдумал для того, чтобы укрепить в людях веру в добро, справедливость, в завтрашний день,- все это ныне вряд ли войдет в умы и сердца людей, и уж тем более вряд ли станет восприниматься как народная мудрость.

Истинная мудрость всегда народна, потому что любой человек (кто бы он ни был, каким бы он ни был) непременно отражает как зеркало и черты своего народа.

* * *

В день моего пятидесятилетия в доме у нас собрались друзья и родственники. Они много шутили, стараясь развеселить меня, что и понятно. Ведь юбилей -полвека - отнюдь не радостная дата. Значит, жизнь пошла под уклон, а на крутизне спуска легко оступиться. После пятидесяти человек должен обдумывать тщательнейше каждый свой шаг - тягостное и утомительное занятие. Одна из дружеских шуток состояла в том, что мой возраст условно разделили на два двадцатипятилетия, разделили жизнь на две половины, из одного юбилея сделали два и за каждый соответственно поднимали тост и выражали добрые пожелания.

Они старались ободрить меня. А я старался им верить.

Я всегда стараюсь верить в доброту намерений другого человека, стараюсь верить, что все, творимое людьми, творится из лучших побуждений. Случается, конечно, и ошибаться, и расплачиваться за благоверие, но если вдуматься, то в конечном счете воистину несчастным оказывается не обманутый, а обманувший. Для счастья не

многое надобно: во-первых, конечно, здоровье, во-вторых, запас душевности и, в-третьих, удовлетворенность жизнью. Признак счастья - смелость. Счастливы тот, кто смело может доверять своим силам, доверять жизни, доверять другим людям. Трусость - отличительный знак несчастья. Зря считают, будто трусость - это боязнь смерти или боли. Нет. Боязнь думать и выражать свои мысли - вот истинная трусость. Да и торопливость - тоже. Недаром народная мудрость каракалпаков утверждает: «Кто говорит прежде, чем подумает, тот умрет раньше, чем заболит».

Повторяю: привык верить людям. Не верю лишь тем, кто заявляет: «Душа человеческая - это свиной хлев». Не верю уже потому, что свою-то собственную душу они не уподобляют хлеву, хотя, разумеется, любой душе ведомы и злость, и зависть, и грязные подозрения, и нечистые помыслы. Я знаю, что внутри любого человека есть требуха, заполненная остатками непереваренной пищи, но не это, по-моему, в нем самое интересное. Каждой душе ведомы и сомнения, и опасения. Вот и я сомневаюсь сам в себе, а еще опасуюсь, как бы не оказалось слишком много сомневающихся во мне, сомневающихся в том, что я буду говорить.

Вступив на склон третьего двадцатипятилетия, я невольно размышляю и о первом своем двадцатипятилетии, и о втором. Вспоминаю все, что со мной было, и думаю, поверят ли мне, если, основываясь на виденном, слышанном, пережитом, основываясь на собственных «охах» и «ахах», произнесенных с сожалением, и на горделивом повествовании о собственных поступках, которые представляются мне достойными похвалы, то есть основываясь на опыте своей жизни, я постараюсь вывести некую философскую формулу жизни?

Поверят ли близкие? Поверят ли дальние? Дальних не знаю - судить не берусь. А близкие - вряд ли.

Притча, рассказанная моей матерью. Однажды на базаре появился мудрец. Люди узнали его и обступили в надежде услышать, что он скажет. Но мудрец говорил очень тихо. Во-первых, потому, что был стар и слаб голосом. А во-вторых, потому, что верил: мудрое слово не должно быть крикливым. Закончив свои речи, мудрец ушел, а люди стали расспрашивать того, кто ближе всех стоял к старцу:

- Скажи, что ты разобрал?

- Я разобрал,- ответил он гордо,- что у него изо рта пахнет.

«Какой кличкой нарекли теленка, такой и кличут, когда он уже в быка вырос»,- говорил мой дедушка.

«Кто ж из людей будет производить поиск клада под стенами своего жилища?»- спрашивал коше-бий.

* * *

Если уподобить человеческую жизнь возведению нового здания, то окажется, что первое двадцатипятилетие - это фундамент. И какими бы крепкими и разуверенными ни были стены, как бы высоко ни вздымалась кровля, в итоге все строение держится на фундаменте, на том начальном двадцатипятилетии жизни.

Коше-бий рассказывал: А в старинные года древности каракалпаки строили свои дома без всякого основания - фундамента. Если производить наружный осмотр, то внешне создается впечатление видимости фундамента. Но это сплошной обман зрения. Стена действительно имеет приметное утолщение внизу, однако там не фундамента прикрытая глиной осока или солома, в более редких случаях - тростник. Это просто по земле прокладывали такую линию, чтобы при проведении строительных работ стены не имели вогнутостей или выгнутостей, а тянулись прямо. А что касается самих стен, то уж их - это точно - украшать умели при помощи мастерства, фантазии и художественного вкуса. В итоге получалось следующее: в первые годы проживания в новопостроенном объекте - все хорошо, но не проходит и одного десятилетия, как стены начинают разъедать сырость, и к концу указанного срока все жилое помещение приходит в состояние негодности и угрозы разрушения с последующими материальными затратами, а то и жертвами.

Творения многих художников и поэтов напоминают мне старые каракалпакские дома. Порой красиво, даже очень, но неосновательно, не фундаментально.

А жаль.

* * *

Решив продолжить работу над этой книгой, я долго сидел и тер ладонью лоб, словно пытаюсь пригладить, причесать мысли, а они всё топорщились и лохматились.

С одной стороны, вроде бы и впрямь все, что я сделал в жизни, все, что написал, в той или иной степени зависит от знаний и умений, полученных еще в детстве и юности, от того, что я услышал, увидел и прочувствовал в первое двадцатипятилетие. То есть от того, что заложено в фундаменте, в основании.

Однако стоит ли долго и тщательно описывать свое детство, стоит ли сейчас подкапывать стены дома, чтобы полюбоваться кладкой фундамента? Нет ли тут эдакого запоздалого бахвальства, самолюбования? Ведь не зря коше-бий говорил: «Кичливость - признак старости». Так-то оно так, но и в старости не одни лишь плохие признаки, есть и у старости свои преимущества. И молодежь без стариков оказалась бы в этом мире как в темном городе без светильников. Ей бы пришлось пробираться ощупью.

Легенда, рассказанная дедушкой. Наши места некоторые люди называют еще и Туранской низменностью, потому что в давние-предавние времена здесь было царство, именуемое Тураном. И долгие века Ту-ранское царство враждовало с царством Иранским. Войны между ними тогда велись часто. Что те цари не могли поделить меж собой, об этом ныне люди уже не помнят. А только помнят люди, что были те царства очень схожи и в обоих существовал общий обычай: детей, которые рождались слабыми, и стариков, доживших до немощи, вывозили в безводную пустыню и оставляли там. Таково было царское повеление и в Туране, и в Иране. И послушаться тех повелений никто не смел, ибо лютой смертью карали ослушника, поскольку оба царя считали, что оставлять на свете людей, которые не могут прокормить себя,- казне в убыток.

И вот как-то вспыхнула между царствами еще одна война. Тысячи тысяч туранских воинов вышли в пустыню Каракумы от берегов Аральского моря. Тысячи тысяч воинов Ирана вышли в пустыню Каракумы от берегов Каспия. Всадники скакали с бархана на бархан,

пешие ратники шли по их следу. А сзади тянулись караваны верблюдов, неся воду меж горбов в кожаных мешках. Сошлись рати и бились долго. То одна сторона верх берет, то другая. Но одолеть никто не может. Силы оказались равны. Прошла неделя, потом другая. Но нет победы у туранского войска. Нет ее и у войска иранского. И у обоих войск нет уже воды. Кончилась вода в кожаных мешках. Нет пути вперед - враг не пускает. Нет пути назад - не выйдут из пустыни люди и кони, умрут от жажды.

Тогда цари заключили перемирие. Вчера еще были врагами, сегодня - друзья по несчастью. Сели цари рядом, сели их визири и звездочеты, сели тысячники и сотники, сели муфтии и муллы, спешившись, сели конники, опустились на раскаленный песок пешие ратники - все сидят и думают, как избежать страшной смерти. Наконец с туранской стороны поднялся один воин и, поклонившись, говорит:

- Есть один человек, который нам посоветует, как отыскать воду.
- Кто он? Говори скорей,- требует царь Турана.
- Скажу, государь, если обещаешь пощадить нас обоих - меня и его.
- Обещаю!
- Это мой престарелый отец.

Как?!- удивился царь.- Разве ты не отнес его в пустыню? Ты посмел послушаться моего приказа? Ты не убоялся грозящей кары?!

- О мудрейший из правителей и храбрейший из витязей,- отвечает воин,- тебе ли не знать, что смелого воспитывает смелый. Мой отец первым рискнул нарушить твой указ. Я появился на свет хилым и болезненным, но он не отнес меня в пустыню, а выходил, поставил на ноги и до тех пор, пока я не вырос и не окреп, носил меня на спине в плетеном коробе. Когда же он постарел и стал немощным, я понял, что наступила моя очередь нести ношу.

С этими словами воин снял с плеч плетеный короб, бережно поставил его на землю и открыл крышку. Из короба вылез сухонький, щупленький старичок с белой и легкой, как хлопок, бородой и в черной шапке. Поклонившись царям, их свите, всем собравшимся людям, белобородый черношапочник сказал:

- Во времена моей молодости в этой пустыне тоже была большая битва. Тогда нам пришлось худо, мы вынуждены были отступить. И, набрав воды про запас, засыпали единственный в этих местах колодец, чтобы враг не смог преследовать нас.

И ты сумеешь найти и раскопать этот колодец? Найти найду, а раскопать сил не хватит. Дайте мне сто крепких мужчин, и через полдня вода будет.

Ему дали сто могучих джигитов, усадили на коня, и он поскакал в пустыню. Скоро всадники увидели песчаный холм. Старик велел: Копайте.

К вечеру на дне колодца заблестела вода.

Милость рождает милость. Цари помирились, и каждый из них издал указ, который впредь строго-настрого запрещал вывозить стариков в пустыню. Теми же указами повелевалось: пусть каждый плюнет в того, кто обидит младенца или оскорбит аксакала.

Вот и вся легенда. Но дед еще добавлял: «Ты заметил, Тулек, что на голове у старика была черная шапка? Не он ли предок всех каракалпаков?»

Моя мать часто напоминала: «Как звезды темной ночью помогают не сбиться с пути, так и знания аксакалов помогают разобраться в темноте жизни».

Преподаватель литературы говорил: «Почтение к старикам - это признание опыта минувших эпох. Однако на Западе многие проявляют высокомерие по отношению к прошлому. Это особенно ярко проявляется в оценке литературного наследия Востока.

Чтобы подняться в космос, нужно оттолкнуться от земли. Западная цивилизация достигла заметных высот, но развивалась она из восточной культуры. Разве восточная культура не древнее западной? Разве не с Востока пришла она на Запад?

Современное электричество открыто при свете коптящей лампы. Разве не на Востоке зажжена лампа научных знаний? Тот, кто отрицает это, подобен ребенку несмышленишу, который говорит: «Меня не мать родила я сам родился».

Нельзя не понимать, что классическая дидактика Востока лежит в основе всей мировой литературы, в том числе и в основе самой наисовременнейшей литературы Запада.

Любой колодец со временем заносится пылью веков. Классическая литература Востока для своей эпохи была достаточно глубока, и не надо сегодня кичливо и с пренебрежением называть ее «сухой дидактикой». Лучше сравнить ее с той самой древней глиняной лампой

-светочем знаний, который многие столетия озарял людям путь сквозь тьму и до сих пор еще светит нам из глубины тысячелетий.

И не надо спрашивать: «Почему другой человек мыслит не так, как я?» Думать иначе - это не значит думать хуже, чем ты.

«Боже, спаси рабу твою от тьмы»,- обычно просила моя бабушка перед сном.

«Боже, благодарю тебя, что даровал свет солнцу»,- говорила она по утрам, вставая с постели.

По-моему, в мире есть два источника света, два источника жизни. Первый - Солнце. Второй - знание, сконцентрированное в книгах. Без Солнца на Земле будет тьма и холод. Без книг - умственная тьма и душевный холод.

2

Некоторые говорят: «До чего же дрянная книга, до чего же скучная: читаешь - и спать хочется». А у меня наоборот. Обычно читаю на ночь, лежа в кровати, и если книга нравится, то незаметно засыпаю, вижу хорошие сны и лишь утром обнаруживаю, что, оказывается, раскрытый том лежит рядом, а то и прямо у меня на лице. Но если попалась мне на ночь книга скучная или, того хуже, лживая, то дела мои плохи. Буду ворочаться с боку на бок, злиться, раздражаться и промаюсь бессонницей до самого рассвета. И выспаться не высплюсь, и книгу не прочту.

Вот такая привычка. Она и самому мне кажется какой-то странностью, какой-то ненормальностью. И когда ночами не могу уснуть, то кляню эту ненормальную привычку и порой испытываю даже невольный страх, чувствую свою отдаленность от остальных людей, какую-то никчемную и изнурительную обособленность, вынужденное одиночество.

«Одиночество изнашивает человека»,- говорят мудрецы.

Одиночество и уединение. Как похожи внешне и как внутренне различны эти два состояния.

Нет ничего хуже одиночества. Грызешь сам себе душу, занимаешься самоедством. Вспоминаются собственные ошибки, грехи, промахи, проступки, нарочитые или сделанные ненароком. Все они, как колючей

провоолокой, опутывают мозг, сердце, встают стеной перед глазами и заслоняют собою все. Худшие мысли приходят в одиночестве. Лучшие - в уединении.

Не знаю ничего приятнее, как предаваться размышлениям, оставшись один на один с самим собой, лежа на кровати или на траве, а то и бродя где-нибудь без цели. В эти минуты кажется, что ты вмещаешь в своем уме всю вселенную и волен обо всем на свете судить как тебе вздумается, что земной шар лежит у тебя на ладони, как рука друга, и, сжимая его, ты буквально кожей чувствуешь все мозоли и ссадины. А мозолей, шрамов и царапин на нем немало. И понимаешь, что многие люди это видят и знают, но не все способны помочь. Есть и такие, кто, стремясь залечить старые раны, наносит новые. Есть, к сожалению, люди, что наплевательски относятся к страданиям мира.

Сохрани нас бог от таких!

* * *

Мысли, приходящие к человеку в часы уединений, бывают порой чрезвычайно сильны и зачастую влияют не только на его судьбу, но и на судьбы других людей.

В уединении созданы гениальные творения и великие открытия. В уединении написаны самые лучшие, самые мудрые книги, все великое рождается в тайне, само это рождение - тайна, и она не терпит подсматривания и подслушивания.

Но, к сожалению, приходится признать, что войны, приведшие к невосполнимым разрушениям и невероятным страданиям, преступления, потрясшие человечество, - тоже не плод коллективных раздумий. Они тоже замышлялись скрытно.

Истории памятны - как еще памятны!- случаи, когда осуществлялись личные замыслы жестоких эгоистов, обладающих властью. Двурогий Искандер Зулкарнайн⁸[8], Хромой Тимур, Хан Чингиз, Гитлер - сколько шрамов оставили они на теле земли и в людской памяти, сколько оставили ран, до нынешнего дня еще кровоточащих.

⁸[8] Александр Македонский.

Нет, мысли, желания и устремления отдельного человека - это вовсе не его личное дело, они должны волновать и беспокоить всех людей, к ним нельзя относиться равнодушно.

Моя мать говорила: «Если у тебя в голове блеснула мысль, не спеши сразу гнаться за ней. Сверкнуть может и рыбешка-малек, вынырнувшая из воды. Сверкнет и звездочка, на мгновение выглянувшая из-за туч. И не просто разобраться в том, что это - малек, которого и ловить-то не стоит, или звезда, к которой можно всю жизнь душой стремиться».

И еще: «Если нужная мысль приходит в нужный час, то она как лекарство, излечивающее от болезни. А если мысль приходит позже, с опозданием, то она как отравя. Знай: одним и тем же снадобьем можно исцелить больного и отравить выздоравливающего».

Ведь слышал я эти слова от матери, слышал давно. И сколько же я потерял в жизни оттого, что справедливость их понял только через многие годы.

Да разве я один? Сколько прекрасных мыслей скисло в головах людей, превратилось в простоквашу, и сколько ненужных мыслей вскипало, пучилось и бродило в людских умах, пьяня их, как дурная брага, пьяня годами и десятилетиями.

Из рассказов аксакалов. Когда сундук души поэта Бердаха доверху заполнился страданиями, болью и тоской, он понял, что не должен оставаться рядом с людьми, чтобы горечью своих чувств и мыслей не отравить души друзей и родных. Поняв это, поэт Бердах отправился на берег, туда, где река Аму впадает в Арал. И, глядя, как белые пенящиеся волны Арала сливаются с мутными быстрыми волнами Аму, он говорил:

- Эй, бескрайнее, величественное голубое море! Эй, стремительная мутная река! Ответьте мне! Я никак не могу понять неразумность этого мира. Когда я хочу угодить людям и поступаю так, чтобы доставить им удовольствие, они сердятся на меня и все мои поступки толкуют наоборот. Когда я нарочно поступаю «наоборот» в надежде, что теперь-то они, по своей привычке, все перетолкуют и в итоге поймут меня верно, то оказывается еще хуже. Если я ошибусь, оступлюсь, сделаю что-то не так, им кажется, что в этой ошибке и проявилась моя природная глупость. Если же все делаю правильно и хорошо, то они считают, что это вышло случайно, по ошибке. Я - поэт и должен постигать все тайны подлунного мира. Но я же - человек, а человек не

знает и всех тайн собственной души. Я чист перед собой, и если кому-то кажусь грязным, то, значит, грязь застряла у него в глазу. Пусть чужие языки несут ложь в доверчивые души, но мой язык будет произносить только честные слова, мой голос будет петь только честные песни. Но все же грустно оттого, что не постигаю странность мира, в котором сам живу. Что делать? Может, и наступят времена, когда все поймут друг друга. Я пойму их, они меня...

У Бердаха нет стихов с такими мыслями о себе. Это народ додумал за Бердаха, но, мне кажется, додумал правильно. Поэт сумел заглянуть в душу народа, и потому народ, в свою очередь, сумел заглянуть в душу поэта. В свое время Бердах подобные мысли не мог высказать вслух.

Наше время - совсем другое. Знаменитый скульптор Коненков получил Ленинскую премию за автопортрет. Значит, мы признали, что рассказ человека о самом себе - это деяние государственной значимости, приносящее общенародную пользу, это еще одна победа в тысячелетней борьбе, борьбе за понимание человека человеком.

Взявшись писать этот роман, я поставил перед собой задачу: поразмышлять долго, тщательно и честно о самом себе, чтобы через себя понять свой народ. Но почему-то все время стесняюсь делать это, постоянно сдерживаю, одергиваю себя, постоянно ощущаю какую-то неловкость. Откуда она? Что это: мое личное свойство или же оно, это свойство, в характере моего народа? Не оно ли делало нерешительным и самого Бердаха? Не из-за этой ли стеснительности, робости вольная речь поэта вмиг становилась косноязычной, как только начинал он говорить о себе? А может, я просто боюсь поведать людям о собственных ошибках и недостатках?

Впрочем, вероятно, это вовсе и не робость, не застенчивость, а простое стремление скрыть от других, и в первую очередь от себя, что собственную жизнь, собственную душу, собственный нрав я знаю хуже, чем другие. Со стороны, как известно, виднее. И с этим приходится считаться, поскольку нет ничего хорошего в ошибочном повествовании о самом себе.

И все же каждому, и мне, разумеется, тоже, необходимо время от времени излить душу, выпустить на волю накопившиеся мысли, ибо если душа и ум скованы, то человек даже на степном просторе чувствует себя как в темнице.

Моя мать говорила: «Умные люди за ошибки винят себя, глупцы - весь свет».

И еще: «Разум как лампа. Он из темноты поможет выйти. А глупость - та же слепота, с ней и при солнечном свете в тьму угодишь, в пустыне захлебнешься, в море засохнешь».

Предание, которое поведал мой дедушка. «Однажды в далекие-предалекие времена шах Турана позвал к себе гонцов и повелел им:

- Скажите по всей стране и оповестите города и аулы о том, что слышал я божий глас. И голос Аллаха сказал мне: «Каждый, кто решится обратиться с просьбой к богу, должен обращаться к тебе - шаху туранскому. Ты доведешь его просьбу до ушей моих, но сделаешь это не прежде, чем проситель лишится одной своей ноги». Таково веление божье, и никто не может послушаться его.

Гонцы оповестили народ, и сразу поубавилось в государстве Туранском жалобщиков и просителей. Не нашлось смельчака, который решился бы пожертвовать своей ногой для удовлетворения желаний своей души. Но вот вдруг приходит к шаху человек и говорит, что у него есть просьба к богу. По условиям тому человеку отрубают ногу, после чего он предстает перед лицом шаха и говорит:

- Великий правитель! Перво-наперво, поблагодарите всевышнего за то, что он сотворил для людей рай. А во-вторых, попросите его, чтобы он навсегда уничтожил ад.

Шах удивился, но просьбу обещал довести до божьего слуха.

Человек возвращался искалеченный, но радостный. Он распевал песни и даже пританцовывал на костылях, притопывая единственной ногой. «Я совершил доброе дело,- думал он,- и отныне все люди во все века будут благодарить меня. Остаток дней моих я проживу в почете и любви, окруженный вниманием». Он бы и дальше размышлял о том же, да только вдруг напали на него голодранцы, которые, увидев калеку, смекнули, что без труда смогут справиться с ним. Его избили и обобрали, унесли одежду и шапку.

Обиженный, разгневанный, оскорбленный в лучших чувствах человек вернулся к шаху и сказал: - Рубите вторую ногу!

- Зачем?- изумился шах.- О чем еще ты хочешь просить Аллаха?

- Я с радостью отдам вторую ногу, лишь бы всевышний никогда не уничтожил ад.

- Хорошо,- заверил шах,- я доведу твои слова до божьего слуха, а еще возблагодарю всесильного и всеблагого за то, что он, мудрый и

прозорливый, дал человеку лишь две ноги, а не четыре, как всем остальным тварям божьим.

А еще, увидев, что несчастный избит и раздет, шах повелел дать ему кое-какую одежонку и черную шапку.

И не будет ничего удивительного в том, если мы окажемся потомками того черношапочника».

Так закончил рассказ дедушка. А я подумал, что и впрямь тут не будет ничего удивительного, ведь...

...Моя мать говорила: «Лучше уж быть обиженным, чем обидчиком; лучше уж самому страдать, чем мучить другого».

А отец добавлял: «Кто обжег себе губы горячим молоком, тот и холодной воды не попьет, пока на нее не подует».

* * *

Не ведать за собой грехов, не считать своих ошибок - вряд ли это свойство, достойное человека. Я ошибался часто... Да что тут говорить, порой мне кажется, что любая из моих книг - это большая ошибка. Вот кажется - и все тут.

Дедушка говорил: «Внук мой, за недоразумениями последует и разумение».

Бабушка утешала: «Только один бог безгрешен».

Я успокаивался, приободрялся.

Моя мать остерегала: «В дружбе доверяться человеку, который часто ошибается,- это все одно что в пути доверяться коню, который часто спотыкается».

Услышав это, я собирался внутренне и клялся самому себе, что впредь ни разу не оступлюсь.

Отец говорил: «От просчетов не уберешься. Лишь бы остался цел и здоров, лишь бы не поломал себе шею, спотыкаясь, тогда все будет в порядке, тогда сумеешь прокормить себя».

Я, слыша такие слова, переставал сдерживать себя, распускался, становился беспечным, но...

...Мать возражала: «Не каждого, кто способен прокормить себя, можно считать человеком».

Я задумывался.

Но все равно ошибался, ошибался, ошибался...

Строить собственную судьбу - не простое дело. Знал я людей, чья судьба напоминает дом, возведенный без фундамента. Знал и таких, кто до старости все укреплял и углублял фундамент, а до стен и кровли так и не дошло. Такая жизнь как переход из детства в детство - всё учатся, учатся, а опыта так и не набрались. Она как плодородное дерево, что зацветает каждой весной, а по осени глянешь - ни единого плода. Да, не простое и, как выясняется, не всем доступное это занятие - прожить жизнь между детством и старостью.

Известно, конечно, что необходимо говорить правду, и только правду, какой бы суровой она ни была. Но суровость и жестокость - разные понятия. Надо ли обращаться, например, к инвалиду: «Эй, хромой»? Помню, в детстве у нас в ауле был больной старик со слезящимися глазами, а мы, по до сих пор необъяснимой ребячьей жестокости, постоянно дразнили его: «Слепой дед, слепой дед!» Довели старика до того, что он вынужден был перекочевать в другой аул.

Умного можно обозвать «дураком»-он лишь рассмеется. Но если дурню будешь объяснять, что он глуп, то пеняй на себя, а заодно прикинь: от большого ли ума ты с ним связался?

Ошибиться - что споткнуться. Можно самому больно удариться, можно ненароком задеть кого-то. Тогда уместно извиниться. Но прятать ошибку что скрывать гвоздь в ботинке - тут и шагу не шагнешь. Иногда спрятанные грехи могут, как гвоздь, колоть даже в гробу.

Рассказ коше-бия. Один из самых жестоких ханов Хорезма хан Аллакул постоянно творил издевательства над безвинными людьми.

Он многим доставил страдания пытками и притеснениями, а других избивал до самой смерти. Однако по прошествии определенного количества времени сам жестокий хан ощутил приближение лица смерти, а с ним и острое недомогание в виде тяжелой болезни.

Поняв, что часы его сочтены, он призвал к себе своих подданных, дабы после собственной кончины избежать компрометирующих слухов и порочащих его воспоминаний. Он обратился к подданным с просьбой:

«Простите мне все мои злодеяния и произведите мои похороны путем погребения в ханской усыпальнице».

Но просьба его не только не возымела действия, но более того - привела к обратному результату. Его похоронили не в ханской усыпальнице, а под тропой, ведущей к кладбищу, при этом был издан специальный указ, согласно которому всякий, проходя по могиле ненавистного Аллакула, должен трижды плюнуть и трижды топнуть ногой.

Надо сказать, что это не домысел коше-бия. До сих пор в Хиве экскурсанты по просьбе экскурсоводов оплевывают и притаптывают могилу Аллакула.

Бабушка говорила: «Внук мой, дай бог тебе жить в счастливое время, но не дай тебе бог забыть, что у всякой жизни есть конец».

Моя мать говорила: «Сере, берясь за дело, хорошенько подумай. Но не о том, много ли пользы оно тебе принесет, а о том, не принесет ли оно вреда другим».

4

В детстве, когда я оказывал какие-то услуги старикам, они обычно благодарили меня такими словами: «Да не погаснут лучи твоей жизни, сынок». Долго не мог понять, чего они мне желают. Бессмертия? Так ведь оно все равно невозможно - это я уже тогда понимал. Желают в жизни только радости и света? Хорошо. Но для чего-то ведь существуют в мире ночь и тьма.

«Темнота - это здорово!»- рассуждали мы, ребятня, собираясь воровать дыни на соседних огородах.

«Прекрасная ночь»,- вздыхали девушки, которым я мальчишкой таскал любовные записки.

Лишь спустя годы я понял смысл стариковского пожелания. Оно означает: пусть жизнь твоя всегда будет светочем для кого-то. Или, попросту говоря, пусть всегда отыщется хоть один человек, нуждающийся в твоей помощи, в твоих советах, в твоём мнении.

И действительно, самое лучшее, что могу сказать о дорогих мне людях, что жизнь каждого из них светит мне как звезда, и, встретившись с новым человеком, поняв и приняв его, я чувствую, что открыл для себя новую звезду.

* * *

Если люди как звезды, то телефон как телескоп: он помогает приблизить человека к человеку. Поэтому я очень обрадовался в свое время, когда узнал, что в нашей квартире будет телефон. Однако радость оказалась недолгой.

Телефон звенел. Я вздрагивал, подбегал и срывал трубку.

- Это кто? - спрашивала трубка.

- Это я, - отвечаю ей честно.

- Чей это дом? - продолжает допрашивать голос из трубки.

- Мой дом, - опять отвечаю то, что есть на самом деле.

- Дурак! - Трубка негодует, и тут же слышатся гудки отбоя.

Через некоторое время опять звонок, и вновь без всяких предисловий слышится требовательный вопрос:

- Ты кто?

- Я Каипбергенов.

- Какой такой Каипбергенов?

Я думаю, что ему нужен какой-то особый Каипбергенов, и потому, видимо, разочаровываю его, сообщая: Тулепберген Каипбергенов.

Трубка хмыкает в ответ, и снова отбой.

Скоро я уже малость пообвык, и теперь, если звучал вопрос: «Ты кто?» - я, не теряя времени, тут же докладывал четко и по-военному:

- Я Каипбергенов. Писатель. Вновь не подходило.

- Каипбергенов. Коммунист. Опять чем-то не устраивало.

- Каипбергенов. Каракалпак.

- Дурак, - хамила трубка.

Я сообщал свое имя, фамилию, отчество, сообщал свой пол, свою профессиональную и партийную принадлежность, говорил, наконец, что я - человек, но ничем не мог удовлетворить сердитый голос в трубке.

Со временем эти звонки прекратились, зато сам я все чаще стал задумываться над вопросом: кто я?

На работе приходится часто спорить не только с подчиненными, но и с начальством, и в обоих случаях я стараюсь высказывать свое мнение прямо в лицо. Как-то одному крупному работнику местного масштаба я заявил, что считаю его действия ошибочными. Он же отозвал меня в

сторону и страшным шепотом спросил: «Ты кто такой есть, чтобы меня критиковать?»

В другой раз - грешен человек - решил малость подольститься к начальству и высказать в его адрес несколько хвалебных слов. Но начальство сперва самодовольно ухмыльнулось, но не преминуло тут же и одернуть, поставить на место: «Ты кто такой, чтобы меня хвалить?»

Как-то один мой приятель заманил меня в гости к своим знакомым. Я этих знакомых моего приятеля прежде не знал. И они меня тоже... И вот вижу: хозяин дома, указав на меня подбородком, тихо так спрашивает: «Он кто?» А приятель тоже так тихо отвечает: «Писатель». «Ой-бой!- изумился хозяин и от изумления не смог приглушить голоса, а потому и произнес достаточно громко: - А я-то думал, что он нормальный человек!»

Чтобы в следующий раз не попадать впросак, я решил сесть и на досуге обстоятельно помозговать, вспомнить свою жизнь и, наконец, хотя бы самому себе объяснить, кто я есть.

Мой дедушка говаривал: «Сколько раз перешагиваю порог дома, выходя в мир, столько раз заботы своего дома присоединяю к заботам мира. Сколько раз возвращаюсь обратно, столько раз заботы мира присоединяю к заботам моего дома».

Кем же в таком случае был мой дедушка?

Из рассказов аксакалов. Великий и могучий царь Сулейман^{9[9]}, считавший себя властелином мира, однажды объявил по всему свету: «Всяк народ, что придет под руку мою и послушен будет повелениям моим, станет счастливым и в этой жизни и в жизни будущей».

И начали со всех краев стекаться народы под сень трона его. Среди прочих пришли к царю люди в черных шапках. Они были послушнее и исполнительнее других, и Сулейман часто хвалил их, говоря: «Вы, черношапочники,- лучшие друзья мои». И поручал им служить труднейшую службу в царстве своем и делать самую черную работу. А те, воодушевленные похвалой из уст царя, трудились терпеливо денно и ночью, не щадя сил своих и здоровья. Не роптали на голод, когда не хватало еды, на холод и жару, не сетовали в стужу и в зной. Другие

^{9[9]} Библейский царь Соломон.

люди, жившие под властью Сулеймана, время от времени являлись к царю со словами возмущения или с просьбой и грозили, что если обойдет он их милостью своей, то будут они жаловаться богу. И старался царь облегчать им участь: просивших хлеба - насыщал, просивших богатства - одаривал, кто хотел знаний - того учил, кто славы жаждал - того возвеличивал. А черношапочники не просили ничего и ничем не грозили, а посему хоть и называл он их «друзьями», но числил просто слугами.

Но вот однажды предводитель черношапочников предстал перед царем и молвил:

- Дай нам свободу.

- Да кто вы такие,- возмутился Сулейман,- чтобы свободу требовать?!

Не нашлись люди что ему ответить. И стали по одному, по двое, где семьями, где кучками убегать от Сулеймана и селиться в устье реки Аму на берегу Арала-моря. Начали строить камышовые хижины, ловить рыбу, пасти скот и растить джугару.

Как ответственвал бы царь народу, который, представ пред лицом его, спросил прямо: «А ты кто такой, чтоб лишать нас свободы?» Наверное, Сулейман ответил бы что-нибудь, не зря же его считали мудрым.

Но для того чтоб спросить так, люди должны были сами ответить на вопрос: «Кто мы такие?»

* * *

Если ты никогда не спрашивал себя: «Кто я такой?»- то вряд ли сумеешь по достоинству оценить ответ другого. Ведь если сам себя не понимаешь, не осознаешь, то всех прочих - и подавно.

«Бездумность - мать глупости», как говорят старики.

Человек начинает осознавать себя с первых же минут после рождения и должен заниматься этим всю жизнь. Иначе неминуемы ошибки и проступки. Без конца учиться на ошибках - тоже, по-моему, не признак мудрости, а уж оправдывать свои грехи - и вовсе безнравственно.

И все же безгрешных нет. Нет! Нужно, конечно, обдумывать каждый свой шаг, но в то же время постоянно осторожничать - тоже едва ли

верно. Иначе станешь походить на несчастного слепца, который непрерывно ощупывает посохом землю - куда бы ступить, чтоб не упасть. Так мы далеко не уйдем.

Единственное решение, думаю, таково: чтобы не сбиться с дороги, надо сперва отыскать путь своего народа и уж потом на этом пути найти свою колею.

На вопрос: «Кто я?»- проще всего ответить: «Я - человек». Проще-то проще, но вот чтоб доказать истинность такого ответа, потребуется вся жизнь.

* * *

Кажется, нет ничего проще, чем рассказать о самом себе. ан нет. Трудно это, ой как трудно, и поведать о своем народе, частичкой которого ты являешься, тоже, казалось бы, просто, однако на поверку оказывается, что труднее дело вряд ли сыщешь.

Простым и легким все это представляется лишь поначалу, попервости, потому что уж кого-кого, а себя-то вроде бы знаешь аж до печенки; и сколько раз сетовал, что никто в мире не понимает тебя как следует! А как следует?..

Трудно человеку рассказать о себе, поскольку никогда не сможет он вывернуть всю подноготную: то начнет что-то утаивать, считая неудобным выставлять напоказ свое нутро, то, наоборот, впадет в грех самобичевания и такого о себе понаговорит, что... Да к тому же, призадумавшись, понимаешь, что самооценка - отнюдь не объективнейшая из оценок. Словом, трудно, очень трудно! А написать о своем народе - еще трудней.

Вот и теперь стараюсь искренне ответить на вопросы: «Кто я?», «Кто мы?»- но, признаться, затрудняюсь, не знаю, с чего начать.

Говорят, будто Бальзак, рассказывая о себе, снимал шляпу в знак уважения к великому человеку, то есть к себе. Конечно, с одной стороны, это шутка, но с другой - в каждой шутке кроется истина.

Мировая история - это ведь история человека, и когда мы говорим, что в мире множество сложнейших проблем, это значит, что проблемами переполнена жизнь человека, и когда надеемся, что будущее станет светлым и прекрасным, значит, надеемся, что в далекие грядущие годы человеческая жизнь станет светлой и прекрасной.

Каждый человек - это живой памятник всему лучшему, что было на этом свете в прошлом; каждая человеческая могила - памятник непоправимой ошибке прошлого.

Прежде чем вспомнить о своих достоинствах, о своих заслугах перед людьми, не худо подумать, что и сам ты многим обязан другим людям, не худо понять, что все люди являются опорой друг для друга.

Моя мать говорила: «Живи так, Сере, чтобы честно мог сказать: «Я всегда был поддержкой для своих друзей».

Отец сетовал: «Эх, сынок, сколько в мире трухлявых подпорок... А если крепкая подпорка да трухлявую стену держит, так это и того хуже».

Дедушка поучал: «Надежнее всего, Тулек, во всем опираться на свой народ».

Народ каракалпаков малочислен. Он поредел в бесконечных кочевьях и беспрестанных боях с недругами, гнавшими его с обжитых земель. Он похож на косяк рыб, загнанных штормом в отдаленный залив Аральского моря. Малочислен народ, но многочисленны и разнообразны его обычаи, которые сохранил он и пронес через века и пространства, велика и отзывчива его душа, которая не очерствела от бед и тягот. И вправе он гордиться тем, что всегда был поддержкой не только своим детям, но своим искренним друзьям.

* * *

Дети наследуют черты и свойства родителей. Это естественно. Точно так же во внешности и нраве каждого человека есть признаки, унаследованные им от своего народа. Однако все эти черты, свойства и признаки не с неба сваливаются. Они воспитываются, взращиваются в самих людях. Если справедливо утверждение, что в характере отдельного человека отражается характер нации, то верно и другое: сам национальный характер складывается из характеров людей, составляющих данный народ.

Народы различаются меж собой. И своеобразие каждого из них лучше поймем, если будем рассматривать их не изолированно, а в сопоставлении друг с другом. И не лучше ли такое сопоставление начинать с самого начала: с рождения младенца, с колыбели. Думаю, кое-что можно понять, заглянув в люльку новорожденного.

Моя мать, помнится, укладывая в люльку моих младших братьев и сестер, всегда совала им под подушку кусок хлеба или книгу, а то и нож. Несомненно, те же вещи в свое время были и у меня в изголовье. По поверьям и обычаям, если рядом с человеком хлеб, ему нечего бояться, если книга - то к нему не посмеет приблизиться нечистая сила, а если нож - то пусть лучше другие его страшатся.

Мать говорила: «Под подушку ребенку нельзя класть золотые вещи. Ни в коем случае. Все зло в золоте».

Приметы, они и есть приметы. Но мне, признаюсь, никак не по душе обычай класть к изголовью нож, кинжал. И в скольких бы мифах, преданиях, в скольких бы стихотворениях, пусть даже великих поэтов, он ни воспевался, все равно это - оружие, а чаще - орудие подлого убийства. Глядя на кинжалы, почему-то всегда представляю, как лезвие входит в тело... Б-р-р-р... Аж озноб по коже.

Моя мать поучала:

«Хвалиться оружием - недостойно храбреца, это дело труса».

«Нож в дружбе не помощник, он способствует лишь вражде».

«Если твой спутник держит нож за поясом, тебе придется держать язык за зубами».

Из рассказов аксакалов. Однажды хорезмский хан, пресытившись скукой, решил потешить свой взор созерцанием состязания в стрельбе. Его придворные, всегда готовые исполнить любую волю хана, за три дня собрали в Хиве всех знаменитых стрелков Великого Востока. Собрали они и всех известных людей. Меж судей был и поэт Бердах.

Стрелок, прибывший с родины Бердаха, стал похваляться пред всеми, что единым выстрелом собьет не одного гуся, а весь косяк гусиный.

Услышал те слова хан хорезмский и удивился. Заметил хан гусей вереницу, показавшуюся над стенами Хивы, и повелел: - Стреляй.

Долго целился охотник. Наконец грянул выстрел. Не сразу низверглись птицы. Сперва смешались, сбились в кучу, затрепыхались, заметались в воздухе, а потом по одной рухнули наземь.

- Эй, Бердах,- радостно крикнул хан,- гордись своим земляком! Я вознамерился взять его к себе во дворец. Скажи, поэт, какой награды он достоин?

Бердах приблизился к стрелку и спросил:

- Как удалось тебе сразить единым выстрелом сразу столько гусей?

И ответил ему стрелок:

- Не простой заряд вложил я в ствол своего ружья. Не дробь это и не пуля. В моем патроне злые осы. Когда я выстрелил, они набросились на птиц и стали их жалить нещадно. Жалили в глаза, в голову, в сердце. Изнемогли от боли гуси и пали вниз.

Так хвалился стрелок.

И тогда поэт, ни разу не склонивший головы перед ханом, вдруг опустился на колени:

- Всемогущий хан, пусть наградой моему земляку-охотнику будет смерть.

- Как?- изумился хан.- Разве не достойна похвалы изобретательность этого человека?

- Нет,- твердо ответил Бердах.- Такие изобретения не сегодня, так завтра накличат страшные беды на головы всех людей и на твою голову тоже, всемогущий хан.

- Это ты так считаешь?- вопрошает хан.

- Нет,- говорит Бердах.- Разве ты не знаешь, что устами поэта народ возвещает свое мнение?

И тогда хан, ни разу до того не прислушивавшийся к советам поэта, повернулся к свите и повелел:

- Схватить стрелка, выколоть ему глаза, а после предать смерти.

Моя мать учила:

«Не жалей, что сегодня пришлось разок всплакнуть, если знаешь, что завтра всех порадуешь».

«Что значит бессонная ночь для меня, если знаю, что дети мои будут спать спокойно».

«Жить с людьми мирно, по-соседски - это и есть счастье. А за счастье и жизнь отдать не жалко».

Дедушка советовал:

«Коли человек забудет, что человек он, то сразу превратится в червя, грызущего ствол древа жизни. Своего насыщения ради всю жизнь готов превратить в труху».

«Придя на той, не лезь на почетное место, пока не пригласят, но и свое место не уступай кому попало».

«Мудрый сын стремится к тому, чтобы место на тое, доставшееся ему от отца, продвинуть к центру дастархана, а глупца и с почетного места отцовского подвинут к дверям».

По лучшим сыновьям народа весь свет судит о месте этого народа.

5

Приступая к работе над романом, я намеревался поведать о самом себе и через себя, через своих друзей и близких - о своем народе. Но вот до сих пор все опасаясь, как бы не ошибиться, как бы, выставляя напоказ собственные свойства характера, порой и не лучшие, ненароком не оговорить свой народ. Я то стесняюсь, смущаюсь, мучаюсь сомнениями, то забираюсь в общие рассуждения, в теоретизирование, в философские выси.

«Ветка с плодами тянется не вверх, а вниз»,- гласит народная мудрость.

Мой дедушка говорил: «Не было еще в этом мире человека, который не хотел бы оставить память по себе, оставить свой след».

А коше-бий добавлял: «Стеснительность - глупость умных».

Чего уж скромничать, я тоже хочу, чтобы эта книга оставила след в умах и душах людей, этой книгой хочу я утвердить свое имя и - смею надеяться - имя своего народа.

Вообще-то каждый человек оставляет след, хочет он того или не хочет. Вопрос только в том, как современники и потомки расценят его шаги.

Коше-бий рассказывал: Однажды люди маленького аула в низовьях реки Аму начали вдруг высказывать сомнения и недоумения по поводу того, что есть ли, мол, вокруг другие люди и аулы, существуют ли иные населенные пункты за степью или за рекой.

И вот из их среды выступил вперед местный житель по имени Есемурат и говорит:

- Предоставьте это дело мне, я установлю все это с доподлинностью.

Получив соответствующее согласие соплеменников, он тут же садится в лодку, переправляется на противоположный берег и с большой радостью наблюдает на противоположном берегу наличие другого аула, который очень похож на его собственный.

С целью побеседовать с одним из жителей новооткрытого населенного пункта Есемурат направляется в первый же близлежащий

дом. Его встречает хозяин, некий человек по имени Генджемурат. Он со вниманием выслушивает сообщение пришельца, а после созывает соседей.

- Дорогие аульчане,- говорит Генджемурат,- я поймал шпиона с того берега.

С этими словами он выхватывает нож и совершает злодейское убийство бедного Есемурата.

- Этот человек, прибывший к нам со стороны Красных песков¹⁰[10], мог вернуться обратно и сообщить своим соплеменникам о том, как хорош наш аул. И тогда жители проклятых Красных песков наверняка захотели бы выгнать нас отсюда, чтобы самим заселить наши благословенные Черные пески¹¹[11]. Убив его, я спас наш край.

- Хвала тебе! Ты - наш спаситель!- закричали его земляки и порешили коллективно установить своему избавителю памятник из местной глины.

А через год или чуть больший промежуток времени земляки Есемурата узнали о подробностях обстоятельства его гибели и тоже установили своему аульчанину памятник из местной глины как великому первооткрывателю географических территорий.

Из исторических источников. В 1521 году экспедиция Магеллана подошла к Филиппинскому архипелагу. Когда мореплаватели высадились на острове Мактан, аборигены-островитяне под предводительством вождя Лапулану напали на пришельцев и убили Магеллана. На острове Мактан вождь Лапулану до сих пор считается национальным героем, первым борцом за независимость.

На своей родине Магеллан тоже считается национальным героем - первооткрывателем Филиппинского архипелага.

Нет неведомых земель, нет неведомых народов - есть люди, не ведающие друг о друге. Узнавание людьми людей и есть истинные открытия, узнавание человека человеком - открытие не меньшей значимости, не зря же мудрецы аксакалы не уставали повторять, что «любой человек - по-своему народ».

¹⁰[10] Пустыня Кызылкумы.

¹¹[11] Пустыня Каракумы.

Мой дедушка говорил: «Что проку весь день терзаться: «Кто я такой?», «Кто я есть?» Лучше один раз вечером спроси себя: «Кем я был сегодня?»»

«Не каждый день удается сделать добро, не каждый день можно не делать обиды, насилия, притеснения».

«Народ ведь из людей состоит, каждый - кровинка народная. Навредил человеку - уколол целый народ - одну каплю его крови зазря пролил».

* * *

Каждый человек озирается на свой путь и видит, что следы его то прямые и твердые, то вихляют и путаются. Перечитывая книгу жизни, видишь, что есть в ней слова, написанные отчетливо и прямо, а есть и корявые, неразборчивые, есть ясные буквы, а есть и неряшливые.

Каждый период в жизни - как ступенька лестницы. На какой ступени стоял крепко, на какой - качался, а с какой - чуть не свалился. Об этом в первую очередь каждый должен сказать сам себе, и лукавить тут нельзя, иначе на следующем шагу непременно споткнешься.

Людам свойственна забывчивость. Наевшись досыта, человек забывает о голоде и, напротив, проголодавшись, утверждает, что век не ел. Легко понять беззаботную недалёковидность юнца, считающего, что молодость его вечна, но есть ведь и старики - их-то уже никак не поймешь, - считающие, что старость их тоже длится вечно.

Из рассказов аксакалов. В давние времена в нашем ханстве жил известный борец, который славился силою непомерной. Хан к нему всячески благоволил, но непрестанно предупреждал своего богатыря, говоря такие слова:

- Сильный должен быть одиноким. Если ты женишься, то жена и семейные тяготы отберут половину силы твоей.

Хан хотел, чтобы борец продолжал побеждать в схватках и тем самым возвеличивал и повсеместно утверждал славу ханства.

Палван же тот был непоколебим в поединках, но перед лестью не стоек. И, поддавшись наущению ханскому, дал клятву, что никогда ни с одной женщиной не свяжет себя узами брака. Если же кто из друзей и

родни порой, желая ему добра, и уговаривал его нарушить клятву, хану данную, то того человека силач гнал от себя прочь.

Однажды приходит к нему один из друзей его детства и так говорит ему:

- Хорошо, не желаешь ты внять нашим советам, тогда прими же мой вызов тебе. Знай, что если останешься ты бездетен, то через двадцать пять лет я померяюсь с тобой силой и одолею тебя.

Борец отвечает ему:

- Ладно, ты сам того просишь. Через двадцать пять лет я разломаю тебе кости твои и разбросаю их по земле. Если не смогу сделать этого, то клянусь, что сам себя ослеплю.

Есть ли в подлунном мире что-нибудь скоротечней человеческой жизни? Люди, казалось бы, и глазом моргнуть не успели, как пронеслись двадцать пять лет.

И вот в установленный день хан приглашает к себе двух друзей и велит созывать народ - схватку смотреть. Первым в круг выходит палван. Шаг его самоуверен, вид его грозен. Несмотря на годы, он все еще статен, только волосы и борода побелели. Ходит он меж людей и по привычке поглаживает ладонями руки свои до локтя, к бою готовится.

Навстречу ему выходит друг его. Узкогруд и согбен он. Волосы поредели, плечи опустились, ноги подгибаются на ходу. Но подле него три дюжих молодца, один другого крепче.

Увидев дряхлость противника своего, захохотал палван:

Ты зачем привел этих джигитов? Чтобы они собирали твои кости?

- Нет,- отвечает бывший друг его.- Прежде чем схватиться со мной, ты поборешься с этими молодцами.

Удивился палван. Обозлился палван.

- Не было такого уговора,- сказал он и протянул мощную руку свою, чтобы схватить за ворот дерзкого и слабосильного врага своего, но один из джигитов поймал его руку и крепко сжал ее.

- Отпусти!- требует палван громким голосом.

- Почему это он должен отпустить тебя?- перечит ему узкогрудый старец.- Ты сохранял двадцать пять лет силу свою в теле своем. Я же свою силу вложил в них - в семерых сыновей моих. Трое пришли сюда. Четверо дома остались. Если сможешь ты одолеть их, считай, что одолел и меня. Но не прежде.

Люди, пришедшие поглядеть на схватку, тут же закричали старцу:

- Ты победил! Рахмет!^{12[12]} Слава тебе!

- Эх, жизнь моя пропащая!- закричал в отчаянии борец и со всего размаха стукнул себя кулаком по лбу, да так, что глаза его вылетели из глазниц. Только на это сил у него и достало...

Каких только случаев не бывает в жизни! Каких только раскаяний и сожалений нет в ней!..

Порой иная судьба кажется просто сказочной. Послушаешь про другую - думаешь: хвастовство, и только. Много в мире странного, даже невероятного, а призадуматься и поймешь - это жизнь. А с кого брать пример и как тому примеру следовать - каждый должен решить сам.

Легенда, которую поведал коше-бий. Однажды хивинский хан вызывает к себе поэта Бердаха и делает ему нижеследующее заявление:

- Многое в мире у тебя вызывает чувство сатирического смеха, так скажи, что в моем поведении достойно осмеяния?

- Когда, обманывая других, вы обманываетесь сами, полагая, что другие обмана вашего и не замечают. Такая обманчивость обманщика мне смешна.

Вместо признания правильности ответа хан покрывается потом и продолжает спрашивать:

- Каких людей, поэт Бердах, ты считаешь своими врагами?

Тех, кто, сев на голову народу, говорит, что он во главе народа,- дает поэт правильный ответ.

- А каких врагов ты не боишься? - продолжает хан проводить опрос поэта.

- Я не боюсь врага, который умнее меня. Умный враг не станет меня беспокоить, пока не поймет, что сможет проявить свое превосходство.

Хан долго пребывает в состоянии размышления, а потом говорит следующую хитрость: Ты угодил мне. Я награжу тебя.

И велит, чтобы принесли дорогостоящий халат с наличием золота по кайме подола.

- Стоящая награда?- спрашивает хан.

^{12[12]} Снасибо.

- Стоящая,- отвечает поэт Бердах, сопровождая свой ответ улыбкой.- Всем известно, что в ханском дворце одних ошипывают до перышка, чтобы из тех перьев другим сделать крылья.

- Не смей дерзить великому хану!- обрывает его визирь довольно грубо.- Знай же, что одна умная голова бережет тысячу глупых.

- Верно,- подхватывает это образнее сравнение поэт Бердах.- Но мы знаем и убедительные примеры того, как одна глупая голова губит тысячу мудрых.

Визирь приходит в разгневанное состояние от подобного недвусмысленного намека и требует доказательства справедливости этих слов:

- Объясни, что ты имел в виду под этим художественным сопоставлением?

- Вода и так прозрачна,- говорит Бердах.- Глупо из нее пыль выбивать. Только замутишь.

Тут в суть разговора неуместно вмешивается сам хан и говорит угрожая:

- Только дураки кидают камни ввысь, они не догадываются, что этот камень может упасть на голову.

Но поэт аргументированно отвечает:

- Смотря что считать высью. Некоторые отдельные правители взобрались на шею людям и думают, что сидят высоко, однако они и не подозревают, что людям стоит разок встряхнуться +- и некоторые отдельные правители свалятся вниз и будут уже не в области шеи, а в районе ног и даже под ногами.

Хан гневно хмурит бровь.

Палачи поднимают свой кнуты, сплетенные из бычьих жил для причинения большей боли при наказании.

Поэт без особого труда догадывается, что над его головой повисла беда. И по этой причине он обращается к хану следующим образом:

- Великий хан! Если вы не будете возражать против, то я поделюсь одним наблюдением, которое произвел. Я долго проживал по месту рождения на берегу моря, часто посещал камышовые заросли, и потому мне знакомо определенное явление: ночью в густых камышовых зарослях часто видишь некую вспышку, а может, и маленькую звездочку. При ближайшем рассмотрении звезда оказывается букашкой.

Пока хан и приближенные к нему придворные свиты смогли понять смысл этих слов, поэт успел уже покинуть дворец, удалиться на существенно безопасное расстояние.

Моя мать говорила:

«Если у кого-то нет врагов, это еще не значит, что он такой дружелюбный».

«Чтобы лучше узнать человека, стоит посмотреть не только на его друга, но и на его врага».

«Если перед другом, пришедшим в твой дом, ты не сможешь расстелить дастархан, то расстели перед ним свое сердце».

Предание, которое поведал мой дедушка. Однажды всевышний собрал все свое святое окружение и говорит:

- Кто в мире сравнится со мной щедростью своей? И вдруг слышит ответ:

- Есть один аул, люди, живущие там, щедростью превосходят вас.

Где аул этот?- в гневе спрашивает бог.

- В низовьях реки Аму,- отвечают ему.

И решил всевышний испытать великодушие и добросердечие тех людей. Три года шлет он бедствия и лишения на землю их. Насыляет болезни на людей и мор на скот их, насыляет сухость на злаки и гниль на фрукты их. Отгоняет рыбу в глубь моря и дичь в глубь степи. Три года терпят люди голод, холод и недуги. А через три года Аллах сам является к ним, перевоплотившись в нищего странника, и стучится в крайний дом:

- Примите божьего гостя.

В доме том оставалась всего горсть риса и ложка масла. Но хозяин повелел жене своей приготовить в честь гостя шауле¹³[13].

Когда еда готова, блюдо ставят на дастархан и хозяин приглашает к ужину гостя и девятерых детей своих.

- Ешьте, гость дорогой, ешьте, дети мои!- призывает великодушный хозяин. Но сам при этом понимает, что ежели дети все разом возьмут по щепотке риса, то гостю ничего не достанется. И, поняв это, хозяин словно бы ненароком сбивает локтем лампу, и в доме наступает темнота. Пока жена его идет за новой лампой, хозяин незаметно сжимает руками ладони детей своих, не позволяя им взять шауле с

¹³[13] Рисовая каша на масле.

блюда. Но при этом не перестает потчевать всех, говоря:- Ешьте, дети мои, ешьте, гость дорогой.

Смышленные дети его враз догадались о намерении отца и притворились, что едят со вкусом. А гость в темноте съел все шауле. Когда он насытился, жена хозяина зажгла другую лампу и осветила дом.

Гость взирает на лица хозяина и детей его и не замечает никакой досады или огорчения, а видит лишь радость и довольство.

Тогда бог вопрошает хозяина:

- Неужели ты полагаешь, что не сыщется человек среди сильных мира сего, который не плюнет на дастархан, откуда взял он последнюю горсть риса?

На что хозяин отвечает:

- Мудрец благодарит хозяина не за то, что горячим накормлен, а за то, что теплом встречен.

- Любого ли гостя вы принимаете так же радушно?- спрашивает Аллах.

- У нас говорят,- отвечает хозяин,- что каждый гость на год старше твоего отца, но на год моложе бога. Что означает: почитай вошедшего в твой дом больше, чем почитаешь отца своего, но и в почтении знай меру.

- Слушай, хозяин!- провозглашает всевышний.- За сердечность твою и бескорыстие хочу я тебя возблагодарить. Прими от меня вот эту черную шапку.

С этими словами вытащил он из хурджума шапку из черного каракуля.

- Рахмет,- отвечает хозяин.- Дар гостя - дар божий. Не подарок дорог, дорога признательность.

После этого всевышний застыдил своего прежнего хвастовства. Неудобно было ему смотреть в глаза этим хоть и нищим, но щедрым и бескорыстным людям, и потому не появлялся он больше в том ауле.

Предки завещали нам великий обычай гостеприимства. И до чего же бывает обидно, аж внутри все саднит, когда видишь, как этот обычай бескорыстия и благородства превращается зачастую в

подхалимство, в форму угодничества, в повод усладить начальство, ублажить его застольем.

Обычай как халат. Пока он впору - носишь. Вырос из халата - подавай новый. Но если кто-то полагает, что, надев большой халат, он сам станет больше, то ошибается. В халате не по росту он лишь путается да спотыкается.

6

Кто бы ни старался честно оценивать прожитые годы, рано или поздно непременно поймет, что все хорошее и плохое в его судьбе определяется не только обстоятельствами, не только его собственным характером, но еще и временем, в котором он жил. Мои дедушка и отец, вспоминая свое детство, часто сетовали на горести и лишения, но в конце концов обычно говорили: - Я не жалею, что мое детство было тяжелым, зато твое легче!

Теперь уже и я, сопоставляя свою судьбу с судьбой моих детей, ясно вижу разницу в жизни наших поколений. Мне в отрочестве и юности пришлось пережить войну, голод, разруху. Но разве можно сожалеть о том, что детям не пришлось узнать горести тех годин? Нет, конечно.

И я тоже, как некогда мои дедушка и отец, хочу надеяться, что трудности и печали моей жизни окажутся залогом счастья моих детей. О чем же еще, как не о счастье потомков, должен заботиться человек?

Коше-бий рассказывал: В нашем ауле имела место жительства одна вдова, у которой был единственный сын. Сын этот был грубым и недисциплинированным хулиганом. Однажды он где-то подрался до такой степени, что пришел домой с оторванным носом. Мать в тот же момент отвела сына к врачу, а врач сказал, что если сию же минуту не пришить парню новый нос, то он на всю жизнь останется инвалидом по части лица. Но сами понимаете, кто же из нормальных людей в добровольном порядке жертвует свой собственный нос, да еще такому хулигану?

И тогда мать говорит врачу:

- А не подойдет ли для этой цели мой нос? Врач отвечает:

- Конечно, очень подойдет - и по его конфигурации, и по совместимости родственных тканей. Но как же вы сами?..

- А я обойдусь как-нибудь,- отвечает она и дает свое согласие на немедленную операцию по пересадке в пользу сына.

После операции прошел определенный промежуток времени. Сын подрос и решил жениться законным браком. Но он опасался, что девушки будут брезговать его матерью из-за дефекта на ее лице. А потому предпринимает намерение избавиться от родной матери и с этой целью начинает ей всячески грубить и над ней измываться.

Мать его как-то обратилась ко мне, как к коше-бию, и чистосердечно пожаловалась:

- Я бы ушла из дома, но ведь люди могут вменить это в вину моему сыну, сказав: «Раз ты выгнал из дома родную мать, то не отдадим тебе в жены ни одну из своих дочерей».

Я задумался и долго собирался с мыслями, которые хотел подсказать ей, но она сама сделала следующее предложение:

- Если наш родной аул не будет возражать, то я хотела бы, сменив прописку, перебраться в город.

- Неужто,- говорю я ей,- ты, благородная и самоотверженная женщина, думаешь, что в городе он будет меньше издеваться над тобой?

- В городе,- отвечала она,- нас никто не знает, и там у сына будет больше возможности обрести свое счастье путем женитьбы.

Вдова продала свой дом и прочее наличное имущество и на вырученные средства приобрела для сына жилплощадь в городе, а сама устроилась недалеко от него в качестве домработницы в одной семье.

Вскорости сын вдовы женился, а по прошествии соответствующего количества времени у него родился свой сын. Молодые родители были безгранично рады появлению собственного первенца, но опыта по воспитанию подрастающего поколения у них не было. Вдова, не выпускавшая сына из поля зрения, быстро заметила это. Она перевязала лицо платком, чтобы скрыть присутствующий недостаток внешности, и постучалась к жене своего сына с предложением стать нянькой для ребенка. Молодая мать дает свое согласие. Вдова трудится старательно и с душой, а потому молодая мать, поняв это, говорит:

- Чем вам, бабушка, каждый день быть приходящей няней, не лучше ли переселиться на нашу жилплощадь?

Вдова предупреждает молодую женщину, что у нее травмированное лицо, которое может произвести неприятное впечатление на ее мужа. Но молодая хозяйка заверяет, что вопрос этот она с мужем обсудит и не сомневается в положительном решении.

Вечером она советуется с мужем, и тут он со слезами раскаяния на глазах признается во всем своей супруге. После чего они оба опускаются на колени перед вдовой и просят;

- Если этот ребенок, которого мы любим больше собственной жизни, по достижении совершеннолетия поступит таким же неподобающим образом, каким мы поступили с вами... ой-о, не приведи боже увидеть это. Простите нас...

Старая мать, не произнеся ни звука, гладит одной рукой по голове своего сына, а второй - свою невестку. В этот момент раздается плач ребенка, проснувшегося от сна, и все трое бросаются к нему...

Нет ничего странного в том, что отношения между незнакомыми людьми осложняются недоразумениями и безобразиями. Но упаси, господи, от безобразия внутри ближайших родственников.

Моя бабушка поучала:

«Если родители желают хорошего своим детям, то это еще не значит, что они умники. Но если не желают, значит, точно дурни».

«Если когда надумаешь какому-нибудь человеку пакость устроить, то перво-наперво бойря не того человека, а своих детей».

Предание, которое поведал мой дедушка. Давно это было. Ходил по свету человек. Обычный человек, простой смертный. Ходил искал свою судьбу. И сам не заметил, как забрел в неизвестную страну и остановился у стен ханского дворца.

И надо ж такому случиться, что как раз в это самое время ханские слуги искали человека, который мог бы присматривать за ханской дочерью. Ибо дочь эта заболела необыкновенной болезнью. Болезнь та вроде на сон похожа, только при этом еще все лицо у ханской дочери пылает. И нужен кто-нибудь, кто б сидел сиднем подле нее день и ночь и все обмахивал и обмахивал ее веером. Вот для такого дела во всем ханстве никого не нашлось, хотя за работу и обещали богатое вознаграждение. Никто не подошел: один нетерпелив, другой груб, третий бессердечен, четвертый неучтив, пятый и вовсе не поймешь какой.

Спросили у нашего пришельца. Он согласился. Ну, велел хан, чтоб проверили его терпеливость, учтивость и честность. Проверили - по всем статьям подходит. И вот сел человек у изголовья ханской дочери и стал ее лицо веером обмахивать. Проходит день, другой, неделя. Глядь - уже и месяц прошел, а там и год минул, а за ним другой и третий следом. А девушка - дочка ханская - не шелохнется, и только лицо у нее

жаром пышет. Ну а странник все машет и машет веером и ни на минутку от нее не отходит. Так что и странником его уже не назовешь, коли превратился он в такого прилежного и кроткого сидельца.

Хан, конечно, сокрушается очень. Болезнь дочери сердце ему иссушила. Понял хан, что скоро придет конец его жизни, понял и из последних сил написал увещание дочери. Так, мол, и так, дочь моя. Если когда-нибудь проснешься и восстанешь ото сна своего долголетнего, то выходи замуж за того кроткого человека, что сидит подле твоего ложа и лицо твое веером обмахивает. И еще добавил хан, что все свои сокровища он завещает дочери и ее будущему мужу и чтобы ее муж вместо него стал ханом.

Вот записал все это хан, положил свиток на грудь дочери и умер. А кроткий все обмахивает да обмахивает лицо ханской дочери, да так старательно и прилежно, что даже прочитать завещание хана у него времени нет.

Но вот проходит еще семь лет. Однажды этому человеку понадобилось срочно выйти. Ну, захотел он во двор по нужде. Кликнул он себе замену, да, как на грех, рядом никого не оказалось. Глянул в окно, а под окном стоит грязный дивану¹⁴[14]. Подозвал он попрошайку и попросил на время подменить его и пообмахивать лицо царевны. Дивану за лепешку согласился. Выходит наш кроткий человек на двор, и надо же - в этот самый миг ханская дочь пробуждается от многолетнего сна.

Открывает она глаза и что же видит? А видит какого-то оборванца с веером возле себя, а на своей груди видит отцовское завещание. Прочла она отцовское завещание, поняла все, что с нею приключилось, и спрашивает:

- Это ты, не отходя от моего изголовья, вот уже столько лет обмахиваешь веером мое лицо?

А дивану, не будь дураком, тут же отвечает:

- Да.

И глазом даже при этом не моргнул.

- Если так,- говорит девушка,- то я стану твоей женой, а ты станешь ханом.

¹⁴[14] Попрошайка, оборванец.

Сказала это и бросилась в объятия попрошайки. А тут, значит, и возвращается наш кроткий. Смотрит - глазам своим не верит и ничего понять не может.

- Иди прочь!- кричит дивану. Уходи!- приказывает ханская дочь.

Кроткий хотел было все объяснить... Да куда там. Дивану кричит - он теперь своего везения упускать не станет. Девушка не верит. Да и как ей поверить, если в грамоте отцовской прямо сказано: «Выходи за того, кто подле ложа твоего сидит». Чтоб отвязаться от кроткого побыстрее, она велит слугам одарить его черной шапкой и взащей прогнать из дворца. Слуги так и сделали.

Не наш ли это предок?

Моя бабушка говорила: «Какой дом в согласии живет, тот дом и счастлив. А если с миром, согласием да со счастьем, так чего же и не жить? Каждый тогда смог бы до ста лет дотянуть. А человеку жить надо долго.

Вот говорю так, а сама-то не хочу долго тут оставаться. Все мои сверстницы уже ушли. Даже на похоронах некому будет вспомнить всю мою жизнь, некому будет сказать обо всех моих годах. Хоть и жива еще, а уж ушла жизнь, как вода в песок. И вроде бы на одном месте живу, а словно в другой мир перекочевала. С кем росла, с кем жила рядом - никого не осталось».

И еще: «Есть такие люди, что, когда их хвалишь, они боятся: а вдруг другие не услышат или услышат, да не поверят. Зато когда сами кого хвалить начнут, то боятся, что это могут все услышать и все могут в это поверить...»

7

Обычно человек, решивший поведать о себе, начинает с самого начала - прямо со дня своего рождения.

Я же такой возможности лишен. Да и вообще разве столь уж важен день появления на свет? Разве главное не в том, что произошло с человеком после этого самого дня?

Когда я впервые решил покинуть аул и отправиться в город на учебу, то потребовался паспорт, а его не выдают без метрики. Отправился в аулсовет, но там в различных документах не только день, но и год моего рождения обозначен по-разному. Я - домой, но и здесь

отец говорит одно, а мать - другое. Долго спорили, наконец дедушка решил, что нужно идти в город, в районное отделение загса.

Когда я осторожно отворил дверь кабинета начальника районного загса, то заметил, что возле начальника сидит пожилой человек. Судя по облику и манерам, можно было предположить, что это местный коше-бий. Два таких влиятельных лица в одном кабинете для меня, аульского паренька, было уже слишком. Я отпрянул и хотел закрыть дверь, но заведующий загсом (человек лет тридцати, еще не снявший военной гимнастерки, только погоны спорол, и теперь на их месте темнели полоски) успел заметить, правда, не меня, а стоявшего сзади моего дедушку, и громко пригласил:

- Заходите, уважаемый! Метрика, что ли, нужна вашему внуку?- сразу догадался он.

Землистое лицо дедушки сразу расплылось в улыбке, так что даже морщины словно на миг разгладились.

- А когда вы сами родились, уважаемый аксакал?- спросил заведующий.

- Честно скажу, не знаю,- признался дедушка.

- А как вас зовут?

- Имя, которое трижды выкликнули при моем рождении, Хакимнияз.

- А где это записано?

- И этого тоже не знаю, однако, сколько себя помню, я всегда был Хакимниязом. Отзываюсь и когда кричат: «Хаким!» Так обычно зовут меня торопыги. Да, кстати,- обрадовался дедушка,- имя мое есть и в бумагах. С первых лет Советской власти как только какое собрание или заседание, так всегда проверяли, кто пришел, а кто отсутствует. Там всегда и мое имя выкрикивали.

- Да-а-а,- проговорил заведующий значительно и задумался на минуту,- Да,- повторил он.- Вы, уважаемый Хакимнияз, истинный каракалпак. Такова же и судьба нашего народа: когда и где появился, неизвестно, откуда имя его - тоже неизвестно, но на имя это он всегда отзывается.

Предание, рассказанное местным коше-бием. Наши предки в поисках справедливости и укрытия от напастей исходили множество земель. Поднимались на высокие горы, продирались сквозь дремучие

леса и топкие болота, шли через знойные пустыни. И вот наконец услышали, что есть на краю земли царство Киеу-Урус¹⁵[15] и что правит в той стране справедливый царь, который никого из подданных своих не обходит своей милостью. Зовут того царя Узун Коллы Юрий¹⁶[16], и доводится он будто бы нашим предкам зятем.

А наши древние предки в те далекие времена назывались печенегами. Печенеги-пешенели, что значит «люди с широкими лбами». Это имя они получили за то, что умели в лоб встречать любого врага и не пропускали его через ряды свои.

С радостью принял наших предков Длиннорукий царь. Выделил им земли на окраине державы своей. Велел каждому воину надеть на голову черную шапку. В царстве Киеу-Урус такие шапки назывались клобуками. Оттого и весь народ стал именоваться «черные клобуки». Начали черношапочники дружить с урусами. Выдавали за урусов дочерей своих и женили своих сыновей на дочерях урусов.

Породнился народ с народом, и старейшины черио-шапочников дали клятву Длиннорукому царю. Клялись умереть за землю эту вместе с сыновьями этой земли.

Пока был жив Узун Коллы Юрий, он заботился о «черных клобуках», никому не давал их в обиду. Однако через годы Длиннорукий царь умер, и начались черные времена. Царство стало распадаться. Народы, царство населявшие, стали расходиться кто куда. К тому же недруги иноземные не давали покоя. А потом и вовсе грянула беда - с Востока пошли орды врагов, все сжигая па своем пути. Выгнали они наших предков с земель, дарованных Длинноруким царем. И вновь потекли черношапочники по всему свету искать справедливости и укрытия от напастей. Как перекасти-поле носились они по миру: от Урала до предгорий Балкан, от Сулейманских гор до пустынь Туркестана.

* * *

¹⁵[15] Киевская Русь.

¹⁶[16] Юрий Долгорукий.

Когда стараюсь осмыслить характер, обычаи, нравы, взгляды на жизнь моего народа, тогда мне представляется, что все предания и легенды, рассказанные о нем, верны.

В бурях различных веков он то, казалось бы, тонул безвозвратно, то снова всплывал на поверхность истории. И все же меня беспрестанно занимает вопрос: что значил путь каракалпаков, кому и в чем помог мой народ, кому и чем причинил вред?

История черношапочников - это история полукочевого народа. Это история пастухов, скотоводов, которые превращались в дехкан-земледельцев, как только находили землю, мало-мальски пригодную для возделывания. Буквы истории черношапочников - это очаги, оставленные ими на временно заселенных землях. Ее строки - это маршруты бесконечных кочеваний и борозды вспаханных полей, русла проложенных каналов и арыков. Чернила - это слезы женщин и детей, пролитые на пыльных дорогах и смешавшиеся с кровью мужчин, погибших в беспрестанных боях с недругами.

Настороженность и даже некая пугливость, заметная в чертах лица и характера каракалпаков,- это следствие того, что, вспахивая землю, они должны были одним глазом следить за сохой, а другим наблюдать за окрестностями, при пастьбе одним ухом прислушиваться к топоту своих табунов, а другим ловить звук копыт вражеской конницы, во время кочевий одной рукой держать поводья, а другой - саблю, и даже во сне им приходилось один глаз держать открытым.

Малочисленность и беспомощность каракалпаков, усугубленная беспрестанными родовыми распрями внутри народа, привели к тому, что черношапочников мог безнаказанно грабить любой соседний хан, а люди, оставив накопленные богатства, тая обиды и терпя лишения, вынуждены были уходить с обжитых мест. Потому-то каракалпаки и не оставили на земле знаменитых архитектурных памятников, не оставили городов, а то, что ныне археологи называют «каракалпакскими городами»,- это, по сути, простейшие укрепления, возведенные для защиты от врагов или от стихийных бедствий, например от наводнений.

Но, несмотря на все беды и гонения, народ остался чрезвычайно дружелюбным, и это лучшее его свойство. Едва осев на новом месте, черношапочники не чурались соседей, не закрывались наглухо от них, а, напротив, забыв старые обиды и новых не ожидая, опять искали связи с другими людьми, искали дружбы и доверия.

Любой народ, велик он или мал,- это река, впадающая в общий океан человечества. Несхожи пути рек, несхожи их воды по цвету и вкусу, но сливаются вместе, и в общем океане есть капли и нашей реки.

Из исторических источников. Вопрос о происхождении каракалпаков, как, впрочем, и многих других народов, не имевших собственной письменности, а следовательно, и летописных документов, долгое время считался спорным.

По данным современных исследователей, наиболее вероятной считается версия, согласно которой каракалпаки являлись одним из родов огузо-печенежских племен, населявших обширнейшую территорию от Южного Урала до Северного Причерноморья. Племена эти были многочисленными и разнообразными. Некоторые из них враждовали с Киевской Русью, другие, в частности каракалпаки, входили в состав этого древнего государства и под именем «черные клобуки» отмечены в Ипатьевской летописи, которая зафиксировала клятву вождей племен, данную Юрию Долгорукому: «Мы... умираем за русскую землю с... твоими сынами и головы свои складываем за твою честь...»

«Черные клобуки» вместе с русскими воинами участвовали в различных битвах против врагов Киевской Руси и несли охрану юго-восточных рубежей государства. Их центром был город Торческ на Поросоле.

Востоковед П. П. Иванов, исследуя книгу средневекового ученого Абулы Фезылы Бейхани «Тарих и Бей-хани», обнаружил, что в XV веке в войске хорезмских ханов известным военачальником считался человек по имени Калпак. Исследователь обратил внимание на то, что, по обычаям тех времен, военачальников в документах принято было называть не по их собственным именам, а по имени тех воинов, которыми они командовали, следовательно, предполагает П. П. Иванов, в войсках хорезмских ханов существовали отряды ратников-калпаков, что соотносимо с этнонимом «каракалпаки». Исследователь приходит к выводу, что народ, называвшийся калпаками (каракалпаками), проживал в При-аралье в XI веке. В своих суждениях П. П. Иванов опирается на каракалпакский фольклор, а также на поэму Бердаха «Шежире» («Летопись»), где также часто вместо названия «каракалпак» употребляется сокращенное название «калпак».

Тот же исследователь заметил, что в рукописях другого древнего историка Эн-Нувери среди перечня половецко-печенежских племен встречается и племя, именуемое «люди в черных шапках», что тоже соответствует этнониму «каракалпак».

Первое несомненное упоминание о предках тех, кто ныне составляет основное население Каракалпакской АССР, встречается в грамоте Абдуллы, хана из династии Шейбанидов, которую тот направил в 1598 году мавзолю Зиятдина в Сыгнаке. Абдулла называет каракалпаков среди многочисленных племен, ведших кочевой образ жизни вокруг Сыгнака.

В 1723 году, во времена джунгарского нашествия, прозванного в народе «как табан шубырынды», что значит «година белых пятков», среди племен, вынужденных, спасаясь от нашествия, сняться с насиженных мест и перекочевать на новые земли, были и каракалпакские племена. Более того, каракалпаки разделились на три большие группы. Одна из них направилась в сторону Китая и Афганистана. Другая, оставшись на месте, в конце концов распалась на роды и семьи, на мелкие-мелкие группки и перестала существовать как самостоятельный народ со своим языком и собственной культурой. То есть со временем полностью ассимилировалась с другими народами. Третья часть - т- предки тех каракалпаков, кто в настоящее время населяет территорию Каракалпакской АССР, вспомнив о своих давних связях с Россией, направилась ближе к русской границе. Однако голод, холод и лишения не позволили им приблизиться к рубежам России, я они вынуждены были остановиться на северном побережье Аральского моря, в устье реки Сырдарьи, во владениях Казахского Малого Жуза. Здесь их вожди вместе с ханами Малого Жуза предпринимают попытку перейти в российское подданство.

В 1743 году известный бий каракалпаков Маман возглавил посольство, направившееся в Петербург. Маман-бий добился аудиенции у императрицы Елизаветы Петровны и получил грамоту о присоединении каракалпаков к России, о добровольном вхождении каракалпакского народа в семью российских народов. С этого же момента каракалпаки официально считаются подданными великой державы, которая обязуется их охранять. Но императрица забыла о своих новых подданных, и черношапочники продолжали терпеть насилие соседних ханов.

Притеснения доходят до того, что каракалпаки вынуждены снова кочевать и от берегов Сырдарьи, перейдя Кызылкумы, выходят к устью другой великой азиатской реки - Амударьи. Здесь они оседают, начинают рыть каналы, заниматься земледелием. Но здесь они попадают под власть хорезмских ханов.

Наконец, в 1873 году в Туркестан вступают русские войска под предводительством генерала Кауфмана. Русских солдат черношапочники встретили радушно, как освободителей. С этого времени Каракалпакия отделена от Хорезмского ханства. Через сто тридцать лет после добровольного присоединения к России черношапочники наконец-то стали в действительности ее подданными.

А после революции, в 1924 году была признана автономия каракалпаков. Народ получил свой «паспорт». Земля, на которой он живет, которую возделывает и за которую отвечает перед миром, на всех картах теперь официально называется Каракалпакской Автономной Советской Социалистической Республикой.

Из рассказов аксакалов:

«Кто бы пи угостил тебя дыней, отведав ее и наевшись всласть, возблагодари сперва того, кто дыню взрастил, кто ухаживал за ней, и только после - того, кто купил ее и с тобой поделился».

«Не та мать, которая родила дитя, а та, что вскормила, по головке гладила, человеком сделала».

Рассказ моего дедушки. За свою жизнь много раз я бывал на базаре в Чимбае, много слышал вралей и правдивцев, крикунов и глашатаев. Но двое из них мне навсегда запомнились.

Первого из тех глашатаев я видел еще в детстве, когда поехал на базар с отцом. Отец пошел посмотреть, чем торгуют, прикупить то да се по хозяйству, а я остался осла сторожить. Глядь, откуда ни возьмись влетает на базар всадник на гнедом коне туркменской породы и во весь опор несетя наискось мимо торговцев и покупателей. Люди шарахаются, а он и рад, что все его заметили. Потом осадил коня, привстал на стременах и кричит:

- Эй, люди, слушайте! Все слушайте! Правитель нашего города Чимбая ездил в высокий город Пытырбур. Этот город - пуп земли. Там наш правитель видел самого Белого царя. И Белый царь говорил с ним. Тише! Успокойтесь, люди!

Все враз попритихли. Перестали снова туда-сюда. Гомонить перестали. А как же, ведь всем интересно, что скажет глашатай. А он продолжал:

- Когда наш правитель приехал в город Пытырбур по торговым делам, он однажды пошел прогуляться по узкой улице. И вдруг видит перед собой серебряный тарантас с золотым узором, а вокруг того тарантаса тридцать нукеров в дорогих одеждах. Из тарантаса выглянул сам Белый царь и обратился к нашему правителю.

- Что?! Что сказал царь?! Какими были его слова?!- загалдели все вокруг.

- Тише!- вновь прикрикнул глашатай.- Белый царь спросил достопочтенного правителя: «Ты кто такой?»

- Что ответил правитель?

- Он назвал себя. Он сказал: «Я каракалпак, правитель достославного города Чимбая!»

- А царь? Что он сказал? С каким ответом прибыл правитель? Говори скорей!..

Глашатай приосанился, напыжился, грудь выпятил и произнес торжественно:

- Вот доподлинные слова великого Белого царя, обращенные к нашему правителю.- Тут он замолк на миг, а потом гаркнул что было мочи:- Царь сказал: «Пошел прочь, болван!»

Грохнул общий хохот. Все так и покатались со смеху. Хоть глашатай произнес царские слова по-русски, а русский мы тогда плохо знали, но это смогли разобрать. А кто и не понял, тому разъяснили, благо разъяснить это нетрудно.

- Чему смеетесь, глупцы безмозглые?- орал глашатай.- Из таких высоких уст даже ругань услышать - это великая честь. Это честь большая, чем услышать сто похвал от каждого из вас, голодранцев.

Но народ продолжал хохотать, и даже вечером, разъезжаясь с базара, люди все повторяли вслух по-русски слово «болван» и опять заливались смехом. Но на душе у каждого было грустно. Будто каждый потерял какую-то дорогую вещь.

В другой раз - это уже лет через двадцать, когда пришла Советская власть, а я служил у Бегнияза-аксакала, ходил у него то ли в конюхах, то ли в кучерах. И вот привез я Бегнияза в Чимбай. Он пошел по своим делам в какую-то контору, а я тем временем придерживал лошадей. И вдруг опять, как тогда в детстве, на базар влетел всадник на саврасом

коне туркменской породы. Он галопом проскакал мимо рядов торговцев и, остановившись, крикнул:

- Эй, люди! Тише! Слушайте все!.. Слушайте, что я вам скажу!

Все, конечно, замолкли, сгрудились вокруг всадника и стали слушать. Ну и я как все. А он и говорит:

- Наш Аллаяр Досназаров¹⁷[17] побывал в самом красном городе мира - в Москве. Там он видел великого товарища Ленина, и сам великий товарищ Ленин говорил с ним.

Тут уж всяк мигом язык прикусил, уши наострил и дыхание даже притаил. Такую новость, сами понимаете, нельзя пропустить. А глашатай продолжал, стоя на стременах, словно на трибуне:

- Вот как это было. Наш Аллаяр Досназаров шел мимо большого красного дворца, который называется Кремль. Вдруг его кто-то окликает. «Товарищ!- кричит ему.- Товарищ! Вы не каракалпак ли?»

Наш Аллаяр Досназаров обернулся и видит возле себя открытый самоходный тарантас, а в нем сидит сам великий товарищ Ленин и машет ему рукой. Досназаров сперва страшно разволновался.

- Ой-бой! Еще бы!- сочувственно воскликнул кто-то в толпе.

- Но наш Аллаяр Досназаров справился со своим волнением,- пояснил глашатай.- Он подошел к самоходному тарантасу и сказал: «Да, я каракалпак. И хочу доложить вам, что мы, каракалпаки, со всей душою приняли Советскую власть, потому что в прошлой жизни много натерпелись и от будущей жизни ждем теперь только хорошего». «Знаю, знаю,- ответил великий товарищ Ленин.- Каракалпаки - один из древнейших народов, и хотя вы малочисленны, но должны стать самостоятельной республикой. Это вековая мечта вашего народа, и скоро эта мечта осуществится».

Что тут началось! Кто плачет от радости, кто в пляс пустился. Кто кричит: «Да здравствует!» - кто кричит: «Рахмет!» Какая уж тут торговля. Все перемешалось...

И вот что я вам скажу: так все и случилось. Прошло не так уж много времени, и Каракалпакия стала автономной. Вот.

Рассказ местного коше-бия. А теперь послушайте, как это происходило. На большом курултае¹⁸[18] был, конечно, Аллаяр

¹⁷[17] Ответственный секретарь первого учредительного комитета Каракалпакского обкома КП Туркестана.

¹⁸[18] Трудно сказать, о каком «курултае» говорил местный коше-бий. Видимо, в его сознании соединились в одно два события - съезд коммунистов Турккеспублики и съезд Советов Туркестана,

Досназаров. Слушает он речи выступающих и замечает, что о каракалпаках никто не говорит. И тогда со своего места задает вопрос:

- Кто имеет право забывать о нас, о каракалпаках?

А в ответ ему чей-то голос спрашивает эдак недоуменно:

- Что еще за каракалпаки? Откуда мог взяться такой народ?

Тут все разом зашумели.

- Каракалпаки - это просто хорезмские узбеки, живущие на берегу Аральского моря. Их так прозвали из-за черных шапок, которые они любят носить!- кричит один.

- Нет, это из казахских племен, - возражает другой.

- Нет,- оспаривает третий,- это те же туркмены, но немного оказашенные.

- И никакие они не туркмены,- не соглашается четвертый,- а двойники киргизов. Только киргизы носят белые шапки, а каракалпаки - черные.

И вдруг раздается такой возглас:

- А вообще самостоятельная ли это национальность - каракалпаки?

Ну тут уж Досназаров не вытерпел и, не дожидаясь приглашения, вышел на трибуну и ко всем обратился с такой пламенной речью:

Товарищи!- сказал он.- Друзья!! Каракалпакский народ был и есть. О его судьбе знал сам великий вождь мирового пролетариата товарищ Ленин. И сам товарищ Ленин говорил, что нам нужна автономия.

И здесь какой-то недотепа подает голос и спрашивает:

- А скажите-ка, Досназаров, к какому языку близок язык каракалпаков?

Досназаров, ни секунды не замешкавшись, отвечает:

- Наш предок, известный бий Маман, говорил, что языки каракалпаков, узбеков, казахов, киргизов, азербайджанцев, татар, башкир, кумыков и ногайцев схожи, как лепешки из единого теста, но у каждой лепешки свой бок подрумянен.

- Что-то ничего я не слышал об истории и культуре каракалпаков,- опять раздается тот же голос.

И вот послушайте, как ответил ему Досназаров. Он сказал:

- Конечно. Откуда же такому человеку, который ничего не знает о самих каракалпаках, знать об истории и культуре этого народа. Но как узбекам дорог их великий поэт Навои, как казахам дорог их Абай, как

дорог украинцам Шевченко, а русским - поэт Пушкин, так же точно поэт Бердах, живший в прошлом веке, дорог нам, каракалпакам.

- Да, да, Бердах,- подхватили в зале. А Досназаров продолжал:

- Как у любого народа есть свои песни, так есть они и у нас.- И он пропел с трибуны «Бозатау»¹⁹[19] и спросил: - Чья это песня? Может, узбеков, казахов или киргизов?

- Нет,- крикнули из зала,- у нас нет такой песни!

- Вот видите,- сказал Досназаров.- Это наша культура. А что касается истории каракалпаков, то я вот так объясню: каким был для России Петр Первый, таким же для нас был бий Маман. Петр Первый открыл окно российского дома в Европу, а Маман открыл полог каракалпакской юрты в Россию. Если же говорить о деятелях революции, то заявляю без лишней скромности: как Файзулла Ходжаев боролся за честь узбеков, Сакен Сайфуллин боролся за честь казахов, Кайгысыз Атабаев боролся за честь туркмен, так за честь каракалпаков боролся я - Аллаяр Досназаров. И каждому это известно!

- Известно! Знаем, знаем! Истинно так!- поддержали в зале.

- И самое главное,- продолжал Досназаров,- что о каракалпаках знал товарищ Ленин и он же говорил о необходимости предоставить нам самостоятельность!

Тут все поднялись с мест и стали хлопать. Раздались возгласы:

- Немедленно предоставить каракалпакам автономию!

А когда начали голосовать, то за это предложение все подняли не одну, а сразу две руки.

Местный коше-бий закончил свой рассказ, и мой дедушка обратился к начальнику загса:

- В основе всех этих рассказов конечно же лежит истинная правда, но правда и в том, что мы с внуком пришли сюда, чтобы получить бумагу. Выпишите метрику, и нам надо спешить обратно домой, путь не близок.

- Хакимнияз-ага,- сказал заведующий загсом,- метрику выписать недолго, но надо, чтобы она была правильной. Дата рождения этого парня пока не установлена. Это, конечно, не его вина, он истинный сын своего народа, но даже о происхождении каракалпаков, как видите, мы

¹⁹[19] Печальная народная песня.

тоже можем судить не по документам, а лишь по устным преданиям. Что же, попробуем по вашим словам определить, когда родился этот джигит. Назовите три памятные вам приметы того года, когда он появился на свет.

Дедушка сразу посолиднел, огладил ладонью свою белую бороду и начал почти торжественно:

- Тулепберген - первенец среди моих внуков, поэтому если я даже и забыл девять десятых своей жизни, то преотлично помню все, что связано с началом его жизни. Вот памятные мне приметы: он родился в год лошади; в год распределения сапог; он родился в год, когда пронесся слух, что поэта Хамау Хакимзаде религиозные мракобесы убили «каменным бураном» в городе Шахмардане. Об этом я помню хорошо по двум причинам. Первая - Хамза был моим тезкой, он - Хакимзаде Ниязи, а я ведь тоже зовусь Хакимом-Ниязом. Вторая причина в том, что мы с ним встречались в городе Ходжейли, когда он собирал сирот-беспризорников на базаре, у входа в рыбожарню.

- Та-а-ак,- раздумчиво протянул заведующий загсом.- Ниязи убили в 1929 году. А что это был за год по лунному календарю?- спросил он у сидящего рядом аксакала, которого я принял за местного коше-бия.

Аксакал подумал, пересчитал пальцы и подтвердил:

- Он самый и был годом лошади.

- Молодцы все же наши предки.- Начальник загса аж ладонью по столу хлопнул в радостном возбуждении.- Молодцы! Считать не умели, так ведь придумали выход, решили каждому году дать название одного из двенадцати животных. Нельзя же при определении возраста ошибиться сразу на целых двенадцать лет. Да и в самих названиях животных, видимо, есть свой смысл... Год зайца, год собаки, коровы, свиньи, мыши... Считается, будто младенец, появившийся в тот или иной год, усваивает признаки того или иного животного. Если так, то повезло тебе, парень, родиться в год лошади. Надежная животина. Всё на ней - и пахать, и междурядья обрабатывать, и арбу тащить, и весть любую по степи не пешие, а конные разносят.

- Да,- согласился дедушка.- И то еще в расчет примите, что он старший из внуков. Остальные пойдут за ним. А за конем, известное дело, всегда идти легче. Да и семейную арбу тащить поможет.

- Еще и то хорошо, - продолжал заведующий,- что лошадь - не жвачное животное. Это я тебе, джигит, говорю. Ты тоже не превращай никакое дело в жвачку. Тянуть да мусолить - хуже нет.

- Очень верно сказали, уважаемый, - подхватил дедушка.- Давайте и с этим делом не тянуть.

- Тянуть не станем,- согласился заведующий,- но сначала объясните, что это за третья примета: год распределения сапог?

Объяснение моего дедушки. В тот день, когда родился мой старший внук Тулепберген, к нашему дому подскакал нарочный и ну кричать:

- Все мигом на собрание по распределению сапог! А надо сказать, что кооперация тогда только-только начиналась. Колхозов еще не было, а были артели и товарищества по совместной обработке земли. Вот и в нашем ауле такая артель завелась. На собрания в те годы мы ходили с охотой, там всегда что-нибудь интересное или важное услышишь. Ну я, значит, и заторопился, несмотря на то что в доме такое событие - рождение внука.

Прихожу и вижу, что все члены артели уже в полном сборе. А во главе - наш председатель, Генжемурат-батрак. Сидит он за столом, покрытым красной тканью, и говорит собравшимся:

- Земляки мои и товарищи! Из района прибыли сапоги для членов нашей артели. Нам надлежит их распределить. Если вы не возражаете, то я, как председатель, возьму себе одну пару. Ведь мне приходится всюду ходить, не жалея ног и обуви. Можно ли считать, что одна пара принадлежит мне?

- Можно! Принадлежит!- закричали все.

- Если так, голосуйте. Проголосовали.

Он говорит своему сыну, который вел протокол:

- Запиши это. Друзья мои, земляки, аульчане! - продолжал председатель.- Как вам известно, все трудности по работе со мной на равных делит моя жена Турсун. Если из района приходят важные вести, а меня нет в правлении, то не кто-то, а именно моя жена Турсун обегает все поля и участки, но обязательно найдет меня. Правильно я говорю?

- Верно! Правильно!

- Вот, вы все подтвердили правоту моих слов, и, думаю, не будет возражений, если еще одну пару сапог вы разрешите отдать ей, моей жене Турсун.

- Пусть берет! Отдаем!- И подняли руки.

- Друзья мои и сотоварищи по артели! Не тайна для вас, что мой сын Толыбай тоже во многом помогает мне - вашему председателю. Он присматривает за рыжим конем, на котором я езжу, он посещает ликбез и вот, смотрите, может уже вести протокол нашего собрания. Уверен, среди вас не найдется человека, который стал бы возражать против того, чтобы третью пару сапог отдать ему - моему сыну и секретарю нашего собрания Толыбаю.

- Да, да! И ему положены сапоги! - закричали кругом и опять проголосовали единогласно.

- А теперь, товарищи, - сказал Генжемурат-батрак,- считаю собрание законченным. Все присланные из района сапоги мы уже распределили.

- Как так? Обман! Неправильно!- заголосили все.

- Никакого обмана. Кто сказал: ((Неправильно»? - строго спросил председатель.- Вес по правилам, все по закону. Вы же сами голосовали.

- Но мы же не знали, что сапог всего три пары. Ты, Генжемурат, не предупредил нас.

- Вот здесь вы, товарищи, правы, это была маленькая ошибка с моей стороны, и я ее признаю.

- Отменить решение! Давай снова голосовать!

- Нельзя, нельзя, друзья мои и земляки,- объяснил председатель, сделав очень серьезное лицо.- Это невозможно. Ваше единодушное решение уже внесено в протокол. А протокол,- он поднял палец,- это документ. Кто же нам позволит отменять документы?

Начальник загса расхохотался.

- Вот,- продолжал дедушка,- там ничего нельзя было поделывать потому, что бумага была уже написана. А теперь мы с внуком ничего не можем поделывать потому, что бумага еще не написана. Видите, как нелегко все получается.

- Не беспокойтесь, Хакимнияз-ага. Смотрите, я уже беру бланки, и сейчас мы оформим и узаконим дату рождения вашего внука. Кстати, почему вы назвали его Тулепбергенем?

- Детей у меня много, а сыновей среди них было двое. Старшего нарекли Каипбергенем, а младшего Тулепбергенем, но он еще в детстве заболел и умер. А потому, когда на свет появился первенец среди моих внуков, я, не раздумывая долго, решил дать новорожденному имя

моего младшего сына. Бог как бы заплатил мне одним мальчиком за другого. Ведь имя Тулепберген и значит - оплаченный, возмещенный, отданный вместо взятого. К тому же имя внука созвучно с именем отца²⁰[20].

- Итак, - сказал начальник загса, - нам осталось только выяснить день и месяц рождения Тулепбергена Каипбергенова.

- Он родился весной,- сказал дедушка.

- Весной, это хорошо,- почему-то обрадовался начальник загса. Он подошел к стене, на которой висел отрывной календарь, и стал его листать.- Смотрите, Хакимняяз-ага, смотри, Тулепберген, какой из этих дней вам больше правится?

- Подождите, уважаемый,- остановил его дедушка.- Зачем моему внуку вносить в бумагу «черный» день, давайте впишем ему «красный».

- Это правильно,- поддержал его аксакал.

- Красные - это праздники,- пояснил начальник загса.- Больше всего их в мае. Но праздники уж очень крупные: Первомай, День нашей Победы - даты все очень ответственные...

Тут встал местный коше-бий:

- Давайте день его рождения выберу я,- сказал он.- Услышав все, о чем вы говорили, я понял, что метрика выдается мальчику не по письменным справкам, а по устным. А раз так, то пусть и днем его рождения считается день радио, поскольку радио - это то, чему мы верили на слово.

Так и порешили.

Заведующий заполнил метрику и передал мне.

- Вот, Тулепберген Каипбергенович Каипбергенов. Ты, значит, родился 7 мая 1929 года в ауле Шортанбай. Не забывай.

8

Земля без человека - сирота беспризорная. Человек без земли - тоже сирота беспризорная.

Шортанбай. Название аулу дала речка, вернее, канал. Был он когда-то полноводным. Не зря же назывался Шортанбай, что значит «богатый щуками». Щуки на маловодье и безрыбье не заведутся. И аул был многолюдный. Прошли годы, обезводела река, обезлюдел аул. Можно

²⁰[20] По древнему обычаю, окончания имен отца и сына должны совпадать.

неделю провести здесь и не встретить ни единой души. Но все же мне дороги эти места. Я и теперь могу часами стоять на бывшем берегу бывшего канала, а сухие колючки с этой земли для меня дороже цветущих тюльпанов.

В детстве родной аул казался мне если и не пупом земли, то по меньшей мере центром всей Каракалпакии. И не случайно казался. Если в нашем ауле кто-нибудь умирал или в каком-то из домов затевалась свадьба, то гонцов рассылали во все стороны и потом на поминки или на свадьбу люди съезжались в аул со всех сторон. А уж ежели все дороги от него расходятся и все пути в нем, в моем ауле Шортанбай, сходятся, то как же ему и не быть пупом земли?

Ну а наш дом, разумеется, казался мне сердцем всего Шортанбая. Если у нас радость, то и весь аул смеялся и веселился вместе с нами. Если у нас беда, то и весь Шортанбай горевал. Когда же в нашем доме вспыхивали ссоры и перепалки, начинались выяснения отношений между дедушкой и моим отцом, бабушкой и моей матерью, то стоило хоть кому-то повысить голос, как непременно кто-нибудь (чаще дедушка) тут же напоминал: «Тише, а то соседи узнают и разнесут по всему свету»- или просто: «Да не ори ты на всю Каракалпакию».

В результате у меня выработался некий - как бы это сказать-то по-современному? - аулоцентризм, что ли? Я думал, что если захочешь понять мир, то сперва надо понять свой Шортанбай. Честно говоря, я и сейчас держусь того же мнения. Разумеется, я вырос, повзрослел, поездил по миру, повидал людей и селения, в том числе и крупные города. Разумеется, ныне взгляды мои расширились, углубились и (что там еще со взглядами происходит?), скажем, усложнились, обогатились и прочее, прочее, прочее. Да и Шортанбая моего давно уже нет ни на земле, ни на карте. И все-таки... Все-таки я и сегодня убежден: родной аул - центр мира. Все пути ведут к нему, все дороги из него исходят, и мимо него мне не пройти. Никак и никогда.

Каждое поколение само строит свою жизнь, но ведь еще и достраивает то, что заложено предками, и, в свою очередь, закладывает фундамент, на котором потомки будут возводить свою судьбу. И все наши строения опираются на общую почву - на родную землю. Земля объединяет всех, кто жил на ней, живет ныне и будет жить впредь.

У нас есть поговорка: «И беглец молит: «Помоги, господи», и преследователь взывает: «Господи, помоги». А еще в наших преданиях сказано: «Земля - бог, она творит навеки». Поэтому, слегка переиначив

поговорку, можно сказать: и тот, кто в землю труд свой и надежды вложил, заклиняет: «Помоги, земля», и тот, кто хочет взять от нее побольше, повторит: «Помоги, земля». Однако ныне уже и земля сама обращается к человеку с просьбой: «Помоги!»

* * *

Если первые пятнадцать дней месяца были ненастные, то остальные пятнадцать дней будут ясными. Была прежде такая примета.

Мой народ пережил века ненастья с верой в эту примету. И еще с верой в свою землю. Был он малочислен, зато земля его была обширна.

Из рассказов аксакалов. В давние-предавние времена главный бий каракалпаков вознамерился ехать в ханскую столицу, дабы отвезти хану собранную подать. Попутно решил он прихватить из дома и свезти на базар батман риса, продать его и на вырученные деньги купить внукам сласти и гостинцы. Оседлал он коня. Взял он хурджум и одну половину хурджума наполнил рисом, а вторую - камнями, дабы ровно лежал хурджум поперек конской спины и ни на одну сторону не перевешивал.

Когда бий каракалпаков закончил все дорожные сборы и готов уже был сесть на коня, подбежал к нему десятилетний внук его и так оказал деду своему:

- Дедушка, я тоже хочу поехать с тобой в ханскую столицу. Возьми меня.

Бий каракалпаков вразумительно ответил внуку своему:

- Хотел бы я порадовать тебя, внук мой, но должен я и коня пожалеть. На конской спине и так уже тяжелая ноша - батман риса да батман камней. Помимо того, и я еще воссяду на спину его. Если и ты взберешься, то будет коню тяжело.

Услышал его внук и, ни минуты не задумываясь, промолвил:

- Отец моего отца и бий каракалпаков, могу ли я дать тебе совет?

- Говори,- позволил бий.

- Выбрось камни, лежащие в одной половине хурджума, а рис, лежащий в другой его половине, раздели поровну и разложи по обе стороны сумы.

Старый бий дивится такой смышленности десятилетнего внука своего. И в удивлении речет такие слова:

- Эх, если все мои внуки столь смекалисты, то запряг бы я сейчас арбу, усадил их всех и прокатил бы в ханскую столицу. Да жаль, дорога не тениста. Боюсь, сморит всех на пути.

На эти слова десятилетний внук бия отвечает так:

- Зачем тенистая дорога? Зачем ехать за тенью, если можно тень возить с собой? Нужно приколотить по краям арбы четыре шеста и натянуть на них одеяло.

Услышав таковые слова, старый бий столь сильно возрадовался обилию ума у своего внука, что на радостях отменил поездку к хану и вместо того собрал всех соплеменников и сказал им:

- Люди! Черношаночники! Наши внуки растут смышлеными и смекалистыми. Значит, поколение, приходящее нам на смену, будет умнее нас. А посему повелеваю вам, черношапочники, селиться просторнее, по-далее друг от друга. Повелеваю вам осваивать обширные земли. Ибо если мы не можем оставить внукам много ума, то оставим им много земли. Они сами будут знать, что с нею делать.

Из рассказов аксакалов:

«Обширна земля каракалпаков, обширна, да неплодородна, ибо сплошь занесена песком, заболочена и засолена. Засолена же она и переувлажнена оттого, что много человеческого и конского пота пролито на эту землю, много пролито на нее сиротских и вдовьих слез».

«Худородна земля наша. Что истина, то истина. Но худородность земли - не только беда, но и благо. Будь земля наша тучна и обильна, то враги давно бы прогнали с нее такой кроткий и малолюдный народ, как черношапочники. И пришлось бы нам кочевать на новые земли».

«Будь я грамотным, я непременно бы написал большое письмо и тем письмом оповестил весь мир, что край наш есть сердцевина горя и печали всего света».

Предание, которое рассказал мой дедушка. Когда наш прародитель Адам-ата народил столько сыновей, что под одной кровлей им стало уже тесно, тогда и решил он разделить их. Пусть обзаведутся своим хозяйством, свой дом выстроят, свой очаг зажгут. А для этого первым делом, конечно, необходимо каждому сыну землю дать. Порешив так, собрал Адам-ата своих отпрысков и говорит:

приходите, мол, каждому дам участок, только все разом не толпитесь, являйтесь по одному,- таково, мол, мое отцовское требование.

Сыновья возрадовались, конечно. Еще бы, кому не охота своей волей пожить. Начали приглядывать лучшие участки. Как облюбуют, так тут же к отцу. Однако скоро начались споры, склоки и свары. Орут, ругаются, кулаками машут. Крик, гам стоит. Адам-ата издала за перебранкой наблюдает, но драчунов не утихомиривает. И только один из них не вступал в споры. Самый младший из братьев - черношапочник. Самый кроткий и покладистый. Он сказал себе: «Пусть уши нашего отца не слышат среди прочих еще и моего крика». Сказав так, он преспокойно завалился спать и проспал до тех пор, пока склоки не кончились. Но и лучшие участки к этому сроку уже были розданы.

И вот приходит черношапочник к родителю, а отцу ведь все дети одинаковы. И переживает Адам-ата, а чем помочь, не знает.

- Где ж ты раньше-то был, сынок?- спрашивает он с сожалением.- Хорошей земли для тебя уже не осталось.

- Совсем?

- Не то что вовсе совсем... В общем, есть один участок, но такой, что... Одно название чего стоит - Барса-кельмес.

- Не кручинься, отец,- говорит черношапочник.- Лишь бы была у меня земля. Разве я не сын твой? И разве не дети Адамовы могут превратить пустыню в сад и, напротив, превратить цветущий край в бесплодный пустырь? Разве не дети Адамовы бросают обжитые земли и разве не они же осваивают дотолле не заселенные? А название... Ну что ж. Это смотря как его понимать. Можно ведь и так понять: «Барса-кельмес» - «Пойдешь - не вернешься», по вернешься - значит приживешься, возвращаться не захочешь.

Пошел черношапочник на землю Барса-кельмес и первым делом построил себе хижину из камыша.

Из рассказов аскаалов. Жизнь предка нашего черношапочника на земле Барса-кельмес была преисполнена трудностей превеликих и превратностей всяческих. Но принял он все, выпавшее ему на долю, и не проклял судьбы своей, хотя трудился денно и ночью не покладая рук, а жил с женой и детьми впроголодь. Первые три года не давала плодов земля Барса-кельмес. Через три года, полив ее потом, взрастил он три растения.

Первое растение - турангил. Корявое дерево с морщинистой корой и горбатым стволом. Летом от него нет тени, осенью - нет плодов,

зимой - нет тепла. В очаге сучья турагила быстро прогорают, не давая тепла и не оставляя углей.

Но прижился турагил на земле Барса-кельмес и полюбился нашим предкам, ибо схож с ними.

Горбился ствол турагила, как горбились и сутулились спины предков наших под тяготами непомерного труда.

Корявы ветви его, как корявы были руки их, в стужу скрюченные от холода, в зной сведенные от беспрестанного копания в земле.

Морщиниста кора его, так же морщиниста и кожа на лицах наших предков, ибо лица их солнцем обожжены, ветрами продублены, невзгодами иссушены.

Не дает углей турагил, как не оставили предки наши богатств потомкам своим.

Второе растение - маялыш. Скрыт в нем неистребимый пламень. Ежели достать маялыш из-под снега или окунуть его в воду, то все равно загорится он, будучи возженным. В единый миг вспыхнет и светом ярким озарит и жаром опалит. И маялыш схож с предками нашими. Схож он живучестью и готовностью воспламениться в миг каждый.

Третье растение куга-осока. Горек вкус ее. Не идет она ни в корм скоту, ни в пищу человеку. И в очаг не годна. Сколько ни суши ее на солнце, не возгорится куга.

Так и среди предков наших были люди, выросшие на этой земле, но никому пользы не принесшие.

Эти три растения были первыми на земле Барса-кельмес, и долго трудились наши предки, прежде чем взошли здесь хлопок и джугара, дыня и урюк. И остались потомки верны заветам предков, и продолжали они из бесплодной пустыни творить плодоносный сад. И воздала им земля за старания их. Земля родила блага, но она же - мать горестей и печалей. Разве не из-за клочка земли вершились все злодеяния в подлунном мире?

Коше-бий рассказывал: Вот именно - из-за клочка. И такого клочка, что минимально меньше и придумать нет возможности! Вот, к примеру, два соседа имели местопроживание по улице Гоне коныс (Старая стоянка), так ведь оба передрались до летального исхода из-за того, что один из них переместил свой забор на двадцать сантиметров в сторону, нанеся таким образом территориальный ущерб. Вот как!

* * *

Возьмите горсть каракалпакской земли, поднесите ее к лицу, и вы почувствуете, что она пахнет кровью. Это не кровь зверей, убитых на охоте, заблудившихся среди просторов земли, именуемой «Пойдешь - не вернешься»). Нет. Людская кровь.

Вонзите лопату в землю Каракалпакии, и вы услышите стук и скрежет. Это не камни. Это окаменевшие кости.

Прислушайтесь к названиям каналов, озер и холмов Каракалпакии:

Кумбаскан - Засыпанный песком;

Кызкеткен - Канал утопившейся девушки;

Балашейит - Дети, умерщвленные священной;

Кой кырылган - Место, где произошел поголовный падеж овец;

Маслахат тобс - Холм совета;

Канлы кол - Кровавое озеро;

Отеш батырдын кабири - Могила батыра Утеша;

Канлы жап - Кровавая речка;

Топырак кала - Земляной город.

В росинке отражается небо. Не только утреннее небо, но и ночное тоже. Каждое из этих названий отражает черные времена в истории народа. Под каждым из них легенды и предания. За каждым - целый дастан.

Из рассказов аксакалов. Послушайте, я поведаю вам о том, почему место в степи называется Кумбаскан -Засыпанный песком.

Давным-давно жил па свете мудрый человек. И было у него два сына. Почувствовал отец, что сочтены всевышним дни его, и позвал к себе сыновей-близнецов, которых звали: одного - Асан, а другого - Усен. Обратился к ним отец перед смертью и сказал такие слова: - Дети мои, вам ли не знать, что есть у меня два участка земли. На одном участке почва тучная и плодородная, на другом - худородная, солончаковая. А еще есть у меня дом, а в доме всякий скарб и утварь. Я мог бы все это поделить между вами поровну, но поступать так я не хочу.

Вы близнецы и вместе были в утробе вашей матери. Однако, явившись на свет, вы стали разными людьми. А живя в соседстве бок о бок, люди часто ссорятся, и я не хочу, чтобы вы - родные братья - в конце концов разругались. Вот я и размышлял долго, как разделить

наследство между вами, и, поразмыслив, пришел к такому решению: один из вас возьмет плодородный участок, а другой - солончаковый. Но тот, кому достанется солончак, получит в придачу целиком весь мой дом со всем скарбом и утварью, ведь надо же ему иметь что-то, покуда не обиходит он землю свою и не взрастит на ней урожай.

Сыновья согласились с таким решением отца, они сочли его мудрым и справедливым. И вот бросил отец жребий меж ними, и выпало на долю Асана плодородное поле, а на долю Усена - солончаковое и дом с утварью в придачу.

Когда старый и почтенный человек умер, близнецы похоронили его, и каждый, покоряясь его воле и своей судьбе, принял предназначенное ему наследство. Асан начал пахать свое поле и строить дом для себя, а вот Усен не стал возделывать и обихаживать доставшуюся ему землю, а вместо этого начал продавать вещи из отцовского дома, все спустил, наконец и дом, отцом завещанный, отдал по дешевке. Скоро деньги кончились, и пришел Усен к брату Асану и стал просить его помочь. Асан выполнил просьбу брата и выручил его. Выручил раз, выручил два и в третий раз тоже выручил, а затем сказал: «Я не стану больше помогать тебе, ибо ни отцовское наследство, ни моя братская помощь не идут тебе впрок. Уходи, больше от меня ты ничего не получишь».

И ушел Усен от брата, и сильно обиделся он на Асана. В озлоблении собрал своих дружков, с которыми прогулял отцовское наследство, и стали они свозить песок к границе участка Асана. Долго возили, пока не насыпали высокий холм. А после поднялся сильный ветер, и Усен с дружками начали разбрасывать песок по ветру и разбрасывали его до тех пор, покуда все поле Асана не покрылось барханами. Тогда-то и стало это место называться Кумбаскан.

Еще один рассказ. Послушайте меня, почтенные аксакалы, я расскажу вам продолжение той истории, которую вы только что услышали. Я расскажу вам продолжение этой истории, и вы поймете, почему местность именуется Балашейит - Священно умерщвленные дети.

Со временем у обоих братьев, у Асана и Усена, появились потомки. Прошли годы, и потомки их потомков размножились до того, что каждый род образовал собственный аул.

В ауле потомков Асана дети рождались часто, у каждой женщины что ни год, то новый ребенок. А в ауле потомков Усена как раз в это

время женщины словно лишились плодовитости, несколько лет подряд никто не выкликал трижды имени новорожденного.

Потомки Асана сначала радовались, а потом закручинились, трудно было им прокормить свои большие семьи. И потомки Усена тоже закручинились, стал одолевать их страх. Боялись они, что, когда вырастут дети в соседнем ауле, потребуется им много земли, и тогда захватят они поля, принадлежащие потомкам Усена, и заодно отомстят им за злодеяния их предка. И чтобы избежать мести за злодеяния, решили они совершить новое злодеяние. Для этого отправили в соседний аул своего хитрого бия.

Пришел хитрый бий в аул Асана и говорит:

- Соседи, мы видим, как вам трудно, как работаете вы дни и ночи, чтобы прокормить своих детей, а все равно живете впроголодь. Соседи, мы хотим помочь вам. Отдайте нам ваших детей на содержание.

Задумались потомки Асана. Они нуждались в помощи, но опасались коварства, ибо помнили, чья кровь течет в жилах жителей этого аула.

- Соседи и родственники,- продолжал хитрый бий,- пожалейте и вы нас, ведь в наших дворах давно уже не слышны звуки детских голосов. А без этих звуков жить скучно.

После таких слов смягчились сердца у потомков Асана, но сомнения еще оставались, и тогда хитрый бий сказал:

- Родственники и соседи, вам не надо беспокоиться, вы сможете навещать детей своих каждый месяц, в тот день, который следует за ночью полнолуния. И, принимая детей, я поклянусь каждому родителю, что с его ребенком мы будем обходиться подобающим образом. И еще то учтите, что никакого вознаграждения за хлопоты мы от вас не потребуем, в чем тоже перед вами клянусь.

Сдались потомки Асана и отпустили своих детей в соседний аул. Через месяц, как и было установлено, пришли они в аул Усена, но не увидели ребят и даже голосов их не услышали.

- Где же наши дети?- спросили они. Бий молча повел их на край аула.

- Что это за кладбище?- спросили они.

- Тут спят ваши дети,- ответил бий.- Но каждого из них мы умертвили священной, совершив подобающий обряд.

Тогда люди из аула Асана набросились на бия и растерзали его в клочья, но казнью злодея нельзя воскресить невинных.

И еще один рассказ. Должен сказать вам, уважаемые, что и на этом история вражды двух братьев и их потомков не кончается. Продолжение этой вражды привело к тому, что не стало на свете ни потомков Асана, ни потомков Усена, зато появилось название местности Кой кырылган - Место поголовного падежа овец. Вот как все это было.

Когда потомки Асана вернулись домой, они собрались все вместе и решили отомстить соседям. Но сразу сделать этого не могли, потому что очень страдали и переживали, а горе, сами знаете, отнимает силы. Жены их так плакали и терзались, что стали бесплодны, и с тех пор в ауле потомков Асана не появлялся на свет ни один младенец. Долго ждали они, пока слезная мука превратится в сухую злость, и вот когда дождались этого, пошли войной на соседей.

А в ауле потомков Усена как раз в это самое время все женщины сразу забеременели. А мужья забыли о том преступлении, которое они совершили когда-то, и размякли их сердца в ожидании наследников, и не были они готовы к жестокой драке, а потому и не могли оказать сопротивления напавшим. Спасло их только то, что до этого, опасаясь мести, они успели окружить свой аул высокой стеной. Сидели день, и неделю, и месяц, но кончилась у них вода и кончилась еда. И поняли они, что не спасти им себя, и решили тогда сохранить хотя бы своих беременных жен, а вместе с ними и будущее свое потомство. Начали гадать, как бы это сделать. Тогда кто-то предложил взять шкуры убитых овец, закутать в них женщин, и пусть они выйдут из аула, а враг будет думать, что это вышла отара. Так и сделали. Но потомки Асана разгадали эту хитрость, набросились на бедных женщин и перерезали всех до единой.

Отсюда и пошло название Кой кырылган.

- А говорят,- добавил один из аксакалов,- что человек, присоветовавший надеть на женщин овечьи шкуры, не был из рода Усена, а был подослан потомками Асана.

- Да, да,- согласился другой аксакал,- ведь известно и не случайно в поговорку вошло, что сто врагов-чужаков не страшны так, как враг-свояк.

И наконец последний рассказ.

- Знаете ли, почему канал, который теперь пересекает чуть ли не половину нашей Каракалпакии, назван Кызкеткен - Утопившаяся девушка?

- Знаем.

- Конечно, знаем.

- Об этом же сложено столько преданий.

- Но все разные. Я расскажу вам историю, которую вы не знаете.

Послушайте.

Всем известно, что река Аму в древности называлась Джейхун, что значит - бешеная.

В одном ауле, удаленном от реки Джейхун на расстояние в полдня пути, жили люди. И были те люди дехкане. Они обрабатывали землю и кормились плодами ее. Воду они носили в выдолбленных тыквах. Полдня к реке, полдня обратно - много ли воды наносишь? От нехватки воды тыквы у них год от года становились все мельче. Мельче тыквы - меньше воды. И вот уж совсем худы стали дела у людей того аула.

Но жила меж ними вдова. А у вдовы была красавица дочь Айша. Волосы у Айши были черны как ночь, зато лицо ее было круглым и светлым, как луна, а глаза ясными, будто звездочки. Многие джигиты сватались к Айше. В богатые дома брали ее. Большой калым сулили. Но она на богатства не польстилась, а решила помочь своим аульчанам. Потому и объявила во всеуслышание: «Свою жизнь я посвящу тому, кто пророев канал от реки Аму до нашего аула и обводнит эту землю».

Джигиты тут же побежали по своим домам, и каждый взял лопату или кетмень. Но родители джигитов, узнав обо всем, пришли к Айше и говорят: «Такая работа одному парню не под силу. А если все они выйдут рыть канал, то кому же ты посвятишь свою жизнь?» «Всем», - ответила Айша.

Не поняли ее люди, подумали, что она хочет стать неверной женой, а потому прогнали Айшу из аула и даже чуть не забросали камнями. Вот так-то.

- Да, всегда плохо, если человека понимают превратно.

- А как еще истолковать ее слова?

- А вот слушайте. Ушла Айша из родного аула, но от мысли своей не отказалась. В соседнем ауле она снова собрала джигитов и сказала им то же самое. Соблазненные ее красотой, все джигиты вышли рыть канал, и, когда работа была окончена, когда по прокопанному руслу хлынула вода, Айша встала на берегу и крикнула: «Джигиты! Спасибо вам! Рахмет! Теперь я сдержу свое слово. Жизнь мою я посвящаю всем вам!»

Сказав это, она бросилась в воду и утонула.

* * *

Ветка с плодами тянется к корням. Взрослый человек тянется памятью к своему детству, а народ - к своему прошлому.

От каждой раны остается след. Названия холмов, долин, рек и каналов на карте Каракалпакии - зарубцевавшаяся боль. Каким только испытаниям не подвергался мой народ: и бедствия были, и мор, и напасти, и нашествия. Когда заносились песком реки, он поливал землю своим потом - не этот ли соленый пот выступает теперь солончаками? Когда обрушивались холода, он согревал землю своим дыханием - не потому ли в злейшую стужу во многих местах почва не промерзает? Люди, жившие здесь, превратили гиблую землю в плодородную. На карте мира есть всего два участка, названных Барса-кельмес - Пойдешь - не вернешься. Оба - на территории Каракалпакии. Это район пустыни и остров в Аральском море, когда-то единый и зловещий Барса-кельмес. И сегодня вряд ли кто поверит, что родина черношапочников некогда представлялась людям земным адом, откуда живому нет возврата. Лишь маленькая железнодорожная станция удивляет своим названием едущих мимо пассажиров: Барса-кельмес - «Пойдешь - не вернешься».

9

Шестеро нас, рожденных от одного отца и одной матери. Четыре брата и две сестры. У каждого свой нрав, свои привычки и причуды. Но, однако же, при всей разности можно сказать, что они - пятеро младших - гораздо больше схожи меж собой, а я - старший - вроде бы наособицу. Не только мне это кажется. Они сами так говорят: «Ты какой-то другой. Воспитали тебя, что ли, иначе?» И действительно, разница, по всей видимости, именно в воспитании.

Я - первенец у матери с отцом, первый внук у бабушки с дедушкой, которые стали как бы «старшими родителями» моими. Под перекрестным вниманием четырех родителей я и воспитывался. У каждого из четырех что-то перенимал. Собственно говоря, от младших братьев и сестер тем, вероятно, и отличаюсь, что в большей мере, чем они, являюсь воспитанником бабушки и дедушки, я дольше прожил с

ними, застал время, когда они - бабушка с дедушкой - были еще людьми отнюдь не старыми, а всего лишь пожилыми.

Мой дедушка Хакимнияз, или, как его звали все домочадцы, просто Хаким, не отличал алиф от черточки²¹[21], но тем не менее всегда был в курсе последних событий, быстро улавливал любые веяния времени. И вообще тянулся ко всему передовому, прогрессивному. Бабушка Бибизада, напротив, свято блюла заветы старины и всяческих нововведений не одобряла. Словом, люди они были, как ныне принято выражаться, диаметрально противоположные. Но...

Но никогда не ссорились. Жили дружно на удивление. Я не припомню случая, чтобы один из них хоть раз повысил голос на другого.

Бабушка Бибизада была набожна и молчалива. Изредка, под настроение, она могла разговориться и тогда рассказывала множество различных сказок, легенд, притч и невероятных случаев, но все они непременно завершались повествованием о «каре божьей», о наказании, которое Аллах послал грешнику, при этом «кара» была порой столь суровой, что даже дедушка (отнюдь не атеист) и мои мать с отцом (тоже верующие) приходили в замешательство и мрачнели. Во время бабушкиных рассказов создавалось впечатление, что в помещении сразу становится темно, будто задернули занавески или опустили полог юрты.

Помнится, поступив в школу и узнав кое-какие сведения о пользе наук и вреде религии, я искренне постарался просветить бабушку. Но она упорно не желала прислушиваться к доводам ученых. Она говорила, что каждый - сам себе голова, каждый в одиночку родится, в одиночку и помрет, каждый один раз на свете живет и сам перед богом отвечать будет. А потому никто ей не указчик, сама знает, что делает.

До самой смерти, а умерла она в 1945 году, бабушка не пропускала ни одной молитвы, пять раз на день творила намаз, даже когда болела и еле двигала руками. За всю жизнь ни разу не отведала вкуса картошки, ни к единому клубню даже губами не притронулась, поскольку считала, что это не «еда предков». Уж какая голодуха была в войну и в первые послевоенные годы, но и тогда она не прикасалась к картошке, а зачастую в доме ничего другого на обед не было.

²¹[21] Поговорка, означающая: был совершенно безграмотным; алиф - первая буква арабского алфавита.

Да, в вере своей она была крепка, хоть и прожила из-за этого всю жизнь словно в одиночестве. Рядом с мужем, среди детей и внуков, но в духовном одиночестве.

А вот дедушка - человек компанейский и сугубо мирской,- напротив, даже оставаясь один, все равно был как бы среди людей. В юности, когда ему было лет 18, он много раз видел Бердаха.

С тех пор и до старости многие стихи поэта помнил наизусть. Особенно любил дастан Бердаха «Айдос-баба» и часто по памяти читал песни из этого дастана. Бий Айдос вообще был его любимым героем, к тому же он доводился предком нашему роду, и поэтому дедушка никогда не звал его Айдос-бием, а только Айдос-баба (то есть дед Айдос). Когда перед войной и особенно сразу после нее начали в народе распространяться и насаждаться мнения, что этот легендарный бий каракалпаков был ставленником Хивы и чуть ли не предателем своего народа, когда эти высказывания проникли в школьные учебники, а издательство опубликовало дастан Бердаха в таком виде, что из него тоже вроде бы следовало, будто Айдос был предателем, дедушка мой страшно возмутился. Он буквально пылал от ярости. Он кричал: «Какой безмозглый обалдуй так перековеркал известный дастан?! Откуда взял он эти подлые слова? Ведь вот же, вот как это звучит! Вот как слышал я эти стихи из уст самого Бердаха!» И читал. Читал наизусть сотни строк. И, слушая, его ровесники - аксакалы нашего аула кивали головами и говорили: «Да, да, ты прав, Хакимнияз».

По обычаю, мы - старый и малый, дед с внуком - спали рядом. Я любил слушать его рассказы, а оп любил, когда я почесываю ему спину. Почесываю - говорит. Прекращаю - замолкает. А мне страсть как интересно было узнать все эти предания, легенды, случаи из жизни и просто забавные или поучительные истории. Я даже не знаю, впрямь ли он до старости помнил уйму всякой всячины или на ходу что-то сочинял. Да это и неважно. Важно, что рассказывать он был мастак. Вот я и чешу ему спину, аж до того, бывало, что рука занемет.

А еще иногда по ночам мы вместе сторожили поле или бахчу. Увлечись разговорами, просиживали до утра и только утром замечали, что дыни, которые мы столь неусыпно охраняли, благополучно украдены или поклеваны сороками, обгрызены собаками и шакалами. Увидев случившийся за ночь разор, дедушка впадал в страшное уныние, он не кричал, не бранился, а молча сидел, покачиваясь из стороны в сторону, тихо страдальчески мычал и

равномерно почесывал спину серпом (или что там было у него в руках). Я же, чувствуя и свою вину, бегал и прыгал вокруг, словно ягненок на привязи. Что-то кричал, махал руками, старался отвлечь его от тяжелых дум и успокоить. Но все напрасно. Единственное спасение было - это если, на наше счастье, на дороге мимо бахчи кто-нибудь проходил или проезжал. Тут дедушка непременно шел навстречу путнику и, первым делом извинившись, просил щепотку табаку, хоть всегда имел при себе полный рожок насыбая²²[22].

Если у путника табака не оказывалось, дедушка угощал его своим насыбаем. Собственно говоря, просьба табака была для аульчан своеобразным паролем, или, лучше сказать, условным приглашением к беседе. Когда разговор завязывался, то и мне разрешалось при нем присутствовать, не вмешиваясь конечно, потому что мальчикам непозволительно вступать, когда говорят взрослые.

Вообще любой беседе дедушка отдавался целиком. Разговоры он считал одним из главнейших дел и ни на что другое не отвлекался, а там хоть буря, хоть потоп - все неважно, все второстепенно. Ну, потоп не потоп, а вот поливное поле во время таких бесед, случалось, заливало с краями. Но, залезая в воду по колени, дедушка успокаивал не то меня, не то себя: «Ничего, ничего, не так уж страшно. Воду мы сейчас спустим в какую-нибудь низину. А вот такого обходительного и умного человека, как этот, не так-то легко найти. Такого ведь раз в год встретишь».

Однако встречал он их чуть ли не раз в день, и то, что попадались ему сплошь интересные и умные люди, зависело, как я теперь полагаю, не столько от собеседников дедушки, сколько от него самого. При нем почему-то каждый встречный становился разговорчивым и радушным.

Предание, которое я слушал, пока поле затопляла вода. Жестокий и ненасытный Чингисхан, покорив сто

стран и разорив тысячу городов, подошел к границам царства Киеу-Урус. Тут его встретили глубокие снега, сильная метель, и трескучие морозы. Потому он вынужден был остановиться. Слезли с копей всадники, опустили на землю воины. Все обрадовались передышке, и только кровожадный хан тосковал, угнетала его тишина, слух его тешили только звон сабель и стоны умирающих. Он думал день, думал два, а на третий велел оповестить всех воинов, что он одарит золотом

²²[22] Нюхательный табак.

размером с конскую голову того, кто сделает ледяного человека. Ханские глашатаи быстро разнесли эту весть по туменам²³[23]. С утра все в войске Чингисхана принялись делать ледяных людей. Одни лепили их из снега, а потом обливали водой. Другие вырубали фигуры из кусков льда. Скоро хапу доложили, что сделаны тысячи ледяных людей. Хан сел на своего коня и поехал по снежному полю. Он подъезжал к снежным и ледяным изваяниям, каждое рубил саблей и, ничего не говоря, ехал дальше, только становился при этом все мрачнее и мрачнее. Наконец, изрубив всех ледяных людей и почернев, как грозовая туча, вернулся в свою ханскую юрту.

Среди воинов Чингисхана был и один молодой джигит, при котором находился его престарелый отец. Отец джигита был мудрым аксакалом, который многое повидал на своем веку, а потому мог читать мысли людей. И по лицу грозного хана он понял, что тот хотел увидеть не ледяное изваяние, а заживо замороженного человека. Разгадав желание Чингисхана, старый отец решил пожертвовать собой, чтобы сделать богатым сына. Ведь сам он всю жизнь бедствовал и, как каждый бедняк, ждал чуда, которое позволит вмиг превратиться из нищего в бая. И вот это чудо само в руки просится. Пошел он к сыну своему и говорит:

- Сын мой, мы с тобой из рода оборванцев. И дед твой, и прадед, и все предки до седьмого колена ни разу в жизни не могли наестся досыта. Семь поколений жили ожиданием счастливого случая. И вот он выпал тебе. Теперь семь поколений твоих и моих потомков не будут знать, что такое нужда.

Сын удивился и спросил:

- Отец, откуда же это счастье? В чем оно?

- Твое счастье в моей смерти, - сказал аксакал и, увидев, что сын замахал руками и заслонило лицо ладонями, словно прячась от ужаса, твердо добавил: - Слушай и не возражай. Поступай так, как я тебе велю, и все будет хорошо. Ночью мы выйдем из юрты. Я стану на морозе, а ты будешь носить воду и обливать ею меня до тех пор, пока тело мое не затвердеет как лед. После этого иди к хану и говори, что ты понял его веление и исполнил это веление так, как он сам того хотел.

²³[23] *Войсковое соединение в 10 тысяч воинов.*

- Но, отец мой,- зашептал в испуге молодой джигит,- ведь то, что ты предлагаешь,- это страшный грех. Это убийство. И даже хуже - отцеубийство. Я не могу этого сделать.

- Ты должен так поступить,- настаивает старик.- Ты должен так поступить ради себя, ради твоих детей и моих внуков и ради меня самого. Да, и ради меня. Дни моей жизни уже на исходе. Я уже прожил срок, отпущенный мне богом, и не сегодня, так завтра все равно умру. Но умру бесполезно и бесславно. Ведь у тебя нет даже денег для моих похорон, и люди будут смеяться и над тобой, нищим, и над моим бедным трупом. А если ты поступишь, как я тебе велю, то исполнишь прихоть самого великого хана и заслужишь обещанную награду, а может быть, и его милость. Кусок золота величиной с конскую голову и ханская милость сразу сделают тебя уважаемым человеком. Л отец уважаемого человека и погребен будет с почестями. Наконец-то, хоть после смерти, я прокачусь на плечах сотников и тысячников, которые понесут погребальные носилки.

Сын противился отцу, но недолго. Желание разбогатеть и прославиться взяло верх в его душе. К тому же и отец настаивал.

Итак, ночью джигит обливает водой своего отца, стоящего на морозе, и, когда тот превращается в ледяного истукана, сын идет к Чингисхану и сообщает, что выполнил его ханскую волю и сделал ледяного человека. Хан снова садится на коня и едет взглянуть на работу своего джигита. Подъезжает и видит, что все исполнено так, как сам он втайне хотел. Вынимает саблю и со всего плеча рубит. Тело распадается на две части, но даже кровь застыла и потому не окрасила снег.

- Хвалю тебя,- говорит хан джигиту.- Ты верно понял мой приказ и быстро выполнил его. Ты достоин награды. Эй, принесите сюда кусок золота величиной с конскую голову!

Джигит радостно улыбается, ожидая заслуженной награды, а в это время хан спрашивает:

- А кто был этот человек?

- Это был мой отец,- отвечает джигит.

- Эй,- кричит хан,- разрубите эту мразь пополам, я не хочу об него свою саблю тупить.

- За что?- взмолился джигит.- Я же исполнил твою волю.

- Мою волю?!- взревел Чингисхан.- Я ждал, что кто-нибудь из смекалистых воинов поймет, что нужно поймать уруса и его

заморозить. Я хотел наградить того сообразительного батыра, потому что он возбудил бы у других жажду крови и мои тумены вместо того, чтоб сидеть здесь по уши в снегах, сами стали бы рваться в бой с людьми этой стылой страны. А ты, гниль вонючая, ради куска золота с конскую голову умертвил собственного отца. А завтра за кусок золота с кулак рад будешь и мне всадить нож в спину. Рубите его!

И десять батыров из свиты хана враз взмахнули саблями, и разлетелось тело джигита на сто кусков, и лишь кровавое пятно осталось на снегу.

- Из какого народа был этот отцеубийца?- спрашивает хан.

- Из черношапочников он,- отвечают тысячники.

- Сейчас же перебить всех чериошапочников в моем войске!- приказывает жестокий Чингисхан.

И через час во всем его воинстве не осталось ни единого каракалпака.

- Как же так?- спрашиваю я дедушку.- Неужели этот джигит был нашим предком?

- Не горюй,- утешает дедушка.- И знай, Тулек, что у любой беды есть и своя польза. Во-первых, тот джигит никому из сегодняшних каракалпаков прапра-прадедом не доводится, потому что не успел оставить он потомство. И нет в нашем народе никого, кто захотел бы так же, как он, поступить со своим отцом. А во-вторых, то, что Чингисхан велел перебить всех черношапочников в своем войске, прежде чем идти на Киеу-Урус, очень помогло потом нашему Маман-бию. Когда Маман-бий приехал в Пытырбур просить, чтобы приняли каракалпаков в российское подданство, тогда царица урусов велела своим визирям и книгочаям проверить, не было ли каракалпаков среди тех, кто поднимал оружие против ее страны. И визири с книгочаями ответили, что ни один из каракалпаков никогда не воевал против урусов.

Предание, которое я слушал, пока собаки грызли дыни. Жестокосердый и свирепый повелитель Востока Хромой Тимур имел такое обыкновение: решив напасть на какую-либо страну, сначала

посылал сотню воинов, чтобы они из той страны привели ему нескольких пленников. Пленных людей он сперва расспрашивал обо всем, что его интересовало, потом пытал жестоко и в конце концов казнил лютой казнью. Так Хромой Тимур испытывал дух того народа, который он намеревался покорить.

И вот однажды повелитель Востока задумал покорить землю урусов. Нукеры привели ему восемь мужчин. Это были люди, жившие в доме подле самой границы: старик отец и семеро его сыновей. Когда Хромой Тимур узнал об этом, то тут же повелел умертвить старика отца, но сыновья в один голос попросили:

- Не трогай его, убей любого из нас. Тимур удивился, но сказал:

- Будь по-вашему, я казнь одного из вас. Кого? Выберу сам.

Хан приказывает всех пленных посадить в зиндан, каждого отдельно, и связать.

Через день хан, прихватив с собой одного из воинов, спускается в зиндан. Заходит к старшему сыну, хватает его за бороду, поднимает голову и приказывает воину:

- Режь!

Как только воин поднес кинжал к горлу старшего сына, хан остановил его и приказывает:

- А ну, сын уруса, говори свою последнюю просьбу.

Старший сын глядит прямо в глаза Хромому хану и говорит:

- Об одном прошу, не отступайся от своего слова. Коли обещал пощадить отца, то пощади. Все. А теперь режь.

Тимур разжал пальцы, пнул хромой ногой старшего сына уруса и вышел. Потом он зашел к другому сыну уруса и тоже, когда воин уже поднес нож к горлу пленника, спросил осужденного:

- Готов ли ты умереть за отца своего? Чего просишь перед смертью?

И другой сын тоже ответил:

- Готов умереть за отца, а прошу одного: не отступайся от своего слова. Коли обещал пощадить старика отца, пощади.

Тамерлан - к третьему сыну. Но и тот ответил так же. Он - к четвертому, к пятому... Наконец - к самому младшему. Тот мальчик совсем. Кму бы жить да жить, но тоже ни о чем не просит, лишь об одном:

- Возьми мою жизнь, но пощади отца.

Хромой Тимур - сам не свой от злобы и печали. Долго он думал и наконец сказал своим воинам:

- Мы не будем покорять землю урусов. Чтобы победить этот народ, его надо уничтожить до последнего. Иначе сыновья всегда будут мстить за своих отцов. Опасно идти в поход на эту страну.

Люди рассказывают, что воин, который вместе с ханом спускался в зиндан и подносил нож к горлу пленников, был черношапочник. Потом он вроде бы сбежал от хана и, добравшись до своих, рассказал обо всем, что видел и слышал.

И очень может быть, что рассказ того черношапочника дошел не только до ушей, но и до сердец его сородичей. Неспроста же каракалпаки всегда хотели соединиться с урусами.

* * *

Была у дедушки еще одна страсть: он любил созывать гостей, чаще всего своих сверстников стариков. Собирал их не по праздникам или дням семейных торжеств (то есть и по праздникам тоже), а в самые что ни на есть обыденные дни, в самые что ни на есть будни.

Если кого-то из домочадцев начинали раздражать столь частые и ничем не обоснованные визиты дедушкиных друзей, если кто-то принимался вздыхать и сетовать, выражая свое недовольство («Опять... Ну сколько можно?.. Нашел время»), то дедушка одергивал ворчуна:

- Не говори так. Запомни: гость - честь для хозяина.

Если недовольным оказывался кто-то из нас, внуков, то он растолковывал:

- В других краях есть высокие горы, и там, если человек хочет увидеть что-то кроме клочка земли, на котором живет, он должен непременно перейти через гору. У нас же земля ровная. Самая большая возвышенность, через которую людям приходится переступить, - это порог дома. Вот и ходят люди друг к другу в гости, когда хотят узнать нечто большее, чем клочок, на котором они живут.

Иногда дедово неумное гостеприимство начинало беспокоить моего отца, но чаще - бабушку. И надо сказать, что им было о чем беспокоиться. Ведь гостей полагается угощать. А наше семейство, становившееся с годами все многочисленнее, постоянно, сколько помню, жило если и не впроголодь, то и не сытно - это уж точно. Ведь и перед войной в аулах с едой было туговато, а уж о войне и первом послевоенном времени и говорить не приходится. Но даже

откровенные замечания, что лучше подумать о себе и внуках, чем гостей потчевать, не могли смутить дедушку. Он всегда находил слова, которые убеждали мою религиозную и суеверную бабушку. Ну, например, такие:

- Гость - посланец божий. А бог знает, что делает. Уже за сорок дней до того, как гость переступит порог какого-нибудь дома, Аллах посылает в этот дом все, что нужно для угощения, и, значит, этот дар господень предназначен не нам, а гостям. Разве ты этого не знаешь?

- Знать-то знаю,- отвечала бабушка,- но ведь в наш дом в последние сорок дней Аллах ничего не посылал.

- Как же не посылал?- удивленно восклицал дедушка.- А джугару мы собрали. Это ли не дар божий?

- А сколько мы ее собрали?- стояла на своем бабушка.- Сколько? Тут самим хватит ли, нет - сказать трудно.

- Сколько б ни собрали,- не унимался он,- там и то, что на гостей рассчитано. А иначе урожай был бы еще меньше или и вовсе бы не уродилась джугара. Разве не бывало такого, что джугара вовсе не родится?

А вот мать моя никогда с дедом из-за гостей не спорила просто потому, что она тоже очень любила принимать людей в доме.

Вообще моя мать больше была похожа на дедушку, а отец - на бабушку. Вернее, даже так: отец унаследовал от бабушки молчаливость и внутреннюю сосредоточенность, а от дедушки - покладистость. Мать же походила на дедушку Хакимнияза общительностью и любознательностью, а суровостью и строгостью - на бабушку Бибизаду.

Можно даже сказать, что у матери моей склонность к общению была сильнее, чем у дедушки. Он-то отдыхал с гостями, сидел с ними за дастарханом, а она, вернувшись с поля (возвращалась с работы, аж покачиваясь от усталости), принималась за домашние хлопоты, убирала дом и двор и прислуживала гостям. И никогда при этом не бывала мрачной или хмурой, всегда радушно улыбалась людям.

В этих хлопотах первым помощником матери был, конечно, я, что и понятно - все-таки старший из детей. Главной моей обязанностью было поддерживать огонь в очаге. Топили мы соломой. Не только с дровами, но и с хворостом в наших краях всегда было трудновато, а в войну и сразу после нее - особенно. Вскипятить котел или хотя бы чайник на соломе - мука мученическая. Она моментально вспыхивала и тут же прогорала. Свету много, тепла - никакого, и еще после вспышки целый

ворох золы, которую только успевай разгребать. Приходилось беспрестанно подкладывать топливо в огонь и шуровать кочергой. Руки мои не знали покоя и к вечеру прямо-таки отваливались от усталости. А к вечеру как раз и начинались разговоры, рассказы, притчи и легенды аксакалов. До этого они лишь пили чай и обменивались любезностями. И вот порой заведет гость неторопливый рассказ, а я, слушая, начинаю клевать носом, глаза слипаются сами собой. Тогда мать легоийко ущипнет меня и прикажет тихим, но строгим шепотом: «Слушай, что люди говорят». Я встряхиваюсь и продолжаю слушать, но сон вновь одолевает. Тогда она ущипнет посильнее и опять тихо и сурово скажет: «Слушай людей». А назавтра непременно спросит, что я понял, что запомнил из рассказов гостей. И если начну путаться и запинаться, то не миновать мне упреков, а то и подзатыльника.

Мать была женщиной находчивой и сообразительной, мастерица отгадывать загадки, давать моментальные остроумные ответы на самые каверзные вопросы, вообще за словом в сундук не лазила. За это ее уважали и ценили в ауле, с удовольствием приглашали на всяческие вечеринки, той, собрания и посиделки. Она же неизменно была и «кыз женге» - «снохой девушек».

По старинному обычаю, парни и девушки должны встречаться, знакомиться и выбирать себе будущих спутников не где попало, а на особых посиделках в одном из домов аула. Девушек должна возглавлять молодая замужняя женщина - «кыз жннге», а парней, соответственно, молодой женатый мужчина, как правило остроумный и компанейский «джигит агасы» - «брат парней».

Собирались на чаепитие за дастарханом, но вовсе не для чаепития, а чтобы лучше узнать друг друга. В таких посиделках было одно непреложное условие: весь вечер нельзя менять положение: как сел, войдя в дом, так и сиди до самого конца, не ерзай и не переваливайся с боку на бок. Этим, во-первых, проверялись выносливость и терпеливость - черты характера, чрезвычайно важные для аульчан. А во-вторых, это заставляло человека сразу принимать наиболее естественное для него положение, а не какую-нибудь картинную позу.

На посиделках устраивались различные словесные игры: решение загадок, состязания в острологии и стихосложении. Каждый обязан был проявить свои способности, показать, на что он горазд. Но никто не стремился выставиться напоказ, задеть или оскорбить другого (даже

во время состязания в остроловии), напротив, одним из главных достоинств считалось умение вести себя скромно, вежливо, учтиво.

Мать часто брала меня на такие посиделки. Порой они затягивались до полуночи, а то и до утра, и если я начинал дремать, то она опять же щипала меня тихонько и приговаривала: «Не спи, слушай, что люди говорят». И я старался слушать как можно внимательнее, поскольку знал, что завтра, улучив минуту, она непременно расспросит меня о сегодняшних загадках, шутках и стихах и очень рассердится, если я, не дай бог, что-нибудь забуду или напутаю.

Она заставляла меня все запоминать, но в то же время и предупреждала строго: «Если хоть кому-нибудь расскажешь о секретах девушек, которые делятся со мной своими тайнами, то смотри, не избежать тебе трепки, по спине палка попляшет». И я верил, что это не пустая угроза - мать всегда была хозяйкой своих слов.

Наше семейство отличалось радушием, гостеприимством и чистотой дома. Мать обычно говорила:

- Многодетная семья должна всегда держать дом в порядке и прибранным.

Она успевала убраться не только в доме, но и почистить все вокруг дома шагов на двадцать - двадцать пять. И вот среди этой чистоты дедушка к вечеру садился перед воротами в ожидании гостей. И так ежедневно.

Теперь я понимаю, что дедушка и мать стремились дать нам, их детям и внукам, не только домашнее, но еще и аульское воспитание. А через рассказы аксакалов познакомить еще и с миром, лежащим за пределами аула. Хоть мельком, но познакомить. Они оба старались, чтобы мы выросли воспитанными людьми.

* * *

Родители мои были безграмотными. Впрочем, какое-то время они занимались в ликбезе и с грехом пополам выучились писать латинскими буквами^{24[24]} собственные имена: «Kaipbergen» и

^{24[24]} Первый послереволюционный каракалпакский алфавит был создан на основе латиницы.

«Gulhan». Но, кроме собственных имен, ничего писать они не могли, а читать и вовсе не научились. Видимо, безграмотность виной тому, что отец, человек толковый и деятельный, так и не сумел подняться выше звания колхозного звеньевского. Мать же посещала курсы механизаторов. Читать не могла, но учила все наизусть. Во время войны она была в колхозе известной трактористкой. В последние годы жизни они оба и верить не хотели, будто когда-то умели расписываться латинскими буквами - забылась грамота. А вот если возле дома затарахтит трактор, то мать, прислушавшись, безошибочно определяла, какие неполадки в двигателе этого трактора.

Я не помню, чтобы в детстве или юности у меня с отцом были какие-либо разногласия. При всей разности характеров мы отлично уживались друг с другом. Он, в свою очередь, никогда не ссорился со своим отцом, то есть с моим дедушкой. Поэтому для меня были полной неожиданностью слова, сказанные дедушкой вроде бы и ненароком, но в то же время сказанные так, что я должен был их услышать и запомнить. Я и запомнил их на всю жизнь.

А слова вот какие:

- Когда я повзрослел, мой отец, а твой прадед, Тулек, подозвал меня однажды и говорит: «Сын мой, мы вроде как перестаем понимать друг друга». Я удивился, но перечить не стал. А потом уже и я сказал своему сыну, твоему, значит, отцу: «Мы почему-то перестаем друг друга понимать». Что поделаешь?.. Пройдет срок, и ты от своего отца услышишь то же. Пройдет срок, и ты своему сыну скажешь то же.

И вправду, когда я достиг совершеннолетия, мой отец Каипберген сказал мне: «Тулепберген, что-то мы начинаем не понимать друг друга. Какой-то ты становишься непонятный мне».

Ныне достигли совершеннолетия мои дети, и все чаще они кажутся мне непонятными, хотя слов, сказанных дедушкой отцу и отцом мне, я своим сыновьям еще не произнес. Неужто проблема отцов и детей вечная? Выходит, что так. Может, в том и состоит развитие человечества, что потомки понимают мир иначе, чем предки?

* * *

...Когда я родился, моему отцу шел двадцать первый год, а матери - девятнадцатый. Я стал их первенцем, их первой родительской

гордостью, но они были еще молоды и неопытны. Потому воспитывали меня в основном бабушка и дедушка.

Дедушка советовал: «Не приставай к плачущему. Не спрашивай, чего это он плачет. Зачем лишний раз напоминать человеку о его горе. Захочет - сам расскажет. Лучше спроси у смеющегося, чему это он смеется. Пусть человек лишний раз поделится радостью».

Бабушка поучала: «Если найдешь чужую вещь, то не бери, а крикни три раза: я нашел то-то и то-то! Сыщется хозяин - верни. А нет - так отдай первому встречному».

Теперь уж не помню, следовал ли я этим советам в детстве, так что ни похвалиться, ни покаяться не могу. Но с годами почувствовал, что не могу равнодушно видеть чужих слез, у самого сердце сжимается. А от чужой радости сам становлюсь веселее, настроение улучшается. Это не к тому говорю, чтобы покрасоваться: вот, мол, какой я сердобольный и отзывчивый. Нет, я обыкновенный человек, и мне, как каждому, близки и чужие радости, и чужие беды.

Бабушка говорила: «В слове «человек» всегда есть мера твоей любви к другим людям, твоей признательности им».

Дедушка говорил: «Сказать про себя: «Я человек», - значит подумать: «А чем я другим-то полезен?» Кто об этом себя не спрашивает, тот не человеческое дитя, а звереныш».

10

У каждого народа свой алфавит, а еще своя азбука жизни - национальная педагогика. Мало того, я убежден, что и в каждой семье своя азбука жизни, своя семейная педагогика. И в нашем семействе был свой способ воспитания детей. Ныне, что называется «поздним умом», я начинаю его осознавать. Способ этот, на мой взгляд, состоял в том, что нас, детей, ненавязчиво наставляли при помощи различных легенд, преданий, сказок, притч, мудрых советов, рассказов, которые дедушка с бабушкой и отец с матерью порой черпали из жизни, а порой и просто придумывали нам в поучение.

Помимо этого была у нас в доме еще и своеобразная игра. Называлась она «Улетел от нас воробей».

Семейная игра. После ужина, перед сном, когда свет уже погашен и все в постелях, кто-то произносит:

- Улетел от нас воробей.

- Какой воробей?- спрашивает другой.
- А такой воробей, что у него сорок глаз и сорок ушей.
- Куда улетел?
- В другой дом.
- В какой дом?
- Узнаешь потом,- отвечает ведущий.

- Сколько там сыновей, сколько там дочерей? Ведущий говорит, ну, например: «Три сына, четыре

дочери. Еще в том доме две коровы и девять овец...»

Наша задача угадать дом, который он имеет в виду. Но сделать это не просто. Таких семейств - три сына, четыре дочери - в ауле с десятком найдется. Нужны дополнительные сведения. Однако зачинщику нужно быть осторожным и не выдавать явных примет, потому что если он добавит, скажем, что хозяйка дома работает продавщицей в магазине, так ведь это каждому ясно, что речь о доме Караматдина, а если один из сыновей прихрамывает на левую ногу, тогда конечно же «воробей» прилетел к дому Есемурата. Но и скрывать существенные приметы ведущий не вправе. Иначе это все равно рано или поздно выяснится, и его признают проигравшим.

Чтобы вечером подольше вести игру, мы днем повнимательнее присматриваемся к своим соседям-аульчанам, стремясь приметить что-нибудь такое, что другим в нашей семье еще неизвестно. Ну, допустим, у Каллибека отелилась корова. Или у Есемурата начали чинить крышу сарая. Конечно же не специально бегали подглядывать и разузнавать, а просто глаз уже был так наметан и память так устроена, что все новое в ауле моментально схватывалось и усваивалось. Кроме того, в игре можно было называть и бывших аульчан, откочевавших в другие аулы, и дальних родственников, проживавших в отдалении, но таких, к которым часто ездили в гости, а потому все участники игры могли знать их быт и уклад.

Игра эта была чрезвычайно полезна, ненавязчиво она понуждала нас, детей, вживаться в судьбы соседей. К тому же мы понимали, что такие же или схожие игры есть и в других домах, а значит, и к нам приглядываются, значит, и мы живем не за дувалом, а на виду у всего аула.

Тот сорокаглазый и сорокаухий воробей давным-давно улетел и под чьей стрехой ныне гнездится, теперь уже и не угадаешь. Я пробовал затеять эту игру со своими детьми, но ничего не вышло. Они смотрят

телевизор, знают обо всем на свете, а о том, как живут, что думают, чем озабочены и обрадованы даже ближайшие соседи, об этом - нет - и не ведают и, похоже, ведать не хотят. С одной стороны, это вроде бы и хорошо, что сегодня уже не принято соваться в чужую жизнь, встревать в чужие личные дела. Были годы, когда такими встреваниями не одну судьбу поломали. Но, признаюсь, мне все чаще кажется, что теперь жители одного аула или одного большого многоэтажного дома напоминают людей, сидящих в общей комнате спиной друг к другу. Как-то это не по-людски.

Два назидания моей бабушки. Однажды по пыльной дороге ехал один мудрый человек. Ехал он, сидя на своем осле, и ел хлеб свой. Вдруг случайно на землю упала крошка хлеба. Отломилась от лепешки и упала. Мудрый человек слез с осла и начал искать крошку. Но пыль толстая, разве найдешь? Ищет он день и не находит. Ищет второй и третий день. Ищет неделю. Тогда он замечает это место, едет в ближайший аул, продает там своего осла и на вырученные деньги ставит высокий дувал вокруг того места, куда упала крошка хлеба. Это чтобы хлеб не затоптали ногами...

Крошка хлеба - тоже хлеб. Не забывайте. Человек тот сделал дело богоугодное. А топтать хлеб - великий грех.

Так заканчивала свой рассказ бабушка.

И впрямь, на дороге к Шортапбаю мы, дети, видели старый дувал. Старый-престарый, полуразругавшийся, обросший бурьяном. По рассказам бабушки выходило, что это и есть тот самый забор, которым мудрый человек огородил упавшую хлебную крошку.

Вспоминаю, что в детстве порой мне снился этот человек: едет он на осле и жует лепешку.

И еще . Давным-давно у одного бая был толстый и капризный сын. Однажды он пошел по нужде в отхожее место и прихватил с собой лепешку, которую ел как раз. Справил он нужду и на подтирку не нашел ничего лучшего, чем остаток лепешки. А напоследок запихнул опоганенный хлеб в щель забора, которым ограждено отхожее место.

Через день портится погода. Буря. Град. Гибнут посевы. Начинается великий голод. Люди пухнут и мрут. Тот капризный байский сын тоже голодает и от голода пухнет. Все время о еде думает. И вдруг вспоминает, что в щель забора засунул кусок хлеба. Идет он в отхожее

место и находит ту щель. И хлеб тот видит. Но достать не может. Пальцы распухли, в щель не пролазят. Тогда он решил языком дотянуться. Сунул язык, а там змея. Она его прямо в язык и укусила. От укуса тот поганец подох, и сразу погода наладилась, голод отступил. Покарал бог нечестивца и снял кару с людей.

...Помню, рассказы эти на нас производили чрезвычайно сильное впечатление. Когда мы с братьями и сестрами ели хлеб, то под рот всегда подставляли ладошку, чтобы, не приведи господи, ни единая крошка не упала. С дастархана все крошки тоже сгребали в кучку, кучку в горсть - и в рот. Если случайно замечали хоть корку на земле, то всегда поднимали.

Среди моих сверстников немало людей, которые обзавелись достатком сверх меры. Но нет среди них тех, кто бы глумился над хлебом. И даже если у человека холодильник ломится от продуктов, а карманы топорщатся от денег, он все равно, увидев на земле кусок хлеба, не поленится нагнуться и не побрезгает взять его в руки, чтобы вынести на то место, где хлеб можно скормить птицам.

Рассказ коше-бия. Некогда в нашем ауле проживал настоящий душегуб всего живого, хоть и был он не уголовным элементом, а элементарным подонком. Имя его Кардос, но все прозывали его Кривым, но не из-за дефекта глаза, а из-за кривизны души, если только наличие души в нем вообще имелось. Он истязал все животное поголовье своего хозяйства, вплоть до кошки включительно. Животные издавали истошные вопли, которые очень огорчали соседствующих с Кардосом жителей аула, и граждане вознамерились гнать Кривого в три шеи с соответствующим лишением права проживания. Но предварительно решили этот вопрос согласовать со старейшинами. А старейшины сказали:

- Давайте в последний раз попробуем перевоспитать его проявлением чуткости и доверия.

Тогда аульчане постановили: в знак оказания доверия отправить Кривого Кардоса на базар с общим товаром. Поскольку такие поручения доверялись лишь наиболее зарекомендовавшим и проявившим себя товарищам, то аульчане рассудили, что это, возможно, поспособствует тому, чтобы поднять у Кардоса престиж его собственного авторитета в собственных же глазах.

Итак, Кардос Кривой с пятью другими попутчиками отправился в Хиву на базар. По пути следования им встретилась вереница муравьев, пересекавших дорогу в поперечном направлении. Все благополучно переступили через эту вереницу и направились дальше. Лишь один Кривой Кардос закричал:

- Как смеют эти твари пересекать мой путь?! Закричав так, он со злобным остервенением начал

топтать подошвами своих ног бедных муравьев.

Люди его вразумляли и отговаривали при помощи наставительных указаний и даже настоятельных рекомендаций, но он не внял голосу их рассудка и продолжал свое непристойное поведение. Тогда люди оставили его одного, а сами продолжили следование по направлению к базару.

Когда в конце дня, направляясь с базара в аул, они достигли того места, где оставили Кривого Кардоса, то увидели его мертвый труп, по которому ползали муравьи...

И этот рассказ я запомнил навсегда. В детстве мы старались не причинять вреда даже букашкам, козявкам и червячкам. И вообще сострадание ко всякой живности в нас, в детях и внуках, родители и бабушка с дедушкой воспитывали сознательно и целенаправленно.

По обычаям каракалпаков, резать скот могут только мужчины. Но у нас в семье мужчин, способных на это, никогда не находилось. Если же возникала нужда хотя бы курицу обезглавить, то мы разбегались кто куда, а мать с курицей отправлялась к соседям.

Честно говоря, мне даже неловко, ведь я не вегетарианец, я очень люблю есть мясо, но ни разу в жизни не только не зарезал ни одного барана или быка, но даже когда курицу режут, видеть и слышать этого не могу. Жалко и жутко!

Притча, рассказанная моей матерью. У У одного человека была большая семья. А своего поля у него не было, потому что лачуга его стояла в густых зарослях тростника. Человек нанялся батрачить к одному баю в соседний аул. На деньги, которые платил ему бай, он и кормил всю свою большую семью. Но бай был жадным, а работа у него

была тяжелой, и потому человек хоть и выбивался из сил, но еле-еле сводил концы с концами.

И вот однажды дошли до него слухи, что где-то далеко есть гора. И будто бы вся она состоит из золота. К той горе со всего света стекаются люди, и каждый может там добыть золота столько, сколько захочет. Тогда и этот человек решил попытаться счастья. Собрался и ушел из дома.

В семье, оставшейся без отца, все тяготы легли на его двенадцатилетнего сына. Мальчик сначала очень опечалился, но делать нечего, надо было как-то жить, и он принялся за работу.

Он с братьями и сестрами стал ломать сухой тростник и продавать его в соседние аулы. Скопив немного денег, они купили осла и острые серпы. Теперь рубили тростник братья, а сестры плели циновки, и старший сын мог уже продавать и вязанки тростника, и циновки не только в ближних, но и в дальних аулах и даже в городе.

Скопили еще немного денег и купили соху, потому что за это время, вырубая тростник, они расчистили большое поле. Поле они засеяли пшеницей. Осенью собрали хороший урожай, такой хороший, что им должно было хватить хлеба на всю зиму и три мешка еще можно было продать. Старший сын взвалил мешки с пшеницей на осла и отправился в город.

А тем временем их отец, проскитавшись три года в поисках богатств, так и не найдя золотой горы, возвращался к себе домой с пустыми руками. Приходить домой ни с чем ему было стыдно. И вот он решил зайти на базар и, может быть, продать халат или шапку, чтобы купить жене и детям хоть какие-нибудь гостинцы. Идет он по базару и вдруг видит, что стоит его сын, рядом с ним осел, нагруженный мешками пшеницы, и сын его эту пшеницу продает. Отец удивился. Потом испугался. Подбежал к сыну, схватил его за руку и спрашивает:

Откуда это, сынок, уж не ворованное ли? Если ты это украл, то позор ляжет и на твою и на мою голову. Отвечай же скорее.

Сын рассказал все отцу и успокоил его.

- Эх, сынок,- вздохнул отец,- Я-то шел домой, чтоб объяснить тебе, что нет золота за горами, а ты объяснил мне, что оно под ногами.

Они вернулись домой, стали вместе усердно трудиться и зажили счастливо и в достатке.

У трудолюбивого и пыль превратится в золото, у ленивого и золото обратится в пыль.

Наставление, которое время от времени повторял мой дедушка. Жил на свете некий купец, который по своим торговым делам часто наведывался в город Чимбай. В Чимбае он познакомился с одним муллой. Они сдружились и поклялись на хлебе в бескорыстной преданности друг другу.

Однажды купец привез в Чимбай арбу всякого товара в расчете продать его на базаре, на вырученные деньги закупить другой товар, чтобы выгодно продать его в другом месте. Но вот незадача: торг шел плохо в тот день. Весь привезенный товар купец продать не смог, а товар приобретенный ему класть некуда, ведь места на арбе не оставалось. Долго он ломал голову, как ему быть, но тут на выручку пришел его друг мулла.

- Друг мой,- сказал мулла.- Тебе не стоит тревожиться и печалиться. Весь непроданный товар ты можешь подарить мне в знак нашей дружбы.

- Друг мой,- отвечает ему купец,- я ведь человек торговый, поэтому ничего дарить не могу даже друзьям. В лучшем случае могу обменять одно на другое. Что ты мне предложишь взамен?

Что ж,- отвечает мулла,- я лицо духовного звания и потому ничего вещественного предложить тебе не могу. Но если тебя случайно настигнет смерть, то умирай спокойно и знай, что я бесплатно прочту заупокойную молитву, как и повелевает мне долг дружбы.

Купец согласился и весь нераспроданный товар оставил мулле.

Однако эта сделка долго не давала купцу покоя, все ему казалось, что остался он в убытке и внакладе. И вот, чтобы возместить убытки, решил он съездить с товаром в город Герат.

А в те времена вокруг Герата промышляло множество разбойников, которые дочиستا грабили проезжавших торговцев, а если те сопротивлялись, то и безжалостно убивали их. Поездка в Герат была очень опасной, но зато сулила большой барыш, ведь в Герате все товары ценились вдесятеро дороже, чем в иных городах.

И вот намерился купец ехать, но никак не мог найти себе попутчика. Одни отказываются сразу, другие соглашаются, но заламывают такую цену, что никакой выручки не хватит, чтобы расплатиться с ними. И тут купец вспоминает о своем друге мулле. Едет к нему в Чимбай и говорит:

- Друг мой, ты должен отправиться со мной в Герат, потому что в одиночку мне ехать туда нельзя.

- Друг мой,- возражает мулла.- Я ведь не охранник, а священник. Чем же смогу быть полезным тебе в таком опасном путешествии?

- Как чем?- изумился купец.- Если по пути меня убьют, ты и прочтешь надо мной обещанную заупокойную молитву.

Что делать мулле? Пришлось ему поехать...

Из дедушкиных нравоучений:

«Если дружба держится на корысти, то это как халат, сшитый гнилыми нитками».

«Если ты не будешь прощать ошибки друга, а он не станет прощать твои, то оба вы останетесь один на один со своими ошибками».

«Если друзья больше пекутся каждый о себе, то того и жди, что меж ними щель образуется. Потом и оглянуться не успеешь, как в той щели заведется змея вражды».

11

Зачастую мне казалось, что родительские назидания и нравоучения - это одно, а реальная жизнь - нечто совсем иное.

Помнится, в молодости, по достижении совершеннолетия, когда обзавелся уже кое-каким личным жизненным опытом и хоть мало-мальски, да поднабрался ума-разума, я страшно боялся потерять своих тогдашних друзей. Мне казалось, что друзья развиваются быстрее меня, и если так пойдет, то скоро я им стану попросту неинтересен. Мне казалось, что я упустил уйму времени и продолжаю бездарно тратить его. Поэтому я бросился наверстывать упущенное, задавал себе всяческие задания, устанавливал обязательные дневные нормы и постоянно не успевал их выполнять, отчего злился на себя и мучился. А в итоге это не сблизило меня с друзьями, а лишь отдалило от них, ведь я был постоянно занят, а им хотелось встреч, общения, совместных разговоров.

Помню, в студенческие годы один хороший дружок предложил сходить вместе в кино. А я отказался, сославшись на то, что обязан дочитать книгу, которую начал читать вчера вечером. Он махнул рукой и пошел один. На следующий день, дочитав книгу, я сам наведалься к нему, хотел поговорить о чем-то, но он отвернулся и буркнул:

Тебе нужен не человек, а книги. Вот иди и читай.

Я в ответ что-то сказанул сгоряча. Так мы и разошлись. А жаль...

Для жизни необходимы: во-первых - воздух, во-вторых - вода, в-третьих - пища. Но какой толк во всем этом, да и в самой жизни, если живешь без друзей?

Жизнь продолжается потому, что рождает себе подобную жизнь. Так и дружба жизненна лишь тогда, когда дружеская преданность одного человека рождает ответную преданность другого.

Чувство дружбы - одно из самых естественных чувств. Ведь человек рождается с подсознательным желанием с первых же минут жизни установить связь с окружающим его миром. И неудивительно, что со временем это желание превращается в стремление установить прочную связь с людьми, то есть сдружиться с ними.

Истинный друг не только делит с тобой поровну все радости, горести и тревоги, но он еще способен заметить яд, проникший к тебе в душу, и высосать эту отраву, как высасывают яд из раны после укуса змеи.

Предание, которое рассказывал мой дедушка.

Однажды Айдос-баба захворал. Разболелась нога. Он лежал в своей юрте и скрежетал зубами от нестерпимой боли. Айдос-баба никогда никому не жаловался, но его зубовой скрежет разносился по степи, и потому скоро все узнали о недуге великого бия. Узнал о нем и один из верных друзей Айдоса, он решил навестить бия и осведомиться, не надо ли чем-нибудь помочь больному.

Друг приехал, увидел, как страдает, как мучается Айдос-баба, и понял, что не знает средства, способного исцелить недуг.

Очень огорчился этот человек, очень опечалился и; вернувшись к себе домой, спросил себя:

- Какое же право я имею называться его другом, если несчастный Айдос не может шевельнуть ногой, а я преспокойно разгуливаю на своих двоих?

Тут он выхватил нож и с размаху всадил его по рукоять в собственную ногу.

Через какое-то время Айдос-баба выздоровел, боль ушла из его тела. А у друга, напротив, рана нагноилась, нога покраснела, потом посинела, потом стала черной, и ее пришлось отрезать.

Весть о поступке друга, о его самопожертвовании в честь Айдоса доходит до великого бия.

- Айдос-баба,- говорят люди,- теперь ты должен навестить своего друга. Он так страдает.

- Да,- подхватывает Айдос,- навестить друга и отрезать себе ногу в его честь! Нет, я отрекусь от него. Мне нужен такой друг, который сможет исцелить меня, а не такой, который может искалечить себя.

Так Айдос-баба и не навестил калеку.

* * *

Слепая дружба вредна для обоих. Лучше, конечно, пораньше расстаться с человеком, который не может стать опорой своему другу, потому что когда спустя годы вдруг поймешь, что дружил с трусом или негодяем, то клянeshь уже не столько его, сколько свое доверчивое ротозейство. Ведь этот мир не гостиница, и мы не постояльцы в нем с временной пропиской и друг другу не случайные встречные. Нет. Этот мир - наш дом. И мы не только проживаем в нем, мы - его опора. Он на нас держится и всею тяжестью на нас давит. Вынести такую тяжесть в одиночку неумоготу никому. Единственная возможность выстоять - это быть всегда с людьми.

Из нравочений дедушки:

«Это ж ясно как божий день: чем белее одежда, тем быстрее она пачкается. Так и дружба: чем чище, тем заметнее на ней всякая грязца. Это известно: одежда лучше новая, а дружба лучше старая, старая, но не грязная».

«В народе говорят: «Расчетливый друг не ошибется». Это в том случае, когда у друга простой расчет, что твоя забота о нем важнее твоих забот».

«В дружбе личная корысть - это как вечерняя тень. Чем она длиннее, тем ближе к закату».

Из нравочений моей матери:

«Если друзья каждый смотрит в свою сторону, то они как волны, что тянут соху: один - туда, другой - сюда».

«Дружба - это ноша, что несут вдвоем. Если один споткнется, вся тяжесть ляжет на другого».

«На недоверии дружбу не замесишь. Если друзья начали следить друг за другом, то это уже враги».

«Сперва будь предан своим родителям. Потом -своему народу. Тогда научишься ценить и преданность друзей».

Предание, рассказанное моей бабушкой. Жил на свете мальчик слепой от рождения. Однажды он пожаловался Аллаху:

- Боже, почему все люди зрячи, а я слеп? И бог ему ответил:

- Потому что твой родители скареды, завистники и лжецы.

Я не хочу, чтобы ты был таким же.

Ты не сможешь жадничать, ибо не отличаешь золото от простого камня.

Ты не сможешь завидовать, ибо не видишь.

Ты не сможешь лгать, ибо никто не поверит тебе, если скажешь, что видел то-то и то-то собственными глазами, и не сможешь, как все вруны, клясться: «Пусть лопнут мои глаза, если я вру».

Услышав такой ответ, мальчик покорился своей судьбе и стал жить дальше.

Однажды на дороге он споткнулся обо что-то и сильно ударился, разбив себе лицо. Но не разозлился. Он был добр и терпелив. Он решил выкопать то, обо что споткнулся, и выбросить это с дороги, чтобы другие не падали. Он раскопал эту вещь и вынул ее из земли. А в это самое время по дороге шел путник. Мальчик спрашивает у него:

- Что это такое? Путник удивленно говорит:

- Ой-бой, парень! Да ведь это ж золото! Тогда мальчик ему предлагает:

- Вы так обрадовались, увидев эту вещь. Возьмите ее себе.

Путник удивился еще больше:

- Ой-бой! Ой-бой! Разве ты не знаешь, что такое золото? Разве не знаешь ты, как дорого оно ценится?

- Я слышал о золоте,- говорит мальчик,- но ведь оно не мое. Я не могу его взять.

Путник оказался честным и тоже не пожелал брать золото. Тогда мальчик пошел прямо к судье и отдал найденный слиток. Наутро тот мальчик проснулся зрячим.

Рассказ коше-бия. Однажды я оказался в качестве свидетеля нижеследующего происшествия. Когда производились работы по

рытью канала Абат Жармыс, в нашем ауле у одного дехканина родился сын, которого отец в честь данного гидросооружения решил назвать Абат Жармыс²⁵[25]. Однако парень рос лживым клеветником и не оправдал доверия, возложенного на него славным именем канала, а потому все по истечении скорого времени стали звать его просто Жармыс - полоумный, исключив за ненадобностью первую часть имени -Абат.

Как-то иду я по направлению к своему аулу и воочию наблюдаю, как Жармыс ведет бурую корову по направлению из соседнего аула. Я тогда не мог даже допустить предположения, что корова уведена путем кражи. Однако на следующие сутки на территории нашего аула появляется один житель аула соседнего с устным заявлением, что у него украли корову, соответствующую мною виденной. Я, конечно, тут же информировал этого человека, что самолично наблюдал, как ее вел Жармыс. Хозяин коровы направляется к Жармысу и задает ему наводящий вопрос:

- Где корова?

А тот, значит, уклоняется от ответа и заявляет:

- Знать не знаю, и пусть лопнут мои глаза, если я ее видел.

Хозяин коровы, не обращая внимания на это заявление Жармыса, направляется к хлеву и извлекает из него свою бурую корову.

За совершение такого правонарушения Жармыс подлежал немедленной сдаче в милицию. Но он посредством слез и рыданий добился прощения. Однако пользы из этого не извлек.

Дело в том, что в течение следующей же ночи в состоянии сна он не то чтобы напрочь лишился зрения, но глаза его сильно покривились в две противоположные стороны.

В результате чего он немедленно получил в народе соответствующее наименование - Жармыс кыйсык, это значит «полоумный кривой»...

В детстве нам так понравился этот рассказ, что у меня и моих младших братьев и сестер даже привычка появилась особая: если кто разок соврет, тут же бежит к братьям и просит поглядеть, не скривились ли его глаза?

²⁵[25] А б а т - изобилие; ж а р м ы с - канал; полоумный.

Предание, рассказанное моей матерью. В давние-предавние времена иранский шах завоевал одну страну и велел увести в рабство всех мальчиков и юношей и даже новорожденных младенцев мужского пола. Шах был злой и жестокий. Его сердце не тронули ни слезы матерей, ни крики детей. И бедных ребят, словно ягнят, погнали на юг. А несчастные матери угнанных детей бежали за ними с рыданиями. Но их отгоняли воины шаха. И тогда матери угнанных детей взошли на песчаный холм и глядели вослед своим детям, пока те не скрылись из виду. А злой и неумолимый шах даже головы не повернул, чтобы взглянуть на плачущих матерей.

Прошло семь лет. Шах обо всем забыл. Он собрался завоевывать новую страну, которая лежала за пределами страны, им же покоренной. Потому путь шаха пролегал мимо того холма, где стояли несчастные матери.

Увидел он множество женщин, неподвижно стоящих на вершине лицом к югу, и спрашивает их:

- Что вы тут делаете? Для чего собрались? Они ему отвечают:

- Мы ожидаем детей своих.

- Куда же скрылись ваши дети? - спрашивает шах.

- Они уведены иранским шахом,- отвечают женщины.- Уведены и отданы в рабство.

- Когда это было?- спрашивает он.

- Семь лет тому назад,- отвечают матери.

- И семь лет вы ждете?- удивился он.

- Да,- отвечают они.- И нет среди нас ни одной матери, что хоть на минуту отвела бы взор свой от той стороны, куда увели ее ребенка. Нет ни одной матери, которая бы за это время хоть раз ушла с холма, чтобы поесть или попить.

Шах не может верить этому. Он слезает с коня и поднимается на холм. Заметив у подножия холма кладбище со множеством могил, он спрашивает:

- Кто тут погребен? Ему отвечают:

- Тут покоятся матери, чьи сердца разорвались от переполнившего их горя.

Шах вдруг понял всю глубину страдания матерей, и как только понял это, так в ту же секунду у него подкосились ноги и он упал. Тут поднялся сильный ветер и снес шаха к подножию холма. Он упал в могилу и отдал богу душу...

Нравоучение дедушки: «Иногда говорят: «Проклятие отца - стрела в сердце, проклятие матери - стрела, прошедшая мимо». Не верь этому, Тулек. Это не народная поговорка. Это какой-то выродок и недоумок выдумал. На самом-то деле нет проклятия страшнее материнского. Если мать проклянет, считай, что проклят родной землей».

12

Решили меня отдать в учение. А было мне тогда лет пять. Собрался домашний совет. Дедушка и бабушка сошлись на том, что нас с Арухан (это их последний дочь, младшая сестра моего отца, которая, разумеется, мне доводилась тетей, но я называл ее сестрицей, потому, во-первых, что сам считался как бы сыном бабушки и дедушки, а во-вторых, была она старше меня всего на пять лет) пора уже отдавать в учение. Но вот кому именно отдавать, они никак не могли решить. Дедушка говорил о школе, бабушка - о мулле. А за несколько дней до этого учитель уже заходил в наш дом и просил направить Арухан в школу, но бабушка наотрез отказалась: «Моей дочери нечего там делать». И учитель ушел ни с чем.

Дедушке это не понравилось. «Плохо, если девочка останется неучем», - говорил он.

«Успеет еще,- стояла на своем бабушка.- Сперва отдадим детей мулле. Сперва исполним свой долг перед Аллахом».

Надо объяснить, что обучение у муллы было одним из пяти условий, без неукоснительного исполнения которых человек не может считаться настоящим мусульманином.

«Да чему он сможет научить-то, твой мулла?- возражал дедушка.- Все молитвы, какие надо, я и сам заставлю их вызубрить».

Но бабушка оставалась непреклонной.

Нам с сестрицей было совершенно безразлично, у кого учиться. Мы не знали ни муллы, ни учителя, ни те науки, которые они нам преподадут. Но в школу надо было ходить днем, когда и без того всяких дел и забав вдосталь. А к мулле - на ночь глядя и втихую. Это еще приманивало нас и тайной.

В конце концов победа осталась за бабушкой, Днем она напекла целое блюдо баурсаков, а с наступлением темноты взяла нас с сестрой за руки, блюдо с баурсаками установила себе на голову и быстрой походкой направилась к дому муллы.

Был первый день уразы - мусульманского поста. Мы с утра ничего не ели, а баурсаки пахли так вкусно, что я думал только о них, а на все остальное почти не обращал внимания, поэтому, как мы вошли в дом муллы, как нас приняли и все такое прочее, этого я не помню. Помню только, что с пола поднялся безбородый старик, длинный и тощий, как ремень. Лицо красно-темное, словно старая медная пряжка. И голос у него тоже был высоким и тощим.

- Ассалям-алейкум, бабушка Бибизада! Значит, все же привела чад своих под руку Аллаха? Пусть же бог примет твою мольбу.

- Вуалейкум-ассалам! - ответила бабушка с поклоном. - Прими детей моих в свое распоряжение. Кости их - наши, мясо - твое.

Помнится, в ту минуту бабушкино присловье меня напугало, показалось мне людоедским. Это позже я узнал, что означает оно следующее: основа - наша, а форму ты твори как сочтешь нужным. Правда, есть еще одно значение: можешь бить их, но кость не повреди, а мясо нарастет.

Правильно сделала бабушка Бибизада, что привела детей сюда. Разве в школе научат старших уважать, обычаи блюсти, бога бояться? Нет. Там все только об уме заботятся. А много ли его надо - того не разумеют. А вы вот послушайте, что мудрость-то гласит.

Мудрость, которую возгласил мулла. Сотворил бог человек и решил проверить, сколько тем человекам ума надобно. И стал он им поочередно мозг вкладывать. Одному малую толику вложил. Другому - поболее того. Третьему еще добавил. А последнему от всей щедрости своей вложил столько, сколько в голове поместилось. После того призвал всех пред очи свои и спросил:

- Сотворил я мир и вас, человек, и знать желаю, довольны ли вы творением моим. Речите, рабы божьи, все по своему разумению и гнева моего не бойтесь.

- О всеильнейший и всемогущий!- воскликнули все в один голос.- Велика мудрость твоя, бесконечна благодать твоя, и не нам, рабам твоим, судить деяния бога нашего.

И лишь один, самый мозговитый, вскричал:

- Полон скверны, боже, сей мир, тобой сотворенный. И скверен есть человек, сотворенный тобой!

И сказал ему Аллах:

Ты один не доволен моим творением. Тебя одного я должен исправить.

Тут подоспели господни слуги и надели на голову тому человеку волшебную черную шапку. Под той шапкой сразу умалился ум его, а вместе с умом умалилась и гордыня его, и воскликнул тот человек:

- Прости, всеблагий и всемогущий, прости мне глупые и дерзкие речи мои и не гневайся на меня, грешного!

Обещал Аллах не карать рабов своих и слово свое законом поставил. Но того черношапочника приметил и долго мольбам его не внимал, почитая их за глас умствующей гордыни. Оттого народ наш беды великие претерпел. И вот теперь, когда всевышний снова вспомнил о чадах своих, в школах отвращают детей от слова божьего. Боюсь, ах, боюсь я, как бы опять Аллах не отвернулся от нас, черношапочников.

И еще . Повелел господь слугам своим лепить человек из глины. И замесили слуги господни два замеса: мягкий - для тела, крутой - для головы. И стали лепить из той глины тела и головы и приставлять головы к телам. Но одной головы не хватило, и стали господни слуги снова готовить крутой замес, а тем временем тело с недостающей головой прикрыли шапкой.

Но тут явился бог, и увидел он человек глиняных, лежащих бездыханно, и не заметил он, что один из человек тех еще головы своей не обрел, и, не заметив этого, вдохнул Аллах жизнь во всех человек разом.

И гласит мудрость, что тот из людей, кто не знает молитв намаза, и есть потомок того безголового. Помните это, чада, и разумеите.

Когда мы возвращались домой поздно вечером, я все отчетливо помнил, а вот уразуметь-то как раз никак не мог. Кто же я? Потомок того черношапочника, которому господь отпустил излишек ума, или потомок того безголового. Получалось, что мозговитый бога не хвалит и безмозглый - тоже. Получалось, что ум и глупость равны, а этого в

свои пять лет я никоим образом уразуметь не мог. Да, признаюсь, и сегодня понимать это отказываюсь.

* * *

На следующее утро нас разбудил дедушка и велел побыстрее собираться, потому что он хочет отвести нас с сестрицей в школу.

Одевался я медленно, не спеша, поскольку учиться мне больше не хотелось. Но раз дедушка велит - значит, надо выполнять.

Под школу в ауле был отдан большой дом бывшего бая Мадияра. Он стоял в центре аула, и уже на подходе к нему мы увидели, что к дверям школы со всех сторон тянутся ребята, кто поодиночке, кто парами, а кто и целой гурьбой. Все они были заметно старше меня. В большинстве - сверстники Арухан, но некоторые еще взрослее.

К нам вышел учитель. Я его сейчас плохо помню, потому что ничего примечательного в нем не было. Среднего роста, сравнительно молод, одет обыкновенно, голос как голос, обращение вежливое. Из старших был там лишь мой дедушка, и учитель учтиво с ним поздоровался.

- Извините, уважаемый Хакимнияз, но ваш внук, по-моему, еще мал. Сколько ему лет?

- Уважаемый учитель, способности человека определяют не его высота от пяток до макушки, а то, что у него под макушкой. Уверяю вас, он поймет все, что понимают другие дети. Вот увидите.

- Хорошо, пока пусть остается, а там поглядим.

Так я впервые переступил порог школы. Но, переступив его, попал не в класс, а в столовую. Зная, что идет ураза, нас всех решили, видимо, сначала накормить, потому что какое же учение на голодный желудок, много ли усвоит голова, если живот пуст? Ребята и те из них, кого родители заставляли держать уразу, набросились на поданный нам молочный суп. Только моя сестра молча отодвинула тарелку.

Ты что, ночью ела саарлик?²⁶[26] - спросил учитель.

- Да,- ответила она.

- Значит, ты держишь уразу?

²⁶[26] *Специальная пища, которую едят на рассвете во время поста.*

- Бог велит поститься,- сказала сестра, не поднимая глаз.

Все ребята дружно засмеялись, и даже те, кто сам постился, боясь послушаться родителей.

Арухан не выдержала такой обиды, словно испуганный козленок метнулась в сторону и, схватив меня за руку, побежала из школы. Дома она заявила, что больше туда не пойдет ни за что на свете. А одного меня в школу никто не отпускал.

Однако скоро мы перекочевали в другой аул. На то была своя причина.

Брат моего дедушки Бекнияз жил в нашем же ауле, но в другом доме. Однако в колхоз они записались как одна семья. И членами артели стали от дома Бекнияза его жена - тетушка Менли, а от дома Хакимнияза - мой отец, Каипберген.

Однажды у нашего двора остановился председатель артели, позвал дедушку и, не слезая с коня, стал кричать:

- Вы мне срываете все показатели. Если завтра ты со своей старухой и ваша повестка Гулхан не впишутся в колхоз, то катитесь из моего аула, и чтобы ноги вашей тут не было!

И даже замахнулся на дедушку плетью. Дедушка ответил:

- Пока в председателях такой болван, как ты, я вступать в артель не буду.

Вечером он долго совещался с братом Бекниязом, и сообщая они решили, что нам надо откочевывать в другой аул. Хотя многие в семье были против этого, но дедушка не изменил своего решения.

В новом ауле пас приняли хорошо, и там мой отец с матерью тут же вступили в колхоз, а дедушку с бабушкой никто в колхоз не тянул. Оказывается, если в артели состоят молодые, то стариков вписывать в нее и необязательно.

В новом ауле дедушка снова хотел отвести нас в школу, но Арухан уперлась и, сколько ее ни уговаривали, лишь молчала, тупила глаза да пряталась за спину бабушки. А меня одного в школу не приняли. Как дедушка ни упрашивал учителя, как ни уговаривал, какие поговорки и мудрые изречения ни приводил в доказательство своей правоты, но пришлось мне ждать еще три года.

Однажды в середине зимы под вечер к нам в дом вошли четыре старца в сопровождении коше-бия. Их приняли как подобает, и через некоторое время паша последняя курица уже варилась в котле. Мать очистила немного джугары и принялась молотить ее, бабушка в ожидании ужина потчевал гостей разговорами, я занялся подбрасыванием топлива в очаг, а сестрица Арухан возилась в углу с малышами, чтобы они не шумели и не мешали беседе аксакалов.

Из беседы аксакалов:

- По мне, уж лучше прислуживать гостям, чем самому гостем быть, ибо все время приходится думать, а достоин ли я такого почета, который мне оказывают?..

- Известно, что кислый айран из добрых рук вкуснее сметаны из рук недобрых...

Удивительное дело: когда обычный человек идет в гости к большому начальнику, то несет с собой больше, чем тот сможет съесть, и наоборот, когда большой начальник идет в гости к обычному человеку, то является с пустыми руками, наедается досыта и еще подарок уносит...

Щедрость щедрости розни. Иной хозяин так закармливает и задаривает гостя, как будто хочет ублажить врага...

- Но таких немного. Народ-то у нас простосердечный. У каждого все на лице написано...

- Недаром предки говорили: «Лучше быть обманутым, чем обманщиком»...

- Ибн Сина говорил: «Сколько богатства ни копи, а твое лишь то, что съел. Остальное достанется другим». Верно сказано!..

- Некоторые думают, что наш закон гостеприимства заставляет хозяина улыбаться гостю и ухаживать за ним. О невежды! Наш закон гостеприимства позволяет хозяину лишний раз проявить свои лучшие качества перед людьми...

Из рассказов аксакалов. Один торговец ездил из аула в аул и продавал свой сладкий товар. В одном ауле он задержался надолго. Это пришлось не по нраву его двенадцатилетнему сыну, ибо сыну было скучно. Все люди того аула работали с утра до ночи. И дети людей того аула тоже работали со своими отцами и матерями. Сыну торговца не с кем было поиграть, и он сказал отцу:

- Отец, уедем отсюда. Тут живут скучные люди.

- Нет,- сказал ему торговец,- с такими людьми можно творить чудеса.

Сказав это, он повел сына в сарай, где хранил свой товар. Привел и приказал:

- Принеси-ка два ведра воды.

Исполнил сын отцово веление. Принес воду. Открыл торговец мешки с сахаром, разбрызгал воду, и ни единая капля не упала на пол, всю воду впитал сахар. И сказал тогда отец сыну:

- Вот видишь, сын, свершилось чудо. Два ведра, это, считай, батман. Ты принес воду, а у нас прибавилось сахару. Ни в одном другом месте я не мог сотворить такое чудо. А с этими смиренными и наивными людьми смог. Так куда же мы пойдём от такого народа?

Сын торговца понял слова своего отца и заулыбался.

Говорят, что эти бесхитростные люди, которые никогда никого на свете ни в чем не подозревали,-наши предки. Есть такое предание.

Еще. Один джигит поехал на коне в соседний аул, а вернулся пешим, но при этом очень радостным.

- Сынок, где твой конь?- вопрошает его отец. - Коня украли!- отвечает джигит.

Так чему же ты возрадовался?- вопрошает отец.

- Как же мне не возрадоваться,- отвечает сын.- Ведь когда коня крали, меня на нем не было. Будь я в седле, так и меня бы украли вместе с конем, и твоя печаль, отец, была бы вдвое горше.

Отец не знал, как возблагодарить сына своего, и на радостях отдал ему новую черную шапку, сшитую специально для дорогого гостя.

Уж не тому ли джигиту доводимся мы прапраправнуками?

Еще. Жил-был один многодетный отец, и учил он своих сыновей уму-разуму и добру-помощи. Учил их любить всякую живность.

И вот однажды читал он сыновьям свои назидания, а в это время над их головами пролетела вереница белых лебедей. И тут же один из сыновей того человека отделился от остальных и побежал за лебедями, вытянув перед собой свою черную шапку.

- Эй, сынок,- крикнул отец,- далеко ли собрался?

- Не удерживай меня, отец,- отвечает тот,- Если одна из этих птиц вдруг снесет яйцо, то оно может упасть и разбиться. Такая жалость будет... А я не допущу. Я шапку-то и подставляю...

Не удивлюсь, ежели нашим предком был добросерд, что бежал за лебедями.

И еще. Говорят, что тот же многодетный отец собрал однажды сыновей зимой в холодном доме и растолковывал им всяческие премудрости жизни.

Вдруг возле дома проскакал табун. Один жеребец стукнул копытом о камень, и посыпались искры. Увидел это один из сыновей того человека, вскочил и - бегом за порог.

Вернись!- кричит ему отец.- Почему сбежал, не спросивши дозволения?

- Отец!- кричит ему сын на ходу.- В копытах этих коней много огня, а мы тут совсем заоченели, сидючи в стылом доме. Я догоню коней и принесу огонь, чтобы погреться...

Мне сдается, что как раз этот парень и был нашим предком. Потому что без еды мы жить можем, без воды - тоже, а вот каракалпакский дом без огня в очаге - не сыщете.

* * *

Мать мерными движениями месила тесто в самаре, в том самом, подаренном бабушкой. Я подбрасывал солому в очаг и слушал неторопливые разговоры аксакалов. Видимо, я устал за день, разомлел у огня и сам не заметил, как начал дремать. Вдруг ощутил резкую, жгучую боль в ноге. Открыл глаза и вижу кровь между первым и вторым пальцем на правой ступне. Я не успел даже испугаться, как мать сунула мне в руки кочергу и строго прошептала: «Не спи! Слушай, что люди говорят». И только тут понял: это ведь она ткнула острым концом кочерги мне в ногу. Сон как рукой сняло. Я не заплакал. Боялся, что если разревусь, то гости все заметят и разойдутся по домам. Мать осторожно, чтобы не видели аксакалы, взяла щепотку золы и присыпала рану. Кровь сочиться перестала, но зато между пальцами стало жечь, словно туда уголь сунули. Но я и тут сдержался, не вскрикнул и не заплакал.

А старики продолжали мирно беседовать. Один из них, такой длиннобородый и щупленький, искоса глянув на меня, произнес:

- Тут уже прозвучало четыре предания о наших предках. Но я мог бы рассказать еще три.

- Расскажите. Просим вас, уважаемый!

Так вот,- начал этот старик величаво, размеренным голосом, приняв позу, подобающую человеку, повествующему о деяниях предков.- Первое из этих преданий мой дед... забыл рассказать моему отцу. Второе -мой отец забыл рассказать мне. А третье забыл я сам. Все дружно засмеялись.

- Да, почтенный рассказчик, вы истинный потомок своего рода.

- Это точно,- согласился лукавый старец.

Все вновь расхохотались. Засмеялась и моя мать. И мне сразу стало легче.

Из рассказов аксакалов:

- Однажды хивинский хан вызвал к себе поэта Бердаха и так сказал ему: «Говорят, что ты слагаешь хорошие песни. Чем кружить соколом по степям, не лучше ли тебе стать соловьем в моем саду?»

И тогда поэт Бердах так ответил хивинскому хану: «Уж лучше кружить соколом по степи, чем оказаться курицей в твоём супе...»

- По велению того самого хана всех каракалпакских биев пригнали связанными в Хиву после того, как ханское войско подавило восстание нашего батыра Ерназара Алакоза. Привели пленников к хану, и он долго их разглядывал, все выискивал кого-то. Заметил это ханский воевода и говорит:

«О повелитель. Все предводители каракалпаков тут».

«А где Бердах?»- спросил хан.

«Но он ведь не бий,- оправдывается воевода,- и не вождь племени, и человек не знатный, не родовитый...»

«Кабы я был таким поэтом, то ни к чему бы мне и родовитость!- крикнул в гневе хан. Но тут же осекся и добавил повелительно:- До тех пор пока не приведен ко мне Бердах, не поверю, что усмирили черношапочников...»

- Мудрость гласит: «Истинный поэт - уста своего народа...»

- Если устами поэта говорит народ, значит, устами его молвит все человечество. Разве не так?

- В тот раз ханские нукеры все же схватили Бердаха и привели его в Хиву. Хан сказал ему: «А ну, сочини песню и восславь мои победоносные подвиги». Но Бердах отказался.

Тогда хан велел посадить поэта в зиндан... А стражники зиндана решили посмеяться над Бердахом и кричат ему:

«Эй, поэт! Каково тебе теперь? Место достойное тебя?»

А он им отвечает:

«Мне и теперь лучше, чем вам! Мое место достойней вашего».

«Это почему же?»- спрашивают стражники.

«А потому, что издревле известно: человек достойный лучше сам будет мучиться, чем мучить других...»

- Ц-ц-ц,- зацокал языком один из старцев.- Вот мудрость так мудрость, что значит - поэт!

- А ведомо ли вам, почтенные, как в тот раз поэт Бердах избежал казни? Коли неведомо, то слушайте.

Уразумел хан хивинский, что в сундуке знаний Бердах всегда сыщутся такие слова, кои смогут разбередить сердца даже бесчувственных стражей зиндана. А посему не отважился хан долее томить поэта во глуби подземелья и повелел сызнава воротить его во дворец свой.

Порешил хан хивинский дух поэта сломить. И того ради заставил он поэта долго стоять в присутствии своем, покуда сам он поглощал в несметном количестве различные яства. Насытившись, молвил хан:

«Ведомо ли тебе, для чего приказал я вызволить тебя из темницы и призвать пред очи мои?»

«Тот, кто вознамерился отрубить голову, не станет отрезать язык, а потому скажу,- молвил поэт.- Ты призвал меня, дабы освободить меня».

От слов таких дерзостных злость ударила хану в лицо, но скрыл он это. Улыбкой смягчил суровость лица своего и молвил:

«Освобожу тебя, коли сможешь исполнить повеление мое. А нет - пеняй на себя. Быть тебе повешенным».

«Воля ваша,- отвечает Бердах,- но дабы не отреклись вы от слов своих, прошу произнести веление не с глазу на глаз, а прилюдно».

Засмеялся хан и повелел немедля всей свите и челяди ханской явиться пред ним. Явились они. И сызнава хан вопрошает:

«Теперь согласен выслушать повеление мое?»

«Согласен!»- молвит Бердах.

«А коли согласен, то внимли. Повелю я вынести мешок мелко толченного сахара. Повелю я взвесить сей мешок предварительно, А как только нагрянет шквал, так слуги мои развеют тот сахар по пескам моего Хорезма. Соберешь весь сахар за год - быть тебе свободным. Но

помни: коли не достанет хоть одного мискала²⁷[27] - не сносить тебе головы».

«Сахар сей смогу собрать я не то что за год, а за неделю, ежели сможете дать мне помощников».

«Почему бы и не смочь,- горделиво отвечает хан хивинский.- Все в моей воле. Любая живая душа в Хорезме мне подвластна. На кого укажешь, тому и повелю идти к тебе в помощники. Проси!»

«Прикажите созвать всех муравьев, обитающих в ваших владениях. Повелите тем муравьям помочь мне, и воля ваша будет исполнена».

Померк взором хан хивинский, помрачнел, удрученно склонил голову свою и тихим голосом изрек:

«Иди. Ты свободен...»

- Ц-ц-д,- вновь зацокал тот же старец и с тем же нескрываемым восторгом повторил:- Вот поэт так поэт! Вот ведь какие слова нашел! А!..

- Да, какие только великие люди не являлись на этом свете. Помните, как сказал Машраб²⁸[28]: «В сердце своем уместил я мир безграничный, но самому мне места нет в мире бескрайнем».

«После смерти моей не подавайте нищим на помин моей, души, я при жизни отдал им все, что имелось в душе»,- говорил Махтумкули²⁹[29].

- «Если тяготы народа ты готов взвалить на плечи, если хочешь чаще плакать, хочешь радоваться реже, становись тогда поэтом»,- говорил Бердах.

- А Жиен Жрау³⁰[30] говорил: «Моя судьба - судьба народа. Судьба народа - моя судьба...»

- Однажды правитель города Чимбая решил провести состязание молодых поэтов. Среди всех ему больше прочих приглянулся молодой Бердах. Он так понравился правителю Чимбая, что тот даже расщедрился и отсчитал Вердаху целых пять золотых монет. До того часа Бердах никогда не держал в руках столько денег. Он обрадовался, конечно, и совсем уж было собрался покинуть двор правителя, да в это время ввели стражники на двор бедного рыбака в изодранной одежде.

²⁷[27] Мера веса, равная примерно 5-6 грамм.

²⁸[28] Узбекский поэт, жил в XVII - начале XVIII века.

²⁹[29] Туркменский поэт, жил в XVIII веке.

³⁰[30] Каракалпакский поэт, жил в XVIII веке.

«Почтенный правитель славного нашего города Чимбая,- сказал один из стражников.- Этот рыбак привозит рыбу с Арала, сегодня он осмелился заломить цену выше той, которую вы назначили».

«Всыпать ему десять палок»,- приказал правитель.

Тут вступился Бердах. -

«Почтенный правитель славного Чимбая,- сказал он.- Вы только что одарили меня пятью золотыми монетами за стихи, которые вам понравились. Но этот человек - мой отец Гаргабай. Когда бы он не ловил и не продавал рыбу и на вырученные деньги не обучал меня, тогда бы и я не смог достичь той степени совершенства, чтобы своими стихами порадовать вас. Не наказывайте Гаргабая, а велите найти и наказать его отца, который не смог обучить своего сына, и потому он вынужден оставаться всю жизнь простым рыбаком».

«Эх, Бердах!- воскликнул восхищенно правитель,- Ну и язык у тебя! Ну и ум у тебя! Хвала тому роду, хвала тем родителям, что наградили тебя таким даром! Эй, стражники! Живо отпустите отца поэта. И подарите ему от меня дорогой халат!»

- Да, слово, сказанное к месту, как райский бальзам. От любых хворей вылечит.

- Слово, сказанное не к месту и не ко времени, падает как камень на голову, может и покалечить, и прибить насмерть...

- Есть слова, что как воздух в кулаке. Пока держишь, вроде что-то есть. Как раскрыл - фьють! Ничегошеньки...

- А есть слова как крылья. Сами на воздух возносятся, на небо поднимают...

- Пусть земля будет пухом поэту Бердаху. Он всегда умел найти нужные слова...

- Дай, бог, нашим внукам тот путь, по которому шел Бердах не спотыкаясь...

Я до того увлекся рассказами аксакалов, что даже боль в ноге перестал ощущать. Я ждал от старцев новых и новых сказаний, легенд и притч и помню, что впервые в жизни с завистью нескрываемой, но высокой подумал: «Эх, кабы и мне стать таким же поэтом!»

Наверное, все это было, как говорится, написано у меня на лице, потому что дедушка, лишь глянув на меня, без труда прочел мысли внука и, помолчав, вдруг обратился к гостям:

- Почтенные аксакалы, посмотрите на моего старшего внука Тулепбергена и скажите, разве не может так случиться, что станет он поэтом, когда подрастет?

Все старцы разом обернулись ко мне.

- В какой класс ты ходишь?- спросил один из них.

- В третий.

Старец, сидевший в углу и по большей части хранивший молчание, дольше других рассматривал меня. Его белая и пушистая, как хлопок, борода закрывала полгруды и начиналась почти от самых глаз. Его глаза были огромными, каждый почти в детскую ладонь. Он глядел прямо, не мигая, и под его взглядом я невольно потупился. А он повел речь тихо и неторопливо:

- Когда мне было столько же лет, сколько теперь этому мальчику, я сложил стихи. Первые стихи в своей жизни. Я прочитал их своему отцу, и отцу моему эти стихи очень понравились. Обрадовался мой отец и в тот же день повел меня к поэту Бердаху.

Мы пришли, и я увидел человека худощавого, узколищевого. Борода его была редкой и начинала серебриться. Я прочитал ему мои стихи. Он их слушал внимательно. Выслушав, сказал: «Мальчик, сложить стих - это значит попятить жизнь. А жизнь понять трудно. Слова в стихах надо связывать так же, как в жизни связаны огонь и вода, день и ночь, цветок и колючка, смех и слезы, ты и я. Всякий, кто живет на свете, по-своему понимает жизнь. Всякий зрячий может сказать: «Я смотрю на мир двумя глазами». Но если это скажет поэт, то любому должно быть ясно, что видит он жизнь очами любви и очами дружбы. Всякий, если он не колченогий, может сказать: «Я стою на земле двумя ногами». Но если это скажет поэт, то любому должно стать ясно, что поэту опорой на этой земле - любовь и дружба. Поэт говорит те же слова, какие говорят и другие люди. Но в каждом слове поэта должно быть больше смысла, чем в словах других людей. Иначе он не поэт».

Услышав это, отец мой отказался от мысли просить благословения для меня у Бердаху и, простившись с поэтом, поспешил домой, прихватив меня. А я с тех пор понял, что слагать стихи - не мое дело.

- Да,- согласился другой гость,- стать поэтом не каждый может. Всем известно, что Махтумкули в детстве три дня ночевал под мостом, по которому прошли тыщи человек. И только после этого на третье утро он проснулся поэтом.

Все умолкли, и молчание длилось, как мне показалось, невыносимо долго.

Но опять выручил дедушка. Его все эти речи, похоже, нисколько не смутили. Он не собирался отступаться от своего намерения:

- Мой внук Тулепберген, коли на то пошло, может просидеть под мостом не три дня, а целую неделю. А жизнь - ну что ж,- она и есть жизнь. Это такая штука, которую любой рано или поздно понимает. Пусть по-своему, но ведь понимает. Я, скажем, понял ее лишь в пятьдесят лет. А случилось это так... Вот послушайте.

Рассказ моего дедушки. Был у меня друг, и дружили мы с самого малолетства, хотя жили в разных концах аула и были ничуть не схожи меж собой. Я любил игры, любил слушать рассказы и предания, сам рассказывать обо всем, что видел, тоже любил, а он - молчун, вечно чем-то озабочен, куда-то спешит. Но кому не известно, что в жизни часто так случается: ничем не схожи люди, а тянет друг к другу.

В детстве мы виделись часто, но говорили редко, хотя мне нравилось, как он рассуждает, и он считался с моим мнением.

Когда из мальчиков превратились в джигитов, стали встречаться реже. Я его окликал: «Эй, Мурат, давай побеседуем». Он говорил: «Подожди, Хаким. Некогда. Мне нужно заработать на калым. Вот женюсь, тогда и побеседуем».

Прошли годы, он женился, и я тоже. Завидев его, изредка я напоминал: «Мурат, давненько мы с тобой не сидели рядом и не говорили толком». Он отвечал: «Сейчас не время, Хаким. Дети у меня маленькие. Вот поставлю их на ноги, тогда и наговоримся всласть».

Вновь прошли годы. Мои дети выросли, я решил, что и его тоже. Пошел навестить друга детства. Прихожу и узнаю, что Мурат умер. «Эх, жизнь»,- сказал я себе. А потом подумал: «Каждый сам для себя решает, что она такое и из чего должна состоять». И надо каждого человека благословить на ту жизнь, которую он сам для себя выбирает.

Вот я и хочу,- продолжал дедушка, и голос его стал торжественным,- просить вас, достопочтенные аксакалы, оказавшие честь нашему дому, благословить моего внука Тулепбергена на жизнь поэта.

Опять настала тишина. Нарушил ее все тот же хлопкобородый старец, сидевший в углу.

- Любое благословение может с годами обратиться в проклятие,- сказал он, и голос его прозвучал из-под мягкой бороды тихо и

невнятно, как из-под одеяла.- В детстве, если я помогал кому-то, мне говорили: «Живи долго, сынок». Или же говорили мне: «Многих лет тебе, мальчик». Я радовался. Еще и потому радовался, что мать моя умерла рано. Я ее почти не помню. Наверное, люди желали мне долгих лет искренне. Их предсказания сбылись. Живу я давно, очень давно. Больше уже не хочу. Жизнь лишилась радости, когда я пережил жену и всех сверстников своих. Я проклял свое долголетие, когда пережил последнего из сыновей моих. Я в тягость внукам и правнукам. Себе в тягость. Мои ноги меня не держат. Руки мои трясутся. Ложку не могу до рта донести. Свет глаз моих померк. Половина звуков мира не проникает в уши мои. Болят мои внутренности. А я все живу...

Все сидели притихшие и втянув головы в плечи, словно на каждого взвалили камень непомерной тяжести. А старец продолжал:

- Хакимнияз, твой сонливый внук, кажется, слушает наши речи лишь потому, что его мать, а твоя сноха кольнула кочергой его ногу. Спроси у него, Хакимнияз. Спроси своего внука, хочет ли он быть поэтом?

Услышав о дреме, я начал покрываться пунцовыми пятнами стыда и сейчас, хоть нога все еще болела, был несказанно благодарен матери за то, что она разбудила меня. Хочу ли я стать поэтом? Да, конечно, конечно, еще как...

- Хочу.

- Ну что же,- старейший из аксакалов с трудом сел на подушки,- Если так, то не кляни наше благословение потом, когда оно станет тебе в тягость. Поднимите меня.

Пока гости помогали ему встать, дедушка растормошил спящего отца, разбудил бабушку, примостившуюся в углу между внучат, поднял Арухан. Моя мать тоже поднялась со своего места. Встал и я.

- Ну, кочегар, раскрой свои ладони. Старец стоял прямой и высокий, как минарет.

- Да не падут слова наши на землю. Да вознесутся они к небесам. Благословим Тулепбергена, внука достопочтенного Хакимнияза и первенца его сына Каипбергена, на жизнь поэта.

Потом аксакалы провели ладонями по лицам, от щек к подбородку. Мы последовали их примеру.

Когда гости разошлись, я на одной ноге вприпрыжку добрался до своей кошмы, но заснуть долго не мог. Все думал о том, что такое жизнь и как я - поэт - теперь должен сказать об этом, чтобы в каждом моем

слове непременно оказывалось больше смысла, чем в таких же словах других людей. Я думал об этом, пока не почувствовал, что боль в ноге поутихла, зато начала болеть голова.

Так закончился этот день, оставивший след в моей памяти, в моей жизни. А еще след на ноге. Шрам между пальцами я вижу каждый вечер, когда мою ноги, перед тем как лечь спать.

14

Итак, что же такое жизнь? Найдется ли на свете человек, который не задумался бы над этим вопросом? Найдется ли тот, кто дал бы на этот вопрос исчерпывающий ответ? Есть ли в мире человек, у которого не болела бы голова, когда он размышлял над загадками жизни? И вот ведь странность: чем больше о ней - о жизни - думаешь, чем больше о ней знаешь, тем непонятней она кажется.

Известно, что все в мире разделено попарно. У каждого предмета свой напарник-антагонист, у каждого явления - своя противоположность. Слияние противоположностей и порождает жизнь - движение, энергию, продолжение, целостность,- иначе говоря, порождает бесконечность существования.

Мужчина и женщина - рожают ребенка.

День и ночь - совместно создают сутки.

Между противоположно заряженными полюсами - возникает ток.

Смех и слезы сменяют друг друга, но без них и жизнь не в жизнь.

Есть люди, схожие как две капли воды, как две искры костра.

А есть: один - вода, другой - огонь.

У всего на свете две стороны. Но не будь одной из них, жизнь не стала бы односторонней, она бы просто прекратилась, кончилась.

Так что же такое жизнь?

Один из простейших ответов: жизнь - это срок от рождения до смерти.

Но для каждого из существ эти сроки скоротечны, а жизнь длится миллионы лет. Каждый приходит и уходит, но оставляет что-то после себя. Этим «что-то» и держится жизнь.

Жизнь наследуется. Нам от предков в наследство досталась земля в целостности и сохранности, значит, и нам надлежит, передать ее потомкам в полной исправности. Но разве только это надлежит нам сделать? Разве наш долг ограничивается лишь этим?

Жизнь - это сближение человека с человеком, поколения с поколением, народа с народом.

Жизнь - это любовь человека к человеку, поколения к поколению. Любовь к потомкам держится жизнь, но без любви к предкам она тоже немыслима.

Жизнь моя начнется
После моей смерти,-

говорил Бердах.

«Жизнь нужна человеку, чтобы умереть за счастье своего народа, потому что каждый должен уподобить свою жизнь весне, дающей возрождение всему живому»,- говорил своим соплеменникам Ерназар Алакоз.

Из беседы аксакалов:

- ...Сама по себе жизнь не станет весной. Весна для дехканина - самая работа. Без работы и жизнь не расцветет...

- Если будет сплошь весна да весна - это тоже плохо. А как же лето, осень, зима? Нет, не зря в году четыре времени. Не зря и в жизни четыре поры...

- Земля, что стелется степью, мечтает вздыбиться горой. А земля, что горами топорщится, мечтает степью разостлаться. Это тоже жизнь...

- А как же иначе? Высока гора, да зябко на вершине. Все снег да снег круглый год. А низинная земля хоть и плоская, но зато она то в снегу, то в цвету. Если подумать об этом, то есть тут что-то и с людской жизнью схожее...

- Одни сами по жизни карабкаются, все хотят доказать, будто они венец всего - корана, мира, другие же жизнь под себя стелют, а она мягко-то не выстилается. Все заботы не сгладишь, все тяготы не сбросишь. Понявши это, одни начинают трусить, всего боятся. Другие же на хитрость пускаются. А если к какому делу хитрость подметалась, то, считай, дело уже пропащее. Хитрость таить все одно что уголь за пазухой держать. Того гляди, сам загорисься...

- Некоторые даже говорят, что, мол, «хитрость - второй ум». Чушь это. За умным люди идут. От хитрого - разбегаются...

- Ум не может выродиться в хитрость, как и рис не может выродиться в просо...

- Хитрость что яма, сверху дерном прикрытая. Но вот что интереснее всего - сам же хитрец в ту яму обычно и попадает...

- Если хитрец одного человека обманет, это худо-бедно еще можно стерпеть. Но когда он в чины выйдет, когда власть займет - это уже не жизнь. Такая жизнь как молью травленная. Моль ведь весь чапан не съест, но попортит обязательно...

- И попортить может сильно. Всем ведомо, что мелкая тварь всегда ненасытна. Из всех болезней жадность - худшая. Если кто хочет жить с жизнью в ладу, то от трех вещей ему заречья надобно: от лживости и брачной измены, от жадности и от желания вред другим причинить.

Рассказ коше-бия . Мне однажды пришлось выступать в роли очевидца одного события, выходящего из ряда вон своей ненормальной противоестественностью.

Сын нашего соседа бил своего отца, наносил ему телесные повреждения применением грубой физической силы. На шум этого происшествия сбежалось все ауло-население. По вполне понятным соображениям мы решили категорически пресечь данный скандальный инцидент путем оттаскивания сына от пострадавшего отца. Но, обратившись к нам, сын сказал нижеследующее: - Дорогие соседи! Не мешайте нашему инциденту. Я таким образом произвожу сведение личных счетов с моим отъявленным отцом. Во-первых, сам он в моем присутствии мучил собственного родителя, доводящегося мне дедом, и на этом отрицательном примере воспитывал меня. Во-вторых, он лишил меня просвещения и образования, потому что в надлежащее время не отдал в школу, а взамен того учил быть жадным и бессердечным неучем, каковым я и стал по прошествии соответствующего количества времени. В-третьих, с сегодняшнего числа я узнал, что он до нынешнего дня являлся непойманным взяточником: когда я пришел домой, он считал много денег. Я воздаю своему отцу то, что получил от него.

Узнав все это, я понял, что у жизни есть еще одна грань обратной стороны.

Из беседы аксакалов:

- ...Когда сын не понимает забот отца или же отец не заботится о будущем своего сына, то они друг другу уже не родичи, а враги. И вредят не только себе, а всему своему роду. А если уж прямо сказать, то и всему своему народу. Плохая слава о них пойдет. А плохая слава как навоз. Один в толпе замаран, а над всей толпой вонища...

- По одному человеку о народе нельзя судить. Народ, он всегда разный. Сколько бы люди ни хотели сравняться меж собой, но у каждого свои глаза, своя душа...

- Это как у каждого озера свои волны. Но любая волна берег точит. Так и человек, какого бы ума он ни был, какого бы ни был он нрава, а любой его поступок на всей жизни сказывается, на всем вокруг отражается...

- Жизнь волнами идет, это точно. То накатит, то откатит. А потому все в жизни и чередуется: где мудрость, там и глупость, а где глупость, там и мудрость...

- Кабы все пять пальцев были одинаковы, то ни кулак сжать, ни щепотку риса взять - ничего бы не вышло. Так и люди. У каждого свое понятие. На том и жизнь держится...

- В саду каждое дерево свой плод дает. Судьба у каждого своя. Оттого и сама жизнь разнообразна.

Рассказ моего дедушки. В давние времена жил всеми уважаемый бий, и был у него один-единственный сын, да и тот непутевый. Никакое учение ему впрок не шло, и все отцовские наставления пропускал он мимо ушей.

Все это очень печалило старого бия. И вспомнил он тогда, что лучшая наука - сама жизнь. Вспомнил и решил выпросить у хана для сына грамоту па управление аулом. Пусть тот учится управлять людьми под отцовским приглядом и надзором. Так бий и поступил.

Грамоту-то хан дал, но помочь сыну научиться править старый бий не смог, потому что вскорости сам заболел и помер.

Однако перед своей смертью он успел позвать сына и сказать ему:

- Обещай мне выполнить мое последнее повеление. Клянись.

- Клянусь, отец,- ответил тот.

- Когда поймешь, что люди не верят тебе и презирают тебя, ты должен прийти и повеситься вот на этом крюке, что вбит в потолочную балку над твоей головой. Потому что лучше смерть, чем позор тебе, а значит, и мне, и всем нашим предкам.

Молодой бий начал править аулом, но поскольку он как был непутевым, так и остался, то быстро прогулял все отцовское наследство, а заодно и деньги, собранные для выплаты податей хану.

Узнав об этом, хан вызвал его к себе и лишил звания бия. Огорченный парень возвращался домой, понуря голову и не разбирая дороги. Поэтому забрел в дебри тростника и там вдруг столкнулся с тигром.

Тигр бросился на него. Но парень тоже был не из робких и хилых. К тому же он оказался на редкость ловким и в конце концов сумел убить тигра, хотя зверь сильно исцарапал его лицо и в клочья порвал его праздничную одежду, в которой он отправлялся в ханский дворец.

В таком-то вот виде, усталый, окровавленный, растерзанный, явился он в родной аул. А там друзья его пируют, собравшись в одном из домов. В тот дом и вошел бывший бий.

Увидев его, друзья изумились. Что с тобой?- спрашивают.

- Многое со мной сегодня приключилось,- отвечает он,- и плохое, и хорошее. Плохо то, что за неуплату податей хан лишил меня звания бия. А хорошо то, что, возвращаясь от хана, я встретил тигра и сумел одолеть его.

- Врешь,- говорят друзья. Так мы тебе и поверили.

- Тоже, храбрец сыскался.

- Да где ж это видано, чтобы человек один на один смог справиться с тигром!

- Наверное, просто упал с коня и расцарапал лицо о колючки. А теперь рассказываешь нам разные небылицы. Ищи дурней в другом месте.

- Ха-ха, конечно же шлепнулся с коня. Ведь всем известно, какой он никудышный наездник.

И все стали смеяться ему в лицо. И сколько он ни пытался объяснить, что говорит правду, ему никто не поверил. Даже слова сказать не дали. Нагло обрывали его, как только раскрывал рот.

Не выдержал парень насмешек. Прибежал домой. И тут вспомнил клятву, данную отцу. Нашел веревку, привязал ее к тому крюку. Поставил под ноги ступу. Но как только оттолкнул ступу, балка - хрясь -

и лопнула, не выдержав тяжести, потому что была она полая. Он упал на пол, а из балки посыпались золотые и серебряные монеты.

И понял он тогда смысл последнего повеления отца. Понял, что отец хотел не погубить его, а спасти.

Собрал парень монеты. Отсчитал, сколько полагалось отдать хану. Остальное упрятал. Поехал в ханский дворец и вернул себе звание бия. После этого воротился в аул и вновь зашел к пирующим друзьям. Те встретили его настороженно.

- С чем явился к нам?

- Разные новости,- ответил молодой бий,- есть хорошие, есть и плохие.

- Говори.,

- Хорошо то, что хан вернул мне звание бия.

- Поздравляем!- закричали его друзья.

- Мы все ждали этого.

- Конечно, так и должно было случиться.

- Кому же и быть бием в нашем ауле, как не тебе?

- А плохо то,- продолжал он,- что тигры стали мне попадаться слишком часто. Сегодня по пути в аул я перебил их целых семь, один лютее другого.

- Ой-бой, целых семь!- изумился один.

- А что тут такого?- вмешался другой.

- Конечно,- поддержал третий.- Вон бий соседнего аула одолел пятерых тигров, а он слабее тебя.

- Такому батыру и дюжина тигров нипочем. А уж семерых ты можешь уложить одной рукой.

- Истинно. Истинно так. Мы все всегда знали, что ты способен и на большее.

Вышел молодой бий от бывших друзей и задумался.

«Ведь если бы я. тогда повесился,- размышлял он,- то никто никогда не поверил бы, что справился с тигром. Значит, то, что произошло на самом деле, как бы и перестало б существовать. Зато теперь они разнесут по миру молву о моих победах, которых не было. Значит, то, что никогда не происходило, будет считаться действительным случаем. А может, и в прошлом так же: все, что говорят люди о подвигах батыров и деяниях мудрых биев,- выдумка? Зато истинные подвиги и деяния забыты? А может, и потомки наши, говоря о нас, будут помнить небылицы, а были так и не узнают?»

Неужели в жизни и впрямь «по молве почет, а дела не в счет»? Неужели она так устроена? Эх, превратности жизни!»- вздохнул он.

Из рассказов аксакалов. Жил-был в давние времена один бий по имени Беккелди. Хан очень любил того бия, и потому после его смерти хан самолично приехал в аул, которым правил Беккелди, дабы почтить его память, а к тому же и назначить нового бия. Ханский выбор пал на брата покойного, Доскелди.

Народу на похороны и поминки съехалось много. Еще бы! Ведь сам хан прибыл. После поминок хан дозволил всем разъезжаться, и, когда самые торопливые уселись на коней и ускакали от аула уже верст на пять-шесть, так что их еле видно было, хан вдруг вызвал к себе Доскелди и повелел ему:

- Вороти всех немедленно. Я хочу им кое-что сказать. - Ой-бой! Великий наш хан,- растерялся Доскелди,- да разве ж они теперь меня послушают? Теперь уж никого не воротить.

- Эх, безмозглый,- ответил ему хан,- да разве же я не знаю, что на твой зов они не воротятся. Неужто ты не догадался, что воротить их надо моим именем: «Хан повелел!» А я-то уж было собрался вместо Беккелди назначить бием тебя. Но сейчас вижу, что не бывает тому.

Коше-бий рассказывал. Принципиальность в оценке правды действительности - это моя отличительная черта в положительную сторону. Но вот эта самая черта и пересеклась в противоположном направлении с линией поведения председателя нашего аула.

На глазах у народа он со мной обходительно молчал, по в те периоды, когда мы с ним оставались с глазу на глаз, друг перед другом, он моментально начинал оказывать на меня давление при посредстве прямых угроз.

- Уезжай из подведомственного мне хозяйства,- говорит,- поскольку ты мне постоянно мешаешь своим вредом.

- В чем же заключается помеха моего вреда? - спрашиваю его.

А он объясняет:

- Отдельные жители аула вместо того, чтоб обратиться за советом или консультацией к моему авторитету председателя, в обход

субординации идут совещаться с тобой. Я не могу допустить подрыва доверенного мне авторитета, а потому кочуй в другой аул.

Меня не напугали его слова, но вследствие их я начал испытывать чувство закономерного беспокойства. Все-таки оказаться в противных отношениях с человеком, первым по должностному положению в хозяйстве,- это создает определенные затруднительные положения в ежедневной жизни. Стараясь подстраховаться с точки зрения безопасности своего тыла, я вспомнил, что в райцентре у меня имеется в наличии родной племянник в должности начальника районной милиции.

Я никогда прежде не отягощал его служебное положение своими личными просьбами, но на сей раз сложившаяся обстановка вынудила меня прибегнуть к общению с ним.

- На кого жалуетесь?- спросил племянник.

- Ни на кого,- говорю.

- Приятно выслушивать такие показания,- заявляет он.- А то все сплошь являются только с жалобами.- И продолжал:- Так, может быть, имеется какая-нибудь просьба, адресованная персонально мне?

- Имеется,- отвечаю.- Единственная просьба состоит в том, что когда во время очередного посещения нашего аула ты, племянник, соберешься уже покинуть объект, то прежде этого не забудь свидеться со мной и поздороваться за руку.

- Если я правильно понял,- говорит он,- то там, дядя, и выразите вашу просьбу?

- Там видно будет,- ответил я с многозначительным смыслом в голосе.

Мы оба рассмеялись. Он остался на своем служебном месте, а я воротился к своему местопребыванию.

Через определенный промежуток времени возвращаюсь я как-то с родительского собрания и вижу, что со стороны райцентра движется машина, с большой скоростью приближающаяся к аулу. Машина производит торможение в непосредственной близости от меня, и из нее появляется мой племянник в чине начальника районной милиции и в соответствующей чину полной форме.

- Здравствуйте, дядя,- говорит он мне и крепко жмет мою руку.

В последующий момент из той же машины появляется наш председатель колхоза и старается выразить на своем лице дружелюбное расположение по отношению ко мне.

- Здравствуйте, здравствуйте, наш аульский министр.

Это он так шутит, будто бы в тоне товарищеских со мной контактов.

Но я не реагирую ответно. И племянник мой тоже оставляет это высказывание без внимания и продолжает в свою очередь:

- Ну как, дядя, живете? Нет ли ко мне каких индивидуальных просьб?

А я с дополнительным значением смысла отвечаю:

- Какие могут быть индивидуальные просьбы, пока у человека в его индивидуальной жизни все хорошо?

Племянник распрощался со мной самым надлежащим образом, сел в машину и продолжил путь по направлению дальше. И вот у председателя нашего впоследствии того случая уже никаких конфликтных претензий ко мне не оказалось.

Из беседы аксакалов:

- ...В прежние стародавние времена нам говорили: «Если хотите, чтобы вами правили справедливо, то пусть правит вами богатый человек, ибо у богатого деньги есть и мздоимством он заниматься не станет».

После революции говорили: «Если хотите справедливого руководства, выбирайте в начальники бедного. Кто всю жизнь прожил неимущим, тот на выгоды не польстится. Бедняк бедняка поймет наверняка...»

- Повидал я за свою жизнь всякого начальственного люда. Для одних чин что ножницы садовнику. Подобно тому как садовник срезает ветки, так же и начальник срезает неугодных себе людей. Для других чип что зонтик. Зонтик всегда шире плеч. Под ним начальник и себя укрывает, и тех, кто к нему поближе, тоже прячет. Для третьих чин что ясное солнце. Всех греет, всем расти дает...

- ...Знал я одного начальника. Крупный был мужчина, здоровенный. Ходил что ваш индюк. Но потом сняли его. Репутацию подмочил и стал похож на мокрую курицу. Будто и ростом поубавился, и телом подсох. Люди шутили: «Его не только понизили, но и обузили»...

- Человек в должности тогда силен, когда сумеет собрать воедино силы подчиненных...

- Если начальник одним светит, то на других тень надает...

- ...В трех случаях начальника не любят: первый - это когда забывает, что он всему делу голова, и начинает лишь о своей голове беспокоиться; второй случай - это когда он, заботясь о собственной шкуре, все время шкуры меняет: перед младшими - волк, перед равными - лиса, перед старшими - овца; ну и третий - когда он родне и знакомцам сует цветы, а всем прочим - жантык колючий...

Мой дедушка рассказывал: В детстве и юности, когда я помогал старикам, они, по обыкновению, в благодарность желали мне много хорошего. Кто говорил: «Будь счастлив». Кто -«Долгих лет тебе, мальчик». Но два благословения мне запомнились.

Один аксакал сказал: «Пусть дом твой наполнится золотом». Я был ему очень благодарен. Этот старик показался мне самым мудрым, щедрым и великодушным из всех, кого я когда-либо знал.

Другой аксакал ласково так пожелал: «Пусть дом твой наполнится кошками». Я жутко обиделся на него. Тоже, думаю, нашел чем отблагодарить. Совсем, видно, от дряхлости умом тронулся. Заговариваться начал. Может, думаю, он имел в виду не кошек, а что-то другое? Просто слова перепутал. Ведь кошек я, честно говоря, не любил. И в нашей семье их никогда не держали.

И вот шли годы. А жилось трудно. Хоть и говорят, что год на год не приходится, но, сколько помню, каждый год приходилось спасать хлеб: то засуха, то ранние морозы, то еще что. И каждый год приходилось жаться, чтобы как-то дотянуть до весны, прокормиться всей семьей. И вот наконец-то выдался такой год, когда все было в пору: и снег, и дождь, и жара. И посеяли вовремя, и убрали в срок. Пшеница уродилась редкостная. Заполнили зерном амбар. И на базар мешки свезли. И дома еще множество мешков стояло, чтобы продавать потихоньку зимой.

А где зерно, там и мыши. Чем больше его, зерна-то, тем и мышей обильнее. Пришлось нам тогда завести кошку. Да не одну. А кошки начали плодиться. Кошачий приплод, сами знаете, штук семь за раз. И наполнился тогда мой дом котами, кошками и котятками. И понял я, что хотел сказать тот аксакал в своем пожелании. Но вон сколько лет прошло, пока разобрался. Жизнь научит разбираться.

А золото? Вот про это ничего сказать не могу. Не знаю. Никогда у нас его не было.

Рассказ одного моего знакомого. Был у меня сосед. Я его, честно говоря, недолюбливал за кичливость и самохвальство. Знаете, есть такие люди, из которых довольство так и прет. Причем в этом избытке довольства есть что-то оскорбительное. Я сторонился его, но он был человек хваткий, нахрапистый, такой, знаете ли, настырный весельчак, который при встрече сразу начинает вас хлопать по плечу, как старого друга, и почти насильно затаскивает в гости. С этим натужным дружелюбием мне лично всегда трудно справляться. Он задавал такой тон, что любой отказ должен был восприниматься как вызов, как оскорбление. А я, честно говоря, не умею оскорблять людей, даже тех, кто мне несимпатичен.

Он богато одевался, часто менял машины, дом его, что называется, полная чаша. Дорогая мебель. Много золота и хрусталя. И все это золото и весь этот хрусталь всегда блестели как-то нагло и вызывающе. Сам он явно хвалился своими вещами, всегда показывал какую-нибудь обнову и назидательно объяснял ее достоинства. Неудобно было отмалчиваться, приходилось хвалить вещь либо интересоваться, как ему удалось ее достать. А он, похоже, только этого и ждал. И на все вопросы отвечал одно и то же: «Надо уметь жить».

Детей он устроил в институт. При этом не скрывал, что устроил их по благу и за взятку. Дети его со мной не разговаривали, но на их лицах тоже было написано: «Надо уметь жить». И жена его была самодовольной цветущей женщиной лет сорока. Ее я видел чаще, чем мужа. Проходя по улице или в магазине, она бросала на мужчин нахально-хитрый взгляд, в котором легко прочитывалось откровенное: «А что тут такого? Просто надо уметь жить».

И вот, представьте, на этот дом однажды обрушилась беда. Сын моего соседа на автомобиле сбил человека. Началось следствие. Заодно стали выяснять, откуда у парня-студента, который еще ни копейки сам не заработал, собственная машина, записанная на его имя. Сосед узнал об этом на работе и поспешил домой, чтобы припрятать подальше кое-какие ценности и деньги. Испуганный и злой, он врывается в комнату, а там его жена с любовником. В приступе ярости он ударил жену тем, что под руку подвернулось. А подвернулся тяжелый золоченый подсвечник. Ударил и убил.

Меня, как соседа, пригласили быть понятым. Я стоял у двери, а он сидел в углу на одном из своих роскошных стульев, сидел, низко

опустив голову и обхватив ее руками. Потом поднял лицо и посмотрел на меня. И тут я вспомнил его обычное: «Надо уметь жить». Но, конечно, не сказал этого. Да и стоит ли что-нибудь говорить человеку в такой ситуации?

Рассказывал коше-бий. Однажды я присутствовал на тое, устроенном по случаю совершения бракосочетания сына одного моего знакомого с его невестой.

Во время бет-ашара³¹[31], имевшего место быть при большом стечении толпы родственников и знакомых новобрачных, взгляд мой остановился не на лице невесты, а на личности другой женщины. Личность эта показалась мне чем-то знакомой и примечательной, но я в течение долгого периода времени никак не мог ее опознать. Женщина эта располагалась отдельно от основной массы гостей, и если кто-то, проходя, оказывался в непосредственной близости от нее, то она отодвигалась, освобождая место проходящему. Внешний вид ее лица изображал выражение заискивающее и виноватое. С большим напряжением силы памяти я все-таки сумел ее опознать. Это была «жена Айжанова», которую я собственноручно видел двадцать пять лет тому назад в этом же доме на тое, устроенном по случаю рождения того парня, который в данный момент вступал в законное бракосочетание.

Тогда торжество, связанное с рождением младенца, долго не начиналось, потому что весь наличный состав присутствующих, как родители, так и приглашенные, ждал задерживавшуюся «жену Айжанова». Ее долгожданное появление было встречено бурными аплодисментами и радостными возгласами общего ликования. Казалось, что той организован не в честь появления в этом доме новорожденного младенца, а в честь появления уважаемой особы «жены Айжанова». К ней все тянулись. За нее поднимались тосты.

И вот что мы имеем на текущий момент. Она по-прежнему продолжает пребывать в качестве «жены Айжанова», но сам Айжанов уже перестал быть собой. То есть фамилия и прочие паспортные данные сохранились, но его номенклатурное положение в расстановке кадров изменилось. Айжанова давно понизили в связи с несоответствием. Но «жену Айжанова» никто не понижал. Она осталась,

³¹[31] Обряд открывания лица невесты.

говоря фигурально и образно, в той же должности и звании, в каком и пребывала как до определенного момента, так и после него. С одной стороны, получается, что человек, в данном случае «жена Айжанова», не изменился, с другой стороны того же вопроса, получается, что, не изменившись, человек переменялся коренным образом, чему ярчайшим свидетелем я и явился. Вот что жизнь-то делает. Что ни говорите, а в этой проблеме есть суть, требующая всестороннего рассмотрения.

* * *

Сколько раз в своей жизни человек грустит, печалится, слезы льет? Сколько раз радуется и веселится? С самого рождения учится он и веселью, и печали у других.

Каждое поколение оставляет потомкам свой опыт. Опыт, добытый слезами и смехом, потом и нервами, а порой и кровью. Но часто ли потомки считаются с опытом предков? Они норовят обзавестись своими жизненными навыками, своим опытом. Своим. А по сути, повторяют то, что уже делали предки. Но даже знай отцы и деды, что мудрость их, обретенная таким трудом, что истины, ими добытые, что нравы и обычаи, которые они столь тщательно блюли, что духовные богатства, которые они так высоко ценили, все, ими накопленное, не сгодится потомкам,- знай они все это, неужели отказались бы от собственных традиций и мудрости? Вряд ли. Каких только сюрпризов не преподносит жизнь, каких только внезапностей не припасает! Чего только в этой жизни не случается! Но разве случалось в ней хоть разочек что-нибудь такое, к чему люди не смогли бы приспособиться? Или если не приспособиться, то одолеть, перебороть? С чем только не сравнивали жизнь, чему только ее не уподобляли, каких только мудростей о ней не наговаривали, а тысячелетия назад произнесли: «Жизнь - это жизнь», и через тысячу лет после нас скажут то же самое. И будут правы.

Мой дедушка говорил: «По моему-то разумению, корень всех ссор, драк и вражды всякой в ненасытности людской...»

Моя мать добавляла: «Ненасытен не сам человек, а глаза его».

Человек самого себя считает самым сильным и умным существом среди других живых существ. Если так, то хочется спросить: «Почему же он такой слабый?»

Порой его можно обрадовать, угостив сигаретой. И иной раз на всю жизнь оскорбишь, отказав ему в просьбе закурить.

В радости для него и день короче часа, а час - что секунда. В горе и миг покажется часом, а день тянется как месяц. И все это так на самом деле, каждый по себе это знает. Л раз так, то диву даешься, как же человечество до нынешнего дня пользовалось часами и календарями, как оно не путалось, отсчитывая годы, месяцы, дни, часы, минуты и секунды?

Из поучений моего дедушки:

«Если жизнь не сложилась, значит, сам виноват. Чего на жизнь пенять? Пеняй на самого себя, в таком случае хоть ума наберешься».

«В жизни всегда сильные одолевают слабых. Главное - понять, ты-то с кем? Самое же лучшее - понять, что ты сильный, но на стороне слабых».

«Чем больше в жизни забот и сложностей, тем она, жизнь, интересней. А так ведь не велика разница между спокойным и покойным».

* * *

Сколько злодеев знакомо истории, сколько кровопролитий ей ведомо? Если внимательно вчитываться в страницы истории, погрустнеет даже прирожденный весельчак. А сколько в ней было моментов, когда люди довольствовались уже тем лишь, что остались живы? А может, и впрямь жизнь - это просто существование?

«Пока у тебя в теле держится душа - до тех пор и живой», - говорила моя бабушка.

«Нет, считай, что живешь до тех пор, покуда полезен людям», - оспаривал ее дедушка.

Легенда, рассказанная моим дедушкой. Однажды к египетскому халифу подошел некий караван-баши³²[32] и ни с того ни с сего вдруг говорит:

- Великий халиф! А хотите, я тут же покажу вам вашу душу?³³[33]

Халиф рассмеялся. И сам он был не из робких, и стражники рядом стояли.

- Ну что ж, покажи,- согласился он. Караван-баши поднялся, неторопливо подошел к халифу и вдруг рывком-хватъ у него из рук маленького сына. Сын-то сидел на коленях у халифа. Хватъ, значит, и давай душить.

Халиф вскочил и - за саблю. Хочет снести голову караван-баши. Хочет, да не тут-то было. Бойтся сына задеть. Тогда взмолился халиф и - на колени:

- Пощади мальчика. Уже предстала душа моя пред моими глазами.

А караван-баши ему на это:

- Отпущу. Но сперва провозгласи меня пророком. И поклянись, что будешь чтить меня как пророка.

Ты - пророк! Клянусь чтить тебя!- тут же выкрикнул халиф.

Звали того караван-баши Мухамедом. А после этого случая стали называть «пророком Мухамедом».

«Для каждого своя жизнь - жизнь пророка»,- говорила моя мать.

Коше-бий рассказывал: Однажды, когда я пребывал еще в состоянии детского возраста, довелось мне направиться за дровами в лес, находившийся за аулом. На территории лесного массива, а конкретнее, в зарослях кустарника, обнаружил я мужчину и женщину, которые учинили меж собой драку. По причине своего малолетства я подвергся перепугу страха и, замаскировавшись в зарослях, начал производить наблюдение за ними.

Вдруг в руке у мужчины появилось холодное оружие в виде кинжала. С помощью кинжала он атаковал женщину, и она отступила под натиском его подавляющего превосходства в силе.

³²[32] *Вожатый каравана.*

³³[33] *Непереводимое выражение, отдаленно схожее по смыслу с русскими выражениями: «испытать смертельный ужас», «увидеть свою смерть».*

- Ну что?- крикнул мужчина,- Душа твоя показалась тебе на глаза? Сей же момент называй меня пророком!..

Но мужчина как только изложил свое требование, так тут же споткнулся ногой о корень и, потеряв равновесие вертикального положения тела, рухнул, приняв горизонтальную позу и лишившись кинжала, поскольку кинжал отлетел на три сажени от траектории падения мужчины.

Воспользовавшись благоприятно сложившейся ситуацией, женщина захватила холодное оружие, утерянное мужчиной, и в свою очередь атаковала повергнутого противника.

- Теперь ты понял, что значит душа на глаза показалась?!- кричала она.- Теперь ты признавай меня святой, честной, чистой и невинной.

- Ты святая! Ты чиста и невинна!- следуя ее указаниям, повторял мужчина. И при этом целовал ее ноги в районе голеностопного сустава.

А женщина присела возле поверженного и начала его ласково утешать путем поглаживания ладонью по голове.

Вот такие казусы имеют место быть в реальной действительности жизни...

...Каких только «святых» и «пророков» не наплодила жизнь! Кого только по рукам не вязала, кому не подгибала колен! Но лучше быть простым пастухом и жить в полный рост, чем числиться «пророком» и самому сгибаться в три погибели или других гнуть в дугу.

«Жизнь любого обуздает. Но коли ты еще сам себя не понял, не осознал, то поброди по свету и обязательно себя найдешь»- так не раз и не два советовал мне дедушка.

«Когда бы вскрылись все могилы, и ожили бы все умершие люди, и решили поведать каждый свою судьбу, то двух одинаковых рассказов мы бы не услышали»,- говорил школьный учитель литературы.

Ты приносишь сыну палку:

- Вот, сынок, тебе коняшка, чтоб быстрее скакал! Потом он приносит тебе палку:

- Вот, отец, тебе опора, все полегче ходить станет. Выходит, жизнь как эстафетный бег? Тебе вручили палочку, ты ее передал следующему?

А может, она как поднятие тяжестей? То тяготят обстоятельства, то потом тяготят прожитые годы.

«В жизни человек - дважды ребенок. Сперва он выходит из ребячества в юность. А в старости вновь впадает в него», - говорил мой дедушка.

И все-таки из всех определений два кажутся мне наиболее верными. Кажутся потому, что вздрагивает мое сердце, когда слышу: «Жизнь - это связь людей друг с другом» и «Жизнь - это любовь человека к человеку».

Вероятно, так оно и есть!..

15

Жизнь - это близость людей, дружба человека с человеком и народа с народом, любовь человека к человеку и родство поколений.

Дружба, любовь, родство влекут за собой тысячу обязательств. «У дружбы - своя история», - гласит народная мудрость.

В музыке истории всегда звучат две струны, два мотива. Мотив сближения, дружелюбия, породнения. И мотив вражды, неприятия, отчуждения. Какой из этих мотивов, какая из этих музыкальных тем окажется ведущей, зависит от исполнителя.

У любого человека свой нрав, свой вкус, свои взгляды и понятия. Также и у любого народа своя национальная философия, свои нравы и обычаи, свои легенды и песни, узоры и звуки. И растолковать свою философию людям других национальностей, показать им красоту своих узоров и звуков народ сможет лишь после того, как осознает сам себя. И здесь нельзя лукавить и фальшивить, затягивать старую песню сладким голосом, думая, что это делаешь «для будущего», для того, чтобы потомки лучше думали о предках, чтобы другие народы с большей симпатией относились к твоему народу. Но не надо и

расковыривать старые раны, раздирать зарубцевавшиеся шрамы и, крича от боли, уверять, что это и есть «голос истории».

Если приукрасить судьбы предков, если изобразить их всех сплошь мудрецами и батырами, то вряд ли кто этому поверит. Изобрази же их людьми неприметными, слабыми, обидчивыми, а порой и лживыми, пожалуй, многие поверят, и даже с охотой, но это будет ложь. Правильнее всего искать предков в себе. В себе находить их черты и свойства. Впрочем, и среди современников лучше всего искать добрых и порядочных людей и самому стремиться им уподобиться, чтобы по праву причислять себя к той части народа (а шире - человечества), которая является на свет божий не ради потребления сладкой пищи и спокойного времяпрепровождения, а для того, чтобы оставить будущим поколениям прекрасные здания, обихоженную землю, добрые чувства и мудрые мысли. Но прежде чем все это оставить в наследство, надобно и здания и мысли создать и самим опробовать. Надобно все лучшее сделать для самих себя. И заповедовать лишь то, что самими изведено.

Если один человек правит другим, держит его в узде, тут уж никакой дружбы, никакой любви быть не может. В любви и дружбе каждый должен уметь владеть собой, уметь обуздать себя.

Люди говорят : «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Так по-русски.

«Покажи мне своего друга, и я узнаю твою судьбу» - это по-каракалпакски.

Народы разные, поговорки похожие.

Ибн Сина говорил : «У больного одна мечта - выздороветь. Ему для счастья больше ничего не нужно. У здорового - тысяча желаний и мечтаний. Ему для счастья многое надобно».

По-моему, одно из главных людских желаний - обрести истинного друга. Хоть одного, но истинного и преданного. Плодами такой дружбы можно наслаждаться всю жизнь. А половинчатая дружба как большая яблоня: требует беспрестанного ухода - чуть замешкался, глядишь, и ветвь сухая, и плод червивый.

Из беседы аксакалов

- ...Вот часто говорят: «дружная семья», «дружные супруги», «дружные братья». Да дружба ли это? Это родство. А дружба тем и хороша, что вот человек чужой вроде бы, а на самом деле родней родного...

- Есть такая поговорка: «Если возгордишься, пройдишь по кладбищу. Если опечалишься, пройдишь по берегу». Поглядишь на воду и поймешь, что любая кручина, любая невзгода - все утечет, все смоеется. Поглядишь на могилы и поймешь: как ни возносишься над людьми, а вместе с ними в землю ляжешь...

- Забывать о смерти негоже. Это само собой. Но и готовиться к ней все время - значит, не жить свой век, а весь свой век умирать...

- Жить в одиночку, без друзей - это, считайте, тоже не жизнь, а почти что смерть...

- Во всяком деле нужно терпение. Без терпения и друга себе не сыщешь...

- Ежели утром спешаешь из дома, ибо стосковалась за ночь душа твоя по делам твоим, оставленным тобою, а вечером поспешаешь домой, ибо стосковалась за день душа твоя по семье,- значит, ты и есть истинно счастливый человек в сем подлунном мире. И счастливее тебя нет никого и быть не может..

- Счастье еще и в пользе для других, а не только для себя. Когда наш Маман-бий вернулся из страны Урусов, он привел с собой урусамастера. Ушел тот большие лодки строить. И построил он на Арале первую такую лодку. А вечером того же дня напали враги на Мамана, окружили его и вонзили в его тело свои подлые кинжалы. Упал Маман, но умирая успел сказать: «Я счастлив, потому что смог помочь своему народу»...

- А вот что рассказывают про бия Айдоса. Хан хивинский оценил его голову в тысячу золотых монет. И когда окружили его враги, когда понял Айдос-баба, что душа его уже предстала пред очами его, тогда сказал он своему другу, верному своему стремянному: «Друг мой, ты верой и правдой служил мне много лет. И не расплатился я с тобой за дружбу твою и за услуги твои. Хочу сейчас расплатиться своей головой. Отруби мою голову и отнеси ее хану. За нее ты получишь тысячу золотых монет». Долго не соглашался стремянной. Долго противился просьбе друга. Но Айдос-баба уговорил его. И когда сталь сабли друга коснулась его шеи, Айдос-баба улыбнулся и умер счастливым...

- Дружат не только добрые люди. Негодяй с негодьяем тоже связаны крепко. Но что остается от добрых друзей? Остается добро, преданность, совесть остается. А от подонков что остается? Уж как они выгораживают друг друга, как друг другу пособляют в каждой пакости! А остается-то что? Зависть, жадность, подозрительность - вот что остается от них...

- Люди с черными сердцами себе в оправдание поговорку сочинили: «Рука руку моет». Да то забыли, что если обе руки замараны, загажены, то получится, что рука руку пачкает...

- Говорят, в старину ежели провинился человек, то наши предки-черношапочники наказывали не виновника, а его друга...

- А еще говорят, что во времена Жиен Жрау если кто совершал проступок, то его морили голодом, а супротив него сажали его злейшего врага и потчевали всеми лакомствами...

- А во времена Бердаха за провинность сына наказывали отца...

- А совсем недавно, в годы моего детства, если кто предает друга, то старейшины аула созывали в дом предателя всех его недругов, и те всю ночь напролет последними словами костерили и самого предателя, и его родителей...

Мне вспоминаются слова известного писателя Бруно Ясенского: «Я не опасюсь своих друзей, в худшем случае они могут предать, и не боюсь своих врагов, в худшем случае они могут убить, но опасюсь равнодушных, потому что с их молчаливого согласия на свете творятся предательства и убийства».

Из рассказов аксакалов:

- Жил у нас в ауле Утеген-бай. И очень он заботился о судьбе своих детей. Всё богатства для них копил. Всё в бии их готовил. А тут вдруг революция. И всех своих богатств Утеген лишился. И всех своих надежд тоже. Советская власть начала учить бедняцких детей и сирот. Тогда Утеген и говорит: «Что это такое? Если для того, чтоб мои дети стали счастливыми и именитыми, нужно им испытать сперва горе и сиротство, то пусть так и будет». Сказал он это и повесился...

- Да рассказы все это,- возразил другой старец.

- О Ерназаре Алакозе вот что рассказывают. Он всегда ратовал за равенство людей. И очень сердился на то, что, когда бывал в Хиве, придворные хана спрашивали у него: «Как твои дела? Какие трудности?» Он отвечал. Но если сам спрашивал придворных: «Как ваши дела? Какие трудности?»-то они обижались. Потому что считали, будто такие вопросы только старший может задавать младшему, а не наоборот. Старшими они считали себя. А нас, каракалпаков, считали ниже себя. Это и злило Ерназара Алакоза. Вся прошлая судьба черношапочников напоминала судьбу голодного среди сытых, судьбу больного среди здоровых. Судьбу подростка-несмышлениша среди взрослых...

- Не ищи дружбы с врагами своих друзей, ибо и нового друга не обретешь, и старого потеряешь. А коли бывший друг превратится в твоего врага, то станет опаснее сотня врагов, ибо знает он все твои тайные слабости...

Вспоминая порой разговоры аксакалов, вспоминая советы, заветы и наставления предков, я искренне дивлюсь их житейской мудрости. Но порой думаю, на все случаи жизни никакой мудрости не напасешься.

Случаи, рассказанные коше-бием.

Первый . Когда я находился еще в детском возрасте, то состоял в приятельских отношениях с одним сверстником своих лет, которого звали Есемуратом. Он отличался отрицательными наклонностями и свойствами характера. Однажды он совершил кражу дынь с соседнего огорода. Следующего числа того же месяца мы играли с ним вместе в помещении его дома. Тут внезапно является сосед, понесший урон в дынях, и хватает Есе-мурата за ухо. При этом объявляет Есемурата вором в моем присутствии. Я из благородных побуждений вознамерился переложить ответственность на себя и официально заявил, что дыни украдены мною. Тогда потерпевший сосед, оставив ухо Есемурата, целиком сосредоточился на моем ухе. А мой бывший приятель не только отказался оказать мне какое-либо содействие, но еще и охотно поддержал выдвинутую мною версию, согласно которой я и был наказан как вор.

Соседи, сбежавшиеся на крики наших голосов, тоже единодушно осудили меня своим общественным мнением.

Вечером обо всем случившемся я доложил своему отцу. Выслушав меня, он выступил с разъяснением, согласно которому наказание я понес не за то, что пытался спасти участь друга, а за то, что дружил с недостойным мальчиком.

Второй . В годы подросткового возраста, а также отрочества и даже некоторый период юности я состоял в дружеских отношениях с одним парнем. На текущий момент он является уже человеком умершим, и потому, согласно установленному правилу: об умерших плохо не говорят, я не стану обнародовать его настоящее имя, а буду применять в своем повествовании выражение «Один парень». Хотя во избежание всяческих неуместных недоразумений считаю своим долгом сразу информировать вас и поставить в известность о том, что в период действия моего повествования он был уже не парнем, а полностью зрелым, граждански оформившимся мужчиной.

Итак, этот Один парень сначала удалился от нас, уехав на неизвестное время в неустановленном направлении, а но прошествии определенного количества лет возвратился на свое родное местопребывание. Возвратился он с большим количеством соцнакоплений и прочего лишнего имущества и предметов индивидуального пользования, как-то, например: автомобили, которых у него обнаружилось целых два. Возвратившись, он сделал всем нам, тем, кто состоял с ним в прежней дружбе, предложение посетить его дом в качестве гостей. У нас не было оснований отвергать это предложение, и потому, приняв его, мы в заранее назначенное и обусловленное время оказались на территории его жилплощади.

Собрав нас, он вдруг сделал заявление, что ему нужно на короткое время отлучиться по служебной надобности. Но он просит нас не расходиться, поскольку предполагаемый срок отлучки будет непродолжительным. И уходит.

Осматривая в одиночку жилье его квартиры, мы в голос удивлялись: откуда у него в личном пользовании такое большое обилие предметов роскоши и прочих изделий не первой необходимости? Мы говорили:

- Какая бы ни была зарплата денег, но на честно приобретенные средства такого не купишь.

- По всей вероятности, он является взяточником.

- Не исключена и такая возможность, что он жулик.

Наконец тот Один парень возвратился из своей отлучки, которая действительно была сравнительно краткосрочной. Возвратившись, он сказал:

- Давайте послушаем магнитофон. У меня есть новые записи.

Когда он произвел включение магнитофона, мы все вынуждены были опешить. Послышались слова, произведенные нашими голосами: «Он - взяточник. Он - жулик».

- Ну вот, друзья мои,- сказал тот Один парень.- Теперь вы имеете полную информацию обо мне, а я имею столь же исчерпывающую информацию о вас. Мы квиты. Вы уже успели обратить внимание, что в моем доме наличествует все, что необходимо для надлежащего существования. Мне недостает только друзей. Поскольку теперь у нас нет тайн друг от друга, то выражаю надежду, что вы с этого момента и станете являться моими друзьями.

Мы обиделись и выразили ему свое несогласие тем, что покинули помещение его квартиры. После этого он предпринял еще несколько попыток наладить контакт с нами и, не добившись успеха, скоро скончался.

Согласно уверениям его лечащего врача, летальный исход смерти наступил в результате обострения резкого приступа хронической ностальгии по дружескому общению. И как только я услышал это, так с тех пор до сегодняшнего дня пребываю в состоянии неуверенного раздумья. Должны ли мы были отнестись к Одному парню с подобающей непримиримостью к его недостаткам? Или же все-таки должны мы были отнестись к нему с надлежащим вниманием и стремлением искоренить эти негативные недостатки?

Третий. Этот случай был доведен до моего сведения одним из приятелей, который побывал на курортном побережье Черного моря в качестве отдыхающего. Там он видел дворец, находившийся в дореволюционное время в пользовании русского графа Воронцова.

Однажды к дворцу графа приблизился некий посетитель. Он уже намеревался проникнуть внутрь помещения, но собака, лежавшая у двери во исполнение своих обязанностей, непустила его.

Неизвестный посетитель обратился к собаке с уверениями, что он является давним другом графа и ныне имеет неотложную надобность во встрече с Воронцовым.

Собака же на это возразила, что она тоже является преданным другом графа и па этом основании не имеет возможности пропустить незнакомца.

Этот шум достиг ушей графа, и Воронцов отреагировал на него тем, что выглянул из окна. Выглянув, он опознал пришельца и лично удостоверился, что тот пытается ввести собаку в заблуждение. Поскольку никакой он не друг, а самый что ни на есть типичный заклятый враг. И явился с целью убить графа.

После того случая Воронцов отдал распоряжение, чтобы в его парке соорудили памятник его собаке. И приказал на том памятнике сделать надпись следующего содержания: «Не важно, кто твой друг. Важно, какова ваша дружба. Пусть другом будет хоть собака, была бы лишь она преданной тебе».

* * *

Человеку присуще думать, что он лучше, чем есть, что достоин он большего, чем имеет, что должен он поучать, а не выслушивать чужие поучения, что вправе он указывать и советовать другим, а сам не нуждается ни в чьих советах и указаниях, что место его среди именитых и выдающихся, а не среди безвестных и незаметных. Таково уж, видимо, свойство человеческой природы.

В самом по себе стремлении стать выше, лучше, умнее, в стремлении подчеркнуть свои достоинства нет ничего плохого. Плохо, коли эти претензии ничем не оправданы. Плохо, если самолюбие мешает сближению с другими людьми. А особенно мешает оно дружбе.

В общем-то, найти себе какого-никакого дружка, наладить приятельские отношения с одним-двумя людьми всегда можно. Трудно - самое трудное, наверное, - это изначально дружески подходить ко всем людям, ко всему народу.

«А зачем это нужно? - может кто-то спросить. - Разве народ нуждается в вашей или моей дружбе с ним?»

Он-то не нуждается, но мы нуждаемся, мы без этого - не люди. Не вправе считать себя людьми. Несколько видоизменив известное выражение Тургенева, можно сказать: народ проживет и без тебя, и без меня, но никому из нас никогда не прожить без народа.

Народ всегда великодушен и терпим. Эти же качества: великодушие и терпимость - свойственны, как правило, лучшим сынам любого народа.

Из рассказов аксакалов. Однажды великий поэт Навои шел, окруженный своими учениками. И встретился им один из придворных царя Хусейна Байкоры. Придворный тот был ненавистником поэта. Но Навои поздоровался с ним первым и даже голову свою склонил в поклоне.

- Великий учитель,- удивились все поступку Навои,- зачем приветствовали вы врага своего?

- Знаю, знаю, друзья мои, цену ему. Но не будь его подлостей и каверз, я бы меньше ценил вашу дружбу и помощь.

Бердах говорил:

Твой каждый год
Пусть будет твоим другом,
Поможет жизнь понять
И радости ценить...

Годы идут. А время - строгий экзаменатор. Оно испытывает людей. Испытывает и их отношения, в том числе и дружбу.

Вероятно, я не смог сдать все экзамены, а может, и бывшие друзья мои оказались не подготовленными к трудным вопросам жизни. Но как бы то ни было, а, дожив до пятидесяти лет и осмотревшись вокруг, я заметил, что друзей у меня осталось всего трое. То есть со мною нас четверо. Да и меж нами четверыми все отнюдь по просто и не гладко.

Итак, жили-были четыре человека, четыре достаточно молодых человека, которые тянулись друг к другу, и было им очень хорошо, когда они собирались вместе.

Все четверо и донныне живы. Нередко и теперь собираются, но делают это не столько с охотой, сколько по старой памяти. И не чувствуют они особой радости от этих встреч и совместных разговоров, а стараются просто соблюсти приличие.

Профессии у нас разные. Но если прежде трое с интересом и пристрастием вникали в дела четвертого и сам он искренне интересовался мнением друзей, то теперь, когда возникают разговоры о работе, каждый про себя думает: «Ну что вы лезете? Ведь ничего же в этом не смыслите, а беретесь советовать». Или: «Вот опять завел о своей работе. Слушать уже тошно. Неужели не понимает, что это не тема для общей беседы?»

Когда-то мы с удовольствием уступали друг другу место за дастарханом³⁴[34]. Ныне порой можем даже повздорить слегка из-за места на вешалке для пальто иди из-за того, кому в машине сидеть рядом с шофером. «Что за байская привычка сразу плюхаться на первое сиденье», - ворчит обычно кто-то из нас, оказываясь за спиной шофера.

Что же случилось?

В том-то и суть, что ничего. Или все мы четверо проглядели то мгновение, когда стали вдруг отдаляться? Словно на бильярде из четырех углов катнули четыре шара. Встретились они в центре, сошлись, стукнулись и начали расходиться. Расходиться медленнее, чем катились навстречу, но все равно...

Между нами как будто бы ничего не случилось. Зато что-то случилось с каждым из нас. Между сорока и пятьюдесятью годами, когда мы считали себя и своих друзей уже полностью сложившимися людьми, когда были уверены, что каждый может с полной определенностью сказать все о собственном характере и мировоззрении, а также о характере и мировоззрении любого из троих друзей, вот в это самое время мы и стали резко меняться.

Один ударился в работу. Он пришел к убеждению, что слишком много упустил в жизни, и теперь лихорадочно наверстывал упущенное. Другого потянуло к достатку. Он часами мог говорить о запчастях для своей машины, о посуде, мебели, о новых моделях телевизоров и магнитофонов, но откровенно скучал или даже зевал тайком, когда заходила речь о чем-либо другом.

Третий не увлекался ни работой, ни накоплениями богатств, но зато с удовольствием мог говорить и о том, и о другом, и вообще о чем

³⁴[34] По старинному обычаю, места за столом не одинаковы. Есть почетные и менее почетные. А сидеть близко к двери считалось даже обидным.

угодно. Грубо говоря, он стал попросту болтлив и хотел только одного, чтоб его слушали и не перебивали.

А четвертый... Ну, четвертый попросту влюбился. Ему детей пора женить, а он сам, как джигит молодой, спешит на свидание, стараясь не попадаться на глаза никому, в том числе и старым друзьям.

Мы разошлись, а когда остаешься один, любой недоброжелатель норовит швырнуть в тебя грязью. И вот через какое-то время и мы стали уже коситься друг на друга: а не замараешь ли ты меня, милый мой? Не запачкаешь ли мою репутацию?

Однако - и это самое примечательное - окончательно расстаться мы все же не можем. Я чувствую, что мне без них будет чего-то очень недоставать. Видимо, любой из нас четверых думает так же. Видимо, мы еще надеемся, что размолвки и осложнения с годами отойдут в прошлое и опять, как встарь, будет нам хорошо вместе.

Сейчас я пишу эти строки, а завтра у нас очередная встреча. И втайне надеюсь, что вдруг именно завтра...

Аксакалы говорили: «Из старого человека, как из старого тюфяка, порой всякая труха наружу лезет...»

Мой дедушка поучал: «Не считай врагом всякого, кто подмечает твои огрехи и прорехи».

Коше-бий возражал: «Постоянно подмечать чужие дефекты и прочие несоответствия, полагая, что в этом и заключается проявление дружеской принципиальности, тоже не является истинным выражением чувства товарищества».

Моя мать говорила: «Если хочешь иметь друзей, то научись ценить чужие добрые дела».

Мой отец часто повторял: «Не выискивай обиды для себя в чужих ошибках».

Итак... «Жизнь - это любовь». «Для того чтобы жизнь человеческая смысл обрела, необязательно человеку возлюбить весь род людской,

довольно и того, если всею душой возлюбит он одного человека»,- говорили мудрецы.

«Для того чтобы жизнь человеческая счастьем озарилась, необязательно, чтоб возлюбил того человека весь род людской, довольно и того, чтобы одна душа живая любовью к нему переполнилась»,- продолжали те же мудрецы.

«Что бы ни случилось, Сере, знай, что прекрасна жизнь, пока хоть кто-то тебя любит, хоть один человек на свете»,- говорила моя мать.

Легенда, рассказанная моим дедушкой. Однажды хан вызывает к себе поэта Бердаха да и говорит ему:

- Объясни, за что народ так любит меня?

- Две причины тому,- отвечает Бердах.- Первая причина - ваша мудрость. Одной лишь ею и кормится люд. Вторая - ваша сила. Враги ее не знают, зато свои извели сполна.

Насупился хан, брови свел и говорит:

- А теперь объясни, почему народ любит тебя?

- Тоже две причины тому,- отвечает Бердах.- Первая причина - я ему сын родной и люблю его по сыновьи. Вторая причина - он мне родной отец и любит меня отечески.

* * *

Сколько веков существует человечество, столько веков и тянется спор: женский род сотворен «от ребра» мужского, либо род мужской вышел из утробы женской. Что проку в том споре? Река жизни течет по руслу любви. Какой берег главнее: левый или правый?

Любовь требует равенства. Равенства чувств. «Если ты способен любить, то достоин быть любимым»,- говорили наши предки. Однако ради любви вершатся не только подвиги, но и подлости. И не зря те же предки говорили: «Может человек родиться молодцом, да жизнь прожить подлецом».

«Любовь»- во многих случаях синоним «ожидания». Когда я вспоминаю женщин и девушек, ожидавших возвращения с войны своих мужей и женихов, когда вижу, как страдают и маются в разлуке

любящие люди, особенно женщины, то мне кажется, что от жалости к ним небо готово рухнуть.

«Сама женщина, а перед родами каждый раз молила Аллаха, чтоб не дарил мне дочерей», - признавалась моя бабушка.

«Жизнь не может считаться радостным явлением до того момента, пока не добьешься результатов в достижении такой цели, как любовь», - рассуждал коше-бий.

Любовь - это духовный паспорт, духовное удостоверение личности. Обычный паспорт выдается властями, выдается открыто, а теперь это стараются делать торжественно и при свидетелях. Духовный паспорт ты сам себе вручаешь, вручаешь тайно и скрытно. Но пока не ощутишь любовь к другому человеку, пока не испытываешь этого высокого и мучительного чувства, до тех пор и не удостоверишься, что стал личностью в духовном смысле этого слова.

* * *

Из преданий аксакалов. В давние-предавние времена это было. Шла тогда жестокая война. В одной кровавой сече все воины пали под саблями врага. Лишь один уцелел. Уцелел сам и коня не потерял. А потому оторвался он от врагов своих и поскакал к родному очагу. А враги его - следом за ним. Вдруг встречает он на дороге сына и жену. Идут они, и оба защиты у него просят. И рад бы воин обоих взять, да не может. Конь его притомился, а враги близко. Двоих унесет, а троим на коня сесть - значит, всем пропадать. Подумал воин и сказал: «Садись, жена! Коли мы с тобой выживем, у нас еще дети будут». Сказал, взял жену свою, оставил сына своего и ускакал.

Кто-то из нас потомок того воина.

Еще . Давно это было. Когда народ наш еще племенами селился. У вождя одного племени умерла жена, которую он очень любил. И осталась у него единственная дочь, свет очей его, отрада сердца. И не мог он даже мысли допустить, что должен когда-то расстаться с ней.

Но дочь подрастала, и слава о красе и доброте ее разнеслась по степи. Стали со всех краев к его юрте съезжаться женихи. Были среди них стройные юноши, прекрасные лицом и станом, были и могучие батыры, и знатные баи, готовые предложить невиданную цену калыма, и ученые мудрецы, знавшие, что любовь не купить никакими

сокровищами, и сладкогласные поэты, каждое слово которых ценилось дороже золота.

Но не хотел вождь расставаться с дочерью своей. А потому объявил по всем аулам:

- Дочь моя достанется тому, кто ради любви к ней сможет вычерпать Аральское море.

Услышав это, женихи понурили головы свои и стали разъезжаться, ибо на то, чтобы исполнить волю вождя, не хватит сил у самого могучего батыра, и не хватит золота у богатейшего из баев, и даже у самых ученых мудрецов не достанет знаний.

Но в одном из дальних аулов, как только дошла до него весть о велении вождя, джигит-черношаиочник взял два кожаных ведра и пошел к берегу Аральского моря.

- Сын мой, куда ты направился? - крикнул его престарелый отец.

И ответил он отцу своему:

- Я принимаю условия вождя нашего. Ибо от любви к дочери его сердце мое горит жарким огнем. И не будет мне жизни без надежды взять ее в жены.

- Сын мой, - сказал отец его. - Не лучше ли пойти тебе к вождю нашему и его дочери и объяснить им, как велика любовь твоя?

- Нет, отец. Не стоит терять время. Вождь сказал свое слово, я услышал его. Чем раньше возьмусь за дело, тем быстрее завершу его.

Прошел год. За ним другой и третий. Не досаждали женихи просьбами вождю. И забыл вождь о словах своих.

Однажды поехал он на охоту и увидел косулю. Уже натянул он тетиву своего лука и хотел пустить стрелу, но тут показалось ему, что косуля эта чем-то схожа с дочерью его. Тогда спрятал вождь свой лук, достал аркан и погнался за косулей, чтоб взять ее живую и привести дочери своей, дабы могла она любоваться ею.

Спасаясь от погони, стремглав полетела косуля, увлекаемая вождя к берегу моря. На самом берегу она остановилась, глянула в сторону, а затем прыгнула в заросли тростника и скрылась в них.

Хотел и вождь направить коня своего в те же заросли, но, прежде чем сделать это, он тоже оглянулся в ту сторону, куда посмотрела косуля. И, оглянувшись, увидел джигита, который черпал воду из моря кожаными ведрами, бегом относил ее за ближайший бархан и там выливал. Удивился вождь и крикнул громким своим голосом:

- Эй, парень! Что ты тут делаешь?

- Не мешай мне, добрый человек,- ответил парень на ходу.- Я очень тороплюсь.

- Куда же ты так торопишься?- снова спросил вождь племени.

- Я хочу вычерпать море.

- Безумец!- вскричал вождь.- Разве неведомо тебе, что море вычерпать невозможно?

- Ты ошибаешься, добрый человек,- ответил ему джигит.- Море можно вычерпать, иначе наш мудрый вождь не поставил бы такого условия.

И тогда вспомнил вождь свои слова и устыдился их. Отправился он назад и, вернувшись, поведал обо всем увиденном дочери своей. И сказала ему дочь его:

- Отец мой. Отдай меня в жены тому джигиту.

- Но мы отказали лучшим женихам, а тот джигит не богат, не знатен, не очень силен и, сдается мне, не очень умен, иначе не стал бы море ведрами вычерпывать.

И вновь попросила дочь вождя - отца своего:

- Отдай меня в жены тому джигиту.

- Как же я отдам тебя ему, если он еще не выполнил моего условия? Ведь море он еще не вычерпал.

В третий раз попросила она вождя:

- Отдай меня в жены тому джигиту. Ради любви ко мне он взялся за невыполнимое дело. Значит, велика любовь его. С ним я буду счастлива.

И отдал вождь дочь свою за того джигита.

И надо ли удивляться тому, что кто-то из нас может оказаться потомком того джигита и дочери вождя?

И еще. Великий и мудрый царь Сулейман решил выдать замуж одну из дочерей своих. Хотел он созвать женихов со всего света, дабы выбрала она из них самого достойного, но, узнав о намерении отца, дочь царя сказала:

- Не надо созывать женихов. Я уже нашла того, кто дорог душе моей.

- И кто же он?- спросил Сулейман.

- На берегу Аральского моря живет молодой черношапочник. В его дом я и хочу войти женой.

- Да ведь беден он. И пуст дом его. И на нем самом всего один старый халат. Вглядишься, сквозь дыры халата видны тощие ребра.

- Вглядитесь пристальнее, отец, и тогда заметите, что сквозь дыры халата видны не только тощие ребра, но и его пылкое сердце, преисполненное любви. И не надобно мне в жизни других радостей, кроме одной: каждый день видеть это сердце.

- Ну что же,- согласился великий и мудрый царь Сулейман.- Неволить не стану. Тебе жить, тебе и решать. Поступай как знаешь.

Дочь Сулеймана вошла женой в дом черношапочника, и зажили они душа в душу.

Минуло десять лет. Царь Сулейман сидел в своем саду, который во всем походил на райский сад, и пил шербет, который уступал одной лишь амброзии. И вдруг видит, что идет к нему его дочь. Идет она в рваном поношенном платье, и сквозь дыры платья видит царь Сулейман, что сердце его дочери сжалось от тоски.

- Почему сжалось твое сердце, дочь моя?- спрашивает он.- Уж не случилось ли какого несчастья?

- Вся жизнь моя - несчастье,- печально говорит она.- И как может не сжаться сердце, если желудок сжимается от голода, а плечи сжимаются от стужи, если бедность сжимает мне горло так, что я не могу вздохнуть.

- Но ведь сама ты выбрала долю свою.

- Кто не ошибается по молодости лет? И скажите, отец, неужели за ошибку молодости должна я расплачиваться всю жизнь?

- Говори, дочь, чего ты хочешь?

Царь Сулейман умел общаться с богом, и его дочь знала об этом.

- Я хочу, чтобы дом мой был полной чашей и чтобы в доме на полу не стояли чашки, в которые с крыши капает вода. Я хочу, чтобы мои наряды блестели золотом и драгоценными камнями, а глаза мои не блестели от голода и слез. Я хочу вкусную еду запивать сладким шербетом, а не размачивать соленой слезой сушеную рыбу. Я хочу, чтобы грудь моего пахла благовонными умщениями, а не тяжелым потом от беспрестанной работы.

- Хорошо,- сказал Сулейман.- Станет дом твой полной чашей, и нарядам твоим станут завидовать все красавицы мира, но за все эти блага лишишься ты одного - не будешь отныне видеть сердце своего мужа.

Согласилась с этим царская дочь и отправилась домой.

Прошел еще год. Вновь восседал царь Сулейман в своем саду, и вновь увидел он дочь свою. Она шла опечаленной.

- Что случилось, дочь моя?- спрашивает царь.- Уж не горе ли какое? Уж не беда ли?

- Нет для жены большей беды, чем не видеть сердце мужа,- отвечает ему дочь,- Узоры платьев не радуют мой взор, и богатое убранство дома моего не радует мой взор. Хочу лишь одного: вновь видеть сердце мужа.

- Хорошо,- и на оси раз отвечает ей Сулейман.- Обнажится сердце твоего мужа, но для этого должен померкнуть свет глаз твоих. Ничего в божьем мире ты не сможешь видеть, кроме сердца своего мужа. Согласна ли ты на это?

- Согласна!- ответила царская дочь.

Так вот, есть поверье, что все женщины, живущие на берегу Аральского моря, ведут родство от той самой дочери царя Сулеймана.

Любовь горька. Иногда любовь несет с собой такую горечь, что аж горло перехватывает и слезы выступают.

Сладка любовь. Сладка! Для того, кто ее познал, нет в мире ничего сладожней.

Древние мудрецы говорили, что основа любви - терпение и преданность. С давнишних пор это известно, а все и доньше не перевелись торопыги, которые готовы всему свету вещать свои скоропалительные выводы.

«Разве можно верить женщинам?»- кричат одни.

«Кто же решится поверить мужчинам?» - кричат другие.

Если их послушать, так кому же тогда верить?

Подобные крики растрavляют в людях ревность. Любви без ревности не бывает, как не бывает и огня без дыма. Но дым может заглушить огонь. Ревность - это в конечном счете все же не признак любви, а признак себялюбия.

Мой дедушка рассказывал. Жил один мулла, который очень любил свою жену. И чем сильнее любил ее, тем сильнее ревновал. Хотя с чего бы ее ревновать? Нужно быть слепым, чтоб не заметить, что тише, смиреннее и застенчивее женщины не было во всех аулах на правом берегу Аму. Ни разу ни на одного мужчину она не подняла глаза, и никто, кроме самого муллы, не знал, какого они у нее цвета. Но чем

скромнее она себя держала, тем подозрительнее становился ее муж, считая, что поведение ее - это сплошной обман, что взгляд она опускает не без причины, боится, как бы не выдать своих секретов, и краснеет не от смущения, а от стыда за уже совершенные прегрешения. Воистину, правы те, кто говорит, что ревность переворачивает зрачки человеку, и высокое он видит низким, а белое - черным.

Однажды, подходя к дому, он увидел, что жена его стоит рядом с незнакомым мужчиной. Кровь ударила в лицо ему. Воздух, который он вдохнул, застрял в горле, как острая обломанная кость. Уши его наполнились звоном, и, не чувствуя себя, в одну секунду подлетел он к жене, схватил ее за руки и трижды гаркнул на весь аул:

Талак! Талак!! Талак!!!

{А по законам шариата - это надо вам пояснить - муж, трижды выкрикнувший это слово, отрекается от жены. Вот так просто, и никаких разводов, судебных разбирательств, сроков на примирение и официальных расторжений брачных уз. Ничего, кроме трех коротких слов, услышав которые, жена по тем же законам шариата должна сию же минуту беспрекословно подчиниться и покинуть дом мужа.)

- О господин мой, зачем ты это сказал? Зачем? - прошептала она.

- Зачем?! Да я вот этими глазами - о-о, лучше бы они лопнули, чем смотреть на такое! - вот этими глазами видел, как ты говорила с этим незнакомым мужчиной.

- Но ведь он глухонемой...

- Ах, значит, глухонемой! Ты еще скажи, что он не смотрел на тебя вожделенным взором.

- Но ведь он слепой...

- Еще и слепой?.. Что же нужно было этому увечному возле моего дома?

- Это нищий бродяга, и я вынесла ему пол-лепешки.

- У-у-у-у! У-у-уП У-у-у!!!- завыл мулла. А что еще он мог произнести?

(Правоверный мусульманин может и отказаться от своих слов, может взять все три «талака» назад, если поймет, что жена не виновна, если почувствует, что жить без нее не в силах. Но - таковы законы шариата - при одном условии. Жена войдет в его дом не раньше, чем проведет ночь с другим мужчиной.)

Когда на следующее утро жена тихо постучала в дверь, мулла впустил ее и не проронил ни звука, хотя это был единственный раз, когда у него имелись все основания для ревности.

Еще . Всесильный и жестокий повелитель Востока Хромой Тимур лежал на смертном одре и чувствовал приближение конца. Подле него стоял старый и мудрый лекарь, который знал, что в эту минуту душа Тимура прощается с его телом, а мысль Тимура прощается с миром. Он подошел, наклонился к изголовью больного и спросил:

- Всесильный повелитель, остается ли на земле человек, которому ты признателен?

- Да,- ответил Хромой Тимур.- Во-первых, это моя жена. Она - единственный человек на свете, которого я любил. Я завоевал много стран и много народов покорил, полмира подвластно моей воле. Но сам я покорился лишь ей. И когда бы не любовь к ней, то я бы еще сильнее возненавидел людей и сабля моя принесла б им еще больше бед и страданий. Во-вторых, это опять-таки моя жена. С детства все ненавидели меня, она, единственная во всем свете,- полюбила. Я обездолил несчетное количество людей и только ее сделал счастливой. Если бы не она, моя жизнь была бы безрадостной и беспросветной от мглы ненависти.

И в-третьих, снова моя жена. Когда я возвращался из походов, она встречала меня лаской. Нежность ее влекла мое сердце. Часто в боях я тосковал по ней. И, признаюсь, не закончил несколько походов, потому что спешил домой. Когда в мой дом приходили тайные враги, она приветливо выходила им навстречу, расстилала богатый дастархан и все делала от души. Покоренные ее добросердечием, враги смягчались, а иные из них становились моими друзьями. И все же в мире остается столько душ, ненавидящих меня, что после смерти моей они непременно осквернили бы мой прах, забросали бы могилу мою пометом. Но жена родила мне наследников. Они займут мой трон, они доведут до конца дело мое, они не позволят надругаться над прахом моим.

Рассказ коше-бия . Когда наш легендарный Ерназар Алакоз проводил подготовительные мероприятия по организации всем известного восстания, направленного против тирании хивинского хана, тогда созвал он общее собрание всех каракалпакских биев. На собрании присутствовало ровно шестьдесят биев. В целях сближения и единения в преддверии крупных исторических событий Ерназар Алакоз разделил на всех одно яблоко, и в ознаменование своей преданности общему

делу каждый бий поклялся в своей преданности предстоящему восстанию. И вот в этот исторический момент Ерназар вдруг произнес слова следующего содержания:

- Должен довести до вашего сведения, что и после избавления от ханского ада все равно некоторые отдельные семьи будут по-прежнему пребывать в аду.

- Уточните, какие именно это семьи?- попросили бии.

- Это семьи, в которых наличествуют неверные жены. Проживание с неверной женой - это настоящий ад,- пояснил Ерназар Алакоз.

Мой отец говорил : «Есть поговорка: «Все люди - гости в этом мире». Может, оно и так, да вот когда женщина, войдя в дом мужа, чувствует себя гостьей, так хуже нет».

Моя мать говорила : «Несчастный тот человек, у которого любовь в сердце лишь гостит».

Из рассказов аксакалов. Старый и мудрый царь, много лет правивший своей державой по закону и совести и приведший ее к процветанию, а народ свой к благоденствию, собрал однажды своих приближенных и сказал им такие слова:

- Долго размышлял я о будущем державы нашей и вот к какому выводу пришел. Покуда еще я в уме, силе и здравии, то должен отойти от власти и оставить трон наследнику своему, дабы под моим надзором и при помощи моих советов и наставлений учился он править страной и людьми.

- Ты мудр,- сказали приближенные,- и решение твое правильно, да будут праведны последствия его!

Пятнадцатилетний наследник царя воссел на отцовский престол и первый год был милостив и терпелив. Но потом вдруг переменялся, словно перевернулась душа его. Стал он зол и жесток, нетерпим и несправедлив. Если приходили к нему с жалобой, то велел он наказывать обе стороны: и жалобщика, и обидчика. Если приходили за советом, то гнал прочь. Ничем не могли его убажить и умилостивить. Он не терпел мужских бесед, танцы женщин приводили его в ярость.

Гуляя по городу, он бил плетью встречных, не щадил и женщин. Даже малые дети возбуждали в нем злобу.

Старый царь не раз пытался увещевать и усостыжить своего наследника. Царевич почтительно выслушивал слова отца, искренне

раскаивался, но, оказавшись на троне, вновь гневался и гневил людей. Толпами шли люди к бывшему царю, ища у него защиты. И понял он, что наследнику не удержаться на троне. Стоит только ему умереть, как царевича низвергнут или злодейски убьют.

Эта мысль постоянно терзала душу старого царя, и не в силах был он попятить, что происходит с его наследником. Никогда тот не был таким озлобленным, а был он всегда ласков и нежен, улыбочив и приветлив. Не найдя ответа, обратился он к известному в тех краях знахарю, гадателю и прорицателю.

Выслушал гадалец царя и сказал:

- Позови наследника.

Вошел царевич. Гадалец долго глядел на него и наконец сказал:

- Если я открою тайну прошлого и вы оба поймете, что слова мои правдивы, тогда признайте, что ведомы мне и тайны будущего, и согласитесь исполнить мои советы.

- Говори,- велел царевич,- но если совершь, то тебе снимут голову с плеч, и я с удовольствием посмотрю, что скрывалось в твоей голове.

- Слушайте меня! Царевич - не юноша, а девушка.

- Как смел ты вымолвить это? - закричал наследник, хватаясь за саблю.

- Оставь его, - задержал царь руку царевича. - Сам знаешь, что он говорит правду. Да, прорицатель, ты не ошибся. Я долго ждал наследника, но вместо сына родилась дочь. Не хотел я оставлять свой престол кому-либо другому и потому велел объявить подданным, что бог даровал мне сына. Я дал дочери мужское имя. Кроме нас с женой, никто не знал об этой тайне. Жена унесла ее в могилу. Ты открыл тайну прошлого. Возвести же, что ждет нас в будущем, и посоветуй, как избежать худшего.

- Любовь,- сказал прорицатель.- Любовь делает человека милосердным. Если он не может любить и быть любимым, то озлобляется, начинает ненавидеть весь мир. Выдай замуж дочь свою. Она родит сына. Внук твой и станет твоим наследником. Я все сказал.

Услышав эти слова, царевич разрыдался.

И еще. Праотец человеческий Адам-ата поженил всех своих многочисленных сыновей, и пришла пора выдавать ему замуж свою единственную дочь. Он решил, что не будет дожидаться сватов, а сам найдет ей жениха. Приняв такое решение и не трата времени даром, он

тут же вышел из дома, сел у входа, подостлав под себя коврик, и стал разглядывать проходящих, прикидывая, кто из них годится ему в зятя.

Вдруг совсем рядом с его домом проходит молодой статный парень с красивым лицом и умными глазами.

- Эй, джигит!- окликает его Адам-ата.- Не хочешь ли зайти ко мне в гости? Там в доме нас ждет богатый дастархан, а прислуживать нам будет моя молодая красивая дочь.

- Спасибо, Адам-ата,- отвечает парень,- Твое приглашение - честь для меня. Я не посмел бы от него отказаться, но спешу по неотложному делу. Через час вернусь и буду твоим гостем.

Парень ушел, и Адам-ата подумал: «Э-э. Хитрит он. Судя по глазам - не дурак и должен понимать, о чем речь веду. Раз ушел, значит, не хочет становиться моим зятем. Так можно год прождать его возвращения и остаться ни с чем. Поищу-ка я еще кого-нибудь».

Прошло не так уж много времени, и увидел он другого парня. Тот был пониже ростом, но зато телом крепче. Лицо не такое красивое, по зато улыбочное, и в глазах чертики.

- Эй, джигит!- окликает его Адам-ата.- Ты мне приглянулся. Почему бы и не посидеть нам за одним дастарханом? К тому же смекни, что ухаживать за нами будет моя молодая дочь.

- Адам-ата, я смекалистый, я смекнул. Скажи дочке, чтоб она поставила плов. На это как раз час уйдет, а через час я обернусь, и ты увидишь меня за своим дастарханом. До встречи!- И убежал.

Пригорюнился Адам-ата.

«Нет,- думает,- этот ветрогон и соврет - не дорого возьмет. Жди его теперь. Как же, дождешься... Надо следующего поискать».

Подождал он ни много ни мало и видит юношу. Ничего особо привлекательного в нем нет, но и отталкивающего тоже. Не красавец, но и не урод, не статен, но и не кривобокий, не высок и не низок. Но главное, не спешит, как те двое, шагает себе неторопливо. Адам-ата на этот раз не окликает прохожего, а решил сам подойти к нему.

- Ассалюму-алейкум, джигит.

- Вуалейкум-ассалам, Адам-ата.

- Нет ли у тебя каких срочных дел? Не отвлекаю ли я тебя от чего-то неотложного? Ведь у нас как говорят? «Не задерживай друга, чтобы он не опоздал. Не задерживай врага, чтобы он не узнал твоих тайн». Тебя я хочу считать другом, вот и интересуюсь, не могу ли я попросить тебя задержаться?

- Все срочные дела, Адам-ата, я уже успел переделать. А те дела, что остались, могут и подождать. Так что если я чем-то окажусь вам полезен, то буду рад услужить.

- Нет, спасибо. Пусть нам услужит моя красавица дочь, пока мы оба посидим за моим дастарханом. Как ты на это смотришь?

Парень не стал отказываться, не стал, как другие, просить отсрочки, а тут же согласился. Только подошли они к двери, заметил Адам-ата, что и те два джигита спешаю́т к нему. И екнуло сердце старика, стало ему стыдно: «Ой-бой! Что же я скажу им? Сам зазывал, сам теперь отказывать буду. Позор-то какой на мои седины!- Тогда взмолился он:- Спаси, господи! Выручи меня. Придумай что-нибудь».

Господь бог любил своего первенца и всегда старался помочь ему. Не оставил и на этот раз. Шепнул на ухо: «Иди веди гостей и ничего не бойся».

Входит Адам-ата в дом, а встречает его не одна дочь, а целых три. Все три одинаковы, как яйца из-под одной курицы, и голосом, и волосом, и лицом, и станом - неотличимы. Сам Адам-ата но может попятя, которая из них его истинная дочь.

Восславим всевышнего!- воскликнул Адам-ата.- И отведаем, что бог послал.

Все четверо уселись за дастархан, тут и сговорились, тут и присватались.

После этого проходит год. Соскучился старик но дочери и решил навестить ее, да не знает, какая из трех настоящей ему приходится. Решил посетить всех.

Приезжает к первой, к той, что замужем за красивым, стройным джигитом. Встречают его приветливо, потчуют досыта, спать кладут на мягкое. Утром, собираясь в дорогу, отзывает он зятя в сторону и спрашивает:

- Ну, сынок, скажи мне по совести. Как жена твоя? Как живете? Не бранитесь ли, не ссоритесь?

- Спасибо, Адам-ата. Грех жаловаться. Прекрасная жена. Такая ласковая, все тянется ко мне щекой потереться. Такая чистюля, в день по десять раз умывается. Одно только плохо. Как что не по ней, так сразу зашипит, в глазах огонь зеленый, того и гляди в лицо мне вцепится.

- Ничего, сынок, это не самый большой порок. Терпи. Другим жены и хуже достаются.

- Да я уж свыкся. Терплю.

Ну да поможет вам бог, он все видит, все ведает.

Сказал так Адам-ата и поехал ко второй дочери, к той, что замужем за коренастым весельчаком.

Его и тут приняли радушно. Вкусно покормили, мягко постелили. Наутро, собираясь в .дальнейший путь-дорогу, отзывает он зятя в сторонку и наедине спрашивает:

- Скажи-ка мне, как мужчина мужчине. Доволен ли ты своей женой?

- Спасибо за дочку, Адам-ата. Я-то доволен. Со мной она ласкова. Такая преданная, такая верная жена, какой ни у кого в мире нет. Все старается рядом со мной быть, в глаза мне заглядывает. О добре нашем общем печется. Одно плохо. Что ни день с соседями лается. И гостей не любит. Как войдет человек в дом, так она нет чтобы услужить, все ворчит да рычит. Перед людьми стыдно.

Терпи, терпи, сынок, судьба, знать, у тебя такая. Уповай на бога, он знает, что творит. А жену не обижай, она у тебя не худшая.

Приезжает он к третьей дочери, к той, что отдана парню, который не спешил. И здесь его ждал достойный прием. Собираясь поутру домой, подошел он к третьему зятю и спрашивает:

- Расскажи мне, как живете-поживаете?

- Нормально, Адам-ата, живем, как все люди. Если днем поссорились, то к вечеру помиримся. Если мне туго, она меня приласкает, если ей не по себе, я ее утешу. Особо хвалиться нечем, но и жаловаться, слава богу, тоже не па что.

Тут и понял Адам-ата, что это и есть его истинная дочь. Тут-то и задумался он: а кто же те две? Тут-то и вспомнил, что в день, когда стало у него три дочери вместо одной, в день, когда он всех трех просватал, в этот день исчезли из его дома кошка и собака.

С тех пор люди говорят, что из каждых трех женщин лишь одна происходит от женщины, а две другие от кошки с собакой.

И еще . Давным-давно на один мирный аул напали враги и пленили всех мужчин от старого старика до малого младенца. Они стояли со связанными руками, уже готовые идти в рабство. А поодаль стояли женщины, и плакали, и голосили, и проклинали свою судьбу. Вдруг от толпы женщин отделилась одна и направила стопы свои прямо к предводителю врагов. Глаза ее были сухи, лицо ее было строго.

- Ты - победитель,- сказала она. Победитель должен быть великодушен. Яви же свое великодушие.

Предводитель врагов не ждал такой решительности от женщины. Понравились ему слова ее.

- Как зовут тебя?- спросил он.

- Бибиайша.

- Если бы мужчины вашего аула были столь же смелы, то не стояли бы теперь со связанными руками. Скорее уж, они пленили бы нас.

- Я бы и в этом случае воззвала к великодушию победителей,- ответила Бибиайша.

- Вот как?- еще больше удивился предводитель.- А у тебя самой кто здесь?

- Отец, муж и сын.

- Хорошо,- сказал предводитель.- Будь по-твоему. Я внемлю твоим словам и выкажу свое великодушие. Одному из них ты можешь развязать руки. **Он** останется с тобой. Выбирай...

- Отец мой,- сказала Бибиайша, подойдя к белоголовому старцу,- я люблю тебя. Но женщина, ставшая женой, принадлежит уже не родителю, а мужу.

- Сын мой,- сказала она, подойдя к десятилетнему мальчику,- я люблю тебя, но материнская любовь делится поровну между всеми детьми, и теми, кто есть, и теми, кто еще будет.

После того подошла она к мужу и развязала веревки на руках его.

Увидев, каково решение Бибиайши, предводитель врагов воскликнул:

Когда бы моя жена была столь мудра и преданна, я бы ни о чем ином и не мечтал. За твой ум, смелость, за твою любовь я приказываю немедля освободить всех мужчин вашего аула.

Есть у меня нательный талисман. Есть зарубка на память, Каждый раз поутру, натягивая носки, я вижу отметку, оставленную острием кочерги между пальцами, и тут же словно слышу строгий голос матери: «Слушай, что люди говорят».

Помню, перед посиделками моя мать собирала всех девушек и перво-наперво кормила их вареными яйцами или жареным просом с маслом. Бывало, какая-то из них упрячилась или говорила, что сыта, но избежать этой своего рода «предобеденной трапезы» никому не удавалось. Мать чуть ли не силком впихивала в них еду, потому что, но

обычаем, девушка должна быть скромна и неприхотлива, должна пореже протягивать руку к дастархану. А вот чаю пить, напротив, она может много, потому что это свидетельство ее сытости. Ведь сытому человеку хочется пить. Не так ли? Если даже и не так, то все равно по обычаю считается, будто сытому должно хотеться пить. А коли так считается, то и не нужно нарушать обычай.

«С кем бы ты ни ела с одного блюда,- поучала мать девушек,- всегда старайся, чтобы ему досталось побольше, а тебе поменьше. Но делай это незаметно, чтобы напарник не подумал, будто он объедает тебя, и не застеснялся. Это очень важно для хозяйки. Если гости или муж - кто бы ни сидел с тобой за одним дастарханом - уверены, что наелись все, значит, хозяйка умеет готовить сытно: еды немного, а голодных нет. Никогда не хватай первый кусок. И никогда не ешь после того, как напарник твой есть перестал. Хозяйка насыщается, пока готовит и пробует. За дастарханом - она не едок».

Однажды вечером хозяйка того дома, где проходили посиделки, решила угостить парней и девушек пловом. Сначала раздала чашки с водой - ополоснуть пальцы, а затем выставила на дастархан два больших блюда с пловом. Одно - парням, другое - девушкам.

По обычаем, парни едят первыми. Они и принялись за это дело с усердием и удовольствием. Девушкам следовало подождать, пока джигиты насытятся. Но одна из маминых подопечных, веселая и своенравная Анар, ждать не захотела. Но и обычай нарушать тоже не стала: она вынула припасенную заранее иголку и начала тыкать ею в плов, нанизывая по одной рисинке. Нанижет и - в рот. Нанижет и - в рот. И каждую тщательно пережевывает. Вот, мол, раз уж девушку украшает скромность, так полюбуйте, чем я довольствуюсь. Я ли не бережлива? Найдется ли в мире кто неприхотливее меня?

Мать моя как увидела это, так аж глаза у нее потемнели. Хотя, казалось бы, как могут потемнеть черные глаза? Могут, уверяю вас, еще как могут. Она незаметно протянула руку и ущипнула Анар за бедро. И когда та оглянулась, указала головой в сторону джигитов. Один из них по имени Орынбай достал ножик и разрезал пополам каждую рисинку. Половинки отправлял в рот по очереди, так же тщательно пережевывая, как и Анар, но при этом не забывал еще и языком поцокать от удовольствия.

Раздался общий смех, и всем стало ясно, что девичья сторона проиграла на этот раз состязание в остроумии и вежливом поведении.

Настроение у моей матери испортилось. После вечеринки она привела девушек к нам домой и напустилась на оконфузившуюся Анар:

- Что ты раньше срока накинулась на плов? Пусть бы парни наелись, а тогда уже и выделявала бы свои фокусы. Ты хоть не забывай, что носишь юбку. Мужчина - иголка, а мы - нитки. Всегда сперва они, а мы уж следом.

Анар, обычно острая на язык, сидела, молча понутив голову.

На следующий день мать была дома. Она обучала девушек игре на шанкобызе³⁵[35]. Вдруг вошла Анар. Была она грустна и обеспокоена.

- Что случилось?- тихо спросила мать.

- Сегодня к нам явились сваты от того самого вежливого Орынбая. И всё... Мою судьбу уже решили. Даже о калыме столковались.

- Сколько? Сколько за тебя дают?- живо заинтересовалась одна из маминых воспитанниц.

- Десять тысяч³⁶[36].

- Ой,- умилилась спрашивавшая девушка.- Вот бы за меня столько дали.- Она говорила с явной завистью.

- Ну нет уж,- возразила другая.- Меньше чем за пятнадцать тысяч ни за кого не пойду.

- А мне все равно,- вступила в разговор третья.- Лишь бы мать моя осталась довольной. Дадут за меня дойную корову с телком, и я пойду замуж, если мать согласится.

Они начали шумно толковать о ценах на себя. И нельзя сказать, чтобы та, которая требовала пятнадцать тысяч, была красивее той, что довольствовалась коровой. Просто в эти годы - конец тридцатых - одни девушки все еще считали, что цена калыма - показатель их достоинств и залог будущей крепкой любви мужа, другие уже понимали, что калым - пережиток. Пока девушки шумели, мать моя подседа к Анар:

- Что же ты совсем сникла?

- Женге, всё они врут,- сказала Анар, кивнув на подружек.- Каждая из них мечтает о другой цене.

- Какой же?

- Цена дорогая для тех, кто понимает, и дешевая для тех, кому этого не понять...

- Ты что,- спросила мать шепотом,- любишь другого?

³⁵[35] Шанкобыз - национальный музыкальный инструмент.

³⁶[36] Деньги довоенные.

- Нет,- покачала она головой. И тут же поспешно добавила: - Но я не хочу, чтобы меня оценили, мне не нужен калым, цена моей любви - такая же любовь, как моя к Орынбаю.

Мать погладила Анар по волосам, поцеловала в лоб и притянула голову девушки к своему плечу. А чем еще наставница могла утешить свою ученицу?

Несколько позже такие обычаи, как сговор родителей и калым, стали исчезать, сперва в городах, а потом и в аулах. Но любовь...

Наверное, всегда и везде так: один человек произносит: «Любовь!»- а другой: «Любовь?» Для одного это слово - крик души, а для другого - сомнение, а то и недоумение.

* * *

Жизнь, как и человеческая речь, отнюдь не монотонна. Восклицательные и вопросительные знаки встречаются в ней гораздо чаще, чем уверенные, но скучные точки. И нередко, что одному кажется труднейшим, неразрешимым вопросом, другому представляется однозначным и самоочевидным утверждением. И наоборот. Да и в мыслях одного человека восклицательный знак вдруг может потерять свою устойчивость, может вдруг начать сутулиться и гнуться, глядь, а он уже превратился в знак вопроса. А то и напротив, задача решается, сомнения превращаются в уверенное мнение, распрямляется унылый и согбенный знак вопроса - глядь, и стал он знаком восклицательным - прямым и строгим, как указующий перст.

Это случается не только в судьбе человека, но и в судьбе народа.

Разве не под вопросом было само существование каракалпаков в течение многих столетий, пока история гоняла их по свету? И с каким ликующим восклицанием произносили люди такие слова, как «свобода», «независимость», «автономия»! И разве теперь вновь не под вопросом оказалось само существование Каракалпакии, когда на наших глазах мелеет и высыхает Аральское море, обезводилось русло Амударьи, а земля наша превращается в солончаки и болота?

Разве не чередой вопросов и восклицаний сопровождается каждый рассказ о жизни предков?! Разве тревоги и надежды в раздумьях о будущем не череда вопросов и восклицаний?!

Из советов моей матери:

«Кто не уважал своего отца, тот пусть готовится терпеть унижения своего сына».

«Если от души называешь Родину матерью, то и она от души назовет тебя своим сыном».

Из советов моего дедушки:

«С кем бы ты ни разговаривал - с мальцом-несмышльником или с мудрым аксакалом,- никогда не подлаживайся, не приноравливайся. Никогда не думай: «Я говорю с таким-то», а всегда помни: «Ты говоришь с Человеком».

«Один червь заведется, считай, весь сад перепортит».

Коше-бий рассказывал: Однажды в момент пребывания в гостях я стал свидетелем и соучастником обсуждения проблемы о голове и волосах.

- Если проанализировать местоположение головы среди прочих органов туловища человека, то с неизбежностью придем к выводу о ее высоком и руководящем положении,- сказал один.

- При поверхностном взгляде на предмет может показаться, что тело поддерживает голову, при более углубленном проникновении в суть предмета становится очевидной обратная взаимосвязь явлений - голова поддерживает все остальное тело,- развил предыдущее выступление другой.

- Голова является наиболее представительным и ответственным органом,- продолжил начатую тему третий из присутствующих.- Если язык выразит неправильное суждение, или нога произведет шаг в направлении недозволенного местопребывания, или рука запятнает себя прикосновением к загрязненному предмету, или глаза запечатлят внешний вид неправильного поведения, то за все это полная ответственность должна ложиться на голову того, кто ею обладает.

- Есть основания полагать, что волосы являются наружным показателем внутреннего содержания черепной коробки головы,- сделал заявление четвертый.

А необходимо поставить вас в известность, что на беседе присутствовали представители одной возрастной категории - за пятьдесят лет каждому. Состояние же волосяного покрова у всех участников обсуждения заметно различалось.

Один из участников дискуссии, чьи волосы были стерильно белого цвета, выдвинул гипотезу, согласно которой обесцвечивание волос

является показателем наличия мозга ума головы и ее продуктивной работы.

На это другой возразил, что белый солончак не плодороден.

Все реагировали смехом.

Тогда третий участник высказался в том смысле, что настоящий мужчина должен не сесть, а лысеть.

У этого участника область теменной плечи давно уже воссоединилась с областью лобных залысин.

Но и ему возразили, сославшись на то, что на бульжнике ничего не произрастает.

Среди присутствовавших был и некто Бекжан, чей волосяной покров головы оставался черным, невзирая на возраст прожитой жизни.

Тогда участники заявили, что «на навозе все хорошо растет», что опять-таки вызвало всеобщую ответную реакцию смехом.

Однако жена хозяина дома вполне серьезно, со ссылками на соответствующие медицинские источники указала, что наличие мозгового вещества является питательной средой для волос и стимулирует их произрастание.

На сей раз хохотом разражался лишь один Бекжан. Все остальные реагировали молча.

Я не нашел подтверждения той медицинской основе, на которую ссылалась хозяйка дома. Так что для меня лично этот вопрос остается открытым.

Но может быть, она права.

* * *

Гляжусь в зеркало и вижу, что черных волос на моей голове все еще много, но и седых гораздо больше, чем хотелось бы, да и залысины есть.

И каким из определений коше-бия ни воспользуйся, а все никак не разберешь, что там у меня в мозгах творится. И если что меня и печалит и заставляет задуматься, то не седина сама по себе, а вот когда и чем она нажита. Какие заморозки покрыли волосы инеем?..

Жизнь человека и его жизненный путь - понятия разные. Жизнь у всех начинается с рождения. А вот жизненный путь у кого как. У одних

с раннего детства, у других с женитьбы или с рождения первого ребенка, у кого-то с учебы или с первого памятного поступка, с первого полезного дела, с первого признания. Есть люди, чей жизненный путь начинается лишь после смерти. Есть такие, у которых он так и не начался. А у меня?..

Не знаю, что обо мне скажут другие, но сам-то я хочу думать, что он начался в детстве и все время вел меня в литературу.

«Литературу часто называют «наукой человековедения». Любая наука познает не отдельный предмет, а мир в целом, но отраженный в математических соотношениях, физических действиях или химическом составе материи. Литература познает мир через человека, через человека познает она и время, и общество, и силу, и слабость, и малую малость, и вселенную», - не раз повторял мой учитель словесности.

«Большинство из тех, кто сунулся в литературу лишь в поисках славы и достатка, скоро убеждаются, что писательский хлеб не сладок. Уйти же из литературы им самолюбие не позволяет. Вот и напоминают они тех, кто мучается желудком, страдает несварением. Где ни появятся, всюду от них смрад», - говорил народный писатель Узбекистана Абдулла Каххар.

* * *

Как же я стал писателем? Как меня занесло в литературу? Как угораздило?.. Это мне и самому трудно понять.

Честно признаться, я не любитель и не мастак поговорить. Не припомню, чтобы хоть на одной вечеринке вдруг оказался душой компании, чтобы умел занимать людей рассказами, веселить, забавлять анекдотами либо, напротив, поражать глубиной суждений, мудростью, точностью ответов. Не отличаюсь я и находчивостью. Ни разу не выигрывал ни одного словесного спора.

Чего уж там. Надо признаться, что я, видимо, тугодум и нелюдим. Мне нужно, чтобы впечатления отстоялись, эмоции улеглись, и тогда уже, спустя время, наедине с самим собой, я начинаю осознавать все случившееся. Тогда приходят мысли, которые кажутся мне верными и важными, тогда находятся и нужные слова. Бывает, до того увлекаюсь, что, вспомнив, например, какой-то давний спор, в котором не смог переубедить собеседника, вдруг вскакиваю и готов уже бежать к своему

оппоненту, чтобы высказать ему неотразимый довод, только что пришедший мне па ум. Но как говаривал дедушка: «Если вовремя не воспользовался саблей, то теперь вдарь ею но камню». Была бы сабля, может, и вдарил бы. Но мысль из головы не выкинешь. Она застревает в мозгу, колет его и требует выхода. Вот тогда-то я и пытаюсь вывести ее на бумагу.

Записываю только те мысли, которые тревожат, донимают постоянно и не дают покоя, не дают сосредоточиться ни на чем другом. Только эти. На остальные уже ни сил, ни времени не хватает, поскольку пишу стратпно медленно и трудно. Что называется, «со скрипом».

Пишу, стираю, снова пишу. Все стараюсь, чтобы всякий, кто прочтет, понял меня. И понял верно, понял сполна. Зачеркиваю написанное по несколько раз. Опять пишу. Опять черкаю...

И наконец постепенно слова начинают сходиться, сживаться, связываться друг с другом. И вот однажды написанное мною становится основой нового произведения, основой, по которой уже можно ткать ковер. Но до готового ковра еще далеко.

* * *

Я женился. Недели через две после свадьбы мать отозвала меня в сторону и говорит:

- Послушай, Сере. Как бы ни любили люди друг друга, но все равно в жизни есть минуты, когда меж ними вспыхивают ссоры. В тесноте даже чайник с пиалушкой и то стучаются. А уж люди и подавно. В таких случаях ты, как мужчина, должен научиться сдерживать себя. Негоже мужчине выливать обиду криком или слезами, негоже ему уподобляться женщине. Но если обиду не вылить, она останется в душе, а это плохо. Нам, женщинам, легче: уйдешь на кухню, стукнешь ложкой о плоску, а то и тарелку об пол грохнешь -глядь, и полегчало. А вам, мужчинам, сложнее. Но ты у меня счастливчик, потому что умеешь слагать стихи. Как разозлишься на жену, так ничего не говори ей, а прямиком к столу - и пиши стихи...

Я с детства привык слушаться свою мать. Надо полагать, лишь поэтому и стал писателем.

Из замечаний моего отца:

«Все споры-раздоры, все скандалы-перекоры - это все от ничегонеделания».

«У кого дело в руках, тому и сам Аллах не указ».

* * *

Древние говорили, что душа ребенка - это чистый лист, на котором можно написать и доброе и злое, и умное и глупое. Вернее, чистая доска - tabularasa, поскольку сами древние записывали подобные мудрости не на листах, а, как известно, на дощечках.

Не берусь судить о верности этого высказывания, но если это и впрямь так, то сказки и легенды, услышанные мною в детстве, назидания бабушки и дедушки, родительские поучения и суждения аксакалов - все занесено на доски памяти моей. Все это в детстве очень сильно воздействовало на меня. Бывало, я никак не мог уснуть, представляя, как я вместе с батырами врубаюсь в полчища врагов или на ковре схватываюсь с жестоким палваном, а то порой и с мудрецами состязуюсь в мудрости.

Но кто же из ребятни не увлекался тем же?

Однако разве все они подались в литературу?

Нет, конечно!

И разве писатель чем-то лучше других людей?

Нет, конечно!

Полнее чувствует, глубже переживает?

Нет, конечно!

Точнее выражает мысли и чувства?

Нет, конечно!

У него есть право говорить от имени всех?

Нет, конечно!

Значит, он говорит лишь от себя и о себе?

Конечно, нет!

Нетрудно давать другим советы и утверждать, что сии советы мудры я полезны, нетрудно изрекать истины или писать по принципу «а я так вижу». Труднее, куда как труднее, по-моему, выразить то, что думает и чувствует народ. Притом выразить ясно, честно, простыми и

доступными словами, чтобы каждый мог понять и, поняв, сказать: «Да, и я так думаю. И я это чувствую».

Писатель, как мне представляется, секретарь своего народа, секретарь современников. «Повестку дня» определяет время. «Слово предоставляется» - народу. Секретарь же отвечает за то, чтобы в его отчете все было правдой.

О том, почему я считаю писателя секретарем народа, как сам стал им, я постараюсь подробно и обстоятельно рассказать во второй части этой книги.

Часть вторая

Отвечаю на вопрос: как я учился писать? Впечатления я получал и непосредственно от жизни и от книг. Первый порядок впечатлений можно сравнить с сырьем, а второй - с полуфабрикатом...

М.Горький

...Книга рождается на основе богатейшего опыта человечества и ответственна за будущее его.

Из уроков моего учителя литературы

1

С того самого вечера, когда мать ткнула мне в ногу острием кочерги, а старцы аксакалы благословили меня на поэтическую стезю, мечта стать поэтом тенью преследовала меня, а ночами тень разрасталась и обращалась в сон. Я буквально спал и видел себя поэтом. И ежедневно поутру, вставая с постели, ждал чуда. Ждал, что вот- вот в душе свершится что-то необычное, и я заговорю стихами. Но чудо мешкало, вдохновение не спешило навестить меня, и через некоторое время вместо него явилось отчаяние. Оно беспрестанно донимало и изводило меня. Мне начало уже казаться, будто я по небрежности и ротозейству обронил где-то, потерял талант, дарованный аксакалами, будто невзначай растратил его на невесть что, будто совершил какой-то недостойный поступок и в наказание у меня отняли дар.

Но если случалось мне ненароком срифмовать два слова, я радовался несказанно. Отчаяние вмиг улетучивалось и, почувствовав в себе талант, начинал я упорно подыскивать третью рифму. Но куда там...

Дедушка, заметив мои творческие терзания, решил пособить внуку. Он начал добывать книги.

Как только отправится в гости, то так и жди, что вернется с новой книжкой. Читать он не умел, но, видимо, искренне был убежден, что в каждой книжке должно содержаться что-то свое, отличное от других. Скоро в доме собралось по несколько одинаковых томов учебников «Родная речь», «Арифметика», «География», «История». Помню, скопилось у нас шесть экземпляров каракалпакского эпоса «Алпамыс». И каждую из этих книжек я должен был прочитать ему вслух от корки до корки, а дедушка все не верил, что они повторяются дословно, все ждал каких-то отличий или изменений, ждал, что вот- вот прозвучит что-то новое.

Довольно скоро эпос «Алпамыс» я знал уже чуть ли не назубок. Поначалу чтение стихов казалось мне большим подспорьем, чем-то вроде тренировки, разминки, как теперь это называется. Душа и ум настраивались на лад поэтической речи. А это важно, потому что рифму - худо-бедно - подыскать еще можно, а вот на поэтический лад настроиться гораздо труднее. Подразмявшись таким образом, я хватал карандаш и начинал строчить, но, исписав листок с обеих сторон, вдруг замечал, что не свои стихи сочиняю, а повторяю чужие. Вернее, даже не повторяю, а коверкаю, порчу их, как портят рисунки в книжке, пытаюсь поверх иллюстрации намалевать что-то свое.

В общем, дела мои шли хуже некуда, и требовалось предпринять что-то чрезвычайное, отважиться на какой-то творческий подвиг. И я отважился. Вспомнил, что, по преданиям, Махтумкули провел ночь под мостом и проснулся поэтом.

Под мост я отправился загодя, еще днем, чтобы как следует обустроиться, обжить будущее пристанище и самому пообвыкнуться. Нырнув под настил, сразу попал в темень, которая казалась особенно густой после яркого дневного света. Но вот постепенно глаза стали привыкать к темноте, и я начал кое-что различать. Выбрал местечко, на мой взгляд, наиболее подходящее для ночлега. Только пристроился, угнездился, глядь... в трех шагах от меня у самой воды лежат, свернувшись клубком, две пестрых змеи. Я оцепенел от ужаса. Боялся шелохнуться. Вздохнуть и то боялся. Но взгляд от них отвести не мог. Внезапно одна из змей подняла свою голову размером с детский кулачок и метнулась стрелой. Пролетев метра два, она схватила

лягушку. Лягушка еще дрыгала лапкой, а змея уже развернулась и поползла с добычей в мою сторону.

Со скоростью стрелы, пущенной из лука, со скоростью змеи, бросавшейся на лягушку, я вылетел из-под моста и задал такого деру, такого стрекача, что опомнился только на другом конце аула возле собственного дома...

Но и после этого случая я не отрекся от своих намерений. Стать поэтом с перепугу, как выяснилось,- невозможно. После пребывания под мостом таланта во мне не прибавилось. Однако выяснилось и другое - застращать мечту тоже невозможно. Тяга к стихотворчеству не убывала. Я по-прежнему старался рифмовать слова, но теперь уже не все подряд, а только те, что казались мне мудрыми или звучными, и мало того, начал еще и подыскивать сравнения: увижу дерево, воду или цветок и все думаю, чему бы их уподобить?

Наступает весна. Вижу, как пробиваются ростки сквозь землю, как на сухих ветвях набухают и лопаются почки. Вижу, и мне становится радостно.

Наступает осень. Вижу, как сохнут и желтеют листья, как все тускнеет и увядает. Вижу, и мне становится грустно.

И радость, и грусть стараюсь уложить в поэтические размеры и зарифмовать. Но они не поддаются. И тогда меня опять охватывает отчаяние...

Помню, в классе, кажется, четвертом, кто-то из ребят на перемене пустил слух, что все поэты, мудрецы и ученые - люди рассеянные, забывчивые. Этому известию одноклассники мои обрадовались страшно, просто возликовали. Ведь коли так, то, значит, все они не лентяи и не ворон считают, как это утверждают взрослые, а вовсе даже наоборот - будущие мудрецы и поэты в душе. Они с азартом наперебой принялись толковать об этом, и лишь я помалкивал, потому что жуть как расстроился. «Все,- думал я,- конец. Никогда не выйдет из меня поэта. Не те способности. Чего-чего, а рассеянности бог не дал».

Грустно это было осознавать, да что поделаешь, лучше горькая правда, чем утешительная ложь. Понуриив голову шагал я в тот день из школы.

Если ты не забывчив,
То забудь о мечте стать поэтом,-

сказал я себе. Сказал и тут же прислушался к этой фразе. Она показалась мне складной, почти как стихи. А может, еще и не все потеряно?

Не знаю, как кому, а мне почему-то всегда удобнее думать лежа. Так и в тот вечер, улегшись на свое место, я начал неспешно все обмозговывать. И вдруг вспомнил, что мой дедушка частенько забывает в гостях что-нибудь, ну калоши, или шапку, или еще что. А потом долго ищет это дома. Значит, дедушка рассеянный. Но ведь он же не поэт.

Бабушка порой запомнит, сколько раз совершила намаз за день. И бывает, что молится не пять раз, как положено, а шесть. Но ведь она тоже не поэт.

Отец мой вот уже сколько лет посещает ликбез. Это потому, что сперва он учился латинским буквам, когда каракалпакский алфавит был на латинице, а теперь - нашим³⁷[37]. Но не помнит ни тех, ни этих и, приходя домой, тут же спрашивает у меня, как читаются те самые буквы, которые он только что изучал в ликбезе. Из-за своей забывчивости он остается почти безграмотным, по почему-то до сих пор не стал ни поэтом, ни ученым.

Мой сосед и одноклассник Карамаддин вечно бежит ко мне узнать, что задал на завтра наш учитель Муса-ага Джуманиязов. Это потому, что Карамаддин постоянно забывает записать домашнее задание. Вот - за-бы- ва-ет! Но какой же из него поэт?

Поразмышляв таким образом, я спокойно заснул.

Как-то учитель Муса-ага задержал нас после уроков и сказал:

- Ребята. Каждый класс выпускает стенгазету. Теперь ваша очередь. Класс ваш самый большой в школе, и вы должны постараться выпустить такую стенгазету, чтобы стала она примером для остальных. Вот вам три дня. Подумайте хорошенько. Пусть каждый нарисует или напишет что может: кто статью, а кто стихотворение.

Вот и пришел мой час. Теперь или никогда. Задания учителя были для меня неукоснительным законом, я выполнял их даже тщательнее, чем приказы матери. Если сейчас не смогу выполнить это задание, не смогу написать стихотворение, значит, я не поэт - и это уж точно.

³⁷[37] В 1940 году был принят каракалпакский алфавит на основе кириллицы.

Промаявшись все три дня, исписав целый карандаш, так что от него остался лишь изгрызенный хвостик, за который уже и пальцами не ухватиться, изведя гору бумаги, я наконец сочинил восемь строк, посвященных моей однокласснице и соседке Бибиайше. Стихотворение назвал «Ленивая девочка».

Стихотворение это я наизусть помню до сих пор, хотя лучше было бы забыть его, поскольку гордиться, честно говоря, нечем, и не принесло оно мне ни славы, ни почета. Даже наоборот - заставило стыдиться. А вот помню, и все тут.

Кто на уроки с опозданием прибегает,
По арифметике двойки получает,
А если по истории урок отвечает,
Все даты неправильно называет?
Лицом она бела и хороша,
Но все ее оправдания лживые.
Знайτε: звать ее - Бибиайша,
Эта девочка очень ленивая.

Учитель Муса-ага прочитал мои стихи молча и после смотрел на меня, словно впервые увидел. А потом сказал:

- Вот что, Каипбергенов. Постарайся запомнить то, что я тебе скажу.

Во-первых, критика критике рознь. Критиковать можно с желанием помочь человеку исправить замеченные тобой недостатки и ошибки. И тогда это дружеская критика, хоть она может быть и строгой. Если же ты не стремишься помочь человеку, то любая критика, даже самая мягкая, все равно просто оскорбление, ругань, брань.

И во-вторых,- продолжал он,- запомни, что любая ложь плоха, но ложь в литературе - это подлость. Потому что высказанную ложь услышат десять человек, а написанную - прочтут тысячи.

Я покраснел как перец. Но все же (ах, это авторское тщеславие!) в словах учителя послышался мне и намек па признание моего таланта, а потому хоть и робко, а все-таки спросил:

- Разве мои стихи уже относятся к литературе?

- Все, что написано,- литература. Иногда от древних веков нам достаются лишь обрывки рукописей, и по ним мы судим о тех временах и людях.

Больше он ничего мне не сказал, но мое стихотворение без каких-либо изменений было опубликовано в стенгазете. Так что Муса-ага преподавал мне не только урок литературы, но и первый в моей жизни урок редактуры. Автор действительно должен полностью отвечать за каждое свое слово. Но за свое, а не за слово исправленное, переписанное и отредактированное.

Что до Бибиайши, то она с того дня перестала со мной разговаривать, но на уроки уже не опаздывала и заниматься начала поприлежней. А в классе меня прозвали «поэтом», и кличка оказалась привязчивой. Даже взрослые в нашем ауле, встретясь со мной, часто называли меня не по имени, а говорили: «А, это ты, поэт».

В этой кличке, как и во всякой другой, слышалось что-то оскорбительное, издевательское, всякий слово «поэт» норовил произнести с усмешкой или подковыркой. По крайней мере мне так казалось.

Но, несмотря ни на что, прозвище было и лестным. Оно побуждало меня к новым творческим свершениям, и я усиленно работал над совершенствованием своего мастерства и целиком был поглощен заботами о дальнейшем творческом развитии. Иными словами: просто пытался сочинить очередное, то есть второе, стихотворение. Побыстрее управившись с домашним заданием, распластывался на циновке и думал, подбирал подходящую тему и рифмующиеся слова. Но если слова рифмовались, то тема оказывалась пустяковой, недостойной поэтического воплощения, например:

На пол я прилег,
Сверху потолок...

И наоборот, если тема казалась мне важной, то в ритмические строки она никак не вписывалась и строки эти ни в какую не хотели завершаться созвучиями. Часами я молча пролеживал на циновке, глядя в потолок или в угол.

- Смотри, Сере,- предупреждала мать, ставя рядом со мной миску жареного проса,- как бы челюсти не окаменели от молчания. Пожуй просо, а то, чего доброго, скулы сведет.

Наконец нашел подходящую тему. Не раз я слышал, что великие поэты посвящали свои стихи известным людям. Одних бичевали и высмеивали, других превозносили и восхваляли.

Суждения об известных людях и самого поэта делают известным. С обличительной поэзией после первого неудачного (не вполне удачного, как я самокритично признавал) опыта решил покончить. Теперь пора испробовать силы в воспевании достойных.

Тут в выборе кандидатуры никаких сомнений и быть не могло. Самый достойный, конечно, Муса-ага. Кто же еще? Ему я и посвятил двенадцать (целых двенадцать!- это ли не прогресс по сравнению с первым восьмистишием) строк, вышедших из-под моего карандаша после многодневного кропотливого труда.

Вот они:

Кто в нашем ауле мудрейший житель?
Кто детей всех защититель?
Это вы, наш учитель!
Спасибо, наш учитель!

Мы все вас уважаем,
Задания ваши выполняем,
Недисциплинированными не бываем,-
Спасибо, наш учитель!

Завидев вас, мулла убегает,
Каждый из нас это часто наблюдает,
И каждый, ей-богу, вам обещает
Учиться на отлично, наш учитель!

Назвал я стихотворение «Мудрец нашего аула». Самому мне оно чрезвычайно нравилось, я аж места себе от радости не находил и беспрестанно повторял сложившиеся строки. Правда, были еще кое-какие шероховатости в начале, их следовало подшлифовать, но, произнося собственные стихи на разные лады, я довольно скоро пришел к мнению, что переделывать ничего не надо, строки и так звучат отлично.

Еле-еле дотерпел до утра. В школу бежал вприпрыжку. Как только Муса-ага вошел в класс, я тут же поднял руку и, встав, гордо объявил:

- Учитель, я сочинил новые стихи. Можно мне их прочесть?
- Конечно,- согласился он.

Я вышел к доске, приосанился и громко, размахивая обеими руками, продекламировал стихотворение «Мудрец нашего аула».

Ребята захлопали в ладоши, и под гром аплодисментов я уселся за свою парту.

- Каипбергенов,- спросил Муса-ага, поднявшись из-за стола и выйдя на то место к доске, где только что стоял я,- знаешь ли ты, что ответил поэт Бердах своему ученику, который посвятил ему хвалебное стихотворение? Не знаешь? Тогда слушай.

Рассказ учителя . Поэт, молодой и очень пылкий, вот вроде тебя, пришел к Бердаху, чтобы показать ему стихи. В этих стихах он возвеличивал своего учителя, утверждал, что равных ему нет и не было в подлунном мире, сравнивал песни поэта с райскими песнями, а самого Бердаху чуть ли не с пророком.

Великий поэт выслушал его внимательно, а потом и говорит:

- Приходи завтра в полдень. Я приготовлю для тебя награду.

Молодой ошастливленный поэт отправился к себе, а наутро уже не мог усидеть дома и пришел к Бердаху гораздо раньше назначенного срока. Глядит, а великий поэт даже не обращает на него внимания. «Ладно,- думает,- подожду до полудня». Но вот и полдень миновал, и еще час, и другой уже на исходе, а Бердах по-прежнему словно бы не видит своего ученика. Тогда молодой поэт отважился подойти к Бердаху и напомнить:

- Учитель, я пришел за обещанной наградой.

- Ну и зря,- говорит ему Бердах.- Ты вчера хотел доставить мне удовольствие, обрадовать меня приятной ложью. Я ответил тебе тем же и тоже решил обрадовать тебя приятной ложью. Мы с тобой в расчете. Можешь уходить, никакой награды не будет.

Что я пережил в тот миг - описывать не стану. До сих пор стыдно вспоминать. А вот выводами, которые для себя сделал, поделиться могу.

Во-первых, я понял, что одическая поэзия - не мой жанр.

А во-вторых, понял, что хорошие люди почему-то не любят, если их громко хвалят. Даже так можно сказать: если человек нетерпим к комплиментам, значит, он человек стоящий, если же падок на лесть, то присмотрись к нему повнимательнее, каким бы прекрасным он тебе ни казался.

Разумеется, эти понятия я сформулировал гораздо позже, а тогда это не столько понял, сколько почувствовал. Но почувствовал еще и обиду. «Все-таки,- сетовал я,- Муса-ага мог бы и поблагодарить меня, ведь столько добрых слов я о нем сказал».

Из советов моего дедушки . Кому же понравится, если шапка больше головы, будь эта шапка даже из каракуля. Ведь если шапка велика, то, встретившись с тобой, половина людей спросит: «Эй, зачем тебе такая большая шапка?» А другая половина спросит: «Эй, почему у тебя такая маленькая голова?»

Человека можно обидеть не только бранью, но и хвалой. Если подойти к обычному, не глупому и не злому, человеку и сказать ему: «Мудрец ты наш наиумнейший!» или «Добрейший из добрейших!»- то он обязательно обидится.

Из рассказов аксакалов. Однажды поэт Бердах возвращался из Хивы, и в пути его настигла ночь, поэтому вынужден он был свернуть с дороги, чтобы в ближайшем ауле попроситься на ночлег.

Приблизившись к аулу, настиг он незнакомого путника. Незнакомец был одет богато, а наряд Бердаха, как все знают, никогда не блистал золотом.

Бердах поздоровался с богатым незнакомцем, тот ответил на его приветствие, и скоро выяснилось, что он тоже ищет пристанища.

- Значит, судьба у нас общая,- сказал Бердах,- будем искать вместе. Вместе приятнее входить в чужой дом, все хоть один знакомый, да есть.

В ауле они нашли дом, который показался им просторнее и опрятнее других. Постучались.

- Кто такие?

- Мы божьи гости.

Как только отворилась дверь, так сразу же стало понятно, что в доме той. А если той, принимают любого. Вот и их встретили приветливо и сразу провели в комнату. Посадили порознь, воздавая каждому из гостей честь по его одежде. Бердаху отвели место у самой двери, а спутнику его - почетное место во главе да стар хан а.

По обычаям того времени, каждый новый гость должен был поведать собравшимся о том, что видел он в пути-дороге, что

заприметил на божьем свете, какие новости мирские коснулись его ушей.

Первым стал говорить богато одетый попутчик Бердаха. Как только раскрыл он рот, так сразу же всем стало ясно, что рассказ его - сплошная чепуха и небылицы. Когда же заговорил Бердах, все поняли, что рядом с ними умный и приметливый человек, который и видел много, и слышал много, и многое может сообщить людям.

После этого хозяин поменял местами новых своих гостей. Бердаху предложил сесть во главе дастархана, а его богато одетому спутнику указал место у самой двери.

«Когда знают человека - кланяются ему, когда не знают - его халату»,- гласит народная мудрость.

«На чужом тое лучше держи язык за зубами, тогда еще есть надежда, что кусочек угощения попадет тебе на зуб»,- говорят аксакалы.

Между тем после того, как обнародовал я свое второе произведение, слава поэта уже прочно закрепилась за мной. Пусть оба сочинения были неудачными, пусть оба они подверглись критике столь уважаемого всеми человека, как учитель Муса-ага Джуманиязов, пусть взрослые не знали ни строки из моего творчества, все равно в ауле начали говорить уже без тени иронии: «А старший-то внук у деда Хакима, оказывается, поэт». Слова эти тешили не столько меня, сколько дедушку. Когда кто-нибудь величал меня «поэтом», он аж светился от радости и вдвое толще становился от распивавшей его гордости.

- Если бедняк надевает сапоги,- говорил дедушка,- то уж не знает, куда и ступить в них. Когда из такой бедной семьи, как наша, выходит поэт, тогда и не знаешь, как быть... А не сходить ли нам к самому коше-бию? Я отведу тебя к нему. Он давно о тебе спрашивал.

Раз уж дедушка задумал - значит, все.

Наш аульный коше-бий повернул ко мне свое плоское лицо и, глянув па меня в упор, сказал:

- У тебя, мальчик, голова большого размера, если внутреннее содержание заполнено, то из тебя может что-нибудь выйти.

- Вот,- сказал дедушка извинительным тоном,- хочет стать поэтом.

Я подумал, что сейчас коше-бий заставит меня читать стихи, и от этого нервничал, боялся, что он, как и учитель, раскритикует мои творения. Но оказалось, что коше-бию было достаточно и созерцания моей голо вы, стихи его совершенно не интересовали. Не дав мне и рта раскрыть, он сразу, не теряя времени, начал меня поучать:

- Художественное слово всегда должно иметь значение намека на будущее предвидение. Вот скажи-ка, маленький поэт... Предположим такое допущение, что душа твоя жаждет снятия нашего колхозного председателя с не соответствующего ему поста. Так? Так! А ты, предположим, должен прийти к этому председателю с нанесением визита делового характера. Что ты ему скажешь?

- Скажу, здравствуйте, председатель-ага, у меня к вам дело.

- Вот сразу и видна твоя слабая художественная неподготовленность.

Тут я вспомнил слова дедушки о том, что обидеть человека можно не только злыми, но и излишне хвалебными словами.

- Я скажу ему: председатель-ага, мудрец вы наш, добрейший из добрейших.

- Зачем ты будешь давать ему такой хвалебный отзыв?!- возмутился коше-бий.- Разве этот руководящий кадр достоин приличной оценки своей никудышной деятельности?! Нет, мальчик. Ты должен сказать так: «Здравствуй, бывший председатель-ага». Понял? Главное - назвать его «бывшим председателем». Тогда ты его под корень зарежешь без ножа. Вот так-то...

И он самодовольно захохотал.

И еще . Когда-то наш аул уже стал местом появления на свет поэта, который от нас, с одной стороны, вышел, а если рассматривать с другой стороны вопроса, то вошел в литературу.

Он выражал мнение, что уходит от нас по причине непонимания и неуважения к творчеству. Но мы-то знали, что уходит он вследствие того, что не выдержал состязания с бараном. Да-да, с бараном.

Вот слушайте, как происходило положение вещей на самом деле. Поначалу мы хотели его заставить добровольно вступить в колхоз. Однако он наотрез возразил. Мол, говорит, я представитель свободной профессии, а не ручного труда. Моя работа - это вам праздник. Сказал он не в том смысле слов, что слушать его стихи - это для всех радость, а в том значении понимания, что на свою работу он выходит по нашим

праздникам. Во всех случаях семейных и общественных тоев он лично присутствовал и обращался со стихами.

Но по прошествии определенного промежутка времени в ауле нашем появился хозяин бойцового барана, который крепколобостью превосходил всех прочих. В периоды тоев стали все увлекаться организацией бараньих боев, а внимать слушанию стихотворца уже никто не хотел.

В дополнение к вышеизложенному надо продолжить, что по условиям обычаев победитель в бараньем бое получал наличным всего побежденного барана. А тот человек, который являлся хозяином бойцового барана, никогда не проявлял характерных черт скупердяйства. Он проигравшего барана варил в котле в пользу всех присутствующих. Поэтому люди из признательности к нему конечно же хотели покушать баранины, а не послушать поэта.

Поэт же окончательно пришел в состояние обиды и уехал в город. А в городе напечатали большую его поэму о баранах. Те, которые эту поэму печатали, думали, что он ведет сатирическую борьбу с людьми глупого ума. Но мы-то понимали, что наш поэт никакой сатирической борьбы не ведет, а выступает просто-напросто против барана.

Ну, мальчик. Какие надлежащие выводы ты должен сделать из моего поучительного сообщения?

А вот какие. Первый вывод заключается в том, что тебе еще мало лет, и подумай, что для тебя лучше: учить себя мастерству поэзии или же выучить своего барана мастерству бараньего боя?

Второй же вывод такой: если в соответствии с упрямством или недостаточным знанием жизни ты все же предпочтешь стать поэтом, то пиши таким образом, чтобы твои стихи были непонятными для подавляющего числа населения, тогда все будут думать, что в них есть значение смысла, а иначе все поймут, что ты просто сводишь счеты с каким-нибудь бараном.

И захохотал.

И еще. В свободное время досуга я люблю отдыхать при помощи ловли рыбы на удочку. Придя на берег пруда, я распутал удочки и произвел насаживание червяка на крючок. При этом произнес такие слова: «Дай мне, Аллах, за маленького червяка большую рыбу». Аллах внял моей рекомендации, вследствие чего я совершил поимку рыбы довольно приличных габаритов. Но совершить ее вытаскивание на берег не сумел, поскольку внезапно объявившаяся чайка схватила мою

рыбу и выразила при этом нескрываемое намерение удалиться с ней. Однако намерениям ее был положен предел, потому что сама чайка, в свою очередь, подверглась нападению ястреба, который с небес камнем рухнул на нее. Ястреб закогтил чайку и спрятался с нею на предмет ее поедания. Он оказался настолько поглощен процессом поедания чайки, что в результате допущенного ослабления бдительности не заметил шакала, который до определенного срока таился в зарослях тростника. Шакал в два прыжка преодолел расстояние, отделявшее его от добычи, и ястреб оказался в полости рта вышепоименованного шакала. Шакал же предпринял попытку скрыться в зарослях, но прогремел залп выстрела, и с земли поднялся охотник. Охотник тут же предпринял освеживание туши и отделение от нее шкуры. Шкуру он положил просушиться на солнечной стороне данного участка территории и, довольный своими успехами, лег в тенечке с целью отдохнуть. Как только он прилег, так тут же воздух огласился звуками душевизируемого крика. Я бросился к охотнику и увидел, что он, бедняга, уже находится в состоянии смертельного исхода, а на шее у него располагается огромная черная змея. В завершение всего вышеизложенного змею эту я убил.

Ну, а теперь скажи мне, мальчик, кто из поэтов сочинил такое?

Я тебе отвечаю: никто.

Эту правду сочинил я. Потому что все наличествующие существа живут за счет поедания друг друга. А поэты призывают к взаимной мягкотелости и добру. Разве это жизненные призывы? Так вот, мальчик, если хочешь стать поэтом, то не изучай ту жизнь, которая имеется в наличии, а изучай ту жизнь, которая находится в отсутствии.

Бабушка размышляла: «Если бог чем и наградил дурней, так это упрямством. Что ни случись, они талдычат свое. А жизнь-то крутится. Глядишь, и повернется таким боком, что и дурень раз в жизни окажется прав».

Дедушка возражал: «А единственная глупость умных - это желание вразумлять дураков. Это просто жуть, сколько в мире ума уходит на оспаривание глупости».

Из рассказов аксакалов:

- Жил в нашем ауле один бай. До революции дело происходило. Отар у того бая было больше, чем пальцев на руках и ногах. А овец у бая

больше, чем волос на голове и в бороде. И зерна он имел столько, сколько мы всем аулом не имели. Однако жил он бедно. Одевался как все, даже хуже. Ел мало, все чаще джугару да просо, а мясо лишь по праздникам. И дом у него был маленький и кособокий.

Спрашивали люди бая: «Почему так бедно живешь?»

А он отвечает: «Не хочу выделяться».

В долг тоже никому не давал ни зерна, ни скота.

Когда спрашивали: «Почему в долг не даешь?»- он отвечал: «Не хочу никого выделять».

Не понимаю я таких людей...

- А я не понимаю других людей.

Как-то на окраине аула в камышовой лачуге заброшенной поселился один попрошайка. Что подадут - тем и сыт. Какую тряпицу выкинут - в ту и завернется. Но страсть как любил гостей принимать. И всякому гостю почет оказывал - единственный халат под ноги стелил, последний кусок на дастархан клал. А потом опять по аулу бродит и подаяние кланчит...

- Это точно. Лишнее зерно хранить - только мышей разводить. А от лишнего ума - только голова пухнет. Но и такие тоже бывают, кто сам чужим умом живет, но любит другим советы давать...

- Советы нужно знать кому давать. Вот послушайте. Жили-были муж с женой. И была у них единственная дочка. Уж и холили они ее, уж и лелеяли! Ела сладко, спала мягко, грязной работы совсем не знала, все родители за нее делали, и ни в чем ей не было отказа.

Но вот выдали дочку замуж, а в приданое дали все необходимое. Проходит год, и получают они весточку от дочери. А в той весточке сказано:

«Отцовский ковер под землю ушел,
Закрылся совсем материнский котел».

Удивились они, не в силах понять, что делается. Страшно переполошились и решили навестить родную дочь. Приезжают, значит, и видят, что ковер год не чищен, весь грязью покрыт. И котел год не чищен, доверху зарос.

- Что делать будем?- спрашивает отец.- Новую дочь родим, эту заново перевоспитаем или купим новый котел и ковер?

Порешили купить новый котел и новый ковер. Так и сделали и восвосяи воротились. Через год получают такую же весточку.

Тогда отец и говорит матери:

- Если каждый год будем ей новое приданое справлять, так скоро сами по миру пойдем. Поезжай-ка ты к ней и научи ее уму-разуму.

Приехала мать и укоряет дочь свою:

- Неужели трудно раз в день ковер подмести и котел поскрести? Вот и платье твое совсем порвалось. Неужели трудно раз в день прихватить его ниткой?

Дочь говорит:

- Спасибо, мама, за совет. Я так и сделаю. Проходит еще год. И дочь снова шлет весточку: «Ковер весь вытерся давно,

У котла пробито дно,

А платье в ногах путается».

Опять поехали родители к дочери. И видят, что ковер она до дыр протерла, котел до дыр проскребла, а из платья столько ниток торчит, что стало оно напоминать плакучую иву.

Потому-то и говорят люди, что любой совет дураку во вред.

Из советов матери: «Путник с хорошими намерениями надеется на восход. Путник с плохими намерениями надеется на закат. Это хорошо, Сере, что с восходом своей жизни ты хочешь успеть многое сделать и понять».

2

Весной 1941 года я окончил четвертый класс. Назначили день собрания, на котором нам вручат табели, и учитель велел прийти с родителями. Это только так говорится - «с родителями», но в пору посевной родителям некогда расхаживать по собраниям, поэтому явились мы кто со старшим братом, кто с дядей или тетей, а я - с дедушкой.

Когда учитель объявил годовые отметки, дедушка расцвел от удовольствия. Он выкатил грудь, как петух, и по-петушиному же поглядывал по сторонам: все ли понимают, что речь идет о его внуке? Понимали конечно же все. Ведь аул не велик, и каждому ясно, что коли говорят о Тулепбергене Каипбергенове, значит, говорят о внуке старика Хакимнияза. Однако, услышав, что мне дают еще и бесплатную путевку в пионерский лагерь, расположенный около райцентра, дедушка не сдержался и громко крикнул:

- Молодец, внучек, я доволен тобой, Тулек!

Никто, кроме дедушки, не переименовывал так мое имя. Почему он это делал, я могу лишь гадать. Может, оно и впрямь труднопроизносимое? Но ведь он же сам и назвал меня Тулепбергеном, и надо думать, что имя это должно было ему нравиться. Может, оно длинновато? Впрочем, я этого не нахожу. Имя - не кличка. Это лошадь нужно называть покороче, чтобы удобнее было на нее прикрикнуть. А чтобы величать человека, не стоит жалеть времени и воздуха в легких.

Но как бы там ни было, а дедушка звал меня кратко - Тулек. Само собой, что не хотел он ни обидеть меня, ни унижить. Скорее всего, ему показалось, что так мое имя звучит нежнее. Но, повторяю, это лишь догадки.

Моего сокращенного, а точнее сказать, искаженного имени в ауле никто не знал, поэтому все вроде бы и удивились: о ком это говорит старый Хакимнияз? Только учитель Муса-ага сразу все понял и тут же сочинил стихотворение:

«Стал Бердымурат Бердахом,
Но никто не знал об этом» 38[38].
И об этом все узнали.
Стал Тулепберген Тулеком,

Раздался общий смех.

Я расплылся в улыбке. Еще бы - меня опять сравнили с Бердахом, и не кто-нибудь, а сам учитель. «Когда стану известным поэтом,- подумал я,- тогда возьму себе псевдоним - Тулек».

А дедушка помрачнел и насупился. Он не любил, когда смеялись над его словами, особенно если сам он ничего веселого в них не находил. Учитель заметил и это. Он догадался, что невольно задел старика, и, чтобы сгладить неловкость, радушно улыбнувшись, обратился к дедушке:

Уважаемый Хакимнияз-ата, могу ли я задать вам два вопроса?

- Хоть сто,- буркнул он.

- Вот мой первый вопрос,- все так же приветливо и не обращая внимания на дедушкину сердитость произнес Муса-ага.- Какие дни

^{38[38]} *Процитированы строчки известного стихотворения Бердах.*

своей жизни, уважаемый Хакимнияз-ата, вы считаете наиболее счастливыми?

На лице у дедушки сердитость сменилась серьезностью. Видимо, сперва он хотел ответить что-то резкое, но вопрос показался ему значительным, из тех, с какими и подобает обращаться к пожилым почтенным людям, а потому он и призадумался, подыскивая столь же значительный ответ.

- Я считаю счастливыми все дни, когда руки мои заняты делами, а голова - заботами.

- А какие дни кажутся вам самыми грустными? Тут уже дедушка отвечал не задумываясь, потому

что, давая ответ на первый вопрос, уже ожидал, что следующий будет именно таким.

- Мои печальные дни,- сказал он солидно,- это те, когда я ничем не занят.

- А почему?- спросил кто-то из «родителей», вернее сказать, из тетей и старших братьев.

Дедушка ждал и этого и, разумеется, уже заготовил ответ:

- Потому что, когда человек ничем не занят, в голову ему лезет всякая чепуха. Думаешь-думаешь и наконец даже у родных и близких находишь тьму всяких недостатков. Так и знайте: если человек всех бранит и корит - значит, он бездельник.

- Ребята,- сказал учитель, обращаясь к нам.- Подумайте над словами уважаемого аксакала, потому что на лето всем вам я даю задание. - напишите сочинение на тему: «Самый счастливый и самый печальный день каникул». С таким сочинением каждый из вас должен прийти первого сентября, и за него каждому из вас я поставлю первую отметку.

Если бы знал Муса-ага, что первого сентября школа не откроется, что никто из учеников не выполнит его задания, что самым печальным для всех нас окажется один и тот же день наступившего лета, что сам он больше не встретится со своими учениками,- если бы знал это наш учитель, то сказал бы, конечно, другие слова. Если бы знал...

Мы с дедушкой, довольные, возвращались домой. И, по обыкновению, он начал философствовать, потому что любил порассуждать, находясь в хорошем настроении.

Рассуждения моего дедушки:

- А все-таки очень умный человек этот твой учитель Муса Джуманиязов. Ученого сразу видно. Знания дают человеку дополнительный глаз. Вон, смотри, это край земли. Каким зорким ни будь, а дальше ничего не разглядишь. Но если знаешь, что там находится, то можно сказать, что видишь ты дальше края земли. Или вот ты, например. Так на тебя глянуть, то видно рубашку, шапку видно. Но если я знаю, что у тебя в сердце и в голове, то могу сказать, что вижу тебя насквозь.

Знания, скажу я тебе, даже лучше, чем здоровье, потому что здоровье с годами изнашивается, а знания лишь накапливаются.

И уж конечно знания лучше всякого богатства. Когда умирает умный, ученый человек, все горюют, печалются, потому что понимают, что стали беднее умом. А когда умирает богатый, то радуются даже его дети, потому что станут богаче.

* * *

Внезапно нам повстречался коше-бий.

- Хакимнияз-ата,- сказал он,- а внук-то ваш, оказывается, отличник!

Откуда коше-бий узнал то, что говорилось на родительском собрании? Ведь мы еще не успели дойти от школы до аула, и надо полагать, что другие ребята тоже еще не дошли до своих домов. Но, видимо, вести и впрямь идут впереди людей. А коше-бий па то и коше-бий, чтобы первым узнавать любые сведения, касающиеся каждого аульчанина.

- В соответствии со своим званием я должен дать вашему внуку ряд поучительных советов на его будущую жизнь,- продолжал коше-бий.

Почтения коше-бия:

В штатном расписании городского училища числится учителем один сотрудник, которого все зовут «эта», хотя по возрасту лет он еще не стар, а просто рано состарился. Старение его организма произошло по той причине, что он во имя научного познания отрекся от всех земных благ и даже позволил произвести в отношении себя операцию кастрирования.

Я должен со всей определенностью засвидетельствовать перед вами, что в результате данной операции ума у него не прибавилось, зато многое убавилось и голос стал тоньше.

Хочу посоветовать вашему внуку, чтобы он не повторял подобных жизненных ошибок и не все приносил в жертву науке.

Дедушка укоризненно поглядывал на коше-бия: мол, не следует такие вещи рассказывать безумному юнцу, но коше-бий, не смутившись нисколько, продолжал: - Личный подсобный участок, находящийся в пользовании моего соседа, огражден колючим забором. Однажды по двору соседа прогуливались его индивидуальные куры, и вдруг одна из них подверглась внезапному нападению со стороны ястреба и была похищена им и унесена в когтях.

Свидетелем данного происшествия оказался мой бойцовый петух. Такое поведение ястреба он воспринял как личное оскорбление и пришел в страшное негодование, которое выразил при помощи истощенного крика и царапанья земли когтями лапы. Затем петух устремился в погоню за похитителем, но не смог преодолеть высоту забора и застрял в колючках. Я с трудом извлек его из колючек в изувеченном состоянии. Вечером того же дня указанный петух стал продуктом для супа.

Из всего вышеизложенного следует, что ваш внук, уважаемый Хакимнияз, не должен брать пример с петуха, а должен тщательно рассчитывать свои научные силы.

* * *

Из рассказов аксакалов. ...Некогда в нашем ауле жил один поэт. Стихи он сочинял плохо, рифмы подбирал с большим трудом. А главное - слагал он стихи о том, что никого не интересовало. И решил поэт изучать жизнь. Для этого поначалу стал он проситься к людям на ночлег. В одном доме поночует. Потом в другом. В третьем. Во всех домах аула переспал, а стихи его от этого лучше не стали. Тогда надумал он пойти в соседние аулы, чтобы пошире изучить жизнь. Пошел. И в конце концов превратился в обыкновенного бродягу, а поэтом настоящим так и не сделался...

...Уметь слагать стихи - это такой дар, который Аллах сам посылает человеку. Сколько ни изучай жизнь, а все одно не станешь поэтом, если сама жизнь тебя этому не научит...

Мой дедушка говорил: «Приходит как-то ко мне молодой джигит и говорит, мол, нужен ему совет. Женился он недавно, а жизнь семейная у него не ладится, и не знает он, как ему быть.

- А ты,- советую я,- учись у людей, погляди, как другие люди живут, как ладят меж собой.

- Э,- отвечает он,- людей много, за всеми не углядишь.

- Да, много,- отвечаю,- но более того - тебе надо бы знать не только о том, как живут здравствующие поныне, но и о том, как жили люди раньше, как жили покойные ныне предки наши. Да и этого тоже мало. Учиться следует не у одних лишь людей, но и у зверей тоже. Вот говорят, что слоны загодя чувствуют час смерти и, почуяв, что час этот близок, возвращаются в родные края. Так вот, доброму человеку стоит поучиться и у мудрого слона...»

Из советов моей бабушки: «Всегда уступай дорогу старшим, особенно близким. И не ищи в том обиды для себя, а помни, что бабушка и дедушка, когда срок придет, попросят у бога для себя первыми дорогу к тому свету. Нет ничего хуже, как пережить своих детей и внуков».

3

Дедушка привел меня в пионерский лагерь, оставил там, а сам поспешил домой.

И вот сижу я на своей кровати, и грустно мне и страшно. Еще бы, ведь сегодня впервые в жизни буду ночевать не на кошме, расстеленной на полу, а на высокой и узкой железной койке, да еще среди чужих. Тут подходит высокий парень и говорит:

- Я пионервожатый. Зовут меня Узакбергеном, фамилия моя Бекниязов. Студент Чимбайского педучилища. А ты кто же будешь?

Отвечаю, подражая ему:

- Я пионер, зовут меня Тулепберген Каипбергенов. Ученик начальной школы имени Чапаева.

- Вот,- говорит,- оказывается, ты тезка моему брату, он тоже Тулепберген, но он постарше тебя лет на пять. Хорошо. Значит, познакомились. А теперь скажи, в каком кружке ты хочешь заниматься?

Ни о каких «кружках» я слыхом не слыхивал в жизни, а потому вместо ответа только плечами пожимаю.

- Ах, да,- говорит он,- ты же из начальной школы. Ладно, тогда скажи: кем ты хочешь стать?

- Поэтом,- выпаливаю я.

- Если так, то будешь заниматься в литературном кружке. А пока вот тебе тетрадь для дневника.

Он вынимает из сумки чистую ученическую тетрадку и, написав на обложке мое имя, кладет ее предо мной:

- На, ниши.

- А что писать?- спрашиваю я.

Он молча достает из той же сумки отточенный химический карандаш и кладет его рядом с тетрадкой.

- Дневник вести я тебя научу. А сколько у тебя стихов?- спрашивает он вдруг.

- Не знаю,- говорю я вполне искренне, поскольку и впрямь не знаю, считать ли те два стихотворения, которые были раскритикованы учителем.

- Очень хорошо, что ты их не считаешь. Ты же поэт, а не учетчик. Ладно, прочти последнее.

Как раз по пути из аула в лагерь - а дорога длинная - я сочинил стихотворение, но записать его еще не успел и потому читаю наизусть:

Жизнь женщин у козака³⁹[39] прошла,
Жизнь мужчин как в аду была,
Жизнь детей в мученьях текла,
Ты всегда был унижен, каракалпакский народ.

Тебя, мой народ, спасали сказки и преданья,
Ты перенес все тяжкие испытанья,
В поисках друзей преодолел все расстоянья,
Сегодня ты счастлив, каракалпакский народ.

³⁹[39] К о з а к - старинный ткацкий станок, который устанавливался в специально вырытой яме.

Вожатый слушает очень внимательно и, помолчав минутку, спрашивает:

- Как ты назвал это стихотворение?

«Каракалпакский народ», - отвечаю я с достоинством.

- Это слишком высокое и ответственное название, - говорит он, - надо бы подыскать другое. Подумаем вместе и найдем.

Из моего первого дневника, который был написан под диктовку пионервожатого

1 июня 1941 года . Надо уважать книгу.

Книга - самый верный, мудрый и самый красноречивый друг. Если с ней сдружишься, то и она перед тобой в долгу не останется - поможет тебе стать добрее и умнее.

Любые вещи, когда их становится очень много, теряют свою цену. А книги - нет,

2 июня 1941 года . Обложка книги как дверь дома, в котором проживает множество людей. Не стесняйся, входи в этот дом, и люди, в нем живущие, всегда помогут тебе и советом и примером.

Обычные дома бывают разные. Если тебя предупреждают: «Не стучись в эту дверь, там живут плохие люди», то верь этому. Но если тебе скажут: «Не открывай эту книгу», - не верь. В каждой книге хранится опыт хотя бы одной жизни.

Никогда не бросай книгу под ноги и никогда не топчи книгу, иначе станешь похожим на человека, который наступает на голову или на сердце другого человека.

3 июня 1941 года . Для того чтобы стать поэтом, ты должен многое познать. Как-то один молодой поэт написал письмо Максиму Горькому. Молодой поэт доказывал, что ему не надо стремиться узнать как можно больше, ведь все равно никто в мире не может постичь всего. Прочитав это письмо, Максим Горький сказал, что из этого литератора вряд ли что получится.

4 июня 1941 года . Наполеон Бонапарт говорил, что если погибнет солдат, то на его место можно поставить другого солдата. Если умрет поэт, то его место никто занять не сможет.

Чингисхан приказал, чтобы все известные поэты поступали к нему на службу, а поэтов неизвестных он повелел умертвить.

Тамерлан говорил: «Я боюсь в этом мире только двоих: своего телохранителя и поэта. Если обижу телохранителя, он способен в любую минуту снять мою голову с плеч, если обижу поэта, то мою голову снимет народ».

5 июня 1941 года . Афиняне и спартанцы были родственными народами, хотя и часто ссорились друг с другом. Однажды на спартанцев напал враг, и они вынуждены были просить помощи у афинян. А те в насмешку послали к ним всего одного солдата, да и тот был хромым. Но хромой солдат оказался поэтом. Он встал перед рядами спартанских воинов и запел песни. Спартанцы, воодушевленные его песнями, ринулись в бой и победили врага.

Вдохновенное слово - это мощное оружие.

6 июня 1941 года «Одна щепотка соли делает еду вкусной, одно глупое слово делает жизнь горькой», - гласит народная пословица.

Если вдуматься, то поймешь, что пословицы и поговорки - соль фольклора, они основа всех сказаний, преданий, дастанов. У наших предков не было алфавита, не было письменности. Свою мудрость народ мог хранить только в памяти. А для этого нужна была краткая форма, которая легче запоминается и легче передается из уст в уста, от поколения к поколению.

И неудивительно, что у многих народов есть схожие поговорки и пословицы. Ведь когда-то все народы не имели письменности и печати. К тому же никакой народ не жил отдельно от других народов. Они торговали друг с другом, встречались, женили сыновей, выдавали дочерей замуж за людей другой национальности.

Б последнее время многие писатели приноровились украшать свои произведения жемчужинами народной мудрости. Они с охотой и с легкостью вставляют в свои книги пословицы и поговорки и даже выдают их за собственные открытия. Но будущее все расставит на свои места, и поговорки опять станут народными.

7 июня 1941 года . Если обратимся к истории своего народа, то заметим, что наши сказки и предания сохранили историческую действительность в причудливой, фантастической форме. Конечно же ясно, что по устным рассказам нельзя изучать историю, однако некоторые наши ученые словно забывают об этом. Они даже термин выдумали «из народных уст» и полагают, будто термин этот позволяет им описывать некоторые действительные события минувшего в том виде, в каком донесли их сказки и легенды.

К тому же наш народ был хотя и малочисленный, но многоплеменный. К племенной розни прибавлялась еще и рознь сословная. Для богатых свой век был «золотым веком», для нищих он был веком «железным». Но в те времена перо и бумага далеко не всегда находились в руках прогрессивных людей.

8 июня 1941 года . Самый главный вопрос литературы - вопрос об идеальном образе. Все о нем спорят, и каждый приводит свой пример. Это и понятно, поскольку идеальный образ - это такой человеческий образ, на который стремится равняться каждый человек. Идеальный образ невозможно выдумать, его не может создать фантазия даже самого гениального писателя. Такой образ может родить только само время, сама историческая эпоха.

9 июня 1941 года . Лев Толстой в письме к Фету писал, что литературная работа чрезвычайно трудна и, кроме самих литераторов, это вряд ли кто понимает. В другом письме он сравнивал предварительную работу над книгой с глубокой вспашкой перед посевом. Лев Толстой говорил, что он должен обдумать судьбу всех героев книги, подумать о миллионе возможностей, а потом выбрать одну миллионную часть. Это адская трудность. Душераздирающая.

10 июня 1941 года . Фурманов говорил, что, приступая к роману, он долго сомневался, маялся, размышлял, прикидывал и так и эдак, но никак не мог выбрать какую-то одну форму повествования.

11 июня 1941 года . Прежде чем приступить к какому-либо делу, человек, если он не уверен в собственных силах и сомневается в успехе, стремится найти друга, с которым можно посоветоваться. Советоваться можно со многими, но не стоит и пренебрегать собственным умом.

Однако всегда выслушивай того, кто говорит от чистого сердца.

Записи из дневника, которые я делал не под диктовку пионервожатого, а самостоятельно

12 июня 1941 года. ...Я пишу все, что говорит дядя вожатый Узакберген Бекниязов, а понимаю совсем не все. Про Льва Толстого я хотя бы слышал, он написал какую-то сказку - или «Красную Шапочку», или «Маша и медведь», или обе вместе. А люди по фамилии Фет и Фурманов мне вовсе неизвестны, про них в начальной школе имени Чапаева нам не рассказывали.

Я не понимаю: или дядя вожатый не понимает, что я его не понимаю, или хотя и понимает, но не обращает внимания, не хочет огорчать меня, а может, думает, что я со временем пойму все и сам разберусь. Он не спрашивает у меня, как я усвоил то, что он сказал вчера, а просто сегодня диктует новые мысли и изречения. А если от новых мыслей у него остается свободное время, то просит меня прочитать мои новые стихи, которые я пытаюсь писать теперь почти каждый день, и слушает их. А потом говорит: «Ты пиши, пиши. Не бросай этого».

13 июня 1941 года. Сегодня после физзарядки, когда мы стояли строем, чтобы идти на завтрак, дядя вожатый Узакберген-ага вызвал меня. Он попросил, чтобы я прочитал свое последнее стихотворение. Я вышел перед строем и прочитал стихотворение «Я счастлив, мой лагерь!». Это стихотворение я написал недавно, сразу после приезда в лагерь. Я очень волновался, а когда я это стихотворение прочел перед строем, все захлопали. Я очень обрадовался этому, и грудь моя чуть не лопнула от радости. Но я радовался про себя и не зазнавался.

После завтрака дядя вожатый Узакберген-ага подошел ко мне и дал мне чистый конверт. Он сказал, что есть человек, который сегодня отправится в город Турт-куль. И чтобы я вложил свои стихи в конверт и отдал тому человеку. Он их снесет в редакцию газеты «Жеткиншек».

Я стрелой побежал к себе в комнату. И, сидя за тумбочкой, написал на свободном месте под стихами, что когда я их читал, то весь отряд хлопал. Потом вложил стихи в конверт и отнес тому человеку, который уезжал в Турткуль.

Снова из дневниковых записей, сделанных под диктовку пионервожатого

14 июня 1941 года. Сегодня многие народы мира плохо знают друг друга. Когда молодежь одной страны встречается с молодежью другой страны, то у них практически нет общих тем для беседы.

Главным препятствием в общении является именно отсутствие общих тем, а не различие языков. Языки и должны различаться. Как сад красив разнообразием плодов, так же и мир красив и ценен разнообразием языков, каждый из которых дает свои плоды. Государства различаются, но есть посланники, которые помогают установить взаимопонимание. В наше время такими посланниками

могли бы стать книги. Они способны сблизить и сдружить людей. Это, конечно, очень долгий процесс. Но не стоит бояться его длительности, если заботиться не только о себе, но и о потомках. А поколение, не заботящееся о потомках, перво-наперво уничтожает себя.

Чтобы в будущем объединить людей, надо ввести во всех странах общий учебник литературы, в котором найдется место всем корифеям мировой классики. При этом лучше было бы не подчеркивать национальную принадлежность каждого писателя, не указывать, что Гомер - грек, а Данте - итальянец, что Шекспир - англичанин, Гёте - немец, а Толстой - русский. Важнее подчеркнуть, что все они - гении человечества. Из этого вовсе не следует, что нет надобности изучать национальную литературу. Пусть ее проходят в школах так же, как сейчас. Но если бы рядом с учебником национальной литературы был и учебник литературы мировой, то каждый человек сверял бы творения своих писателей с достижениями общечеловеческой культуры.

16 июня 1941 года. Наш народ был признан равноправным народом только после Октябрьской революции. Только после революции ему было предоставлено законное место в общем поезде прогресса. У каждого из народов Советского Союза есть свои традиции и свои достижения, есть свое искусство и своя наука. Все это для нас хорошие примеры, которым нужно следовать. Но плохо подготовленный человек не может сразу же воспринять то, что ему нужно и полезно. Нам надо еще многому учиться. Очень многому! Иначе в общем поезде мы окажемся самыми необразованными пассажирами, самыми скучными и неинтересными спутниками.

Это не значит, что нас пока не надо бы пускать в общий поезд прогресса. В этом поезде у каждого свое место. Ведь и пальцы одной руки не одинаковы, но пик-то не станет отрезать свой мизинец, приговаривая: «Вот тебе за то, что ты не дорос до других». Но если вся рука развивается и набирает силу, то должен развиваться и мизинец, иначе один палец ослабит всю пятерню.

Вновь записи из дневника, сделанные мною самостоятельно

17 июня 1941 года. Сегодня мы сперва купались в канале Бозкул, а потом всем отрядом давали концерт на полевом стане соседнего колхоза. Я прочитал свое стихотворение «Я счастлив, мой лагерь!».

Дядя вожатый Узакберген-ага почему-то не показывается. Не пришел он и вечером. Это меня беспокоит.

18 июня 1941 года . Я узнал, куда уходил Узакберген-ага. У него заболела мать. Он поехал к себе в аул, чтобы отвезти своей матери лекарства. Мне без него очень скучно.

19 июня 1941 года . Не хочу ничего делать, потому что нет Узакбергена-ага. Неохота играть с ребятами. Не хочу читать. И писать тоже не хочу.

20 июня 1941 года . Сегодня после обеда я шел в свою комнату на мертвый час. Вдруг заметил дядю вожатого Узакбергена-ага Бекниязова. Он улыбался. А в руках держал конверт.

- Тулепберген, это тебе из редакции письмо,- сказал он. В райцентре он зашел на почту и взял письма для лагеря, и мое тоже.- А ну, открывай и читай!

Я осторожно открыл. В конверте было письмо. Я достал его и начал читать громко и с выражением.

Вот это письмо:

«Уважаемый Туленберген!

Во-первых, известно, что для любого поэта его стихотворение - родное дитя. Известно, что и ежика, целуя своего ежонка, приговаривает: «Пушистенький ты мой», и ворона, лаская вороненка, приговаривает: «Беленький ты мой». Твое стихотворение не показалось нам ни «пушистеньким», ни «беленьким».

Во-вторых, ты сообщаешь, что когда читал свои стихи, то «весь отряд хлопал». Известно, что слушатели хлопают в двух случаях: когда им нравится и когда они хотят, чтобы поэт побыстрее кончил чтение. В следующий раз, когда станешь выступать со стихами, обязательно понаблюдай за слушателями, тогда поймешь, почему они аплодируют.

Желаем тебе в будущем стать настоящим поэтом. А пока ты им не стал, стихов твоих мы печатать не будем.

С приветом, редакция газеты «Жеткиншек!»»

* * *

До сих пор помню, как ошарашил меня этот редакционный ответ. До той минуты я чувствовал себя деревцем-саженцем, которому еще расти и расти. Но в ту минуту вдруг ощутил себя гнилым трухлявым

яблоком, которое шлепнулось с ветки в грязь - там ему и место. Я боялся взглянуть на своего первого вожатого и стоял, не отрывая взгляда от письма, хотя читать в нем больше было нечего. Но тут Узакберген заговорил сам. Заговорил спокойно и даже весело.

Что сказал вожатый. Как-то в аульском нашем клубе проходила встреча с известным поэтом Аббазом-шаиром. Конечно, и я пошел, потому что это очень меня интересовало.

Открывал встречу наш председатель колхоза. Это тоже честь, не на всякое клубное мероприятие приходит сам председатель.

И вот зал заполнился битком. Председатель вышел на трибуну, развернул бумажку и громко так, с пафосом произнес:

- Товарищи! Друзья! Аульчане! Вечер, посвященный творчеству известного поэта Садыка-шаира, чье сердце переполнено богатством золотых слов, объявляю открытым!

Из зала ему подсказывают:

- Не Садыка-шаира, Аббаза-шаира!

- Не смейте меня перебивать,- возмущается председатель.- Я знаю, что говорю.

Тут уж весь зал взорвался. Шум, крики, люди вскакивали с мест. Тогда председатель встал и говорит:

Товарищи! Я и сам понимаю, что мы встречаемся сегодня с известным поэтом Аббазом-шаиром. Вот он рядом сидит. Кто же его не знает. Но и я не ошибся. Вот в этой бумаге, которую мне прислали и которую я держу в руках, четко написано, что предстоит встреча с поэтом Садыком-шаиром. А бумага пришла сверху. Не прочесть ее я не имел права. Так что вышла неувязочка, но не по моей вине.

Зал так и грохнул от хохота.

Потом через несколько месяцев к нам в аул приехал Жапак-баксы^{40[40]}. И на сей раз председатель явился на встречу, но открывать ее уже не решился. Зато когда сказитель закончил свое выступление, председатель первым решил поблагодарить его, конечно же от лица всех колхозников.

- Уважаемый Жапак-баксы! Ваш прекрасный голос задел струны наших сердец. И за это вам от всех тружеников нашего колхоза огромное спасибо!

^{40[40]} Исполнитель песен, который сам себе аккомпанирует на дутаре.

- Скажите спасибо и за прекрасную игру на дутаре!- крикнули из зала.

- Нечего меня учить, - озлился председатель. - Я сказал все что нужно!

Так и не поблагодарил исполнителя за игру на дутаре. Люди потом сами извинялись перед Жапаком-баксы за упрямство и неучтивость своего председателя.

Зато еще через несколько месяцев, когда в нашем аульском клубе выступали известные певицы Аимхан Шамурадова и Тохта Рахманова, председатель вдруг решил исправить прежние ошибки и неожиданно для всех, благодаря певиц, произнес:

- Спасибо вам, дорогие Аимхан Шамурадова и Тохта Рахманова, не только за ваше пение, которым вы порадовали народ нашего аула, но еще и за очень искусную игру на дутаре.

Певицы стоят, не знают, как воспринимать такую нелепую похвалу. По залу покатился гул недоумения.

- На дутаре играли не они!- кричат председателю.

- Эй вы, крикуны!- отвечает он.- Потише! Не вы, а я тут председатель. А я дважды не ошибаюсь.

Ну что с него возьмешь? Из-за собственной глупости всех обидел и доволен.

И ведь не один он такой. Думаю, и в редакции газеты найдутся люди сродни нашему председателю. Так что ты, Тулепберген, не печалься.

* * *

22 июня 1941 года. Только что, прямо вот после обеда, Узакберген-ага подозвал меня к себе. Он вынул из кармана рубашки две урючных косточки. Одну дал мне, а другую положил себе в рот. Он обсасывал косточку с удовольствием.

- Ах, сладкая как сахар!- говорит,- А твоя? - спросил он меня.

Моя косточка была горькая, я так и сказал:

- Очень горькая!

Он снова полез в карман и достал еще две косточки. Одну дал мне, а вторую сунул себе в рот, но тут же выплюнул.

- Тьфу, какая горечь! - сказал он. И спросил: - А твоя?

На этот раз моя косточка была сладкая, и я сказал:

- Мне попалась сладкая.

Он положил свою руку на мою голову и сказал:

- Всегда говори только правду. И не живи, повторяя своего учителя.

Учитель тоже может ошибаться. Об этом мы поговорим вечером, а теперь иди спать.

Сейчас я лежу в своей палате, на своей койке. Я всегда сплю после обеда, а теперь не могу заснуть в этот мертвый час. Я думаю о том, что сказал Узакберген-ага. На моем языке два вкуса: сладкий и горький. Мне очень тревожно...

Только что я опять перечитал письмо из редакции. Сунул его снова под подушку. Не спится. Какой-то холод внутри меня. Звучит горн. Но это не сигнал подъема. Другой сигнал - тревожный. Кончаю писать. Бегу...

Когда прибежал к линейке, там уже стояли ребята. Стояли не строем, а кучками. Пришел начальник лагеря. Он сказал, что война. Этой ночью началась война. Фашисты, немецкие захватчики, напали на нашу страну.

Война...

Все молчали. Многие плакали.

23 июня 1941 года. Советы моего первого вожатого:

Тулепберген, ты мне понравился, и я верю, что ты не побоишься трудностей и преград, которые встретятся в твоей жизни. Я не любитель давать советы и все же скажу: если наш язык - это опора, которая держит нас на земле, то русский язык для нас - крылья, они поднимут в высоту. Нам с тобой нужны крылья, дорогой мой, крылья! Сейчас война с Германией, но не все немцы - фашисты, и среди немцев были великие люди. Великий немецкий поэт Гёте говорил, что человек, знающий два языка, дважды человек, а тот, кто знает сто языков, - стократ человек. Не забывай об этом.

Сейчас я пойду прямо в город с заявлением в военкомат, а оттуда - на фронт... Будь здоров. После победы я обязательно разыщу тебя. Ты мне, правду говорю, понравился. Не забывай ежедневно по утрам спрашивать себя: «Чем я сегодня могу быть полезен людям, своему народу?» - а вечером перед сном давать честный ответ, хотя бы самому себе: «Что доброго я сделал сегодня людям?» Да, кстати, то твое стихотворение «Каракалпакский народ», помнишь, ты прочитал его в

день нашего знакомства? Так вот, оно, конечно, не без недостатков, его еще дорабатывать и дорабатывать надо, но твоя мысль и чувства верны. Их хорошо бы развить, стихотворение продолжить и назвать его «Каракалпакстан». Может получится отличное сочинение. Это, разумеется, лишь совет. Решать тебе...

Литература - это не просто собрание красивых и мудрых речений. Это узел, соединивший художественным словом жизненные события и причины, которые их породили. Литература - это опыт, это - третье око человечества, позволяющее ему проникать в глубь явлений, это ключ познания, это - память, память не только мысленная, но и чувственная, позволяющая понять, что ощущали люди в те или иные времена...

Что-то я совсем заговорился. Пора идти. Мы еще не раз побеседуем с тобой после победы. Самое главное - пиши, пиши без конца, пиши о жизни, о людях, о нашем многострадальном народе. И вот что запомни: литература требует, чтобы всему ты учился сам. Чужой опыт, чужая мудрость хороши, но писать можно, только накопив собственный опыт, обретя собственное знание жизни. Учись. Постоянно учись. Думая над каждым словом... Ну, пока. До встречи!

Он поцеловал меня в лоб и пошел не оборачиваясь. Пошел очень быстро. Я стоял на месте и не мог двинуться, будто ноги к земле гвоздями прибиты. Потом ко мне подошел наш председатель совета отряда. Он сказал, чтобы я все-таки поел, а мне совсем не хотелось есть. Меня, наоборот, тошнило, и кружилась голова. Я медленно побрел в комнату.

Голова кружится и теперь. Кругом тихо. Даже воробьи почему-то не чирикают. Будто все вымерли. Сейчас я пойду домой. Пусть скоро ночь, но я все равно пойду... Мне очень здесь грустно и плохо. Словно я что-то потерял. Самое главное потерял...

...Домой из лагеря я пришел на рассвете. Надо написать новое число.

24 июня 1941 года. Я пришел домой на рассвете, а шел всю ночь.

Правильно сделал,- сказал мой дедушка. Так поступают джигиты,- похвалила мама.

Отец увидел меня и улыбнулся. Но он ничего не сказал.

Бабушка тоже ничего не сказала, но поцеловала меня в обе щеки.

Братишки и сестренки увидели меня утром и очень удивились.

Скоро все успокоились и занялись своими делами...

Мама только что вернулась с работы. Она говорит, что поедет на курсы трактористок. Курсы находятся в райцентре.

Отец ходил в правление колхоза и в аулсовет. Он очень расстроен. Его пока не берут в армию.

Дедушка тоже был в конторе. Он не работает в колхозе по старости. Но он упрямил председателя колхоза, и ему дают осла. На осле он будет теперь возить всякую колхозную поклажу.

Бабушка заменит у очага мать, которая уедет на курсы трактористов. Бабушка больна, но она сама так решила, что будет все готовить по дому вместо моей матери.

Я побывал в школе. Там создается ученическая бригада для заготовки кормов. Я записался в эту бригаду...

Когда я ночью возвращался из лагеря, то мне казалось, что я уже не стану поэтом никогда. А теперь чувствую, что все события меня волнуют и в мыслях сами собой возникают строчки стихов. Я пока не буду их записывать и никому о них не скажу. Но поэтом я все-таки стану. Я знаю это...

Сейчас только что перечитал весь свой дневник. Особенно то, что писал под диктовку Узакбергенова-ага Бекниязова.

* * *

Проходили дни, и жизнь постепенно улеглась, вернее, люди постепенно привыкли к своему новому положению. Если не считать, что в ауле явно поубавилось парней, а вместе с ними поубавилось и веселья - никто по вечерам уже не пел на улицах,- если это не учитывать, то можно сказать, что жизнь протекала по-старому, а в чем-то даже стала лучше прежней. Люди начали жить дружнее, они стали терпимее, отзывчивее, охотнее помогали соседям. Куда-то ушли споры, сплетни, перебранки, вроде бы на ругань и выяснение отношений не оставалось времени. И действительно, с восхода до заката все были заняты на хлопчатнике. Если выдавались светлые лунные ночи, то многие выходили в поле и по ночам - так даже лучше работать, нет жары, не донимают комары и мухи.

В такие лунные ночи я иногда брал свою тетрадь для стихов. Мне не хватало советов и наставлений моего первого вожатого, не хватало человека, с которым я мог бы поговорить, обменяться мыслями.

Одиночество в эти месяцы ощущал я особенно остро. И все же сочинил два стихотворения про войну. Долго маялся, не знал, что с ними делать, но наконец отважился-таки и послал их в редакцию газеты.

4

В первые недели и месяцы войны все ждали почтальона. Он был самым желанным гостем в ауле. Стоило ему появиться, и ото всех домов к нему спешили люди. Почтальона окружали, теребили, требовали писем, расспрашивали обо всем, будто он не разносит корреспонденцию, а сам является свидетелем и очевидцем тех событий, которые происходили вдали от наших степей, там, далеко-далеко на северо-западе.

Но довольно скоро почтальона начали сторониться. А потом уже и прямо стали бегать, прятаться от него. Не хотели пускать в дом, потому что начал он приносить похоронки - «черную бумагу», как прозвали их в народе. Начал приносить «черную бумагу» на тех парней, чьи голоса еще совсем недавно звучали на улицах аула. И смотрели на почтальона с грустью, а то и с ненавистью, словно это он виновен в их гибели. И сам почтальон боялся глянуть в глаза людям, словно и впрямь виновен...

Глубокий тыл. Тут не было опасности оказаться убитым или раненым пулей, бомбой, снарядом. Но война была и в тылу. Над каждым висела опасность погибнуть от голода, заболеть от перенапряжения и недосыпа...

Пришла осень. Нашу школу закрыли. Не хватало учителей. Чтобы заниматься в пятом классе, мы вынуждены были ходить в другой аул, а это семь-восемь километров от дома. И так каждый день: восемь километров туда - полтора-два часа ходьбы, и столько же обратно. Но, сколько помню, никого это не беспокоило. Надо так надо.

Почти не оставалось времени на уроки, ведь после школы мы отправлялись на хлопковые поля. Шли на хлопчатник не только потому, что понимали - нужно заменить взрослых, шли еще и потому, что на полевых станах готовился обед, но кормили только тех, кто работал. Суровый закон «кто не работает, тот не ест» в эти годы у нас соблюдался свято.

Но вот что странно: сейчас вспоминаю и сам дивлюсь - никто из ребят, отвечая в классе урок, не жаловался на нехватку времени. Как успевали подготовиться? Да так: историю, литературу, географию

читали на ходу, по дороге в школу. Задачи по арифметике решали в уме даже во время полевых работ, благо работы эти хоть и тяжелы, утомительны, но однообразны. Руки трудятся, а голова свободна. В общем, каждый приспособивался как умел, но домашние задания выполняли все...

Закрылись многие газеты и журналы. Среди них и «Жеткиншек», откуда получил я обидное письмо в ответ на посланные мною стихи. Из газет осталась лишь «Кызыл Каракалпакстан»⁴¹[41]. Изредка номера этой газеты доходят и до нашего аула. Каждый номер я внимательно просматриваю, потому что вот уже не один месяц пишу по стихотворению в неделю и отправляю в редакцию «Кызыл Каракалпакстан». Но ответа от редакции нет. Стихов моих в газете тоже нет. А дни идут. Все новые и новые люди отправляются на фронт. Среди них и наши учителя. Педагогов в школе становится все меньше. И требований к нам меньше. Уже никаких строгостей, выучил так выучил, нет так нет. Но мы стараемся учиться, как прежде...

Вечерами ребята постоянно тянут меня играть в альчики⁴²[42]. Нет, я не чемпион и не заводила. Я - «светильник». Играем вечером в темноте при свете лампы. А горячее только у меня, ведь моя мать трактористка.

Меня так и кличут «светильником». А я не возражаю, потому что слова «шаир» (поэт) и «ширашн» (светильник) созвучны и сходны по смыслу, не зря же многих поэтов величали светильниками души, свечками разума и так далее. В общем, повое прозвище меня радовало, но радоваться пришлось недолго.

Как-то поздно вечером, собравшись в коридоре брошенной аульной школы, мы азартно резались в альчики. Коридор пронзал школу насквозь и упирался в глухую стенку. А входной двери уже не было, либо кто-то ее умыкнул и пристроил в хозяйстве, либо, напротив, предусмотрительный завхоз школы загодя припрятал дверь, чтоб ее не умыкнули. Как бы то ни было, но вход на нашу игровую площадку был свободный.

⁴¹[41] «Красная Каракалпакия»

⁴²[42] *Игра в кости, похожая на старинную русскую игру в «бабки».*

Вдруг показалось, что закрылась отсутствующая дверь. Проем наглухо закрыли три тени.

Я поднял лампу и узнал всех троих: двое мужчин и одна женщина. Все они вооружены палками. Все они - родители моих партнеров по игре. Один - отец Калхана (теперь Калхан работает бригадиром в совхозе «Ташкент», что под городом Ходжейли). Другой -отец Оразымбета (Оразымбет теперь поливальщиком в том же совхозе). А третья - мать Турганбека (сейчас Турганбек заведует магазином в местечке Карабайлы).

Кто-то из ребят мигом задул мою лампу. Наступила крошечная, непроглядная тьма. Но во дворе светила луна, и теперь из темноты коридора было видно на просвет, что в рядах атакающих есть бреши.

Первым в брешь бросился Туранбек - отчаянная голова. Рискнул, но спасся благополучно, не получив не только палкой по спине, но даже и оплеухи не заработав. Нападавшие родители не ожидали столь дерзостной вылазки и потому сразу же изготовились, прижались потеснее друг к другу и стали размахивать палками и лупить ими куда ни попадя. Остальным игрокам, бросившимся на прорыв, досталось изрядно. Я долго сомневался, но вдруг решился и, улучив подходящий момент, ринулся в образовавшуюся щель. И все бы прошло хорошо, когда бы не лампа, которую я держал обеими руками. Я намеревался проскочить боком, но лампа зацепилась за чьи-то брюки. Носитель брюк развернулся и свалил меня. Я услышал, как просвистела палка, но - слава тебе господи!- удар пришелся не по мне, а опять-таки по лампе. Она разлетелась вдребезги. А я припустил до дома что было духу и скоро уже сидел в своем углу, поджав колени.

- Ага,- смеялся дедушка,- вас разыскали!

- А разве они приходили сюда?- удивился я.

- Еще бы! Первым делом к нам явились. Ведь каждому ясно, что без тебя, «светильника», ночью играть в альчики нельзя, Я их пытался обмануть и направить в другую сторону, чтобы вам не мешали, - но, видать, все же сыскали.

Через несколько минут в нашу дверь забарабанили кулаки. Трое разгневанных родителей наседали на дверь и грозили ее выломать.

Дедушка укрыл меня за подушками, а сам вышел к разгневанным соседям и стал их увещевать. Из своего укрытия я слышал, как он миролюбиво упрашивал:

- Вы уж простите его па первый раз. А я больше не дам ему лампу.

- А что скажет келин⁴³[43]?- в один голос спросили они мою мать.

- Мне керосин и самой нужен,- спокойно ответила мать.

Похоже, что такой ответ убедил их окончательно, но все равно, уходя, они пригрозили:

- Если это повторится, мы его не пощадим.

Только на следующий день я узнал причину их гнева. Оказывается, Калхан пошел кормить коня. Надел ему на морду ковровую торбу с овсом и отправился поиграть в альчики. Надеть-то надел, а снять забыл. Конь доел овес и решил избавиться от торбы. Он опустил голову вниз и стал рвать ковровую торбу копытом. Скоро от нее одна мочалка осталась. Когда отец Калхана вышел во двор, он увидел, во что превратилась хорошая новая торба, и конечно же пришел в ярость...

Турганбек учудил и того хуже. Его мать подоила корову, которая отелилась три дня тому назад. Подоила и, подпустив теленка, велела сыну следить за ним, а как наестся, привязать. Турганбек же, услышав, что ребята собрались играть, забыл обо всем. А его мать забежала на минутку к соседке, да и засиделась. Когда по пути домой она заглянула в хлев, теленка там не было. Он выбежал на улицу. Найти-то его нашли, но новорожденный телок продрог на холоде и сразу, как назло, умер...

Отец Оразымбета сказал сыну: «Зимняя вода полезна нолу. Пусти воду на поле, а потом не забудь закрыть». Перед их домом протекал полноводный арык. Оразымбет открыл русло арыка... А вот закрыть его вовремя Оразымбету было некогда, он в этот час резался с нами в альчики. Вода затопила не только огород, но вскоре начала затекать и в дом. Тогда-то взбешенный отец и бросился отыскивать непутевого сына...

Сегодня все это кажется забавным. Но в то время потерять теленка или даже хотя бы лишиться новой торбы - большой убыток в хозяйстве. Но и приятелей моих грех винить, ведь мы, аульная ребятня, работали наравне со взрослыми. Плюс к тому еще и учились. А детство есть детство. Хоть война, хоть голод и холод, а оно свое берет. Поиграть тоже надо. Из всех утех детства у нас были лишь альчики. И какой же аульный мальчишка мог устоять перед соблазном сразиться в них?

⁴³[43] Уважительное обращение к замужней женщине.

Кажется, нет в этом мире такой тяготы, такой беды, к которой человек не мог бы привыкнуть, притерпеться.

Шла война, и каждый месяц новые люди отправлялись на фронт, а оттуда, с далекого северо-запада, из-за огневой черты, возвращались немногие, возвращались единицы, да и те - инвалиды, калеки, уже не пригодные к труду. Но планы сдачи хлопка, пшеницы, мяса в колхозе не снижались. Жизнь стала еще тяжелее, хотя если взглянуть со стороны, то все вроде бы шло нормально. До поры до времени...

«К одной болезни другая липнет», - говорят медики.

«Беды, как и радости, парами ходят», - говорят аксакалы.

Словно мало нам было войны, смертей, увечий, разрухи и голодухи, так вдобавок ко всему летом 1942 года река Джейхун - бешеная Аму - вырвалась из векового русла и затопила северный берег.

Как только из райцентра пришло сообщение о наводнении, все в ауле очень огорчились. Но что толку попусту печалиться, что проку от кручины? Надо дело делать.

Председатель колхоза созвал стариков да ребятню вроде меня и велел нам собираться, чтобы завтра утром отправиться на строительство дамбы. Не велика рабсила, не моища, по и председателя понять можно. Трудоспособных мужчин он отправлять на дамбу не вправе. У него ведь план, за который он головой отвечает.

Кратчайшая дорога до Амударьи была уже затоплена. Идти пришлось кружным путем. Даже заночевали в одном из встречных аулов. И лишь к середине следующего дня добрались до места, уже порядком уставшие, хоть еще и не приступали к работе.

Берег Аму буквально кишел людьми, как разоренный муравейник. Казалось, и двух метров нельзя пройти, чтобы трижды не столкнуться со встречными-поперечными. Все сновали, суетились, бегали, и тысячи маршрутов сливались в какое-то хаотичное, путапое-перепутаное движение.

Большинство береговых рабочих были как и мы - старцы да ребятня. Изредка встречались и женщины.

Нам указали место на вершине небольшого полуострова, чтобы расположиться. Шириной он был метров двенадцать-тринадцать. Справа бурлящая вода. Слева - тоже. Лишь сзади узкий, как коридор, выход на берег. Страшновато: стоит реке чуть поднапрячься, поднатужиться - и в единый миг снесет она наше пристанище.

На отведенном пятачке мы сложили свои пожитки и припасы. Мой дедушка остался сторожить их. А все остальные уселись на баржу. Баржа медленно по широкой дуге поплыла поперек стремительного течения к другому берегу. С баржи нас высадили прямо в воду около какого-то полузатопленного леса. Казалось, что и вода и лес тянутся бесконечно, и от этого становилось жутко.

Десятки людей, стоя в воде по пояс, а то и по грудь, рубили молодые деревья. Старики, приехавшие с нами, тоже взяли свои топоры и принялись рубить подлесок и молодняк. А мы собирали сваленные стволы и ветви. Собирали и сплавляли их к барже. Потом втаскивали да борт. Как только баржа наполнялась, маленький пароходик тащил ее на противоположный берег, где река прорвала дамбу. Вроде бы образовывался перерыв, но присесть было некуда, а отдыхать, стоя в воде по шею, - удовольствие невеликое. Поэтому все продолжали работать. Когда беспрестанно движешься, все теплее. И так до вечера, до захода солнца. Потом на той же барже, до нитки промокшие, мы возвратились на свой полуостров, где дедушка сторожил наши вещи.

Дедушка уже вскипятит чай и приготовил кое-какую еду. Расстелил одеяла, прихваченные из дома. Наскоро поев-попив, переодевшись и обсохнув, мы тут же вповалку заснули. С непривычки устали страшно.

С рассветом нас разбудил гудок пароходика. Пароходик был крошечный, а гудок у него громкий, басовитый, хриплый. Не проснуться от такого трубного рева было невозможно. Мертвый и то встанет.

Проснувшись, с удивлением заметили, что вокруг нас скользкими веревками лежат убитые змеи. Оказывается, дедушка всю ночь бил их палкой. Наводнение сгрудило в кучу не только людей, но и всякую степную живность. Змей, ящериц, лягушек было полным-полно. Ночами они тянулись к людям, к теплу, к костру. Вот дедушка и хранил наш покой от них.

Наспех позавтракали. Есть почему-то не хотелось. Прихватили с собой немного хлеба, чтобы пожевать по дороге. И началась та же работа, что и вчера. Опять старики валили лес, мы подтягивали его к барже и грузили на борт. Пароходик сновал от берега к берегу. И опять с утра до заката. Потом - домой на полуостров. Ужин - хлеб с чаем. И спать.

И так каждый день...

Все эти дни (я даже не помню, сколько их было) слились в один бесконечный, непрерывный, однообразный день. Ночей словно и не существовало. Только сомкнешь веки - уже гудок парохода.

Мне в это время не вспоминались наставления, что, мол, поэт должен изучать жизнь. Я ее не изучал, я ею жил. Она была тяжелой, суровой, изматывающе однообразной, и слагать стихи про нее не хотелось. Да и некогда слагать-то. Тут бы лишь до постели добраться.

Однажды с баржей, вернувшейся с того берега, прибыл дедушка. Он еще издали стал махать мне рукой. Приглядевшись, я увидел, что в руке у него конверт.

Тулук, это тебе, внучек. Его принес из аула человек, который привозит нам еду. Ну-ка, читай. Может, что важное.

Я бросил через борт охапку ветвей. Мокрые руки тщательно вытер о волосы и бережно взял конверт. Взглянул на адрес: письмо из редакции.

- Это из «Кызыл Каракалпакстан», - объяснил я дедушке.

Конверт был пухлый. «Может, напечатали мое стихотворение и решили порадовать меня, прислав номер газеты?» - эта мысль была первой. Но, наученный горьким опытом, я сам не верил в такую счастливую возможность. Не верил, но все же надеялся. А вдруг...

Открыл конверт. Вынул письмо.

Письмо из редакции. «Уважаемый Тулупберген Каипбергенов! Мы получаем все, что Вы адресуете нам. Но пока среди Ваших стихов не нашли ни одного пригодного для публикации в нашей газете. Поэтому мы нашли уместным пересказать Вам от имени редакции одну притчу.

Прочтите ее внимательно. Перечитайте снова и снова.

«Жил-был на свете некий отъявленный вор. Но вот однажды он решил покончить раз и навсегда со своим презренным промыслом и дал сам себе страшную клятву: «Пусть лопнут мои глаза, если они еще хоть раз позарятся на чужое добро. Пусть отсохнет моя рука, если она еще хоть раз потянется к чужому добру!»

После этого прошло некоторое время, и вот расхаживает он как-то по базару и видит, что из кармана какого-то растяпы торчит десятирублевая бумажка. Смотрит бывший пор па эти деньги и чувствует, что соблазн одолевает его. Взять нельзя, поскольку поклялся больше не красть. Но и не взять нельзя, ведь сама в руки просится. Дважды подходил он к тому раззяве и дважды сдерживал себя. Приблизился в третий раз и видит, что бумажка высунулась еще

больше, того гляди, совсем вывалится. Тут размахнулся бывший вор да как стукнет разиню по уху. Тот аж свалился. Потом вскочил и накинулся на бывшего вора: «За что ты бьешь меня?» А вор отвечает; «Если ты не подлец, то прячь подальше свои деньги и но вводи людей во грех. Из-за тебя я чуть было не нарушил клятву. Чуть было не стал калекой - чуть было не лопнули мои глаза и чуть не отсохла моя рука».

Уважаемый Тулепберген Каипбергенов! Неужели Вы тоже нарушите какую-то клятву, если начнете заниматься не сочинением стихов, а чем-нибудь другим?

С приветом, сотрудники редакции «Кызыл Каракалпакстан».

Наверное, по моему виду дедушка догадался, какой ответ я получил из газеты. Он спрыгнул в воду, встал рядом со мной и, обняв меня за плечо, сказал:

- Пойдем, Тулек. Вон люди работают, а ты задержался. Это неудобно. Пойдем, я помогу тебе.

Вода была мне по грудь, а ему по пояс. Он подошел к одной женщине, взял у нее топор и принялся быстро и сноровисто рубить кустарник и молодняк. Дедушка был человеком крепким, жилистым и привычным ко всякой работе. Несмотря на свой возраст, он так быстро управлялся с рубкой, что мы вдвоем с той женщиной еле поспевали за ним. Мы оттаскивали стволы и охапки веток к барже, но срубленных веток вокруг дедушки становилось все больше.

Улучив минутку, я незаметно вынул из-за пазухи конверт, скомкал его и кинул в воду. По мутным илистым волнам он быстро поплыл, легкий, будто пена, и скоро скрылся из виду.

В этот день я работал с азартом и даже с каким-то остервенением. То ли письмо меня разозлило, то ли дедушка раззадорил своей сноровкой, а я стыдился отставать от него. Азарт не проходил и вечером. Хоть и умаялся за день как никогда, но, забравшись в постель, все же долго не мог заснуть. Все вспоминал и само письмо это злосчастное и ехидную притчу.

Притча, рассказанная моим дедушкой. Однажды прародитель человеческий Адам-ата ехал со своими сыновьями, и выехали они на берег большой быстротечной реки. Решили переправиться на другой

берег и поискать брода. Но тут один из сыновей Адама, не дожидаясь остальных, кинулся в воду. Потонул бедняга в тот же миг. Только черная шапка поплыла по волнам.

Адам-ата поглядел па то место, погрустил, попечалился и говорит:

- Если остались потомки у этого торопыги утопленника, то приведите их сюда и расселите по берегам этой реки.

А рекой той была наша Аму. Вот так-то, внучек мой дорогой...

...Я понял, что дедушка заметил, как я выбросил конверт, но решил сказать все, что он думает о моем поступке не прямо, а при помощи притчи. Засыпая, я думал, что если каждый станет бросать в Аму все, что ему мешает, если каждый станет топить в реке свои беды, тревоги, горести и боли, то река скоро обмелеет и вообще пересохнет.

Из советов моей матери. «Если верблюдица схватит зубами верблюжонка и потянет к себе, значит, она его любит».

«Если человек ударит правдой, как плетью, другого человека, значит, он его любит».

Из советов моего отца. «Холодный дом или теплый - это выяснится только зимой».

«Не стоит пререкаться с тем, кто заметил твою ошибку и сказал тебе об этом. Лучше не его бранить, а самому исправиться».

6

Амударья - самая непредсказуемая, самая сумасшедшая река мира. Предугадать ее выходки невозможно. Борьба с ними невероятно трудно, а порой и бесполезно. Бесполезными оказались и наши старания в 1942 году. Все труды, все муки, все загубленные деревья - все даром. Река прорвала дамбы и затопила десятки аулов. В том числе и наш.

В августе 1942 года аул наш перекочевал на другое место. Примерно километров на пятнадцать севернее. И обосновался на берегу канала Абат Жармыс. Все ноля, уже почти готовые к уборке, все огороды и бахчи, все сады остались под водой. Я не говорю уже о тысячах мелочей, так необходимых в каждом хозяйстве, в сметке эвакуации многое было забыто или брошено. Началась жизнь голодная и бесприютная. Школы конечно же не было. Не нашлось даже мало-мальски пригодного помещения, где мы могли бы заниматься. Всех, кто должен был заниматься в средних классах (от пятого и выше), обязали

ходить по домам и учить малышей, то есть ребят, которые должны были бы ходить в классы с первого по четвертый. Мы превратились в учителей-надомников, в приходящих педагогов.

Так прошла почти вся зима.

В феврале 1943 года аул вновь был переселен. Теперь уже на берег старого русла канала Шортанбай. Место голое и совсем пустынное. Первые два-три дня каждая семья рыла себе землянку. Большого времени для обустройства не дали, потому что все, включая малышей-несмышленишек, стариков, больных и инвалидов,- словом, все срочно должны были приступить к расчистке земель под новые посеы.

Но и этим делом могла заниматься только половина аульчан. Другая половина - можно сказать сильнейшая, поскольку сюда отбирались люди покрепче и поздоровее,- отправлялась рыть новый канал, чтобы с расстояния в двадцать километров подвести воду на будущие поля.

Только тогда я понял, почему пятерых-шестерых мужчин, ровесников моего отца (отец с 1908 года рождения), не призвали в армию и не взяли на фронт. Они были физически сильны. Они были единственной силой, опираясь на которую горстка стариков, женщин и подростков могла хоть что-то сделать.

Этих мужчин, в том числе и моего отца, и отправили на рытье канала. С ними пошли и мы - аульная ребятня в возрасте от семи до семнадцати лет. Двадцатикилометровый канал предстояло копать вручную кетменями, кирками, лопатами.

Амударья затопила не только наш аул. Владения многих колхозов оказались под водой, и от них тоже пришли люди на рытье канала. Но в основном все старые да малые. Полноценных работников, как и у нас, было раз, два и обчелся. И все-таки за два месяца - ровно к началу посевной - весной 1943 года был проложен двадцатикилометровый канал, который и сегодня снабжает водой несколько крупных совхозов на севере Каракалпакии.

На прокладке этого канала и мы с отцом отработали полтора месяца.

В устье канала был весьма гостеприимный аул, где охотно давали пристанище всем землекопам. Но наши аульчане решили не разбиваться, не расходиться по чужим домам, а держаться вместе. Для этого они присмотрели старую конюшню. Залатали дыры в стенах, кровле и в полу, почистили ее, привели в порядок и оборудовали под

ночлег. Получилось очень даже неплохо, а главное, все свои в сборе. Жили одной дружной семьей. Не помню, чтобы хоть раз вспыхнула какая-то ссора. Делить, что ли, нечего было? Или общая работа сдружила? В общем, как бы там ни было, а жаловаться грех. Взрослые заботились о нас и часто успокаивали:

- Не тужите, ребята, что от учебы оторвались. Еще успеете наверстать.

Мы в свою очередь тоже жалели их:

- Мало того что с восхода до заката вы орудуете лопатами, так еще в обед, перед завтраком и после ужина вас заставляют маршировать.

А маршировать их и впрямь заставляли регулярно: война - строевая подготовка считалась одной из непреложных обязанностей.

Вечерами в нашей спальне-конюшне воздух становился тяжелым и спертым, потому что, несмотря на все чистки и приборки, лошадиный запах из помещения еще выветриться не успел, а к нему уже добавился запах потных мужских тел, носков и прелых портянок, да и кормили нас не деликатесами. Как правило, после ужина все торопились побыстрее лечь спать, пока еще крепкий дух не сгустился. Но быстро заснуть редко кому удавалось. Начинались разговоры, рассказы, воспоминания о страшных либо курьезных случаях. Вспоминались сказки, легенды, притчи. Слышались загадки. Читались письма с фронта. Гораздо позже я понял, что взрослые оберегали нас - мальчишек, и все, что фронтовики писали об ужасах войны, нам не передавалось. Впрочем, и сами солдаты об ужасах старались не сообщать родичам, не тревожить их. Разговоры продолжались и после того, как гасла единственная на весь барак керосиновая лампа. Кто хотел - спал. Кто хотел - слушал или сам говорил вполголоса. Иногда вспыхивали споры по какому-нибудь поводу, тогда голоса крепили, а слова крепчали, и порой кто-либо из разбуженных неурочной дискуссией начинал выражать неудовольствие. Но его быстро осаживали:

- Если заснуть не можешь, выйди во двор, проветришь, никто тебя тут не держит. Не можешь школу открыть для этих ребят - так молчи!

Оказывается, разговоры они заводили для нас. Это все та же устная народная педагогика.

Ответы- вопросы перед сном:

- Что дешевле всего, если в избытке? - Вода.

- Что дороже всего, если в недостатке?

- Вода.

- Верно.

- Эй, Каипберген, не стесняйся своего сына и скажи-ка честно, какой цветок подарил ты в первый раз своей супруге Гулхан?

Отец несколько помедлил и ответил:

- Цветок хлопка. Кто-то рассмеялся:

- Другого не нашел?

- А я и не искал другого,- сказал отец.- И зря смеетесь, джигиты. Мне нравится цветок хлопка. Он красив - это раз. А во-вторых, не забудьте, что хлопок превращается не только в одежду. Сейчас он превращается и в порох для наших солдат. И если у нас все же хватит сил вырыть этот канал, то вода в первую очередь пойдет на хлопчатник. Вот так-то...

Вопрос к парням:

- Слышите, джигиты? Если б один из вас вдруг поутру проснулся богом, что бы он сделал первым делом?

- Я бы тут же велел привязать этого распроклятого Гитлера за ноги и повесить вниз головой.

- Я тоже.

- И я.

- А я бы, став богом, спросил у бывшего бога - Аллаха, почему он создал мир таким жестоким и несправедливым. Почему люди должны страдать, мучиться, болеть, умирать?

- Ладно, джигиты, оставим бога в покое. Скажите лучше, если б вы были поэтами, какие бы написали стихи?

- Я б написал стих «Смерть Гитлеру».

- А я -«Строители канала»- это про всех нас.

- Я написал бы о матери.

- Я про школу.

- А я написал бы стихотворение «Все вы болтуны»...

В темноте раздалось несколько тихих смешков.

- Ну а сами вы о чем бы написали?- спросил решительный мальчишеский голос, обращаясь к тому, кто задал этот вопрос.

- Я бы написал стихи о женщинах.

- Это почему?

- С какой стати?- зазвучали недоуменные детские голоса.

- А с такой стати, что без женщин и вас бы, обормотов, на свете не было. Да и вообще...- говоривший оборвал фразу и замолк.

Все в бараке тоже замолчали. Каждый подумал о своем. Кто-то глубоко и тихо вздохнул.

- Кто сможет назвать два человеческих органа, которые более других украшают человека?

- Я могу.

- Ну, назови.

- Это язык и сердце.

- Ладно. Тогда назови два органа, которые более других безобразят человека.

- Пожалуйста. Это язык и сердце.

- Верно.

- Чьи нравы и обычаи самые лучшие? Что за вопрос? Наши, конечно.

- Каждому человеку нравы его народа кажутся наилучшими...

- Что, и немцам тоже?

- А как же...

- Э, нет, ты это брось.

- А чего бросать. Не бывает страны, которая считала бы себя неправой, даже если она сама виновата. Нет человека, который желал бы поражения своим.

- Бывает. Если в стране злой правитель, то вся страна должна мечтать о его поражении и гибели. Да я уверен, что все города и аулы в Германии ждут не дождутся, когда их проклятый Гитлер сдохнет, а его поганая армия потерпит поражение. Скажешь, нет?

- Бросьте спорить. Послушайте лучше, как один упрямый землекоп из каракалпаков показался хану самым мудрым человеком в мире. Знаете такую сказку?

Нет. Рассказывай.

Рассказывай, рассказывай. Не бойся, не заснем, если сказка интересная.

- Ну так слушайте. Давно это было. Еще до революции. Тогда рыли канал Ханжап⁴⁴[44]. И вот сам хан приехал к землекопам, чтобы, значит, воодушевить их своим присутствием. Приехал и приказал сперва накормить всех досыта, а потом выстроить перед ним.

Ну, построились, значит, землекопы, а он им и говорит:

«Сейчас мы проведем такое состязание в мудрости. Я буду без слов, одними знаками, задавать вопросы. А вы так же без слов, одними знаками, отвечать мне. Кто лучше меня поймет и лучше ответит, тому награда - пять тилля⁴⁵[45]».

Землекопы все враз молча кивнули.

Тогда хан ткнул вверх указательным пальцем.

Все задумались. Но тут выступил вперед один упрямый каракалпак. Не будь он упрямец, едва ли стал бы тягаться с ханом. Так вот, этот каракалпак ткнул в небо двумя пальцами.

Поглядел хан на землекопа. Подумал и коснулся пальцем своего виска.

А каракалпак ткнул пальцем себе в живот.

Опять задумался хан и показал землекопу раскрытую ладонь.

А тот в ответ показал сжатый кулак.

Тут хан засмеялся и говорит:

«Ну, стервец, ну, сорвиголова! Ты самый мудрый в мире после меня. И за это как только вернись во дворец, так сразу вышлю тебе обещанную награду».

Сказал так и поехал восвояси.

Ханская свита ничего не поняла и спрашивает:

«Великий повелитель, что сказали вы тому землекопу и что он вам ответил?»

А хан говорит своим приближенным:

«Он и впрямь большой мудрец. Он все верно понял и на все точно ответил. Когда я поднял палец вверх, это означало вопрос: «Есть ли в мире кто мудрее бога единственного?» На это он поднял два пальца, что означало: «В мире два мудреца - бог и ты, великий хан». Коснувшись пальцем своего виска, я спросил: «Вся ли мудрость в голове?» - а он, указав на свой живот, добавил: «Без еды умен не будешь, мудр тот, кто сыт». Показав ему открытую ладонь и пять разжатых

⁴⁴[44] Ханский канал.

⁴⁵[45] Золотая монета.

пальцев, я спросил: «Так что, отдать тебе пять тилля?»- а он, показав кулак, ответил: «Нет, здесь много рукастых завистников, и пока я не сожму монеты в кулаке, они не мои, так что лучше передайте награду незаметно».

Вот какой мудрый человек этот каракалпак-землекоп.

Ну а приятели землекопа тоже, конечно, окружили его и требуют разъяснений, хотят знать, о чем он поговорил с ханом. Наш каракалпак - грудь наперед, вид важный, объясняет приятелям:

«Хан, значит, пальцем - тык, то есть говорит: «А что, если я тебе глаз выколю?» А я ему двумя пальцами - тык, что значит: «Да я тебе оба выколю». Тогда он пальцем к голове. Этим хочет сказать: «А что, если сейчас прикажу снять с тебя голову?» А я ему на живот показываю. «Не успеешь,- говорю,- я тебе вот этой киркой пузо раньше распорю». Ну тут он осерчал и ладонь мне показывает, мол: «Пощечину хочешь схлопотать?»- а я ему кулак кажу: «А это видел? Как трахну, так и дух из тебя вон». Тут он испугался и откупился от меня пятью тилля».

Все рассмеялись, а мой отец сказал:

- Вот уж точно как в поговорке: «Каждому слепцу его посох - опора мира».

- Если б миром правила правда, кого бы она приняла на работу в первую очередь?

- Пока ты дождешься эту правду, подхалимы и пройдохи все должности займут...

- А если нормальный человек вдруг становится хвастуном и болтуном, то что это значит?

- Значит не иначе как разбогател или клад нашел...

- Когда дурак на умного похож?

- Когда молчит.

- Вот и давайте помолчим и заснем...

- На какой вопрос нельзя честно ответить «да»?

- На вопрос: «Ты спишь?»

- Давайте спать, говорю, пора уже...

Разговоры перед сном:

- Всякий человек - с образованием он или нет - должен следить, чтоб слова его были чистыми. Так же, как следит за чистотой лица. Грязное слово, оно ведь не только других, оно и хозяина пачкает...

- Дурное слово что рваная деньга: кому ее ни сунешь, всяк обратно вернуть норовит...

- Это точно. Если слово с колючкой, то оно и тебя оцарапает, если слово как тенистое дерево, то пустит и тебя под свою тень, если слово - яд, то и сам отравишься, а если слово - мед, то и тебя усладит...

- Так-то оно так, но не стоит забывать поговорку: «Теплая речь и змею приманивает»...

- В любом языке есть два слова, которые, когда их произносят, заставляют людей подняться с места. Это слова-«мать» и «учитель».

- А знает ли кто-нибудь такое слово, чтоб оно было только в одном языке?

- Конечно. Это наше «ауа» . Наверняка нигде такого нет. Оно не только выражает знак согласия, оно еще показывает, что говорящий - каракалпак.

- Вот уж необязательно. Слово простое. Его каждый гость быстро запоминает и легко произносит где угодно, хоть у себя дома...

- Что вы все о словах да о словах. Иногда знаки препинания значат больше слов. Вот учитель нам рассказывал, что французский писатель Виктор Гюго написал роман и отправил его в издательство, а вместе с романом направил и письмо, в котором только знак вопроса и стоял. А издатель прислал ему ответное письмо - с восклицательным знаком. Туда -«?», обратно - «!».

- Вот что значит хорошее знание грамматики...

- Не говорите при мне об этой грамматике. Тоже мне, выдумали науку. Одно издевательство, а не наука. Я из-за нее ликбез бросил.

- Как это?

- А так. Проходили мы в ликбезе буквы. Все шло хорошо. Научились уже из букв слова составлять. Чего ж еще? Но нет. Является однажды учитель и говорит: «Сейчас я напишу на доске предложение. Я вам объясню, что такое подлежащее и сказуемое, и мы начнем изучать грамматику». Подходит он, значит, к доске и во всю доску пишет мелом: «Айтжан женился» . У меня аж глаза на лоб полезли. Я вскакиваю и кричу: «Это ложь. Я еще холостой!» А он говорит: «Не волнуйтесь. Это я не про вас. Это я просто для примера, чтобы показать вам основы грамматики». Ну я, конечно, не унимаюсь. «Какой же это пример?-

говорю.- И вовсе это не пример, а поклеп. Вам-то хорошо. А что я скажу своей невесте? Что люди обо мне станут думать? Вы хоть и учитель, а не имеете права. И если не сотрете это клеветническое заявление, то я на вас в суд подам».

Ну, стер он. А сам улыбается и говорит: «Тогда напишем другое предложение: «Айтжан не понял».

Ну как вам это нравится? Я же, выходит, и виноват. Разгорячился, конечно, и - опять на него. «Что,- говорю,- это значит? Почему это я «не понял»? Что я, глупее других, что ли? Вы что, хотите сказать,--что я безмозглый? А ну, стирайте это злостное оскорбление!»

Он говорит: «Извините. Я не хотел вас обидеть». Стер, конечно. Потом думал-думал и надумал. Подошел к доске и написал: «Собака залаяла».

Тут уж я вовсе из себя вышел. Меня оболгали, так меня же еще и собакой обзывают. «Пошли, ребята, отсюда,- говорю,- не нужна нам такая обидная наука. А по-каракалпакски мы и без всякой там грамматики говорить умеем».

В ликбезе нас человек двадцать было. Пятеро встали и пошли за мной. Из тех пятерых сейчас тут со мной - вон они лежат - Сеилхан, Каипберген, Сапарнияз и Ернияз. И ничего, не пропали без грамматики. Все живы. Верно я говорю?

- Верно, - ответил кто-то, давась хохотом под одеялом.

- Эх, Айтжан,- вздохнул Сапарнияз,- может, из-за грамматики этой нас и в армию не взяли? Кабы не пошел я тогда за тобой, то сегодня уже сумел бы написать письмо домой или односельчанам на фронт. А так...- И он умолк.

- Пятым тогда был Отемис. С тех нор как ушел на войну, так ни разу и не написал домой. Думали уже, что погиб. А недавно прислал письмецо. Оказывается, ранен был. В госпитале лежал. Там сдружился с одним узбеком. Тот добрым малым оказался. Он-то и писал письмо за Отемиса. О себе Отемис сообщает мало, всего две строчки. А так все твердит: «Учитесь, аульчане. Учитесь. Без грамоты мы не только в армии, мы самому Аллаху не нужны. Учитесь сами и учите детей своих». Детей, бог даст, еще и выучим, а самим-то уж куда... Поздно уже. Да и некогда. Кто вместо нас лопатами махать станет?

- Конечно, мы необразованные. И работа у нас тяжелая. Да и вся жизнь, если вспомнить, нелегкой была. Сколько перевидели, сколько перетерпели. Может, мы и Аллаху не нужны, но нужны своим детям и

внукам будущим. И власть Советская всем нам, всему нашему поколению, которое пережило революцию, коллективизацию и теперь вот войну переживает, всем нам великий памятник соорудила. Памятник этот - фамилии. Не было прежде у каракалпаков фамилий. А теперь есть. И фамилии те из наших имен образованы. Вон, посмотрите на Тулепбергена. Рядом с ним его отец Каипберген. А у Тулепбергена фамилия Каипбергенов. И дети его будут носить ту же фамилию. И внуки. И правнуки. И отныне весь их род будет Каипбергеновы. А мой род - Сеилхановы. А твой - Ерниязовы. Это для нас великая честь. Такой чести ни деды наши, ни прадеды не удостаивались, хоть и были они не хуже нас. Так что надо нам, хоть мы и безграмотные, блюсти себя. А то как бы потом правнуки не сказали: «Не хотим носить фамилию, происходящую от имени человека, который имя свое опозорил...»

- А я бы вообще отменил не только фамилии, но и собственные имена. Когда тебя называют по имени, если к тому же имя редкое, то чувствуешь не только гордость, но и одиночество...

- Да брось ты. Одиночество чувствуешь, когда живешь отдельно от людей и когда тебя никто не окликает по имени...

Легенды, рассказанные перед сном.

Однажды старый хан, имевший множество сыновей, решил испытать их, чтобы знать, кому из детей трон оставить.

Испытать их он решил властью. Дал каждому из сыновей месяц поханствовать.

Все сыновья ханствовали нормально, а один как только сел на трон, так враз аппетита лишился. День терпел, другой терпел, а на третий пошел к отцу и говорит:

Не могу больше без еды. И еду принимать не могу. Нужно мне лекарство.

Отец ему отвечает:

Ты - хан. А хан не должен ни у кого ничего просить. Вот и ищи себе сам лекарство.

Сын подумал-подумал и решил расспросить соседей. Для этого отправился в соседнее ханство.

По пути встречает он своего приятеля детства. Тот стал землекопом и роет арык. Подъезжает хан к нему. Поздоровался землекоп и спрашивает на правах старого приятеля:

- Куда путь держишь, наш нынешний правитель? Хан объясняет ему. Мол, так и так, с тех пор как сел

на трон, так и аппетита лишился. А теперь, мол, еду поискать какого-нибудь лекарства.

- Есть у меня такое лекарство,- говорит землекоп.

- Ну, если есть,- говорит хан,- так зачем же мне ехать в чужие края и чужим людям кланяться? Давай твое лекарство, и дело с концом, а на вознаграждение я не поскуплюсь.

- Есть-то оно есть,- отвечает землекоп,- да только не здесь, а дома. А домой бежать я сейчас не могу. Нужно арык прорыть, подходит время сева. Не посеешь вовремя, не польешь к сроку, без урожая останешься. А если останусь без урожая, то мне никакая твоя награда не поможет.

- Вот что,- говорит ему хан.- Ты беги домой и неси сюда свое лекарство, а я, уж так и быть, тем временем покопаю за тебя.

Берет хан лопату и ну ею махать! Землекоп постоял чуток, посмотрел. Вроде бы у бывшего приятеля ладно получается. Арык он, похоже, и впрямь выкопать сможет, хоть, конечно, и мозоли натрет с непривычки. Это уж точно. Прикинул так землекоп и пошел к дому. А хан до вечера все копал и копал, только пот со лба вытирал.

К закату возвращается и землекоп.

- Ну, где твое лекарство?

- А я его дома оставил. Не знаю, сколько тебе надо. Пойдем ко мне, сам возьмешь сколько требуется.

Приходят они в хибарку землекопа. А его жена к ужину наготовила просяной каши. Хоть и без масла, но зато целое блюдо. Каша еще не остыла, парком исходит.

Видит это хан и говорит:

- Дай-ка я поем перед лечением. Угостите меня, пожалуйста, этой кашей.

Жена землекопа пододвинула к нему блюдо, и хан с устатку да в охотку все блюдо и умял. Кет да похваливает:

- Ах, как вкусно. В жизни такого не едал! Насытился, поблагодарил хозяев и говорит:

- Ну, давай лекарство, мне во дворец пора. Землекоп вышел во двор, принес лопату и протянул хану:

- На. Вот твое лекарство.

Только тут хан все понял. Вернулся и заявил отцу, что не желает сидеть на престоле.

Вот этот молодой ханский сын, отказавшийся от престола, и был нашим предком. Так говорят, по крайней мере...

Еще. Знаменитый охотник Мерген, чьи угодья простирались по всему свету, собрал как-то детей своих и решил обучить их искусству стрельбы.

Прежде чем обучать детей, захотел он показать им свое мастерство. Поднял лук, натянул тетиву, прицелился в маленького воробьишку, который сидел на самой верхней ветке самого дальнего дерева, и выстрелил.

Но стрела не попала в цель. А воробьишка па глазах у всех вспорхнул и улетел невредимый.

Мерген помрачнел, отвернулся и замолчал. И сыновья его стояли молча.

Тут приблизился к Мергену сын по имени Каракалпак и говорит:

- Спасибо, отец!

Обернулся Мерген, зло глянул на сына и спрашивает:

Ты что, глумишься? За что благодаришь, если сам видел, как я промахнулся?

- Я за то благодарю вас, отец, что вы пощадили маленькую беззащитную птичку.

Говорят, что все мы происходим от того сына охотника Мергена.

И еще. Однажды жестокий Чингисхан невзлюбил одного молодого батыра. Он и рад бы его казнить, да боялся. Потому что сам батыр был силен и смел. И друзья у него были тоже не слабыми.

И тогда задумал Чингисхан хитрость. Вызвал он к себе того батыра и говорит:

- Привези мне десятилетнего козленка, двадцатилетнего волка, тридцатилетнего тигра, сорокалетнего шакала, пятидесятилетнюю лису и шестидесятилетнего индюка. Привезешь - награжу тебя. Не привезешь - пеняй на себя, велю снять голову с плеч.

Батыр был молод и удал. объездил он все степи, все леса и горы, но нигде таких зверей не нашел. Понял он, что смерть близко. Загрустил. Назад едет медленно, понуро.

Так добрался он до берега реки Аму. И тут повстречал на берегу девушку, она набирала черпаком воду в кувшин. Он подъехал к ней и попросил дать ему напиться.

Девушка протянула батыру полный черпак воды и видит, что он не в себе от горя: лицо посерело, плечи ссутулились, голова поникла. Ясное дело - кручинится человек. Она и спросила, о чем это он кручинится.

Батыр все ей рассказал.

Она ему говорит:

Каждому известно, что ни один из этих зверей не сможет прожить столько. И Чингисхану это, конечно, тоже известно. А раз так, то, значит, он просто искал предлог, чтобы тебя казнить. Но он просчитался. Приведи к нему человека. Потому что в десять лет человек резвится, как козленок, в двадцать - он быстр и неутомим, как волк, в тридцать - силен и храбр, будто тигр, а в сорок, как шакал, он подъедает то, что добыл тигр, то есть пользуется теми победами, которые сам одержал, будучи тридцатилетним, в пятьдесят начинает походить на лису, становится хитрым и осторожным, а в шестьдесят часто уподобляется напыщенному индюку.

Батыр обрадовался такому совету и поспешил домой, Пospешил смело, потому что был уверен, что теперь ему нечего бояться.

Выслушал Чингисхан батыра и спрашивает: Кто это тебя надоумил дать такой ответ?

Батыр объяснил все как было.

Почернел Чингисхан. Глаза загорелись красным огнем. Тут же послал он своих всадников к берегам реки Аму и приказал им истребить всех девушек в том краю.

С тех пор девушки с берегов Аму стали боязливы. Ни одна из них не решится не то что говорить с проезжим парнем, но даже взглянуть на него. Так и до сего дня.

Письма с фронта, прочитанные перед сном. ...Мама! Не бойся за меня. Меня никакая пуля не настигнет. Я же занимался физкультурой. Помнишь? А это знаешь как помогает!

Ночью фрицы палят трассирующими. Это такие пули, они, как угли, красные. Их далеко видно. Я как завидую пулю, так присяду, или подпрыгну, или перекувырнусь. И она мимо свистит. Вот так.

Мама, помнишь, ты хотела сосватать мне дочку нашего соседа - Гулипу. Я тогда еще глупый был, сомневался и робел. А теперь, прошу тебя, мама, покажи Гулипе это мое письмо. Сам я ей написать не решаюсь. А ты покажи. И если она захочет, пусть мне напишет. Пусть она тоже не боится, будто со мной что-нибудь случится. Ничего не случится. И если все будет хорошо, то, когда вернусь, устроим свадьбу. А ты, мама, покуда я тут воюю, договорись с се родителями...

...Дорогая моя Айша! Все-то ты тревожишься обо мне, все-то за меня переживаешь. Ты как моя мама. Помню, в детстве пойду гулять, так она обязательно сунет мне кусочек лепешки: «На, сынок, поешь, когда проголодаешься...» А теперь ты, как мама, все спрашиваешь: «Не похудел ли?»

Нет, не похудел. Не беспокойся. Я даже растолстел. Вот честное слово. Тут у нас теперь новый командир полка. Он вчера только прибыл. Всех нас построил и спрашивает: «Есть ли жалобы? Пишут ли из дома? Как с питанием?» А когда мимо меня проходил, даже специально остановился и сказал: «Ну, солдат, вижу, что на аппетит ты не жалуешься. Откуда, богатырь?» «Из Каракалпакии», - отвечаю. «Молодец,- говорит,- смотри у меня, чтобы не смел худеть, пока я командую полком».

Я обязан подчиняться своему командиру, а потому худеть никак не имею права. Так что и ты по этому поводу напрасно не волнуйся.

Ты сама у меня, дорогая моя Айша, пожалуйста, кушай как следует и не болей. Если нужно, продай что-нибудь. Не беспокойся, когда вернусь, новое наживем. Только бы ты берегла себя...

...Дорогие папа и мама. Я нишу вам это письмо на третий день своего заслуженного трехдневного отпуска. Три дня я спал в офицерском блиндаже. И даже койка моя стояла рядом с койкой нашего полковника. Я спал и ел с наслаждением. А ел я тоже вместе с полковником. Что ему подадут, то и мне. А когда полковник выходил из блиндажа по делам, то младшие офицеры при мне не смели и говорить меж собой и спрашивали у меня разрешения обратиться друг к другу.

Вы, конечно, хотите знать, за что вашему сыну такая честь и трехдневный отпуск? Хорошо, я объясню вам все по порядку и подробно.

Такой почет мне за то, что я взял в плен пятнадцать фрицев и не истратил при этом ни одного патрона. Да, целых пятнадцать, и ни штукой меньше.

Вот как это было. Ночью во время страшной вьюги нашу передовую атаквали фрицы. Было их несметное количество. И завязалась кровавая рукопашная схватка. Все было как в сказании «Алпамыс». Не успеешь свалить одного врага, а за ним уже другой. Повалишь другого - а там третий. И так бесконечно.

Дрались мы до утра и многих гадов уложили. А потом они дали деру. И я погнался за одним отрядом. Вдруг фрицы как провалились.

Когда я очень уж распаляюсь, то кровь приливает к глазам и глаза мои начинают хуже видеть. Так и в тот раз. Я остановился, перевел дух. Гляжу, прямо под ногами окоп. А в окопе жмутся фрицы.

Спрыгнул я в тот окоп, а там их - уйма. Не стану врать, сперва у меня аж в груди похолодело. Но виду не подаю.

«Где офицер?»- спрашиваю.

Им так понятнее, если скажешь не «офицер», а «офицер».

«Нет,- говорят,- его».

«А кто есть?»

«А есть,- говорят,- сержант».

Подхожу прямо к сержанту, он сидит, пригорюнился. И начал я проводить с ним агитационно-массовую работу. Пропагандировать я его начал. А сержант тот, оказывается, говорит по-русски, но плохо. Говорит он по-русски так же плохо, как и я, поэтому мы с ним друг друга легко поняли.

«Ты кто?»- спрашивает он меня.

«Я красноармеец!»- отвечаю.

«Вижу,- говорит,- что красноармеец, а из какой нации?»

«Каракалпак».

«Не знаю,- говорит,- никаких каракалпаков».

«Не может такого быть. В каждой стране есть хоть один каракалпак!»

«А у нас в Дойчляндии нету».

«Врешь,- говорю,- и в вашей Дойчляндии должны быть. Есть у вас люди трудолюбивые, скромные и мудрые?»

«А как же?- удивляется.- Конечно, есть».

«Вот,- говорю я ему,- они-то как раз и каракалпаки».

Он подумал, подумал и рассмеялся. А другие фрицы спрашивают своего сержанта, с чего это он так веселится? Он им пересказал наш разговор.

Тогда они и говорят: если, мол, он такой мудрый, то пусть скажет, где находится самый что ни на есть мировой центр, а то многие народы никак не могут этого решить и потому часто ссорятся до международных конфликтов.

«Хорошо,- говорю,- я вам отвечу. Только это по- вашему «мировой центр», а по-нашему -«пуп земли». Кому же еще и знать, где он находится, если не мне».

«Ну и где? В Германии? В Америке?»

«Нет,- отвечаю,- пуп земли находится в городе Нукусе».

«Что за город такой? Не знаем никакого Нукуса?»

«Вот видите,- говорю,- какие вы необразованные, а еще претендуете на то, чтобы считаться мировым центром. Нукус - это столица Каракалпакской Советской Автономной Республики»,

Тут они все разом загалдели и спрашивают;

«А с чего это ты такой образованный?»

«А с того, что наша Советская власть научила нас всех уму-разуму, а ваша фашистская власть ничему хорошему вас не научила. И напали вы на нас от зависти. Ведь от хорошей жизни никто не побежит воевать. А теперь мы всей страной поднялись против вас - захватчиков, и победа наверняка и вне сомнений будет за нами».

Тут они подумали, подумали, а потом и говорят:

«А ведь верно сказал этот каракалпак. И не хотим мы больше проливать свою и чужую кровь в этой несправедливой захватнической войне. Веди нас к своим. Если все они такие же образованные и мудрые, как ты, то бояться нам нечего».

Вот так без шума, без криков и выстрелов привел я в плен целых пятнадцать фрицев.

Так что, папа и мама, вы можете гордиться своим храбрым и смекалистым сыном...

Все эти загадки, легенды, рассказы, чтения солдатских писем, чаще шутивно-нежных, реже сурово-сдержанных, скрашивали нашу жизнь. Случалось, разговоры затягивались чуть ли не до утра. Но и в этом случае никто не жалел, что ночь оказалась бессонной, хоть утром снова отправляться на тяжелую и однообразную работу. А землеройная работа как раз такая и есть, тяжелая и однообразная, утомительная, отупляющая работа. Наваливай носилки. Таскай носилки. Сбрасывай землю. И так целый день. К вечеру и лопаты и носилки становились неподъемными.

Весь день сотни людей трудились не разгибаясь. А поглядишь, что сделали за смену, так покажется, что русло канала и не продвинулось нисколько. Но это только кажется, потому что за полтора месяца двадцатикилометровая рукотворная река прорезала степь вплоть до лесов Шортанбая. По каналу, который называли «Октябрь», пошла вода. И пошла она в точно установленный срок.

На строительстве висел лозунг - «Наш ударный труд - удар по врагу». Мы верили, что так оно и есть, а потому пуск канала был для нас столь же радостным событием, как сообщение об освобождении еще одного советского города. Тогда, к весне 1943 года, таких освобожденных городов было еще не так много, но среди них уже значился и Сталинград. И нашу победу мы тоже считали своего рода маленьким Сталинградом на фронте борьбы со стихией.

А кругом были сплошные фронты. Так и говорили: «трудовой фронт», «промышленный» и «сельскохозяйственный» фронты. «Фронт борьбы с наводнением». Был даже «педагогический фронт», но о нем чуть позже.

В день пуска канала состоялся большой праздник. Мы так искренне и так неистово кричали, смеялись и аплодировали, что на следующий день, обмениваясь впечатлениями, не без гордости говорили друг другу:

- Наверное, наши радостные крики были слышны в самой Германии.

Вода потекла, но одновременно с потоком воды хлынул и поток новых хлопот, новых забот. Канал-то строился наспех, на скорую руку, и довольно быстро выяснилось, что его насыпные берега не могут сдерживать сильного напора. То в одном, то в другом месте вода

постоянно прорывалась. Поэтому каждый колхоз, но чьим угольям был проложен канал, выставлял так называемую «береговую охрану».

От нашего колхоза в число таких охранников попал и я со своими приятелями Серсенбаем и Шамуратом (ныне оба работают механизаторами в Ходжейли). Мы беспрестанно ходили вдоль насыпи, словно дозор вдоль границы, неся на изготовку свое оружие - лопаты. И пользоваться этим оружием нам приходилось часто. Думаю, не совру, если скажу, что за все лето ни днем ни ночью (а мы были и ночными дежурными) не выдалось и получаса, когда бы нам посчастливилось просто прогуляться. Чуть заметил малейшую течь - давай живо копай и утрамбовывай, а не то потом воду не удержишь. Но все равно, при всей нашей бдительности, в день случалось порой по нескольку прорывов. И так до самой осени.

Впрочем, и в редкие получасовые перерывы мы время даром не теряли. Приятели мои - ребята разговорчивые. Каждый из них знал массу загадок, сказок и всяческих историй, так что скучать нам было некогда.

К осени потребность в воде поуменьшилась, а вместе с ней уменьшилась и опасность прорывов. Нам всем троим разрешили вернуться в аул, благо приближался и новый учебный год.

Год-то приближался, а школы еще не было. Глинобитное здание для школы начали строить на границе двух колхозов. И вот что надо подчеркнуть: во всей округе не было еще ни одного глинобитного дома. Все ютились в землянках, либо в юртах, либо в камышовых лачугах, но школу сразу решили строить из глины.

К концу сентября строительство, хоть и с трудом, хоть и с недоделками, в основном все же закончили. С первого октября начались занятия. Но вот беда - самым старшим классом в школе был пятый. А в пятом я уже учился. И вообще, если бы все шло как положено, мне надо было идти уже в седьмой. А тут всего лишь пятый. Опять пятый. Однако директор школы Каипбек-ага Пиримбетов (у него-то я и учился в прошлом пятом классе) сказал мне:

- Что делать? Лучше дважды пройти одну и ту же программу, чем пропустить еще год вообще без учебы. Тебе нельзя не учиться. У тебя поэтические способности, их нужно все время развивать. Ты станешь у нас редактором стенгазеты. Ну, соглашайся.

И я согласился.

В январе 1945 года произошло событие, которое переменяло всю мою жизнь и окрылило мои давнишние мечты. Меня вызвал к себе директор школы.

- Вот что, Каипбергенов,- сказал он,- Сделаем так: до обеда ты - ученик шестого класса, а после обеда - учитель в начальных.

Надо пояснить, что в нашей школе «начальными» были два класса. В одной группе занимались вместе первоклашки и третьеклассники, в другой группе, соответственно,- ученики второго и четвертого классов. Сейчас такое группирование кажется несусветной путаницей, но в те годы в нашей межколхозной глинобитной школе оно ни у кого не вызывало удивления. Вот в этом смешанно-спутанном 2-4 классе мне и предстояло учительствовать.

Новость эта вошла в наш дом как солнечный луч. У всех сразу засветились лица. И только по лицу моей матери пробежала небольшая тень.

- Ведь учителю нужна приличная одежда, а заявляться в класс в твоей...

Она не договорила, потому что моей одежонке и впрямь трудно было подыскать хоть какое-нибудь название. Верхняя ее часть когда-то считалась фуфайкой, но именовать ее так ныне можно было только по старой памяти. Изначально фуфайка была черной, однако давно уже облиняла и выцвела, к тому же десятки штопок и заплат превратили ее в пестрое рубище.

Купить новую одежду? Но на это же деньги нужны, а откуда им взяться? Продать что-нибудь на базаре? Но что? Еды и самим не хватало. Скотины в хлеву тоже давно уже не было, а каких-либо ценных вещей {ковров, украшений) в нашей семье и подавно никогда не водилось. К тому же все, что могли сменять или продать, за годы войны и сменяли и продали. Прошлой зимой пришлось отдать за полбатмана риса свадебный наряд моей матери, который она надевала лишь раз в жизни, а все остальное время хранила на дне сундука, берегла для будущей невестки.

Нежданная радость всегда приводит с собой и нежданную беду,- вздохнула бабушка.

А дедушка долго сидел молча, потом решительно встал и сказал:

- Что-нибудь придумаем,

Я с надеждой и сомнением поглядел на него. Да что тут придумаешь, если известно, что из ничего ничего и не выкроишь. Но все же хотелось верить, что выручит он меня и на этот раз.

Дедушка помолчал, помолчал и медленно так, раздумчиво произнес:

- А шинель-то, которую в прошлом году купил на базаре наш сосед-старик, кажется, была не драной...

- Ты что надумал?- всполошилась бабушка. - Ничего. Сама знаешь, старик-то сегодня поутру умер...

- Уж не собираешься ли ты взяться за то, чем в жизни никогда не занимался? Неужто пойдешь обмывать мертвеца?

- А почему бы и нет? Уж лучше мертвого обмыть, чем ходить кланчить по соседям. А обмыть - что ж тут такого? Это дело доброе по отношению к умершему человеку. А потом все по правилам, все по обычаю: одна из вещей покойника принадлежит тому, кто его обмывает. Вот я шинельку-то и возьму.

- Да ведь умер-то он не от старости,- закричала моя мать - от болезни он умер! От такой болезни, что не только соседи, а родственники брезгают подойти к нему. Не позволю,- закричала она еще громче,- не позволю, чтобы его заразную шинель надел мой сын!

- Уймись! Божья кара тебе на голову!- прикрикнул отец и даже в сердцах стукнул ладонью себя по колену. В доме моментально воцарилась полная тишина, потому что отец повысил голос, кажется, впервые в жизни. Все удивленно глядели на него, а он вдруг успокоился так же внезапно, как и осерчал, и ровным голосом пояснил:- Разве не знаешь, что стоит промыть вещь в золе карабараха , и она станет незаразной?

Моя мать молчала обиженно. Отец тоже замолчал. Он редко сердился, но если это случалось, то потом долго злился на себя. Молчал и дедушка, он, видимо, обдумывал предстоящее дело. Бабушка глядела на дедушку и медленно и равномерно покачивала головой. Младшие братья тоже попритихли: когда бранятся взрослые, лучше не напоминать о себе. Молчал и я, а что тут скажешь?

Радость, которую я принес в дом, оказалась не лучом света, а вспышкой молнии. Теперь прогрехотал гром, и наступила тревожная тишина. В тишине все разошлись по своим постелям, и утром каждый молча отправился по своим делам.

В обед я вернулся из школы. Меня встретил улыбающийся дедушка и сразу повел в глубь двора, где на веревке висела мокрая шинель, постиранная в золе карабараха. С нее еще капала вода, но дедушка снял шинель и передал мне. Передал торжественно:

- На, внук мой, носи. Бедности стыдиться не надо. Одежда умершего - это как память о человеке. Когда я помру, кто-нибудь и меня обмоет и тоже будет носить мою одежду.

Хоть шинель и была еще мокрой, но я все же накинул ее на плечи, уж больно не терпелось дедушке посмотреть, как она сидит на мне. Покойный старик не отличался ростом и дородностью, так что гаинель его пришлась мне как раз впору. Была она еще крепкой, без заплаток, но, правда, рукава уже пообмахрились на обшлагах, да и в локтях протерлись.

- Мм-да-а,- протянул дедушка,- надо бы подлатать, но у снохи совсем нет времени, все на работе и на работе, а бабушка наша совсем расхворалась, и на глаза очень уж плохая стала, еле-еле видит. А мы, мужчины, с иголкой управляться не умеем. Топор, лопата - вот это да, а иголка для наших пальцев мелковата. Значит, тут остается два выхода: либо вовсе обрезать рукава, либо подтянуть их до локтя? Как думаешь? По мне-то, лучше подтянуть. Когда у джигита рукава засучены, он всегда как-то веселее смотрится, лихости в нем больше.

На следующий день, обрядившись в обнову, я отправился в школу.

Шинель! Это же не просто одежда, это - мечта и предмет зависти всех мальчишек военной поры.

Директор школы Каипбек-ага глянул на меня и поначалу вроде бы не узнал, а после радостно воскликнул:

- Вот молодчина! Теперь ты настоящий боец педагогического фронта!

Однако с шинелью этой связаны у меня не только приятные воспоминания. Как-то пришли мы в один дом на поминки. Нас, молодежь, посадили отдельно. А было нас (молодежи то есть) десять девушек, работавших в колхозе, да я - ученик-учитель. Единственный представитель сильного пола в этом кругу. И, как таковой, но обычаю, я должен был вынуть мясо из бульона и разделить его на всех. Подали глубокую миску. Только я приступил к выполнению своей почетной

обязанности, как рукава шинели вдруг сползли и обмахренными обшлагами - прямо в бульон.

Ой, как стыдно-то. Господи, чуть не сгорел со стыда. Но девушки тем не менее все съели. А что им еще оставалось? Ведь другого блюда нам никто бы не предложил в те годы.

Хоть и осрамила меня эта шинель, оконфузила, но носить ее все равно пришлось, и рукава все равно подвергивал. А куда денешься? Другой одежды не достанешь.

Мою учительскую зарплату мать откладывала и сберегала. Это были единственные «живые» деньги в доме. Они с отцом за работу в колхозе получали натуроплатой, но это только так называлось, а на деле зарабатывали они тогда в основном лишь «галочки» за трудовни. Пенсий для колхозников в те годы не существовало, потому бабушка с дедушкой не получали ни копейки. А деньги-то были нужны. Не на прокорм, кормились в основном с огорода. Нужны они были для того, чтобы на следующую зиму купить обувь и одежду для меня и младших братьев и сестер.

* * *

К весеннему севу предстояло расчистить новые земли, поднять целину. Людей в колхозе поприбавилось, стали возвращаться с фронта солдаты. Людей-то прибавилось, а вот количество рабочих рук не увеличилось. Почти не увеличилось. Те, кто возвращался из армии, были не работники, они могли помочь только советом, а к тяжелому физическому труду не годились. Почти сплошь инвалиды, здоровых с фронта не отпускали. Война хоть и шла к концу, но еще не кончилась. Основной силой в колхозе оставались, как и прежде, дети, женщины да старики.

Учителя ходили в поле вместе с ребятами. Не только для того, чтобы помочь колхозу. В поле одновременно с работой шла и учеба. Успевали и опросить ребят, и новый материал объяснить. Трудности были лишь с математикой. И то не столько потому, что этот предмет сложно изучать в полевых условиях, сколько из-за того, что учителем математики в нашей школе был фронтовик, вернувшийся без руки. Для

него одного сделали исключение, и уроки математики проходили в классе...

В эти дни я вновь стал сочинять стихи и сочинял их во множестве. Нет, не от какого-то особого прилива творческих сил или всплеска вдохновения, а по поручению директора школы. По его настоянию я писал о колхозных обязательствах, воспевал передовиков, высмеивал лодырей и лежебок.

Каждый день во время обеденного перерыва на полевом стане одной из бригад выступал наш школьный агитколлектив, и я читал свои стихи. Порой зарифмовывал даже сводки посевных работ или очередное сообщение Совинформбюро.

Меня принимали тепло. Воодушевленный таким приемам, я вновь стал посылать стихи в редакцию.

Еще один ответ из редакции.

Во-первых. Мелкий арык всегда громко журчит. Выступления многих молодых стихотворцев часто напоминают именно такой арык. Ты конечно же еще молод. Стихи, присланные тобою, слишком наивны и к тому же они напоминают дом, который выстроен наспех, тяп-ляп.

Во-вторых. Поэзия - это «колодезь» мудрости. Но не встречал ли ты некоторых торопыг, которые, бросив ведро в глубокий колодец, стремятся тут же рывком потянуть его обратно? Так ведь недолго и веревку оборвать. Тогда останешься и без воды и без ведра. Говорим тебе это потому, что в кое-каких своих стихах ты напоминаешь этих торопыг.

В-третьих. Порой малообразованные люди доходят до каких-нибудь простеньких истин своим умом и тут же спешат оповестить весь мир о собственных открытиях. Не подозревают даже, что открытия эти всем давно известны. Мы не хотим называть тебя малообразованным. Как-никак ты не только сам учишься, но и других учишь. Однако литература требует особых знаний, специальной подготовки.

Продолжай писать, но постарайся дольше держать стихи в голове, тщательнее их отделявать и реже заносить их на бумагу.

С приветом. Редакция газеты «Кызыл Каракалпакстан» .

Это письмо стало еще одним ведром холодной воды, вылитым на мой поэтический пыл.

Мой дедушка говорил:

* * *

Все мы очень рано уходили, кто на работу, кто в школу. Дома оставалась одна бабушка. Она присматривала за малышами. Но бабушка совсем расхворалась. Однажды утром она почувствовала себя так плохо, что не смогла подняться с постели.

Моим младшим сестренкам-близнецам не исполнилось еще и двух месяцев (они родились 14 марта). Сестренки голосили в два горла, а я собирался в школу, почти не обращая внимания на их совместный плач, поскольку уже привык к нему. Стоило только одной из них запищать, как другая сразу просыпалась и подхватывала тот же мотив. Вдвоем они задавали нам бесконечные концерты, но в конце концов обычно замолкали сами, без укачиваний и утешений.

Бабушка, поняв, что я собираюсь уходить, окликнула меня:

- Внучек, я не могу подняться. Ты отнеси сестренку матери, пусть она их покормит грудью. Или лучше сам посиди с ними и покорми их. Пожуй хлеба с водой и положи им в рот.

Вчера вечером я принес домой нашу школьную стенгазету и до ночи оформлял ее. Если сегодня опоздаю, то смогу оправдаться перед директором, сказав, что возился с газетой. Лишь бы не опоздать на вторую смену, где я должен преподавать. До обеда можно посидеть дома с сестренками.

Бабушка вынула из-под подушки маленький кусочек сахара. Он был круглый и плотный - иссопан бабушкой. И грязный - мокрый кусок бабушка прятала под подушку, и к нему липли песчинки, крошки, ворсинки. Ты с сахаром,- сказала она,- с сахаром пожуй. А то если не сладко, они, канризуньи, есть не станут.

Делать нечего. Пришлось нажевать хлеб с этим куском сахара, другого в доме не было. Кое-как накормив и перепеленав сестренку, к обеду наконец отправился в школу.

Поднявшись на насыпь канала Октябрь, увидел, что возле школы, танцуют, прыгают и кричат ребята. Они размахивают руками и швыряют вверх все что попадетсся.

От школы к аулу бежала Рахима - моя двоюродная сестра но матери. Хотя Рахима на два года моложе, мы учимся с ней в одном классе и даже сидим за одной партой. Но это потому, что она не пропускала учебу - девочек ведь не брали на борьбу с половодьем и на рытье канала.

Рахима явно торопилась, бежала не разбирая дороги, несколько раз даже падала. Обычно она переходила арык по мосту, а теперь ринулась напрямик и, перепрыгивая через арык, поскользнулась и свалилась в воду. Я кинулся ей на выручку.

- Что? Что случилось? Куда ты так летишь? - спрашивал я, вытягивая ее из воды.

Она глядела удивленно, и я понял, что она меня только что увидела.

- Братья возвращаются!.. Братья...

- Где? Где ты видела своих братьев? Да говори же толком!

Она отдышалась и выпалила:

- Война кончилась!.. Понял?.. Война кончилась. Теперь они вернутся... Спешу мать порадовать... И отца...

Вырвалась и вновь побежала. Я хотел броситься за ней, но передумал и поспешил к школе. А она все бежала. Падала, вставала, вновь падала...

9 мая 1945 года

Наш аул находился примерно в двадцати пяти километрах от райцентра. Радио еще не было. Телефона - тоже. Как только в райцентр пришла весть о победе, районные власти тут же разослали конных нарочных во все аулы. Вестовой подскакал к нашей новой глинобитной школе и, не слезая с коня, стукнул в стекло. Но не рассчитал силы - стекло разлетелось вдребезги. Однако директор даже нахмуриться не успел.

- Войне конец! Конец войне! Все джигиты возвращаются!- заорал вестовой во всю мощь.

Невозможно описать, что в тот день творилось в ауле. Все, кто способен был двигаться, кричали, прыгали и танцевали. Из каждого двора неслись песни. Разные. Они перебивали друг друга и сливались в общий невообразимый и радостный шум...

Рахима - тихоня, скромница, молчунья, четырнадцатилетняя Рахима смеялась и резвилась как трехлетний ребенок. Она пела громче всех и выше всех подпрыгивала. Ни секунды не могла устоять на месте. Ее мать и отец, ее сестры тоже плясали и пели, а люди прятали глаза от

них, не решались взглянуть в их сторону, а если и взглянут мельком, то тут же отворачиваются чуть не плача.

Вся семья тети Бибихаи, родной сестры моей матери, ожидала возвращения с фронта двух братьев - Ибадуллы и Калиллы. Недавно - буквально два дня назад - в аулсовет пришло извещение об их гибели. Весь аул уже знал об этом, кроме семьи тети Бибихан. Всё никак не решались сообщить им эту горькую весть. А тут вдруг Победа - праздник, ликование. Кто же решится в такой день сказать людям, что должны они сменить смех на слезы?

«Моя сестра - удивительная мать. Этой страшной вести она может и не пережить. Надежда удлинит жизнь. Пусть ждут...»- говорила моя мать старейшинам аула, убеждая аксакалов не сообщать пока Бибихан о гибели ее сыновей. Вот уже, наверное, года два - два с половиной, как эту печальную обязанность в нашем ауле исполняли аксакалы, почтальон не решался с «черной бумагой» приближаться к дому и приносил похоронки в аулсовет.

Легенда, рассказанная дедушкой. Как только сотворил Аллах из глины первых людей, так сам долго не мог налюбоваться на творение рук своих и на радостях решил каждому из этих первых людей отпустить срок жизни подольше, чтоб с лихвой, значит: кому - сто, кому - двести, а кому от щедрости - и все триста лет. И каждого из них наперед извещивал: «Ты в сей жизни проживешь столько-то годов».

Минуло сколько-то лет, и вот вдруг замечает всевышний, что вконец обленились люди и в полное запустение приходят и поля их и жилища. Они не строят домов, не роют арыков, не сеют хлеб и не пасут скот свой, а день-деньской валяются в тенечке и пальцем пошевелить не желают.

- В чем дело?- спрашивает господь одного из тех первых людей.

- А зачем мне трудиться?- отвечает тот человек.

- Как зачем?- недоумевает бог.- Разве ты не хочешь позаботиться о пище для живота своего и о крыше над своей головой?

- Ничего,- отвечает тот человек,- я без еды и крыши как-нибудь перебьюсь. Ведь не помру же. Ты мне отпустил двести лет, а я из них прожил покуда только сто. Значит, еще столько же протяну, и ничего со мной не случится.

Аллах идет к другому человеку и тот же вопрос ему задает:

- Почему лень тешишь? А человек ему в ответ:

- Нет нужды мне спину гнуть. Ты мне отмерил сто лет, я их и прожил. Не сегодня завтра помирать, так зачем же перед смертью лишний раз утруждать?

Растерялся господь, не знает, что и сказать. Стоит, шею чешет. Тут приблизился к нему один из свиты господней и шепчет на ухо:

- Делать нечего. Этих придется оставить в покое. Но впредь никому из смертных не сообщай, когда отнимешь у него душу.

Подумал, подумал всевышний да и решил последовать этому совету.

«Малый народ жив большими надеждами».

«Родители, не видевшие гибель своих детей, никогда не хотят верить известиям об их смерти».

«Надежда удлинит жизнь. Мертвых не воскресить, но пусть живые проживут подольше».

«О «черных бумагах», которые придут после Победы, никому не сообщать».

Так решили старейшины аула. Может, сегодня кто-нибудь и скажет, что они были не правы. Но это сегодня, а тогда никто не осудил решение аксакалов.

Весна Победы. За ней началось трудное лето. В ауле ждали солдат с фронта. Но возвращались не все - одни вернутся еще только через полгода, после победы над Японией, другие никогда не постучатся в дверь родного дома. А те, кто возвратились, в большинстве были люди изувеченные, израненные. Мало кому удалось выйти из войны целым и невредимым, но и они уже отвыкли от сельской работы. А работы в колхозе все прибавлялось и прибавлялось.

В это лето я как-то сразу, почти в одночасье вдруг понял, что детство кончилось, надо решать, что делать дальше: учиться в седьмом классе и оставаться учителем, или идти работать в колхоз? Подумав, решил, что надо подзаработать денег и поехать на учебу в город.

Мысль эта пришла сперва как бы случайно, но довольно быстро она накрепко засела в мозгу, а потом и всего меня захватила. А тут как раз...

Но лучше по порядку.

Это произошло в середине лета. В один из дней, когда я приглядывал за сестренками-близняшками, вдруг прибежал мальчик - мой ученик из второго класса - и сообщил, что меня срочно вызывает

инспектор району, прибывший к нам в школу. Срочно так срочно. Но сестренку оставить было не на кого, да и одеться, умыться, причесаться - тоже время. И вот как был - босой, в грязной залатанной фуфайке, в мятых дырявых брюках - отправился я на визит к инспектору, прихватив с собой и сестренку.

Инспектора я узнал сразу по одежде. В то время всякий, кто хотел, чтобы в нем видели начальника, непременно носил френч. Однако он не признал учителя начальных классов в босоногом пареньке. Не только не спросил меня, кто я такой и почему пришел, но сразу же строгим голосом прикрикнул:

- Эй, мальчик! А ну-ка, иди отсюда. Живей, живей! Быстрее уходи и уноси своих сестренку, а то они еще развевутся здесь.

Я хотел было что-то объяснить, но сестры, слышав грубый окрик инспектора, и впрямь начали реветь в два голоса, как это у них было принято. Инспектор не стал даже слушать меня, только махнул рукой: мол, проваливай, да побыстрее. Я повернулся и зашагал к дому. По пути сильно злился на него: еще бы, сам меня вызвал и сам же не захотел даже выслушать.

Вечером, когда мать вернулась с работы, я рассказал ей обо всем. Думал, успокоит меня. Но вместо этого она осерчала не на шутку.

- Безмозглый ты чурбан!- бранилась мама.- Ты хоть понимаешь, что натворил? Инспектор прождет тебя весь день и уедет обиженный. Что он скажет о тебе в районе? Ты думаешь, что после этого они позволят тебе быть учителем? А если тебя исключат из учителей, с какими глазами будешь ходить по аулу? И всему нашему дому позор. Как мы-то будем на людей смотреть? Ты подумал об этом, безмозглый чурбан!

Не успокоилась она и на следующий день:

- Придется тебе уходить из аула. Отправляйся в город и поступай там учиться. Не поступишь - домой не возвращайся.

Обидно, конечно. Но с другой стороны, ведь я давно уже мечтал о том же.

Мы с дедушкой сходили в районный загс, взяли мою метрику. В школе мне выдали справку об окончании шести классов, и через неделю мать напекла лепешек, сготовила еще кое-что на дорогу, собрала мешок и сама пошла проводить меня до конца аула, словно хотела воочию убедиться, что я действительно ушел.

Из поучений моей матери. Первенец в семье должен стать не подпоркой дома, а мостом, по которому смогут пройти другие дети.

Легенда, которую рассказал мой дедушка. Когда Адам-ата решил отделить подросших детей своих, то захотел прежде оделить их всем необходимым. В хозяйстве ведь многое нужно.

И вот вызывает он сыновей к себе и перед каждым по очереди открывает четыре мешка. В одном мешке - доверху золото. В другом - зерно. В третьем - кинжалы. В последнем - книги. И каждому из сыновей раздавал из этих мешков поровну.

Но был у него и любимый сын, которому Адам-ата подарил как-то черную шапку. И захотел отец выделить любимого сына. Но прародитель человеческий ничего не навязывал своим детям, сыновья сами должны были выбрать долю свою. И вот, чтобы помочь Черношапочнику, Адам-ата спрятал мешок с кинжалами. А мешок с зерном завязал и сам на него уселся. Золото же и книги, наоборот, раскрыл, чтобы они, значит, повиднее были и сразу к себе внимание привлекли.

Но Черношапочник не понял замысла отца своего. На золото и на книги даже не глянул, а напрямик пошел к мешку с зерном и попросил отца привстать. Потом насыпал полную шапку зерна.

Тогда отец ему и говорит:

- Не одним лишь хлебом насыщается человек. Подумал Черношапочник и отвечает:

- Спасибо, отец, вы правы.

После этого нагнулся и поднял с земли несколько прутиков.

- Для чего они тебе?- удивился Адам-ата.- Этими розгами я порол вас в детстве, когда вы не слушались.

- Если хлеб не уродится,- пояснил Черношапочник,- то я буду пасти скот, а пастуху прутик пригодится. Вы верно сказали, что одним хлебом сыт не будешь. Надо позаботиться и о мясе.

Вздыхнул тяжело Адам-ата, но ничего не сказал. А что тут скажешь? Любимый сын сам выбрал себе долю.

Когда бы наш предок сразу потянулся к книгам, тогда бы и мы с тобой, Тулек, были потомками образованных людей.

И вот еще что запомни: когда наследники продолжают дела отцов и дедов - это хорошо, но когда они исправляют ошибки предков - это еще лучше.

* * *

«До своего порога ведет одна дорога. От порога - тысяча дорог»,- говорили мудрецы.

До райцентра я брел в грустном одиночестве, и казалось мне, что отныне я уже обречен на такое одиночество. Но в райцентре довольно быстро выяснилось, что ребят вроде меня, решивших искать свой путь в жизни, не так уж и мало. Не прошло и дня, как у нас образовалась маленькая, но дружная компания: Асен Каримов {ныне он врач, работает в Кегейлинском районе}, Толыбай Рсенесв (стал учителем, преподает под Нукусом) и я. Обсудив наше положение и прикинув возможные варианты, мы решили вместе отправиться в Чимбай и поступать в педучилище.

Как только заговорили о Чимбае, у меня в груди потеплело. Если бы там разыскать Узакбергена-ага, моего первого вожатого, то-то было бы счастье. Он наверняка вспомнит меня и конечно же поможет. С Узакбергенем не пропадешь.

«А если он не вернулся с фронта?..»

Мысль мелькнула, но я ее старался прогнать, поскольку от нее становилось так тошно, что ноги слабели, не хотели идти в Чимбай.

- Слушай, Тулепберген,- перебил мои мысли Асен,- а есть у тебя свидетельство об окончании семилетки?

- Нет,- удивился я,- откуда оно возьмется?

- В педучилище без семилетки могут не принять.

Ну вот. Час от часу не легче. Куда же деваться, если не примут в педучилище?

У меня лишь свидетельство об окончании шестого класса,- вступил в разговор Толыбай,- Я его закончил еще в тот год, когда война началась.

- Я тоже,- грустно поддержал Асен.

Молча мы поднялись на мост через канал Май/кап, что на полпути от Кегейли к Чимбаю. С тоски решили подзакусить. Развязали мешки. Жуем лепешки, думаем-гадаем, как же теперь быть? Без свидетельства не примут. А возвращаться ни с чем по домам - срам, да и только.

- А что, джигиты,- вдруг озорно глянул на нас Толыбай.- Хватит смелости самим исправить свидетельство?

- Это как?-удивился я,- Шестерку на семерку заменить?

- Не мелочись, Тулепберген. На семерку переправлять трудно. А вот на восьмерку - можно.

- Ну, голова!- воскликнул Асен.- Да с такой головой тебе надо быть знаешь кем!.. А что? Эта проклятая война украла у нас с тобой по четыре года. Ну, Тулупберген помоложе, он всего два года потерял. Так разве мы с тобой не можем вернуть хотя бы половину из того, что украла война?

Это объяснение показалось нам убедительным.

Быстренько нырнув под мост, мы достали свои свидетельства и вытащили химические карандаши.

В те годы документы не печатались на машинках, а писались от руки. Об авторучках тогда в наших краях никто и не ведал. Для простых перьевых ручек тоже чернил не хватало. Писали химическим карандашом.

Только не слюнявьте карандаш - слюна след оставляет. Лучше в воду макнуть,- предупреждал опытный Асен.

По осени воды в канале было уже мало. Она не текла, как летом, бурным потоком, а почти стояла и оказалась прозрачной. Мы дружно макнули в нее огрызки своих карандашей.

- Начали,- дал команду Толыбай.

Лишь несколько дней назад я получил на руки первые в своей жизни документы. И вот уже подделываю их. Примостив листок на колене, аккуратно подрисовываю к шестерке недостающий полукруг.

- Ну теперь, глядишь, могут принять сразу на второй курс.

Асен весел, и, похоже, совершенный подлог его ничуть не пугает.

- Только чтобы каждый молчок! Чтоб ни один не проболтался. Договорились?

Толыбай серьезен. Он, видимо, лучше нас представляет, чем это все может грозить.

- Договорились!- подхватывает Асен.

- Договорились!- присоединился я.

Человек, который принимал наши документы, придирчиво осмотрел печати, а сами бумаги проглядел мельком. Исправленных цифр он не заметил.

- Вы должны быть зачислены на второй курс. Однако вам предстоит письменный экзамен по каракалпакскому языку.

Мы приуныли. Я приуныл потому, что боялся, что в седьмом и тем более в восьмом классе могли изучаться такие правила родного языка,

каких я еще не знал. Ребята же приуныли оттого, что вот уже четыре года они не брали в руки перьев и на родном языке умели только изъясняться устно, а правописание многих слов уже и забыли.

В конце концов я экзамен выдержал и был зачислен на второй курс. А Толыбай с Асеном провалились, и их приняли на первый.

Неудобно получилось. Во-первых, они оба были старше меня на два года, а оказались на курс младше. Во-вторых, мы не хотели разлучаться - вместе так вместе. К тому же великая мысль изменить шестерку на восьмерку пришла в голову не мне, а Толыбаю. И вот получается, что, воспользовавшись его идеей, я оказался в большем выигрыше, нежели сам автор идеи. Как-то все это несправедливо выходило. Поэтому, посоветовавшись с ребятами, я решил учиться тоже на первом курсе.

Дня два все шло хорошо. А потом вдруг является завуч училища. До сих пор помню его имя: Халиназар Юсупов. Является и говорит:

- Эй, Каипбергенов. Как у тебя с мозгами? Они у тебя в голове или в животе? Ты что, не можешь отличить первый курс от второго?

Я обиделся.

Вся группа рассмеялась.

Пришлось мне вернуться на свой второй курс.

Учеба, как ни странно, не была трудной и сложной. Похоже, что со своим шестиклассным образованием я уже знал половину того, что объясняли нам в педучилище. Свободного времени оказывалось с избытком. Я шлялся по городу, меня, аульного паренька, многое в нем интересовало и манило. К тому же город не только удивлял, но, похоже, еще и вдохновлял. Все свои новые переживания, чувства и мысли я по привычке стремился превратить в строки стихов. Но строки то не складывались, то получались очень уж простенькими и скучными либо, напротив, чересчур смешными и корявыми. А то и вовсе не рифмовались.

Все чаще вспоминал своего вожатого. Мне почему-то сперва казалось, что, бродя по улицам Чимбая, я должен непременно встретиться с ним. Но дни шли, а встречи все не было. Тогда я понял, что Узакбергена-ага надо разыскать.

Порасспросил старых преподавателей училища, помнят ли они его. Помнить-то они помнили, даже знали, что из училища он ушел на фронт (ну, это и я знал), а вот о дальнейшей судьбе Узакбергена

Бекниязова им ничего известно не было. Наконец в секретариате училища мне удалось узнать, из какого аула был мой первый вожатый. Он из колхоза имени Андреева, из десятого аула Караузьякского района. Это километров двадцать - двадцать пять от Чимбая. Я выбрал день, свободный от занятий, и отправился туда пешком. Идти пришлось часов пять.

Печальным оказалось мое путешествие. Дом родителей Узакбергена-ага я разыскал довольно быстро, но, переступив порог, узнал, что моего первого вожатого уже нет в живых. В сорок третьем пришла «черная бумага» на него, а в сорок четвертом - на его младшего брата, моего тезку, Тулепбергепу. Старики остались одни - больные, немощные, разбитые тяготами минувших лет и обрушившимся на них горем.

Вспоминая сына, мать Узакбергена постоянно плакала, у меня тоже слезы подкатывали к горлу, а вот его отец держался стойко. Он не то успокаивал нас, не то нам приказывал:

- Не оплакивайте их. Джигиты, которые за Родину погибли, погибли в сражении - приняли святую смерть. Ими гордиться надо, а не слезы по ним лить.

Мать Узакбергена приготовила чай. За чаем я стал рассказывать, как и когда познакомился с их старшим сыном. Объяснил, кто я сам таков, из какого рода-племени, чей сын, чей внук.

- Ой-бой!- перебил меня Бекнияз-ата.- Да ты, выходит, внук Хакимнияза? Вот ведь как получается. А мы-то с твоим дедушкой давние друзья, соратники-соратники. Когда Советская власть настала, меня избрали аксакалом⁴⁶[46], а дедушку твоего определили ко мне стремненным. Сколько мы с ним вместе по степи поездили, сколько раз за врагами гонялись - и сосчитать невозможно.

- Тулепберген, а разве вы с нашим Узакбергенем не рассказывали друг другу о своих родителях и близких?- удивилась его мать.

Я вспомнил, что действительно о родственниках мы, кажется, не говорили, хотя по старинной народной привычке в наших краях у человека первым делом спрашивают, чей он и откуда.

- Знаешь, старуха,- медленно произнес Бекнияз-ата,- у наших детей уже другой нрав был. Они у друзей не выспрашивали, кто кому кем

⁴⁶[46] В данном случае председатель аулсовета.

доводится. Они все хотели ценить человека самого по себе... А может, это и верно.

Я попросил, если можно, показать мне последние письма моего вожатого. Его мать открыла сундук и достала две аккуратно сложенные и перевязанные стопки треугольников.

- Вот это - от Узакбергена, а это - от нашего Тулепбергена.

Я постеснялся их развязывать, но она сама вынула из стопки два последних письма и протянула мне. Письма были в стихах.

Заметив мое удивление, мать Узакбергена сказала: - Да. Они оба у нас поэты.

Но старший вроде бы посильнее меньшого,- добавил Бекнияз-ата.

Мать Узакбергена извлекла из сундука несколько толстых тетрадей.

- Вот, все это его стихи,- сказала она, бережно прикрывая тетради ладонями и слегка поглаживая их.- Хоть и пришла на него «черная бумага», но я все еще не верю, будто он погиб. А он, уезжая, просил: «Мама, сбереги это». Вот и берегу.

- Пусть Тулепберген посмотрит,- разрешил Бекнияз-ата,- раз он знал нашего Узакбергена и раз он внук Хакимнияза, то ему можно.

Старуха придвинула тетради ближе ко мне, но все время следила за мной внимательно-настороженным взором, словно боясь, что я ненароком испачкаю, помну, а то и порву какой-нибудь листок. Читать в таком случае я, конечно, не мог. Сумел лишь просмотреть несколько страничек, и то бегло, как говорится, по диагонали.

На обложке тетради, что лежала первой в стопе, значилось: «Дневник У. В.». Я тут же начал вспоминать все, что диктовал мне когда-то мой вожатый, и, открыв первую попавшуюся страницу, прочел:

«Только теперь каракалпакская молодежь начинает дотягиваться до настоящей науки. Пока мы лишь прикоснулись к великим знаниям, накопленным человечеством. Чтобы овладеть ими, нам придется переделывать самих себя, придется приучать себя к напряженному душевному и умственному труду. А потом придется переучивать и весь народ, прививать ему привычку доверять точным знаниям, а не просто повериям и обычаям. Без этого не обойтись. Могут быть отдельные ученые и поэты, но не может быть науки и литературы у необразованного народа. Это, конечно, трудно, но медлить некогда.

Далеко отстали. Надо торопиться, догонять человечество, а то у всех в хвосте...»

В другой тетради - переводы. Была и отдельная тетрадка с переводами пьес Шекспира. Видимо, Узакберген не только говорил о необходимости создать общий учебник мировой литературы, но и сам активно готовил этот учебник.

В последней тетрадке были его собственные стихи. Я успел пробежать глазами лишь несколько страничек. Сначала удивился и обрадовался. Таких великолепных строк на каракалпакском языке я еще не слышал и не читал. Но потом приуныл: куда ж я стремлюсь в поэты со своим-то талантишком? Вот как надо слагать стихи! Вот как. А у меня не стихи, а стыд один...

...Сколько раз в жизни приходилось жалеть о том, что в свое время упустил или потерял по нерасторопности и бестолковости. Но самому себе еще можно простить собственные просчеты, за которые потом сам же и расплачиваешься. Тут вроде бы сам с собою и поквитался. А как быть, если твоя оплошность дорого обошлась другому человеку? А если - многим людям?!

До сих пор не могу простить себе, что не выпросил тогда у родителей Узакбергена его стихов, хоть на время, чтобы переписать их. Не выпросил, не вымолил, не убедил их, что это необходимо. Его мысль, его чувства, стихи его нужно не в сундуке хранить, а распространять, публиковать. Эту оплошность я до сих пор простить себе не могу.

В 1947 году, то есть через два года после того, как я посетил родителей Узакбергена, Амударья снова вышла из берегов. На этот раз она затопила и десятый аул Караузьякского района. Скорее всего, тетради Узакбергена Бекниязова погибли во время половодья. Но может быть, старикам удалось спасти хотя бы часть записей сына? Не знаю. Вскоре после наводнения оба они умерли.

* * *

Учеба шла ни шатко ни валко. Через месяц перезнакомился со многими ребятами, а в нашу компанию «изготовителей подложных документов» вошел и Бауетдин Пахратдинов (теперь он возглавляет отделение имени Чапаева в совхозе имени Жданова). Бауетдин был постарше нас, неопытней. Был он и решительнее, напористее нас и,

пожалуй,, оборотистее, что ли? Если уж мы переживали, что из-за войны потеряли много времени, то он-то подавно. По его годам надо было не в училище поступать, а давным-давно в институте учиться. В войну Бауетдин работал в колхозе бухгалтером, тяга ко всяким расчетам и подсчетам была у него в крови. Он-то нас и перебаламутил и поднял с места.

- Слушайте, парни, я все рассчитал. Чем киснуть тут в училище, давайте-ка лучше махнем в Нукус, поступим на подготовительные курсы пединститута. Через год мы - студенты института.

- Вот это идея!- воскликнул восторженный Асен.- Ну и голова же у тебя! Это ж не голова, а целый Верховный Совет. Чем три года тут корпеть, а потом поступать в институт, мы сразу на подготовительный -и два года чистой экономии. Хоть два года, да наверстаем. А? Что скажете, джигиты?

Толыбай согласился, но согласился как-то вяло;

- Конечно, неплохо, если поскорее выучиться.

А мне вспомнились слова Узакбергена: «Надо торопиться догонять человечество». И я поддержал Бауетдина.

На следующий день рано поутру, по сказав никому ни слова, забрались мы в кузов машины, идущей в Нукус. Машина была с хлопком, и доехали мы как в мягком вагоне. В Нукус прибыли к вечеру и заночевали в одном из домов на окраине, на берегу канала Кызкет кен - канала «Утопившейся девушки».

Есть множество поверий, согласно которым души утопленников по ночам тревожат спящих людей. Видимо, что-то такое произошло в этом доме на берегу печально известного канала и с нашими спящими душами. Утром двое из нашей компании рассорились аж до драки.

Дело в том, что у меня и у Асена были похожие фуражки. Это и немудрено. Только что закончилась война, основной головной убор - фуражка, доставшаяся от какого-нибудь демобилизованного солдата. Фуражки у нас были одного размера и одинаковой потрепанности. Даже козырьки одинаково заломлены, только у него слева, а у меня справа. Прежде чем надеть фуражку, мы с Асеном, как правило, довольно долго выясняли где чья, внимательно обследуя козырьки.

- Чего вы там возитесь?- подгонял нас нетерпеливый Бауетдин,- Ну ладно, если сами разобраться не можете, то я вам помогу.

И помог...

В то утро на одной из фуражек, прямо на тулье, над козырьком, он, встав пораньше, написал «Тулепберхен». Написал почему-то с ошибкой, то ли в грамоте не больно силен был, то ли решил подшутить. Но фуражка-то оказалась не моя, а Асена.

Увидев это, Асен рассвирепел. Вообще-то они с Бауетдином были очень дружны, но тут дело дошло до драки. Кулаки замелькали в воздухе. Еле-еле удалось нам с Толыбаем разнять ребят.

Обычно они говорили: «Джигит должен прислуживать аксакалам. Ты молодой, ты обязан помогать нам, старикам».

Это все к тому, чтобы я, видите ли, нес их вещи. Вещей у нас, у четверых, было раз, два и обчелся, так что мне не составляло труда всю совместную поклажу унести в одной руке. Не тяжело, но ведь обидно. И я, конечно, противился. И вдруг - что за перемена...

- Пусть молодой прогуляется налегке,- сказал Бауетдин и потянулся к моему мешку.

- Правильно,- поддержал его Асен и первым ухватил мой мешок.

Толыбай приблизился ко мне и шепнул на ухо:

- Это они перед тобой выслуживаются, каждый хочет переманить тебя на свою сторону. Верно говорят: «Сильные дерутся - слабому на пользу».

Когда подошли к институту, Асен вдруг заупрямялся:

- С такой хулиганской надписью на лбу я туда показаться не могу.

- Почему это мое имя ты называешь хулиганской надписью?- возмутился я.

Назревала еще одна ссора. Но тут вмешался Бауетдин:

- Ладно, джигиты, не стоит затевать драки по пустякам. И вообще, зачем он нам сдался, этот педагогический. Махнем-ка лучше в Ходжейли, в финансовый техникум.

Вот те на... Дело принимало совершенно неожиданный оборот. Мы заподозрили подвох: уж не там ли, не в Чимбае ли еще задумал Бауетдин продолжить свою бухгалтерскую карьеру, да к тому же и нас к ней причастить, чтобы одному скучно не было?

- А финансовый-то нам зачем?- воскликнули мы все разом.

- Как зачем?- принялся растолковывать Бауетдин.- Учителя есть везде, а финансистов знаете как не хватает? А я знаю. Это у нас сегодня самая нужная специальность. Мы же, каракалпаки, считать совсем не умеем. Предки наши всю жизнь не только выгоду свою упустили, но даже то, что им причитается, взять не могли.

Он долго еще нас уговаривал и наконец уговорил. Разумеется, так оно и было - схитрил Бауетдин. Еще в Чимбае задумал отправиться в финансовый техникум.

Теперь-то мы это точно знали. Но делать было нечего. В Нукусе остановиться негде, если не поступим на подготовительные курсы, а идти на курсы Асен наотрез отказался, заупрямился, и все тут. В Чимбай возвращаться боязно, спросят, где это вы шлялись два дня? А в те годы за прогулы карали строго. За прогулы уроков посадить, конечно, не посадят, но неприятности -и немалые - обязательно будут. А главное, для всех нас было ясно одно: нужно держаться друг за друга. Если уж поступать, то всем вместе. Поодиночке мы пропадем, а когда вчетвером, то и сам шайтан нам не страшен.

Приехали в Ходжейли, но в финансовый техникум не попали, приемные экзамены там давно уже закончились. Не попали, и слава богу. Переживал лишь один Бауетдин, ну и поделом ему, не хитри.

Зато очутились в ходжейлинском педучилище. Оно находилось в одном здании с финансовым техникумом. Там, правда, тоже, как, впрочем, и везде, прием учащихся уже закончился, но кто-то надоумил нас постучаться прямо к директору.

На табличке значилось: «Директор Жугунис Адылов».

Мы постучались.

Директор - человек рослый, крупного телосложения, с продолговатым лицом - и впрямь оказался приветливым и добродушным. Узнав, в чем дело, тут же сказал:

- Эх, ребятки, ребятки, что ж с вами поделаешь. Ладно, давайте ваши документы.

И надо же такому случиться - только тут выяснилось, что второпях забыли мы документы, оставили их в Чимбае. Все забыли, кроме Бауетдина.

И немудрено, что забыли. Ведь все мы до 16-18 лет жили без бумаг и не привыкли о них заботиться. Всего лишь месяц прошел, как получил я документы, но за это время успел уже и подделать их, и потерять.

Положение наше было аховое.

Но директора и это не смутило.

На каком курсе учились? Вот ты - самый молодой, отвечай, на каком курсе ты лично учился? Только смотри у меня - не врать!

И он испытующе посмотрел в мою сторону.

- На втором,- сказал я не моргнув глазом, а зачем моргать, я ведь говорил сущую правду.

- Верю,- заявил он,- не обманываешь, судя по глазам. Эх, ребятки вы мои, ребятки,- продолжал он со вздохом,- старшему из вас впору самому преподавать, а вас еще учить да учить. Что война-то с вами наделала. Ну да что уж там... Идемте.

И повел нас прямо в аудиторию, поскольку занятия уже начались. По пути Бауетдин ткнул меня в бок и шепнул:

- Хоть годик, а сэкономим.

- Кто сэкономил, а кто и нет,- ответил я. Шел октябрь 1945 года.

...Преподавателем каракалпакского языка и литературы в ходжейлинском педучилище был симпатичный молодой человек, недавно вернувшийся с фронта. Я никогда еще не видел живых поэтов, но мне казалось, что он своей восторженностью, своей пышной шевелюрой, своей худобой обязательно должен походить на поэта. Его гимнастерка и его сапоги, которые он еще не успел сменить на гражданскую одежду и обувь, были будто бы даже велики ему, но это не утяжеляло его фигуру, а, напротив, создавало такое впечатление, будто он вот- вот взмахнет руками и взлетит, вылетит из больших черных сапог, как птица из гнезда.

Он очень любил стихи. Он читал их не только на уроках литературы, но и на лекциях по языку, потому что в основном стихами иллюстрировал любые примеры; и в качестве предложения для разбора (чтобы отыскать подлежащее, сказуемое, дополнение и так далее) давал тоже поэтические строки.

Даже его высказывания, например: «Язык - мощное оружие сближения людей», казались мне поэтическими образами. Ведь слово «оружие» было в самом ходу. И лишь теперь я понимаю, что словосочетание «оружие сближения»- неудачно. Так это теперь...

Сколько ссор, сколько распрей, сколько взаимного непонимания меж людьми из-за того, что говорят они на разных языках.

Но ведь языки-то потому и различаются, что различаются народы, различаются мировоззрения народов.

Судя по последним данным, люди планеты говорят на 2796 языках. И это только основные языки, а еще существует около восьми тысяч диалектов. Для каждого из этих языков его словарный запас - это поистине золотой запас культуры. Тут даже ни единым словом поступиться нельзя. Язык может обеднеть, лишившись всего одного слова.

Даже ценнее, чем золотой запас. Поскольку золото мертво, а слова живы. Они рождаются, действуют и умирают. Да, и умирают тоже. Не стоит искусственно поддерживать, превращать их в мумию, в словатрупы, смерть слова должна быть естественной. Убивать слово, насильственно закапывать его живьем - преступление.

Слова живые, и, как все живое, они тоже являются носителями жизни. Они так же необходимы для жизни, как еда, тепло, воздух, свет...

Помню, мой дедушка всегда заставлял нас выходить навстречу гостям. Он говорил:

На нашем дастархане может не хватать горячей еды и сочных плодов, но гостя можно порадовать и горячей встречей, и сочным словом.

Каждое слово - это загадка. Оно вроде бы тебе с рождения ведомо, но если вдруг откроешь для себя истинный смысл того или иного слова, то в мире будто бы светлее станет, ты словно бы яснее увидишь все, что знал давным-давно и видел тысячу раз.

Но слово не только загадка, оно еще и ключ к отгадке мира. Многое в этом мире кажется смутным и непостижимым, пока не подберешь ему название, пока не подберешь слово, которым его надо обозначить.

Лишившись слов, мы стали бы не только немые, но и глухи. Не понимая языка людей, вряд ли сумели бы мы понять язык птиц, зверей, язык природы, тайный язык законов мироздания.

Но разве всегда могут понять друг друга и договориться друг с другом люди одной национальности? Те, кто во всех анкетах одинаково отвечают на вопрос: «Какой язык считаете для себя родным?» Разве в мире и согласии живут друг с другом люди, говорящие по-арабски, по-английски, по-испански?

Разве до революции не враждовали меж собой народы, говорящие на родственных тюркских языках: узбеки, казахи, киргизы, туркмены, азербайджанцы, татары, башкиры, каракалпаки, ногайцы, кумыки?..

Значит, для взаимопонимания нужна не столько общность языка, сколько общность мысли.

Из рассказов аксакалов. Как только наш Аллаяр Досназаров добился автономии для каракалпаков, так сразу и трудности начались. Потому что если уж автономия, то и все бумаги, особенно казенные и важные, надо писать на каракалпакском языке. А как их писать, если по-каракалпакски «Алиппе»⁴⁷[47] еще нет. И кто их сможет читать, те бумаги то есть, если, обратно же, никто из каракалпаков даже «Алиппе» не прочитал. Вот загвоздка-то какая вышла.

Опечалился наш Аллаяр Досназаров. Не знает, как ему быть. Неужто от автономии отказываться? С такими тяжелыми думами поехал он прямо в Москву.

Ну, в Москве его встретили, как и положено встречать уважаемого человека, который стоит во главе самостоятельного народа, имеющего автономию. Поделился он своими тревогами и печальями, а ему и говорят:

- Не унывайте, уважаемый товарищ Досназаров. У вас еще есть хоть сколько-то людей, которые по-арабски писать и читать могут. А вот в Сибири и такие народы имеются, среди которых от века ни единого грамотного не бывало. Но и они все скоро будут уметь читать и писать, потому что в стране начинается ликвидация безграмотности. Так что, уважаемый товарищ Досназаров, не надо вам кручиниться и переживать, а надо вам возвращаться в свою республику и приступать к созданию собственной азбуки.

Вернулся Досназаров, собрал умных грамотных людей и поставил перед ними несколько разных словарей. И стали они думать о том, по какому примеру составить им азбуку своего языка.

Еще. В двадцатых годах ссыкались такие «мудрые» головы, которые порешили создать для всех тюркских народов один общий тюркский язык. Зачем, мол, десять азбук писать, десять грамматик сочинять? Сочиним одну, это, мол, и послужит сближению народов.

- Э, нет, не годится! - сказал Аллаяр Досназаров.- У нас, у каракалпаков, семьи многодетные. Но попробуй войти в семью и приказать, чтоб из всех детей лишь один говорил, а остальные девять только поддакивали! Да тебя враз из дома выгонят за такие слова.

⁴⁷[47] Букварь.

- Если в саду срубить все деревья и при этом думать, что одна оставшаяся яблоня даст больший урожай, чем весь сад, так это сплошная глупость. И всякий узбек вам то же скажет. Точно так же и один язык, даже самый цветущий и плодовитый, не сможет заменить сад языков,- заявил Файзулла Ходжасв.

- Лишить народ родного языка - это все равно что живьем его закопать, - сказал Сакен Сейфуллин. - Разве сможем мы, казахи, петь свои песни на чужом языке?

- И поскольку никто не вправе туркменам, которые ушли за границу, не поняв революции, закрыть путь назад, на родину, то тогда, когда они возвратятся, а истинные сыновья своей земли обязательно возвращаются,- тогда па каком языке мы будем с ними говорить? И что мы им скажем? Как мы ответим, почему не сберегли родную речь? - спросил Кайгысыз Атабаев.

Свой вкус у винограда, выросшего в горах. Свой вкус у винограда, вызревшего в долине. Свое звучание у каждого из тюркских языков. А те «умники», что хотели создать единый тюркский язык, давно уж помалкивают, чтобы не позориться.

* * *

... К концу декабря у нас на курсе появилась новая студентка. Вернее, можно сказать: появилась студентка. Так можно сказать потому, что до декабря состав нашего курса был стопроцентно мужской.

Судя по некоторым словам (да и по слухам, мигом разлетевшимся по педучилищу), она недавно разошлась с мужем. В чем причина, никто толком сказать не мог, вернее, назывались десятки причин, одна другой невероятнее.

Присутствие женщины облагораживает общество. И все мы как-то подтянулись, прихорошились. Л наш учитель языка и литературы стал вести уроки с еще большим вдохновением и азартом.

И прежде на его уроках преобладала поэзия, но теперь пошла сплошь любовная лирика.

Сегодня мы слушаем стихи Навои, а завтра читаем Махтумкули, послезавтра наизусть разучиваем Абая, а на четвертый день разбираем

предложения по стихам Бердаха, но кого бы из поэтов мы ни коснулись, это всегда были строки о любви, о любовных восторгах и страданиях.

Звучали и переводы из Пушкина и Гёте, но и в этих переводах было только о любви. Звучали стихи и других поэтов (тогда я еще плохо знал зарубежную литературу и не запомнил многих непривычных чужезычных имен, но убежден, что все они были классиками), звучали они чаще всего в переводах самого учителя, и что-то стало нам казаться, будто все зарубежные классики пишут очень уж однообразно. Конечно же мы быстренько догадались, что учитель наш читает собственные стихи, но от стеснительности приписывает их другим.

А наша единственная студентка слушала эти строки с огромным вниманием. Вся целиком предавалась поэзии, и если звучали переводы, то непременно спрашивала учителя:

- Ох, а вы, наверное, знакомы с самим поэтом?

Учитель наш улыбался и, скромно потупившись, признавался: Нет.

Никто из нас не называл однокурсницу по имени или фамилии. Поэтому я, честно говоря, уже и не припомню, как ее звали. К ней довольно быстро и надежно прилипла кличка «адебият-апа», то есть «тетушка литература». Она была старше большинства ребят. Лет 25 ей, наверное, было. А в том возрасте разница в 7-8 лет казалась нам вполне достаточным основанием, чтобы именовать женщину «тетушкой». Впрочем, ребята постарше, например Бауетдин, звали ее «сестрица литература». Надо сказать, что она гордилась этим прозвищем как титулом, как ныне гордятся те зарубежные красавицы, которым присваивают звание «мисс Кока-Кола» или «мисс Текстиль».

Из уроков учителя литературы и языка. В старину ханы, шахи и султаны, чтобы укрепить дружбу с соседними державами, отдавали своих дочерей в жены властелинам соседних держав и сами женились на их дочерях.

В наше время дружбу укрепляет литература, поэтому ее уместно назвать дочерью своего народа. А если книга не стоит того, чтобы ее переводили, то книга эта может быть уподоблена засидевшейся в девицах невесте- вековухе, которую никто не полюбил...

...Поэзия и любовь - это синонимы. Объясню: синонимами называются слова, которые различаются звучанием и написанием, но

одинаковы по смыслу. Смысл каждого стихотворения, его сердцевина, его корень - это любовь! О чем бы оно ни было написано...

...Сюжет произведения может быть простым и ясным, а может быть и сложным, запутанным, точно так же и путь человека к любви может порой осложняться. В то же время сложным может быть и путь человека к литературе...

...Любой человек хоть раз в жизни, но испытывает чувство любви. И - обратите внимание - любой человек хоть раз в жизни испытывает влечение к поэзии...

...Слово «адебият» состоит из двух слов. Разбирая его, мы с вами начинаем изучать тему «Двухкорневые слова». Итак, «адебият» состоит из «адеб» («честь», «достоинство») и «ият» («позор», «стыд»). Честь и стыд - вот основа и литературы и любви...

«Тетушка литература» говорила. ...Разумной женщине тяжело жить с глупым мужем. Так же, наверное, и умному мужчине трудно ладить с глупой женой. Я думаю, что и мудрому читателю плохо с глупой книгой, а может быть, и мудрая книга страдает от глупого читателя...

...Только не надо все связывать с литературой. Есть вещи, которые и без поэзии понятны, ну, например, неудовлетворенность. А есть вещи, которые никакая поэзия не объяснит...

...Находятся же два глаза па одном лице, хоть они друг друга и не видят. Также и муж с женой могут жить в одном доме и не обращать внимания один на другого. А на чужой взгляд все будет казаться нормальным...

Учитель литературы рассказывал. Однажды великий Навои собрал в тени огромного дерева своих многочисленных учеников и читал им стихи.

Тем временем мимо проходила одна красивая женщина, которая была известна своим непристойным поведением. Увидела она поэта с учениками и крикнула:

- Эй, Навои! Что бы ты о себе ни думал, сколько бы ты ни старался, а мне стоит лишь бровью повести, лишь подмигнуть, и все твои ученики побегут за мной! Тогда великий Навои сказал ей:

Что ж, это и неудивительно, если многие из них побегут за тобой. Вниз бежать всегда легче, чем подниматься на вершину.

* * *

...А в мае «тетушка литература» вышла замуж за учителя математики и больше уже не появлялась на занятиях.

Учитель математики был молод, но это еще не преимущество, поскольку и учитель литературы тоже не старик. Но вот в чем он оказался вне конкуренции, так это в нарядах. Щеголь был. Особенно хороши были лакированные туфли. Во всем городе таких ни у кого не сыщешь. При ходьбе они мелодично поскрипывали этаким полупшепотом: шийк-шийк-шийк.

В тот день, когда мы узнали о замужестве «тетушки литературы», кто-то из ребят крикнул нашему учителю: - А оказывается, поскрипывание туфель притягательней, чем чтение стихов.

Учитель покраснел как перец. Улыбнулся и, резко, по-солдатски развернувшись на каблуках своих разношенных сапог, вышел из класса. Больше мы его не видели.

Вместе с тем учителем ушла, казалось, и моя последняя надежда стать поэтом.

11

В день переходных экзаменов со второго курса на третий к нам вошел сам директор училища Адылов. Он сначала по журналу сделал переключку и, убедившись, что все на месте, предложил:

Кто согласен на среднюю оценку по языку и литературе? Средняя выводится по пяти последним оценкам. Поднимите руки.

Мы их конечно же дружно подняли, ведь бывший учитель литературы со дня появления «адебият-апа» стал гораздо щедрее и не скупился на высокие баллы. Адылов кроме должности директора педучилища занимал пост заведующего гороно и был также народным судьей первого участка города Ходжейли. В те годы дельные и образованные люди частенько занимали сразу несколько постов, это началось еще с войны, когда в тылу явно не хватало квалифицированных и опытных людей. Теперь ко всем должностям и обязанностям Адылова прибавилась еще одна. Он начал вести у нас каракалпакский язык и литературу. Кое-кого это пугало (идти на урок как на суд- страшновато), но многие и обрадовались (что ни говорите,

но если твой учитель в одном лице являет весь педагогический олимп города, то тут есть чем гордиться).

Адылов говорил

«...Учиться литературе - значит, учиться жизни. Для тех ребят, кто этого хочет, всегда откроется дверь моего кабинета, вернее, все двери моих кабинетов и в педучилище, и в гороно, и в суде...»

«...Язык - основное жизненное имущество народа. Много есть расхитителей этого имущества, но вы - будущие учителя - обязаны его охранять. Учитесь грамоте по книгам и газетам...»

Из газет

«...Литературный каракалпакский язык как язык письменный стал формироваться начиная с 1924 года. С этого времени начала выходить и первая газета. Печаталась она арабскими буквами.»

«...В 1930 году арабский алфавит был заменен латинским...»

«...В 1940 году вместо латинского алфавита была принята кириллица. С принятием ее открывались большие возможности, - пользуясь одним алфавитом, люди могли читать и писать сразу на двух языках...»

Адылов говорил

«...Вместе с русским языком к нам прибыл большой караван культуры. Грузом этого каравана были лучшие книги всех стран мира и всех республик Советского Союза. Ясно, как солнце днем и как луна ночью, что с тем же караваном вернулось к нам и знание своей истории, отраженной в летописях других народов, и саженыцы будущей культуры. Если говорить, применяя не древние образы, а сегодняшние сравнения, то можно сказать, что русский язык стал для нас мостом, который связывает нас со всем миром...»

«...Переводы несомненно обогащают и нашу литературу, и наш язык. Да, и язык тоже, потому что переводчик в поисках подходящего слова вынужден и вспоминать слова древние, полузабытые, и придумывать слова новые...»

«...Не надо бояться новых слов, если они понятны людям. Не стоит бояться и слов иноязычных, чужеродных. Если другой народ придумал яркое, емкое название для предмета или явления, то почему бы и не воспользоваться этим названием. Говорят, что не нужно заново изобретать велосипед, но и тем более не нужно заново изобретать название для велосипеда...»

«...Но и слишком переимчивыми тоже быть нам не пристало. Не нужно подлаживаться под других, подстраиваться, обезьянничать. Есть у нас поговорка: «Если твой приятель крив, то и ты зажмурь один глаз». Ну а если приятель лыс - волосы на себе повыдергивать? И так далее? От подобных поговорок, от подобных вековых мудростей нам пора отказываться. Больше они нам не понадобятся...»

Из уроков, которые проходили в судейском кабинете Адылова

- А ну, сынок, если ты мужчина, то не вилай и не выкручивайся, а говори всю правду. Почему ты ударил топором своего гостя?

- Он совсем и не гость, а бригадир в нашем колхозе. До войны бригадиром мой отец был. А когда отец на фронт ушел, должность перешла к нему.

Потом в наш дом пришла «черная бумага». В ней написано, что отец погиб смертью храбрых.

После этого бригадир часто стал к нам навещаться. А еще позже... Еще позже начал и оставаться на ночь...

И как-то, лежа на месте моего отца, он сказал. Тихо сказал, но я услышал. Он думал, я сплю. А я не спал и услышал. Он сказал: «Ну вот. Сперва получил его должность. А теперь и его жену». И тогда...

- Но, может, они обо всем договорились с твоей матерью? Просто ты еще не знал об этом?

- Нет, этого не может быть! Когда отец на фронт уходил, я же помню, как мать ему говорила: «Всю жизнь буду тебя ждать. Никто не запачкает твою постель». Я же помню... Помню! Я же единственный мужчина в доме, кто, кроме меня, защитит память отца и честь матери? Кто?!

Легенда, рассказанная Адыловым. В прежние времена жил на свете один парень - вот вроде тебя. И больше всего на свете любил он свою мать. А была она вдовой.

Парень рос добрым, отзывчивым, и если случалось ему услышать похвалу за свой поступок, то он всегда просил:

- Не хвалите меня и не желайте мне долгой жизни, а лучше скажите: «Пусть мать твоя проживет сто лет».

Однажды приходит к ним в дом гость. Парень от души накормил его и за столом ему прислуживал старательно. Устроил гостя на ночлег, а утром, когда тот начал благодарить его, как обычно попросил:

- Не благодарите меня, лучше пожелайте долгой и счастливой жизни моей матери.

- Ты и вправду хочешь, чтоб мать твоя жила долго и счастливо?- спросил гость.

- А как же?- удивился сын,- Разве есть у вас повод сомневаться в моей искренности?

- Не сердись, сынок,- продолжал гость,- но повод такой есть. Когда бы и впрямь желал ты счастья своей матери, то не мешал бы ей выйти замуж за хорошего человека.

- Как вы смеете говорить такое?!- вскипел парень.- Как вы посмели так подумать о ней?!

И до того рассвирепел, что готов уже был с кулаками броситься на гостя, а то даже, как ты, мог и топор ухватить. Но тут открылась дверь комнаты и вошла мать того парня. Вошла и сказала:

- Не спорь с гостем, сынок, он говорит правду.

И только после этих слов парень понял, что много лет он терзал и мучил свою мать. Ведь можно терзать и мучить человека не только злобой, но и любовью.

В другой раз. Мы сидели в кабинете Адылова и занимались синтаксисом каракалпакского языка, когда вдруг резко распахнулась дверь и в кабинет ворвался парень лет семнадцати- восемнадцати, то есть наш ровесник.

- Товарищ судья,- заявил он прямо с порога,- почему нарушается справедливость?

Не гони коня, джигит,- перебил его Адылов.- Сядь я рассказывай все по порядку.

- В нашем ауле жила девушка. Звали ее Гулипа. И была она мне как старшая сестра. Во всем я ей помогал. Даже письма тайком ей носил от того парня, ну, в которого она влюбилась. А полюбила она его очень сильно. Очень... Даже гулять ее провожал, когда хотела она с тем... ну, с парнем с этим встретиться. Если я был рядом, то родители ее ни о чем таком не догадывались, то есть ничего не подозревали и легко отпускали ее погулять. Мы обычно шли собирать хворост в лес за аулом. Я собирал хворост и для себя и для нее, а она там с парнем этим встречалась.

Тут, значит, началась война. И ему пришла повестка. Гулипа хотела даже с ним на фронт идти, но ее не взяли.

В общем, беременная она уже была. Когда узнали об этом, аксакалы привели ее в дом к тому парню и их поженили.

Он ушел воевать, а она часто советовалась со мной, спрашивала, как лучше ребенка назвать. Говорила, что если будет мальчик, то надо дать ему имя Женис⁴⁸[48], а если девочка, то к имени прибавить «гуль», чтобы получилось Женисгуль⁴⁹[49]. Еще о нем часто говорила. Какой он сильный, смелый и честный человек.

Прошел месяц, как наши джигиты уехали на фронт. От всех письма пришли. А от него - нет. От него одного не было писем, понимаете?

Прождали еще месяц. Два. Три. А писем все нет и нет. Она плакала, думала, что его убили.

А потом вдруг приехали два милиционера и сделали обыск в доме того парня, в том доме, значит, где теперь жила Гулипа. Милиционеров спрашивали: что случилось? Но они ничего не сказали. А назавтра привели под конвоем человека, которого поймали в лесах. В ауле поговаривали, что в лесу прячется кто-то и ночами ворует овощи с огородов, а еще овец и коз тоже ворует. Он был весь заросший до самых глаз. Волосы торчали во все стороны. И лицо такое грязное, что вовсе черное. А когда мы пригляделись, то оказалось, что это он...

Он убежал по пути на фронт и прятался...

Гулипа но стала даже с ним разговаривать. А потом подошла ко мне и шепнула: «Не хочу рожать от предателя».

Я ее уговаривал: «Не делай этого, сестрица Он будет не его, а твоим ребенком. А ты ведь хорошая».

Она мне ничего не ответила. Я всю ночь переживал. Места себе не находил. А утром...

Вообще она всегда поднималась пораньше и шла в хлев, чтобы, значит, почистить там. Они скотлну держали...

Когда я в хлев вбежал, она уже в дальнем углу лежала... А на животе у нее камень - жернов от ручной мельницы... Тяжелый. Мертвая она уже была... И это, ну, понимаете, струйка крови... Ну, между ногами... Текла...

А этого парня я вчера увидел в городе. Почему его отпустили? Почему?!

- Указ вышел об амнистии дезертиров.

⁴⁸[48] Победа.

⁴⁹[49] Цветок Победы.

- Но он же не только дезертир. Из-за него два человека померли... Погибли два человека! Он виновен в этом!.. А он тут разгуливает. Как же так? Кто ответит за все?.. Кто?

В следующий раз

- Извините, товарищ судья. Но в отделении милиции никого нет, и я решил прямо к вам,- проговорил он растерянно.

- Куда же все девались? Опять где-то шляются во время службы.

- Нет, наверное, все по срочному вызову уехали.

- Ладно, ладно, не выгораживай своих. Что там у тебя? В чем дело?

- А вот в них и дело.- Милиционер подтолкнул в кабинет двух женщин среднего возраста,- Около бани их задержал. Дрались, царапались. За волосы дружка дружку таскали. И вообще нарушали в общественном месте. Вот я их и привел.

- Назовите свои имена,- приказал Адылов.

- Ширин,- тут же выпалила та, что повыше и поздоровее. Рослая и сутулая, она была похожа на верблюдицу, но лицо широкое, плоское, а глазки маленькие, сощуренные, зрачки сквозь щелки почти не видны.

Другая женщина маленькая и щуплая. По сравнению с первой - полуженщина какая-то.

- Не стану я называть свое имя. Не хочу, чтобы оно звучало в этом склочном деле.

- Ладно,- произнес Адылов свое любимое словцо,- имя ваше мне не нужно, но что случилось, я знать обязан. Рассказывайте,- приказал он той, что не пожелала назваться.

- Я пошла в баню. А с этой встретила в раздевалке. Впервые там увидела ее. Шкафчики наши рядом были. Когда помылась и вышла одеваться, она опять тут же. Смотрит, я надеваю на палец золотое кольцо, и говорит: «Дай я примерю. Пойдет ли мне». Я и дала, ничего не подозревая. Кольцо ношу на среднем пальце, а она его еле на мизинец натянула. «Ах,- говорит,- мне как раз». И не отдает. Я говорю: «Верните кольцо. Это память о матери». А она вдруг как заорет: «Иди отсюда! Прочь, попрошайка!» И - на улицу с моим кольцом. Я - за ней. Она - бегом. Я ее схватила за рукав. А она мне в волосы вцепилась и кричит еще громче. Тут подошел милиционер. Вот и все.

- Ой-ей-ей,- запричитала Ширин,- поглядите на эту бесстыжую! Ведь врет и не сморгнет даже!- Она подняла мизинец,- Мое кольцо! Собственное. Двадцать лет его ношу. А эта плутовка... Да вы только послушайте, товарищ судья, что она говорит. Будто носила кольцо на

среднем пальце, а по обычаю, на среднем носят лишь женщины, которые желают смерти своим мужьям. Так? Так! То-то! Что, попалась на вранье?! И откуда такие бесстыжие берутся? Да лучше ослепнуть, чем жить с такими под одним небом. Да лучше помереть, чем мыться с такой в одной бане. Да лучше...

- Ладно, хватит. Прекратить! - прикрикнул Адылов.- Дело путаное... От кольца на пальце должен след оставаться, но если в бане были, то под горячей водой мог и разгладиться... Путаное дело... Нужен следственный эксперимент. Вот сейчас мы его и проведем... Так, значит. В раздевалке голышом были? Вот, значит, и раздевайтесь. Ничего-ничего, раздевайтесь при ребятах. Да поскорее.

- Во всяком деле, кроме смерти, лучше поторапливаться,- охотно согласилась Ширин и тут же принялась расстегивать пуговицы на кофте.

- Это что же за эксперимент такой бесстыжий?! - возмутилась щуплая.

- Если не разденетесь, останетесь без кольца,- сурово предупредил Адылов.

Тьфу, срам какой,- в сердцах плюнула маленькая женщина и выбежала из кабинета.

Адылов подошел к Ширин, которая еще .не успела растелешиться, и сказал:

- Такие бессовестные, как вы, легко могут оклеветать любого.

Потом приказал милиционеру снять с нее кольцо, догнать убежавшую женщину и вернуть ей вещь.

Из уроков, которые мы проходили в кабинете заведующего гороно

- Уважаемый аксакал,- пояснял Адылов,- сейчас требования к учителю уже не те, что десять или двадцать лет назад. Вам надо бы поступить в педучилище, пусть хотя бы на заочное отделение.

- Да я бы не постеснялся сидеть за одной партой с такими вот, как эти джигиты, но разве на старую-то голову мне осилить все эти алгебры, химии, физики?

- Уважаемый аксакал, - продолжал увещевать Адылов,- вы правильно поняли ситуацию. Я вызвал вас, чтобы сообщить; на ваше

место хочу рекомендовать одного из таких парней, окончивших педучилище,

- А какое оно, мое место? Я теперь преподаю только в первом классе,- упорствовал старый учитель.- Конечно, не могу быстро читать или умножать в уме большие числа. Но «Алиппе» хорошо знаю. Складывать или отнимать числа в пределах сотни тоже могу. А разве в первом классе надо знать больше? Я же не прошу второго класса. Мне достаточно и того, что имею. Да вы не торопитесь. Вот я вам расскажу одну притчу. Послушайте.

Притча, рассказанная старым учителем. В одном государстве неожиданно скончался правитель. А наследников не оставил. Собрались советники. Долго думали-гадали, решали и так и сяк и наконец после всех споров постановили: назначить правителем молодого парня, который долго учился в медресе и достиг пределов знания.

Как только парень уселся на трон, так тут же призвал к себе всех тех советников и устроил им экзамен. Строг был экзамен. Никто из советников его не выдержал. И всех он погнал с их мест. Стал один управлять государством. И люди, конечно, со всякими жалобами и печальями шли прямо к нему. Но с людьми он тоже говорить не мог, поскольку все они для него были недостаточно образованными. И всех он считал безголовыми болванами.

Год или два терпели, а потом люд возмутился. Мудрость, конечно, хороша, но только тогда, когда ее все понимают. А если ею владеет лишь один, то другим, значит, ничего, кроме глупости, не остается. Вот они и задурили.

Советники видят, что дело плохо. Хоть правитель и отстранил их от власти, но все же собрались они и стали размышлять, как спасти державу. И придумали: дать ему такое лекарство, чтобы он малость поглупел. Не совсем, а лишь ровно на столько, чтоб других людей мог понимать.

Долго такое лекарство искали, наконец нашли. Подсыпали в еду своему государю, и стал он понимать людей и выслушивать их.

Уж не хотите ли вы сказать, что если эти ребята после окончания педучилища не позабудут половину своих знаний, то им и преподавать в первом классе нельзя?

- Вы хоть и большой начальник, а этой маленькой притчи не поняли. Ну, спасибо за откровенность, а я пойду,- произнес он с обидой и, вдруг повернувшись к нам, добавил:- Ребята, у нашего народа много легенд, сказаний, притч, загадок. Учитесь понимать их смысл. И не забывайте детям рассказывать притчи и сказки. Это ведь тоже воспитание литературы. Только устной литературой.

Адылов погрузился. Видимо, притча, и особенно последние слова, старого учителя задела его за живое.

- Ребята,- обратился он к нам, помолчав немного,- мне приходилось слышать, что великий русский писатель Федор Достоевский говорил: «Все мы вышли из гоголевской «Шинели». А если так подумать, то откуда вышли мы, каракалпаки? Конечно, из фольклора, из этих вот сказаний, преданий, притч. Да и совсем ли мы вышли из них - тоже вопрос. И надо ли выходить совсем? Ваша учеба - это подготовка к преподаванию, к наставничеству. Но не надейтесь, что, окончив педучилище, вы будете только обучать других. Нет, вам придется и самим постоянно брать уроки у других людей. Так уж устроена жизнь...

12

Для меня до сих пор загадка: почему это районо выдало мне направление в школу-семилетку, что находилась в пяти километрах от моего родного аула, когда в нашей десятилетке как раз не хватало учителей? Но логика казенного мышления неисповедима. Сколько я ни убеждал, сколько ни доказывал. Нет. Уперлись, и все тут.

- Нам виднее,- говорят,- куда вас направить на работу. А для вас должен быть один закон - трудовая дисциплина.

Директор той школы, куда меня определили, издал приказ, согласно которому я полностью брал четвертый класс, а еще из-за нехватки учителей вынужден был преподавать математику в 5 - 6 классах. Через полгода меня назначили еще и старшим пионервожатым. Но мало того, на меня же возложили обязанность вести литературный кружок, хотя сам директор преподавал каракалпакский язык и литературу, и, казалось бы, ему заниматься кружком сподручнее.

Впрочем, я и не противился. Во-первых, вести литкружок - это совпадало с моими интересами. А во-вторых, чем сильнее меня загружали, тем более значимым и ценным работником я сам себе казался. Одно плохо - свободного времени практически не оставалось.

Притча, которую поведал мой дедушка. В давние времена жил один многодетный отец, и больше всех своих детей любил он младшего сына. Всюду-то брал его с собой, и доверял таскать самые тяжелые вещи, и только ему позволял прислуживать себе за столом, и даже собственную посуду мыть разрешал только ему. Такое доверие радовало парня, и он старался изо всех сил.

А братцы его меж тем ожениться, хозяйством обзавелись. Кто в учебу пошел, кто по торговым делам, но все преуспели, и каждый стал славен и знаменит. А любимый сынок все при отце крутился. Но однажды опомнился и говорит отцу:

- А когда же мне начинать жить своим домом?

- Наконец-то,- обрадовался отец,- а я уж боялся, что ты так никогда за ум и не возьмешься.

Отвел отец сына на берег Аму, в то место, где впадает она в Аральское море, и сказал:

- Вот, живи здесь. Строй дом. Лови рыбу,- а сам пошел погостить к другим детям, да так больше и не вернулся.

Уж не мы ли потомки того старательного сына?

К чему я говорю тебе это, Тулек? А к тому, что, может, и твой директор ждет, когда же ты сам за ум возьмешься.

Легенда, рассказанная моей матерью. Давным-давно у одного шаха тоже был любимый сын. Остальным сыновьям стало завидно, и начали они клеветать на него и наконец добились того, что шах поверил той клевете и возненавидел сына, которого прежде любил. Так возненавидел, что решил его казнить.

Однако для родителей сын - всегда сын, и захотел шах дать ему возможность спастись. А для этого позвал к себе судью, отсыпал судье монет и говорит:

- Предложи моему сыну две бумажки. На одной пусть будет написано: «Казнить», а на другой: «Помиловать». Не хочу, чтобы я стал

виновником его смерти. Пусть сам вытянет бумажку и сам решит свою судьбу.

Судья обещал так и сделать. Но другие братья узнали о том и тоже подкупили судью. И дали ему денег больше, чем шах. Попросили они, чтобы и на одной бумажке и на другой было написано слово «Казнить».

Настал день суда. Судья протягивает шахскому сыну две бумажки и говорит:

- Выбирай. Сам решай свою участь. Что вытянешь, то и будет.

А парень догадался о том, что замыслили братья против него. Подошел он, взял бумажку да не разворачивая и сунул ее в рот. Разжевал ее и проглотил. А потом обращается к судье и говорит:

- Я вкусил то, что уготовила мне судьба. Теперь разверните другую бумажку и прочтите, что там.

Судья разворачивает другую бумажку. А его люди окружили, при них наврать он не может, а потому читает то, что там написано. А написано там: «Казнить». Значит, парень вынул и проглотил ту, на которой написано: «Помиловать».

Его и помиловали.

Помни, Сере: из любого положения всегда есть выход. Не зря люди говорят, что одно верное слово может отвести сразу тысячу сабель, нависших над твоей головой.

Случай, который рассказал мой отец. Тут недавно провожал я нашего председателя. Да что там «провожал», если честно, то пьян он был вдребезги. Еле дотащил его. А он всю дорогу бубнил:

- Я с чего напился,- говорит,- я с тоски напился. А тоска с того, что чую неладное, а откуда беду ждать - не знаю. Когда,- говорит,- председателем сделался, так я враз приструнил всех, кто был мною недоволен. Кого вовсе от дел убрал, кого припугнул, и все они замолкли. Теперь против меня никто и слова не скажет.

Когда о чем ни спрошу, все одно талдычат: «Слава богу, под твоим руководством дела идут отлично».

Какое там к шайтану «отлично». Я ведь вижу, сколько кругом неполадок. Я ведь чую - а нюх у меня ой-ей-ей какой,- чую, что ошибок у меня навалом. А какие именно - понять не могу. И никто ведь не подскажет, чтобы исправить успел. Так вот и влипну. И загремлю. Ох, влипну...

Говорил он это, а сам чуть не плакал.

Сынок, начальство, оно, конечно, несогласных не любит, но уважает, если умное. Потому уважает, что чувствует: без них оно и само пропадет. Так что ты уж будь поежистой, позанозистой.

* * *

Я, конечно, как и подобает, с вниманием выслушивал старших - и отца с матерью, и бабушку с дедушкой, и аксакалов с коше-бием, но, признаюсь, не очень то задумывался над всеми этими притчами, легендами и рассказами из жизни. Просто времени для размышления над ними не было.

Дел невпроворот. Встать с утра пораньше и спешить за пять километров в школу. Там - уроки, пионерские собрания и слеты, заседания педсовета и литературного кружка. Вечерами - проверка тетрадей и подготовка к завтрашним урокам. И так день за днем и без конца.

А если и выдавалась свободная минутка, то голову я загружал не размышлениями над преданиями и поверьями, а строчками и рифмами ненаписанных стихов.

Бросить это занятие я не мог. Сколько уже потерпел на нем! Сколько обидных слов из-за него выслушал и вычитал! Ни единой похвалы не удостоился. Но оно доставляло мне какую-то тайную радость. Было почти что манией. Почти что скрытой болезнью.

Стихи я писал и писал. Некоторые из них продолжал посылать в редакцию, продолжал, несмотря ни на что. И ждал, ждал, когда же опубликуют. Если по какой-то причине я не успевал с утра просмотреть хоть один из номеров газеты, то моментально закрадывалось сомнение-надежда: а может, именно в этом-то номере их и напечатали? В такие дни, входя в класс, я с нарочитым спокойствием спрашивал:

- Ну как, дети, что в сегодняшней газете пишут? Поднимите руки, кто читал?

Я ждал, что вот сейчас они дружно загалдят, и я пойму по их голосам и лицам, что они уже видели мое стихотворение и конечно же оценили его по достоинству.

Пусть не все, пусть хоть один кто-то встанет и скажет, что сегодня с утра он прочитал мое стихотворение. Пусть даже не хвалит его, пусть только скажет: Учитель-ага, я прочитал ваши стихи.

Но нет. Ответы были как и всегда. Я их уже наизусть помнил:

- К нам в аул газета опаздывает...

- А у нас в доме ее не выписывают...

- Я не успел прочитать, утром читал отец,.

* * *

На следующий год ушел из школы мой директор, и на его место пришел Тажетдин Сейтжанов. Теперь он народный поэт Каракалпакии, но уже и в то время писал стихи. Не просто писал, а еще и публиковал их в республиканской газете. Я конечно же многие годы внимательно следил за поэтической рубрикой газеты, а потому не только имя, но и произведения Сейтжанова были мне знакомы.

Школу будет возглавлять поэт. Еще достаточно молодой, но уже достаточно известный. Само собой разумеется, эта новость обрадовала меня. Более того - вдохновила, вселила надежду.

Писали мы с ним почти наперегонки, словно бы соревнуясь. Но если уж совсем по-честному, то надо признать, что это я соревновался, а он, видимо, слагал стихи, как и всегда, с той скоростью, с какой мог, и как считал нужным.

Мне его стихи нравились. По душе пришлись они и слушателям. А мои... Да что тут говорить. Кажется, они не трогали никого, кроме меня. Даже Тажетдина Сейтжанова, хотя он и не говорил мне об этом - не хотел огорчать.

Но зависти к нему у меня не было. Правда - не было. И работали мы дружно.

Помню, посоветовавшись, решили создать в школе драматический кружок, нечто вроде школьного театра. Ставили с учениками одноактные пьесы и отрывки из знаменитых классических пьес. Это для нас было не просто «культурной работой», мы таким способом сами приближались к постижению большой литературы, как бы пробовали слова «на вкус», испытывали их «на жест».

Но наши поиски и начинания, как и сама наша совместная работа, скоро завершились. На следующий год по решению все того же

заведующего местным районо меня перевели в другую школу. Километров за двадцать от нашего аула. Зачем перевели - не могу понять, ведь мое место (вернее, мои места: преподавателя, пионервожатого, руководителя кружков) долго еще пустовало. Я ходил, пытался убедить, вразумить, но все без толку.

Новая моя школа находилась на самом берегу Аму-дарьи. Я частенько прогуливался по берегу, потому что времени свободного у меня тут было с избытком. Никаких дополнительных нагрузок, никаких преподаваний в старших классах. Да и откуда им взяться, этим старшим классам, школа-то была начальной.

Гулял я по двум причинам.

Потому, во-первых, что нравилось. Здесь, на берегу Амударьи, рос редкий по красоте, стройный турангиловый лес. Вообще-то турангил коряв и сучкаст. Он изгибается и стволом и ветвями, словно норовит разостлаться, едва приподнявшись над землей. Но тут деревья росли так густо, что от тесноты вынуждены были, спрямляя стволы, тянуться ввысь, к солнцу. Лес этот называли «золотым». И не даром. Он был и впрямь великолепен.

Во-вторых, мне нечем было заняться. Все книги, выходявшие на каракалпакском (какие только сумел достать), я уже прочитал. Четыре дастана, записанных из уст сказителей, несколько сказок, стихи некоторых поэтов прошлого (тоже, кстати, не академические издания, а в записи «из народных уст»), две-три повести наших авторов (повести эти правильнее было бы назвать рассказами или отрывками, авторы начали их писать еще до войны, но не окончили, так, в неоконченном виде, их и печатали), сборники стихов и рассказов. В общей сложности томиков десять - пятнадцать, каждый страниц по пятьдесят - шестьдесят. Долго ли их прочесть?

Я мечтал о переводных книгах, поскольку в то время о них приходилось лишь мечтать: тоненькие сборники стихов, рассказов и отрывков из классики - вот и все. Хоть по пальцам перечесть.

Я злился на наших писателей и издателей. Уж коли сами не пишут, так хоть переводили бы побольше. Впрочем, так думал тогда не только я. Мы, учителя, часто говорили об этом меж собой, и все высказывали то же самое, только, пожалуй, в более резких выражениях.

Отец не раз говорил: «Если можешь сделать сам, то не жди, пока это сделают другие...»

Бабушка поучала: «Свою ношу сам и неси, и нечего кивать на других, чего это они, мол, порожняком разгуливают...»

Моя мать напоминала каждую неделю: Не больно-то ты образованный. Знаний у тебя пока маловато. Ехал бы ты снова учиться...»

...На следующий год летом отправился я в Нукус поступать в педагогический институт.

13

Чего только не случается в человеческой жизни. Иногда мечты сбываются самым невероятным образом. Так и произошло со мной.

1 сентября 1950 года студенты первого курса филологического факультета Нукусского пединститута, собравшись в аудитории, ждали, поглядывая на дверь, и гадали: с лекции по какому предмету начнется их учеба, кто из преподавателей окажется первым?

Дверь распахнулась, и в аудиторию вошел ректор - Турдымурат Бекимбетов. Он молча оглядел всех, а потом пошел по аудитории, пошел медленно, присматриваясь к каждому, и, изредка тыча пальцем, приказывал: Ты. Вот ты, парень. И ты тоже. И вы двое. Встаньте. Так. А теперь все марш за мной.

В числе тех, на ком остановился перст ректора, оказался и я. Всего нас набралось человек пять-шесть. Не понимая, в чем дело, пошли мы за ректором по коридору и свернули в одну из аудиторий. Там уже сидело человек сорок. Ректор велел нам рассаживаться, а сам взошел на кафедру и произнес краткую, но памятную для меня речь:

- Все вы будете учиться па факультете русского языка и русской литературы. Если кто не желает - может забирать документы и возвращаться домой.

После этого он повернулся и вышел, считая, что разговор окончен.

Такой оборот был для меня полной неожиданностью. В первую минуту я даже не понял, что мне делать - радоваться или тужить.

Вроде бы радоваться. Я ведь помню, как мой вожатый Узакбергенга говорил, что русский язык для нас - крылья. То же самое толковывал нам и Адылов. Давно уже хотел я заняться изучением русского языка, а главное, давно уже хотел познакомиться с русской

литературой, которую все уважаемые мною люди называли великой, а в чем ее величие, я пока никак не мог уразуметь, поскольку знаком с ней был только по переводам, скверным, надо прибавить, переводам, и к тому же переводам не произведений, а всего лишь отрывков.

Итак, значит, радоваться. Но я, скорее, опечалился. Вернее сказать - испугался. Ведь в русском я был полный профан. На вступительных экзаменах по русскому языку я чуть не провалился с треском, поскольку заявил, что Пушкин - имя женского рода.

Мне для разбора досталось предложение: «Мы любим Пушкина».

Я помнил, что если русское слово оканчивается буквами «а» или «я», то это слово женского рода. А про падежи забыл, конечно, ведь в моем родном языке их нет. Еле-еле сумел умолить экзаменатора и выклянчить себе тройку. И вот нате вам пожалуйста, с такими-то познаниями я оказался студентом факультета русского языка и русской литературы.

Нужно было срочно наверстывать упущенное. Занимался днями и ночами. Хорошо, если в сутки спал по три часа. Порой не успевал и поесть. Впрочем, если бы и было времени в достатке, то досыта поесть мне все равно не удалось бы, поскольку, кроме черствых лепешек и жареного проса, привезенного из дома, у меня в запасе не было ничего и в карманах тоже пусто.

Не знаю, сколько бы я протянул при такой нагрузке и таких харчах, будучи даже абсолютно здоровым человеком, но 18 сентября слег. Сказались недели, проведенные по грудь в бешеной Амударье, месяцы строительства канала и годы военной и послевоенной голодухи. Началась долгая, изнурительная, трудноизлечимая болезнь.

Я слег. Словно слетел с коня на всем скаку и угодил точнехонько в глубокий ров, будто специально для меня и вырытый.

Я понял: если помру, то моим родителям будет трудно отсюда, из города, за сорок с лишним километров везти меня на наше аульное кладбище. Решил, что, пока могу ходить, обязан облегчить им это дело. Больной, с пустым желудком и тяжелыми думами, вернулся я домой.

Родные встретили меня, как всегда - обрадовались. Но по моему виду поняли, что со мной что-то стряслось. Вернулся я под вечер и тут же завалился спать. Утром, когда моя мать увидела, как я кашляю и харкаю кровью, спросила грустно и строго:

- Почему ты уехал из города, где столько врачей? Кто будет тебя здесь лечить? Ни я, ни отец, ни дедушка с твоей болезнью не справимся.

Или ты думаешь: вот, мол, помру - и все будут плакать. Конечно, когда помирает молодой, то каждому жалко, и все аульчане придут пособолезновать и потом еще неделю только об этом и будут толковать.

Но ты лучше бы подумал о своих братьях и сестренках, Если у тебя чахотка, то она заразная. А у меня ты не единственный сын. Я должна заботиться и о младших.

Мне показалось, что мать была сурова и несправедлива со мной. Вместо того чтобы пожалеть, она меня отчитала.

Мой дедушка говорил: «Как бы сильно мать ни замахнулась на сына, она все равно не ударит больно...»

Коше-бий поучал: «Наподобие того как тигр-джульбарс не меняет направления избранного курса, так и настоящий джигит не должен уклоняться от своей цели...»

Легенда, рассказанная моим отцом. Жил-был когда-то один знаменитый мудрец. К его советам все прислушивались. Люди даже издали приходили, чтобы слово его услышать. И сам он этим очень гордился. Но однажды напал на мудреца страшный недуг. Язык отсох. Тысячу способов он перепробовал - без толку. Не может говорить, и все тут.

Тогда решил он, что никому больше не нужен на всем божьем свете. А коли так, то пора кончать с этой жизнью никчемной. И отправился он в горы. Далеко забрался, все место такое отыскивал, где можно повеситься, но так, чтобы ни птица, ни зверь его не тронули. Не хотел он после смерти доставаться ни ворону, ни шакалу.

Наконец в самой густой чаще нашел-таки подходящее дерево. Взобрался на него, уже и веревку к суку приладил, вдруг видит - гнездо. И чудное такое гнездо, каких он еще не видывал. Любопытству человеческому нет предела. Ведь вроде вешаться собрался, аи нет, хоть и перед смертью, а охота ему узнать, чье это такое гнездо.

Ну, полез он по дереву, добрался до того гнезда и видит в нем трех птенцов. Один - слезами заливаается. Другой - спокоен. А третий - смеется.

Глядит мудрец и понять ничего не может. Заметил третий птенец, что лицо у человека недоуменное, и говорит человеческим голосом:

- Не удивляйся. Наша мать улетела невесть куда и вот уже третий день не возвращается. Два дня мы ее ждали спокойно, а вчера вползла на дерево большущая змея. Всех нас оглядела и сказала: «Я съем вас, но не всех сразу, а по очереди». Вон того, который плачет, она съест сегодня вечером. А этого, который спокоен,- завтра. Ну а меня - послезавтра. Вот я и смеюсь от радости. Наша мама всегда нас учила: «Не должен унывать тот, у кого впереди хоть день жизни». А у меня - целых три.

Вслушал все это мудрец и ничего не ответил, ведь язык-то у него отсохший. А слез он с того дерева и в кустах притаился, змею решил подстеречь.

И точно - в полночь змея тут как тут. Ползет без опаски. Только она вокруг дерева обвилась, чтобы, значит, на него вползти, как человек хватить палку да ею змее - по голове. Так с одного удара змею и убил.

Утром откуда ни возьмись прилетает мать этих птенцов. А матерью их была сама птица Семург⁵⁰[50]. Стала она благодарить спасителя своих детенышей. А тот в ответ молчит, лишь улыбается. Поняла все птица Семург и вновь улетела. Но вскоре воротилась, а в клюве у нее травка такая - ханский цвет. Пожевал ту травку человек, и сухотку с языка как рукой сняло.

Так вот, сынок, аксакалы говорят, что человек тот - наш предок и будто бы он всем своим потомкам завещал:

- Живите с верой в завтра. Выживает тот, кто надеется.

Все соседи уже знали о моей болезни буквально на следующий день с утра, спозаранку. И это несмотря на то что вернулся я в аул затемно, почти ночью, и тут же улегся в постель. С рассветом аульчане по одному, но двое стали наведываться к нам в дом и осведомляться о моем здоровье. Но моя мать встречала их отнюдь не радушно:

- Нашли чем утешить парня - расспросами о хворобе. Вы бы еще рассказали ему, что перед смертью говорили ваши бабушки и дедушки. Расскажите, расскажите. Не стесняйтесь,- понуждала она.

Соседи недоумевали, но с матерью моей не спорили, зная ее характер. И рассказывали. И порассказали...

⁵⁰[50] Мифическая птица.

Из рассказов соседей.

- ...Мой дедушка вздохнул перед смертью и говорит бабушке, а она как раз тут, у него в изголовье, и сидела. «Эх,- говорит,- кабы я без тебя на воле хоть недельку пожил, так мне бы сейчас и сожалеть было не о чем...»

- ...А мой дедушка попросил пиалушку чая. Я бросилась заваривать. Только хотела выплеснуть остатки и сполоснуть чайник, как он замахал руками и закричал: «Ты что?! Не делай этого. В доме и так мало чая. Разве не знаешь, что крепкий чай вреден для...»- не успел договорить. Это и были его последние слова...

- ...Моя бабушка, вы все помните, никогда не горевала. Что бы ни случилось - она не предавалась унынию, всегда веселая была. А вот перед тем как ей умирать, вдруг тихо так говорит, вроде не кому-нибудь, а самой себе: «Жаль, что ни денечка в радости не прожила...»

- ...«Дети мои,- сказала наша бабушка,- я пошла, а вы оставайтесь с миром...»

- ...А мы тогда дом для себя новый строили. И вот дед дождался-таки, пока его закончили, и велел ему постройку показать. Я его повел. Он все за меня держался. «Вот в этой комнате,- говорит,- я и буду жить. Полы здесь больно хлипкие,- говорит и ногами еще по доскам потопал,- Перестелите,- говорит,- чтобы потолще были. Начали мы перестилать. Потом заглянули к нему, а он уже не дышит...

- ...А мой сказал: «Вот бы заново родиться, да чтобы сызмальства знать, что такое жизнь...»

Я тоже не понимал, почему моя мать заставляла соседей знакомить меня с исповедями и завещаниями их дедушек и бабушек. Подобные рассказы не очень-то жизнеутверждающи и не настраивают на оптимистический лад. Я злился на мать. И на соседей тоже. В конце концов мне это попросту осточертело, и как-то утром, пораньше, чтобы никто не заметил, втихую, чтобы никого не разбудить, я выбрался из дома и пошел к городу. Когда стоял у дороги, дожидаясь попутной машины или арбы, вдруг увидел, что от аула бежит моя мать. Она подбежала, сунула мне сверток и, не сказав ни слова, пошла обратно. В свертке были лепешки и жареная курица. Сегодня с утра курицу зажарить она не могла. Значит, уже вчера знала, что я уеду. Откуда? Вчера я еще и сам не знал об этом.

В городе пошел по врачам, и они уложили меня в больницу. Пролежал месяц. Полностью они меня, конечно, не вылечили (да и сегодня - через тридцать с лишним лет - не могу сказать, что окончательно исцелился), но на ноги поставили. И через месяц я вернулся в пединститут...

14

Мой дедушка рассказывал: «Помню, как впервые увидел Аральское море. В арках и каналах я плавал хоть куда. Никто со мной наперегонки в мелкой воде даже и не думал тягаться. А тут решил окунуться, подошел к морю и чувствую - колени дрожат».

Лишь только начал я слушать лекции на факультете русского языка и литературы, сразу же почувствовал себя как мой дедушка перед морем. И ведь вроде бы тоже не новичок: успел и почитать кое-что и даже написать (хоть и не опубликовал), успел уже окончить педучилище и даже других поучить успел, а вот колени от неуверенности все равно дрожали.

На меня как волны в шторм обрушивались десятки имен незнакомых мне писателей, сотни книг, тысячи стихотворных строк. Я тонул в этом море, но, главное, отчетливо понимал, что моя мечта стать поэтом смехотворна и несбыточна. Ну куда мне не то чтобы тягаться, а хотя бы мало-мальски приблизиться к таким, как Гомер, Данте, Омар Хайям и Шекспир, Пушкин и Гёте. Однако и расстаться со стихами я по-прежнему не мог.

Единственным, кто понимал мое тогдашнее состояние, был Аган Никифорович Сидоров. Он преподавал у нас историю литературы, а еще устное народное творчество.

И до Сидорова и после него я встречал много хороших лекторов и преподавателей, но у него был особый дар - казалось, будто он говорит для тебя одного. Такая «интимная» педагогика привязывает ученика к учителю, и еще благодаря ей я начал относиться к литературе как к своему личному делу.

Привязавшись к Сидорову, стал заходить к нему домой. Он давал мне книги, и я, хотя и половины не понимал из того, что читаю,

проглатывал их залпом. Вскоре начал замечать, как помаленьку постигаю и русский язык, и мысли авторов, и уже через какое-то время мог смело сказать, что не понимаю всего лишь трети, а то даже и четверти прочитанного. А это большой прогресс.

Из советов Агана Никифоровича Сидорова - преподавателя литературы

- Любому делу можно научить. В любой профессии можно добиться того, чтобы подопечный усвоил все, что знает и умеет наставник. Но писательству научить невозможно. Если ученик станет писать так же, как учитель, то его писанина никому не нужна...

- Во всяком деле надо уметь держать мысли и чувства в узде и направлять их на верный путь. Только не в литературе. Здесь с мысли снимают узду, и она вырывается на волю. Гнаться за свободными мыслями, даже собственными, невероятно трудно, потому что они уносятся аж до звезд и забираются в такие пределы, куда человеку и ступать-то боязно...

- У великих писателей великая интуиция. Предвидение, предчувствие. Прошли века, а книги их до сих пор современны. Это потому, что они не подсматривали за жизнью, а предусмотрели все, что может в ней произойти даже - через столетия...

- Жизнь не делится на две половины - вот хорошее, а вот плохое. Все в ней переплетено. Да и сами понятия «хорошо» и «плохо» не однозначны. Чтобы отделить плохое от худшего и хорошее от лучшего, чтобы разобраться, что хорошего в хорошем и что плохого в плохом, необходима железная логика. Интуиция писателю нужна, но логика ему нужна не меньше...

* * *

Я учился литературе. Учился старательно, честно и трудно. Пытался понять великих мастеров и радовался, если понимал, радовался, если их мысли и чувства оказывались сродни моим собственным. Изумлялся тому, как могут они достигать таких глубин и высот, как могут проникать и в душу героя и в душу читателя.

Учился.

Однако, в отличие от некоторых моих нынешних коллег, не рискну сказать; мой учитель Пушкин (или Лев Толстой, Достоевский, Шолохов).

Не рискну, потому что если ученик не достигает уровня своего учителя, то лучше бы ему и не поминать имен наставников (благо никто из них нас в ученики не приглашал), лучше не поминать, дабы ненароком не запятнать эти имена. Во всяком случае, мне так кажется.

15

Верно говорят: «Глаза трусливы, да руки смелы». Чем лучше я узнавал литературную классику, чем отчетливее представлял всю ее глубину, тем страшнее мне становилось. Но глубина манила, и я хоть и не надеялся вскорости познать все «до дна», но уже погрузился с головой. Писать начал еще больше.

Однажды летом 1951 года сидел я в читальне Центрального парка Нукуса. Зашел туда от безделья. Каникулы, занятий в пединституте никаких. Вот и решил в свободное время полистать газеты и журналы. Вдруг...

Да-да, именно. Я и глазам не поверил... Еще раз перечитал. Нет, все верно. Они! Мои стихи. В молодежной газете «Жас ленинши», на последней странице, ближе к левому нижнему углу мое стихотворение «Желание», а под ним - моя фамилия и даже имя полностью.

Наконец-то! Свершилось!!

Я, кажется, воспарил вместе со стулом, на котором сидел. Радость распирала грудь. Лицо сияло. Наверняка в этот миг от меня исходило какое-нибудь невероятно мощное излучение. Свет какой-нибудь. И хотя солнце и так стояло в зените, но свечение, испускаемое мною, наверняка ощутил бы любой. Будь в это время хоть кто-нибудь в читальне.

Но, увы, не было никого. Даже библиотекарьша забила поглубже в тени и на меня внимания не обращала. Хотел было уже подбежать к ней и заорать: «Это мое стихотворение! Видите! А Тулелберген Каипбергенов - это я! Вот смотрите! Я!» Но, правда с трудом, сдержал себя.

Впрочем, из-за того, что читальня была пуста, я, признаюсь, совершил то, чего ни раньше, ни позже не делал. Не сделал бы и тогда,

будь рядом хоть кто-то. Я украл газету. Свернул ее аккуратно и, сунув за пазуху, вышел в парк, надеясь хоть там отыскать знакомых. Но куда там. Жара. Каникулы. Ни единого знакомого лица.

Но вдруг (опять «вдруг» - день сплошных неожиданностей) у самого выхода наталкиваюся на нашего аульного коше-бия. Я даже не успел удивиться, не расспросил его, какими судьбами он в городе оказался, не осведомился ни о его здоровье, ни о том, как там в ауле проживают мои домашние. До того горел желанием хоть перед кем-нибудь похвастаться, что тут же, без всяких предисловий сунул ему в руки газету и, ткнув пальцем в стихотворение, выпалил:

- Мое!- Переведя дыхание, добавил:- Здравствуйте!

Коше-бий, казалось, тоже ничуть не удивился моему появлению. Он словно нарочно дождался меня здесь, у входа, и ждал будто бы именно затем, чтоб первым из всех людей прочитав мое стихотворение. Впрочем, любой уважающий себя коше-бий уверен, что именно он и должен обо всем случившемся с любым жителем аула (нынешним жителем или бывшим, не имеет значения) узнавать первым, из первых рук, из первых уст.

Читал он медленно. То ли наслаждался, то ли грамоту подзабыл, то ли видел уже плоховато, и мелкий, бледный газетный шрифт был ему «не по глазам». Пока прочитал, казалось, прошла целая жизнь. По крайней мере, за это время я успел поведать ему не только всю свою творческую судьбу, но даже поделился и планами на будущее.

Дочитав, он вместо похвалы произнес какую-то несуразную фразу:

- А разве ты еще не оставил намерений стать поэтом?

- С какой это стати я должен оставлять свое намерение, если - вот, видите - оно уже осуществляется?

Я вдруг заметил, что начинаю говорить не литературным слогом, а языком коше-бия.

- Неужели ты не осведомлен об анекдоте касательно поэтов?

Я ответил, что в институте мы изучаем теорию и историю литературы, а также биографии таких писателей, как Шекспир, Гёте, Пушкин...

- Значит, ты не имеешь представления касательно этого анекдота, поскольку он целиком посвящен не каким-то там поэтам, а нашим, каракалпакским. Ну так слушай внимательно.

Анекдот, рассказанный коше-бием. В недавно минувшие годы Великой Отечественной войны наши местные власти нукусского городского масштаба решили организовать воинскую часть в составе одних поэтов, поскольку все поэты - люди патриотически настроенные, граждане высокосознательные и боевые. Как вышестоящие инстанции, тчк и нижеследующие поэты выразили по поводу этого решения свое принципиальное согласие.

И вот все поэты пришли к военкомату и расположились общим фронтальным строем одной шеренги. Выступил из военкомата командир и приказал:

- По порядку номеров рассчитайсь!

Но они, вопреки команде приказа, начали на свой манер рассчитываться следующим образом:

- Первый. Первый.

- Первый...

Тогда командир, взяв в расчет особенности их творческой психологии, решил прекратить дальнейший расчет и, перестроив их в две шеренги, повести прямо на вокзал. Согласно принятому решению, он отдает им следующую команду:

На «первый» и «второй» рассчитайсь!

А они опять:

- Первый.

- Первый.

- Первый...

На основании вышеизложенной причины сформировать из них отдельную часть не оказалось в состоянии возможности, поэтому их распределили по одному.

Коше-бий рассказывал с таким азартом и так громко, будто хотел рассмешить не только меня, но и весь город. Действительно, двое-трое прохожих приостановились, чтобы послушать этот анекдот. А мне он показался пасквилом, и я почел личным долгом вступить за честь коллег, особенно теперь, когда я сам опубликовал стихи и уже могу смело говорить, что принадлежу к славному племени поэтов.

- Такой анекдот можно рассказать о ком угодно,- сердито возразил я.- Разве только одни поэты хотят быть первыми в своем деле? А рабочие разве не рвутся в передовики? А бригадиры не хотят разве

выйти на первое место? Разве не военные сочинили поговорку: «Плох тот солдат, который не надеется стать генералом»? И вы наверняка тоже хотите быть лучшим среди кошс-биев. Я вот прямо говорю: хочу стать первым среди поэтов! И ничего плохого в том нет. Вполне жизненное желание.

Коше-бий подумал и изрек:

- Действительно, граждане всех специальностей соревнуются промеж собой в достижении первенства результатов своей профессии. Но никто, как поэты, не вступает из-за этого в конфликты при помощи ссор и мелкой грызни.

- Они и не ссорятся,- вразумлял я,- они выясняют отношения. Оружие поэта - слово. И слово многозначное. Я могу назвать вас «худым человеком». А вы можете понять это двояко. Если вы поймете это как оскорбление, что, мол, вы плохой человек, то обидитесь. А если поймете это как похвалу, что в ваши лета вы еще стройны и худощавы, то обрадуетесь.

У каждого поэта свой выбор образных слов, своя образная система,- пояснял я научно и, как мне казалось, доходчиво,- но бывает, что один поэт не принимает образность другого и неверно понимает его слова.

Поэты не ссорятся, они критикуют друг друга. Обычно критикуют публично, в печати. Но это вовсе никакая не грызня. А напротив, так они стараются помочь своим коллегам избавиться от ошибок и достичь большего совершенства.

- А почему бы им не проводить взаимный обмен критическими ошибками с глазу на глаз, без посредства печатной помощи?

- Можно и так,- соглашался я,- Но если критикуется опубликованное произведение, то и критика должна быть публичной. Когда стихи напечатаны, они становятся всеобщим достоянием,- вымолвил я не без гордости.- И в таком случае все должны знать, что их общее достояние имеет тот или иной недостаток.

Коше-бий глянул на меня хитро и сказал:

Не соглашаясь с твоим выступлением, я полагаю, что вопрос сути в иной плоскости дела. Скажи, сколько платят за стихи?

- Пока я еще не получал гонорара, но один из знакомых поэтов говорил, что платят десять рублей⁵¹[51] за каждую строчку. И это самое малое.

⁵¹[51] Деньги дореформенные.

- Ой-бой!- удивился коше-бий.

- А как же? - Меня обрадовало его искреннее удивление.- Это еще не предел... Все зависит от стихов. За хорошие дают и больше, по двадцать пять рублей за строку.

- За каждую?

- Конечно, за каждую.

- А какое количество строчек можно написать в течение срока одного рабочего дня? Если взять персонально лично тебя, то за какой временной отрезок написал ты эти двадцать строк?

- За один вечер.

- Ой-бой!!- еще громче воскликнул он.- А за критику тоже платят?

- Разумеется.

- Вот и вопрос сути,- заявил он.- Свои стихи пишешь - идет получка зарплаты денег, чужие стихи критикуешь - обратно деньги берешь.- Коше-бий торжествующе поглядел на меня и ни с того ни с сего предложил:- Пойдем-ка пообедаем.

Не хотелось мне никуда идти после такого разговора, да и денег, честно говоря, не было.

- Ладно, ладно,- успокоил он.- Не впадай в состояние тревоги по поводу наличного отсутствия денег. Вернешь, когда станешь получать по двадцать пять рублей за каждую строчку. Говорят, что студенту легче сдать десять экзаменов, чем один раз досыта поесть. Идем,- потянул он за рукав,- и примем обеденную пищу внутри помещения ресторана,

В ресторане весело играла музыка. Мы поискали места и нашли их почти у самой эстрады. Коше-бий подошел к руководителю оркестра, дал ему тридцать рублей и попросил, чтоб они не играли, пока мы едим. Музыканты молча вышли.

Мы заказали обед.

- Эти музыканты занимались исполнением туркменской музыки,- пояснил коше-бий.- Л я предпочитаю любить только нашу каракалпакскую мелодию. Настоящая мелодия музыки есть только у нас, у каракалпаков! Ты разделяешь мнение моих мыслей?

Я конечно же тоже любил и люблю свою народную музыку. Но в этот день мне хотелось беспрестанно перечить коше-бию. Во всех его словах слышалось неумеренное самолюбование.

- Нет,- ответил я.- Наши композиторы сильно поотстали от всех других. Будь наши мелодии лучшими в мире, так ведь их бы исполняли по всему свету. Разве не так?

Он не захотел отвечать и сменил тему разговора. Вернее, вернулся к прежней теме:

- А за рассказы сколько платят денег?

- . Не знаю. Там считают как-то иначе. Не за строку, а за страницу, наверное.

- А что легче, сочинять письменно стихи или рассказы?

- Рассказы писать пока не пробовал, боюсь, у меня ничего не получится. А что до стихов, то их сочинять очень трудно.

- А ты предприми попытку попробовать с рассказом,- настаивал он.- Может, это легче и дороже ценится.

Я принялся втолковывать ему свои представления о специфике таланта.

- Есть борцы палваны,- пояснял я,- сильные на правую руку. А есть левши. Бывают и такие, у которых равно развиты обе руки. Так и писатели: одни сильны в поэзии, другие - в прозе. Некоторые одинаково сильны и в том и в другом.

- Хе!- воскликнул он.- Значит, Жолмурза Аймурзаев - самый сильный палван литературного мастерства. Он ведь равномерно пишет с обеих сторон: и со стороны поэзии, и со стороны прозы. Теперь я понимаю. Значит, ты проходишь учебу науки, чтобы стать подобным Аймурзаеву?

- Нет,- возразил я.- Если и стремиться походить на кого-то, то уж на Льва Толстого или Шекспира, на Лермонтова или Бальзака.

- Ой-ой,- замахал руками коше-бий.- Зачем ты хочешь держать равнение на таких неизвестных людей.

Он искренне желал мне добра и старался остеречь от дурных примеров.

Тем временем снова появились музыканты. Руководитель оркестра подошел к нашему столику и, протянув коше-бию шестьдесят рублей, попросил его не разговаривать, пока они будут играть. Коше-бий покраснел как перед.

- Какая бескультурная невоспитанность у этих музыкантов,- сказал он и, расплатившись с официантом, потянул меня к выходу.

На улице нас поджидал памятник великому классику прошлого. На голове у бронзового классика сидела ворона. Она по-хозяйски осмотрелась и принялась деловито и не спеша чистить перья.

- Эх, сынок,- с грустью промолвил коше-бий,- лучше бы ты не продолжал свои стремления в направлении области литературы. Ну чего там положительно хорошего? Тебя будут подвергать печатной критике в газете и непечатной по углам кулуаров. А если и добьешься степени известного звания, то поставят тебе памятник, чтоб стал ты для ворон местонахождением. Ничего положительно хорошего. Ничего!- повторил он.- Я могу предоставить в твое распоряжение некоторые советы из своего жизненного опыта. Если хочешь, конечно.

Я не возражал. Советы не камни, их принять не тяжело.

Из советов коше-бия:

- ...В этой жизни огромное число количества разных хитростей. Тебя, может быть, не раз обманут. Но не вводи самого себя в обман надеждой обмануть обманщика и перехитрить хитреца. Поступай прямо по долгу чести собственной совести...

- ...Не отказывайся поднять на плечи своего тела груз чужой ноши. Сильным становится тот, кто поднимает тяжести веса, а не тот, кто от них отказывается...

- ...Замечай себя в положении состояния других людей и, соответственно противоположному, замечай других людей и себе...

- ...Горячее отведай сам. Если не жжется, предложи другу. Ход этой мысли надо понимать так: сперва проведи пробу испытания на себе...

- ...Не давай никаких советов человеку с тупым умом, потому что если он начнет заблуждаться в своих ошибках, то тебя же и обвинит...

Так, за разговорами и советами добрались мы до автобусной станции. Автобус уже стоял, и, видимо, давно стоял, потому что народу в нем было битком. Люди свисали из обеих дверей. Но коше-бий все же как-то втиснулся. И когда автобус поехал и двери все же закрылись (непонятно как), одна пола коше-биева халата осталась снаружи и трепетала на ветру, будто махая мне на прощание. Я глядел вслед уходящему автобусу и чувствовал, что коше-бий за этот день стал мне чуточку ближе и родное.

* * *

Войти во вкус - это хуже, чем пристраститься. Скоро первая радость от публикации стихов в газете «Жас ленинши» улеглась. Зато поднялось неистребимое желание напечатать новые стихи, и теперь уже не в молодежной, а во «взрослой» газете. А тут как раз и время удобное подошло - пора уборки хлопка. Предстоящей уборочной кампании я и посвятил новые стихи, с которыми смело вошел прямо в кабинет заведующего отделом литературы газеты «Совет Каракалпакстан».

В кабинете помимо заведующего находился еще и народный поэт Садык Нурымбстов. При моем появлении он собрался распрощаться, но заведующий упросил его послушать молодого стихотворца, то есть меня. Это конечно же прибавило мне новых сил. И вот со всей силой (и с той, что была раньше, и с той, что прибавилась) я прочитал стихотворение, с которым пришел в редакцию.

Пафос чтения, видимо, подействовал на присутствовавших. Какое-то время они сидели молча, находясь под впечатлением только что услышанных строк. Потом заведующий вежливо спросил:

- Что это? Зарифмованные советы агронома или ритмизированные сообразительства?

Я терпеливо стал объяснять, в чем главная идея этого произведения, каков был авторский замысел и как надо понимать те или иные образы.

- Вот теперь я понял,- сказал заведующий,- и согласен опубликовать это стихотворение при одном условии. Ты должен обещать...

- Обещаю,- выпалил я, перебив его.

- ...должен обещать, что в день выхода номера с твоими стихами, рано утречком обойдешь всех читателей, а их сорок тысяч, и каждому объяснишь, как надо понимать твои стихи. Хорошо?

Легенда, которую рассказал Садык-шаир. Один индийский царь приехал как-то раз полюбоваться знаменитым Тадж-Махалом. Вдруг подходит к нему некий человек. Незнакомец поклонился царю,

представился известным художником и попросил разрешения показать ему свою картину.

- Что это?- удивленно спросил царь, увидев картину.

- Здесь изображен великий повелитель всех духов. Эту картину я писал специально для вас, о могучий и щедрый царь. Тот, у кого есть изображение великого повелителя всех духов, может жить спокойно и не бояться никаких бед и напастей.

- Но я не могу понять, где его лицо, где руки и ноги?- сказал царь.

- О могучий и щедрый,- ответил художник,- никто из смертных и не должен представлять облик великого повелителя всех духов, ибо лик его ужасен. Но духи, взглянув на эту картину, сразу поймут, кто на ней изображен, и будут в высшей степени почтительны к тому, кто владеет этой картиной.

- Скажи, сколько стоит твоя картина?

- Сто золотых монет.

Царь приказал тут же отсчитать сто монет художнику и предложил:

- А теперь в память о нашей встрече, в память о моем пребывании здесь нарисуй для меня Тадж-Махал, и ты получишь за это тысячу золотых монет.

Услышав такую просьбу, художник начал кланяться царю. Улыбается и кланяется, а сам при этом все пятится и пятится. А потом бочком, бочком и совсем было собрался улизнуть, но тут царские слуги схватили его, и царь велел повесить шарлатана и проходимца.

Из беседы аксакалов.

- Для того в мире свет, чтобы рассеять тьму, для того, чтобы понять свой сегодняшний день, нужно помнить день вчерашний, для того, чтобы заметить ложь, нужно знать правду...

- Не скажите. Есть такая ложь, которой всякий верит, и есть такая правда, которой никто не хочет верить...

- Да, много в жизни странностей и загадок. Любой человек тоже загадка...

- Загадка интересна до тех пор, пока ее не разгадали...

- Так-то оно так, но все споры и ссоры происходят оттого, что одну загадку люди по-разному разгадывают...

Я всегда думал, что стоит мне опубликовать стихи, и я тут же стану известным поэтом, меня признают, оценят по достоинству и даже - а почему бы и нет? - вызовут в Союз писателей. Но почему-то с признанием никто не торопился. И в Союз писателей тоже не вызывали. Может, просто письмо с приглашением не дошло? А может, бюрократическая волокита? Или ждут, что я сам приду? Как бы там ни было, но если гора не идет к Магомету...

В общем, довольно скоро я заметил, что куда бы ни шел, а ноги сами приводят меня поближе к дверям Союза писателей. Наконец я повиновался своим ногам и, открыв эти двери, переступил порог.

Но дверь председателя Союза открыть не решался. Садился в приемной и сидел. Ну вроде бы я просто так зашел... Ну мало ли какие дела привели студента-филолога, молодого поэта в приемную председателя... А вдруг кто-нибудь спросит: «Молодой человек, а вы кто такой? - и, узнав, что я и есть тот самый Каипбергенов, скажет:- Так что же вы сидите, заходите, председатель давно вас ждет». И я войду...

Однажды сидел я в приемной, а в кабинете председателя тем временем шло совещание. Дверь была приоткрыта, и я слышал все, что там говорилось.

Из того, что я услышал сквозь щелку приоткрытой двери в кабинет председателя Союза писателей.

- ...Заранее предупреждаю: не приписывайте мне религиозных настроений и тем более не приписывайте пропаганды мусульманства. Но хочу напомнить, что по понятиям людей верующих на плечах любого человека восседают два невидимых ангела. Один записывает его добрые дела, другой - дурные поступки. Так и у нас должна быть литература не только восславляющая дела и свершения наших современников, а и отмечающая отдельные ошибки отдельных представителей. А они еще есть...

- ...Я так полагаю, что те ангелы писали не стихами, а прозой. У нас же прозы пока еще нет, что надо честно признать существенным недостатком в развитии нашей национальной литературы...

- ...Считаю, что уместно и своевременно поднять сейчас вопрос о развитии каракалпакской прозы. Как вы все знаете, товарищи, вопрос этот остро стоял еще до войны, и некоторые наши товарищи уже стали

пробовать свои карандаши и перья па ниве прозаических произведений, но этому помешала разразившаяся война...

- Всем известно, что поэзия - это детство литературы. До каких пор мы будем с вами пребывать в детском возрасте, товарищи? Всем нам пора повернуться лицом к необходимости создания реалистических образов и прозаическом жанре...

- Прекратите нас поучать! Бы лучше занимайтесь своей диссертацией и не кощунствуйте, не оскорбляйте великого Навои, Омара Хайяма, Некрасова и Бердаха, а также ныне здравствующих и сидящих здесь живых писателей, народных поэтов Садыка Нурымбетова и Аббаза Дабылова!

- Извините, вы меня но так поняли. Я далек от мысли принизить заслуги уважаемых поэтов. И знаю, что они - голос народа.

- Так-то лучше...

- Подождите спорить. Кстати, о Навои. Хочу рассказать вам предание о нем. Однажды великий поэт шел но аулу и услышал доносившиеся из ближайшей юрты голоса. Девушки распевали одну из его песен. Навои прислушался и заметил, что они искажают его песню и пропускают некоторые куплеты. Он вошел в юрту. Там девушки сообщали ткали большой ковер. Поэт приблизился к коври и начал выдергивать из него нитки.

«Что ты делаешь?»- закричали па него.

«Л почему вы выдергиваете строки из ковра моих стихов?»- спросил он.

Они все поняли и устыдились. Попросили прощения у поэта, а он извинился перед девушками...

- Все это очень интересно и поучительно, но вернемся к разговору о прозе. Хотелось бы послушать, что по этому поводу думает критик...

- ...Рассказывают, что Гаргабай, отец Бердаха, однажды прибежал впопыхах домой и крикнул жене:

«А ну, быстренько вымой нашего сына, да хорошенько! Причеши, обряди во все новое. Я повезу его в Хиву. Нас ждет большая удача. Люди говорят, что хан Хорезма ищет самого красивого мальчика для службы во дворце. А разве есть под этим небом ребенок красивее нашего Бердымурата?»

Жена была женщиной сдержанной. Она улыбнулась словам мужа, но спорить не стала и сделала, как он велел.

Поехал Гаргабай с сыном в Хиву. А по пути должны они были пройти сквозь три заставы ханских стражников. На первой же заставе ханский нукер, узнав, куда и зачем едет Гаргабай, прогнал его, еще и обругал:

«Куда ты со своим тощим и лопоухим отпрыском? Глаза-то у тебя где? Ты только погляди на него, курносого и лупоглазого! А ну, поворачивай, и чтоб духу твоего тут не было!»

С тех нор до самой смерти Гаргабай бранился: «Проклятие людям хана, не пропустившим ко дворцу самого красивого мальчика в мире!»

- Вечно эта критика оскверняет поэзию. Для критики ничего святого нет. Разве Бердах красотой своих стихов не опроверг слова того стражника? Разве своим разящим словом он не пошатнул ханский дворец?!

- До тех пор покуда поэзия будет оставаться единственным ребенком нашей литературы, покуда будет она числиться единственным наследником национальной культуры, до тех пор будет она нам казаться самой прекрасной и несравненной...

- Я думаю, надо объявить конкурс на лучшее произведение в прозе...

* * *

Мысли, просочившиеся сквозь щелку двери председателя Союза писателей, растревожили меня. Услышав все сказанное, я перво-наперво удивился: почему идея развития каракалпакской прозы не приходила мне в голову до сих пор, ведь я уже познакомился с романами Льва Толстого и Достоевского, с повестями Тургенева и Гоголя? Почему о прозе не говорили мои учителя? А может, и впрямь наш народ приучен лишь к поэзии, она - его истинный голос? Но как тогда быть с бесчисленными легендами, притчами, сказаниями - они чей голос? Неужто не народный? Или они не литература, не фольклор?

Образовалась целая куча вопросов, завал вопросов, и перебраться через него было непросто. А перебираться надо, иначе дальше хода нет, по крайней мере, для меня.

Поразмыслив в одиночку, поприкидывая и так и эдак, повспоминав различные случаи, я пришел к выводу, что народ-то, пожалуй, давно уже ждет настоящей, серьезной прозы. И подтверждений тому

множество. Вот хотя бы одно из них. Как-то я прочитал своему дедушке рассказ Льва Толстого «Кавказский пленник». Рассказ в переводе, конечно. И конечно же в том переводе он заметно уступал оригиналу. Но все равно дедушка слушал со вниманием, необычайным даже для него - у большого любителя всяких историй. Слушая, он так увлекся, что забыл приказать внукам покормить осла. А осел, что бы там о нем ни говорили, животное дисциплинированное. Он привык к порядку и свое обеденное время нутром чувствует. Поняв, что кормить его не собираются, он начал орать. Истошные ослиные вопли переполошили весь аул, но дедушка даже внимания на них не обратил. И пока я не дочитал рассказ до конца, он не пошевелился. А потом сказал:

- Какой хороший дастан. Все сплошная правда. Все как в жизни.- И, подумав, добавил:- Даже правдивей, чем в жизни.

На следующий день я слышал, как он пересказывал «Кавказского пленника» своим друзьям старикам, притом вместо Жилина в его пересказе действовал «один каракалпак».

Эти размышления и воспоминания подтолкнули меня. Решил написать рассказ об одном случае, который давным-давно засел в мозгу и время от времени всплывал в памяти и требовал выхода. Пытался я передать его в стихах, но ничего не получилось. Теперь попробовал передать его в прозе.

На выходной отправился в аул. Дома мне всегда лучше писалось. И точно, в субботу же вечером, за один присест, я его и закончил, а в воскресенье с утра собрал всех домашних и стал читать им.

Дедушки уже не было в живых. Он умер в прошлом году.

Дедушка часто говорил, что у человека одна надежда: уйдя из жизни, остаться в сердцах близких людей. А у меня с его смертью в сердце образовалась какая-то брешь, пустота какая-то. Я ее чувствовал почти физически. Конечно, я о нем думал. Часто думал, чуть ли не ежедневно. Сидя в Нукусе и вспоминая наш аул, наш дом, я не мог их представить без дедушки, и порой мне начинало казаться, что он будто бы и не умер. Теперь же, вернувшись домой, я не только умом понял, не только воочию убедился, не только душой почувствовал, по буквально каждой клеточкой тела ощутил, что дедушки нет. И в тот момент, когда я начал читать этот рассказ, мне остро не хватало его присутствия, его заинтересованности, его веры в меня. Лишившись их, я, кажется, и сам в себя стал верить меньше.

Отец с матерью слушали меня внимательно, но как-то напряженно слушали, с усилием, с натугой. Повествование не захватывало их.

Лишь только я кончил читать, мать, как всегда, решительно начала говорить первой:

- Кажется, чего-то не хватает!

- Да, да,- поддержал отец,- чувствуется, недостает чего-то.

Такая оценка меня не обрадовала, само собой, но и не очень огорчила. Я тоже чувствовал, что рассказу чего-то недостает. Но чего именно? Ответа на этот вопрос ждать от них, людей далеких от литературы, мне не приходилось конечно же. Начал мозговать сам. Но вот к вечеру, когда я уже собирался обратно в Нукус, мать вдруг сказала:

- Знаешь, Сере, в этом рассказе нет твоей тоски по людям, по земле.

Замечание показалось мне странным. Во-первых, мой рассказ был совсем не об этом, и «тоска», как говорится, не входила в авторский замысел. А во-вторых, тосковать можно о чем-то вдалеке, я же не покинул ни людей, ни земли, на которой родился.

Заметив, что я не понимаю, о чем она толкует, мать добавила:

- Я каждое утро как проснусь, так и чувствую, что стосковалась по детям, по людям, по чистому воздуху, по нашим полям.

- Правильно,- поддержал отец,- За ночь так соскучишься, что поутру хочется каждой тыкве на огороде «салам» сказать.

С таким вот напутствием и отправился я в Нукус и все сорок километров, все полтора часа в битком набитом автобусе думал, что значит «тоска» в литературе и почему ее не хватает в моем рассказе.

В Нукусе встретил родственника Кутлымурата Уразова. Этот человек всегда отличался точностью логического суждения, и вся родня привыкла ценить его советы. Он - юрист. И все наши обращались к нему либо «юрист-кайнага» («старший брат юрист»), либо «юриста» («дедушка-юрист»). Я, конечно, тоже решил воспользоваться случаем и упросил его выслушать мой рассказ.

Он согласился. А слушать Уразов умел - это у него профессиональное. Сдержан, сосредоточен, по глазам видно, что пытается вникнуть в суть, не пропустить ни единого слова. Читать такому слушателю - одно удовольствие, и я все время краешком глаза посматривал за ним.

Сперва лицо его было смягчено легкой приятной улыбкой. Затем оно стало строже и грустнее. Он несколько раз потрогал пальцем две крошечные родинки на щеке. Я догадался, что рассказ ему не по душе.

Рекомендации «дедушки-юриста».

- Мы, юристы, не только следствие ведем, мы всегда стараемся установить причинно-следственные связи. То есть пытаемся найти ту побудительную причину, следствием которой стал тот или иной поступок, тот или иной проступок. В твоём рассказе этого нет. Все происходит само по себе и ничем не обусловлено. Каждый персонаж живет изолированно и никого вокруг себя не замечает. Он ни с кем на свете не связан. Он с другими людьми только сталкивается. Все случайно, все произвольно. Но ты ведь изучал марксистскую диалектику и должен знать, что в этом мире все взаимосвязано, взаимозависимо. Постороннему человеку в том происшествии, которое ты описал, действительно многое может казаться странным и необъяснимым. Но ты же не посторонний. Ты автор. Автор должен знать и понимать, о чем он пишет. Пока что у этого рассказа нет автора...

- ...Писатель лучше кого бы то ни было должен понимать законы жизни и природы, потому что если все, что он описывает, не закономерно, то никто и не поверит такому писателю... ди

- ...Да, «закономерность», мера законности. А измеряется она отношением к окружающим людям.

- ...Посмотри вокруг: солнце светит, ветер дует, шелестит листва на деревьях. Все это на первый взгляд кажется обыкновенным, и некоторым хочется чего-то необыкновенного. Но настоящий писатель тем и интересен, что он судит не на «первый взгляд». Он умеет вдумчиво присматриваться, прислушиваться к миру, умеет находить интересное в самом обычном, обыденном. Но, повторяю, вдумчиво. А для этого нужна настоящая человеческая мудрость...

- ...Ученому достаточно быть умным, писателю же необходима мудрость...

- ...В литературе обязательна правда. Но правда не бывает беспристрастной. Она всегда для одних - смертельный яд, для других - целебное лекарство. И если ты своей книгой или своим рассказом стремишься отравить жизнь врагам и помочь друзьям, то лучше брось литературу...

Коше-бий рассуждал: «Если к надлежащему сроку времени не полить поле, то в соответствующий период не получишь подходящего урожая».

Дедушка поучал: «На необъезженном коне на скачки не выходят».

За всю спую жизнь я не сочинил ни единого стоящего стихотворения, а упреков, назиданий, поучений и замечаний выслушал и вычитал уйму. За всю жизнь написал всего лишь один рассказ, и тот подвергся разнообразной и разносторонней критике родственников. Кто ж я после этого, как не поле еще не политое, как не скакун еще не объезженный? А раз так, надо быстренько обуздываться и насыщаться.

И стал я впитывать все, что мог узнать не только о прозе, но и о прозаиках. И кинулся галопом по литературоведению и жизнеописаниям великих писателей в надежде выбрать для себя необходимый пример.

Однако то, что узнал, меня не обрадовало. Перво-наперво вычитал фразу: «Искусство требует жертв».

Ничего себе заявленьице! Кому ж оно может понравиться? Ведь это так надо понимать, что жертв искусство требует не от читателя, а от автора. Так оно и выходило.

Великий Гёте уже в молодости был признан и прославлен, достиг чинов и почестей, но сам же под старость сетовал, что постоянное служение литературе лишило его счастья полноценной жизни.

Эдгар По, блестящий, виртуозный, фантастичный Эдгар По, умер бездомным.

Чернышевский привязан к позорному столбу и выслан в Сибирь.

Флобер обвинен в безнравственности и преследовался прокуратурой Фракции.

Но даже те писатели, которые вроде бы избежали лишений и гонений, сами себя загоняли до полного истощения, сами себя лишали так называемых «малых радостей жизни».

«Я ворвался в литературу метеором и уйду из нее молнией», - говорил Мопассан. И точно, десять лет работы - сплошная вспышка:

десять сборников стихотворений, шесть романов, множество рассказов, три сборника очерков, бесчисленное число газетных статей.

Лев Толстой, сам гениальный Толстой переписывал рассказ «Сон» 29 раз, а эпопею «Война и мир»- 15 раз.

При такой напряженной работе где ж брать время для отдыха, для радостей жизни?

Я решил узнать кое-что о «секретах ремесла», о том, как можно облегчить тяжелый писательский труд. И вот вроде бы узнал, что Чехов повсюду носил с собой записную книжку и отмечал в ней все, что казалось ему интересным, а потом использовал свои записи во время работы. Что ж, очень удобно. Но тут же узнаю, что Бунин вообще не признавал никаких блокнотов, полагая, что память сама удержит нужное, а если что забудется - значит, это и не было важным. Опять вроде бы верно, резонно. Но пример-то с кого брать? С тех ли прозаиков, которые наперед составляют планы романов, или, скажем, с Шолохова, который первоначально намеревался написать всего одну книгу «Тихий Дон», а эпопея разрослась до четырех томов?

Притча, рассказанная моей матерью. У одного многодетного отца подросли сыновья. Вывел он их на перекресток дорог и говорит:

- Выбирайте каждый себе путь.

Оглянулись сыновья, подумали и пошли кто куда. А один сын сел на обочину и сидит. Ты что, сынок?- спрашивает отец.

- Да вот,- говорит,- не знаю, по какой дороге идти. Ни одна не манит.

- Если ни одна не манит, то тогда тори свою трону,- сказал отец и пошел к себе домой.

Случай, рассказанный коше-бием. Во времена пребывания в детском возрасте в состоянии соседства с нами находилась одна семья, в которой был сын, имевший телосложение очень тощей конфигурации по причине излишней капризности. Он отрекался от еды, ссылаясь на то, что она недостаточно вкусна для него.

И однажды мать тощего сына обратилась к моей матери с просьбой одолжить меня на время обеда для воспитания наглядным примером. Моя мать выразила свое согласие, и вот меня привели в помещение соседнего дома и усадили за дастархан.

Соседка вынесла блюдо с пловом и, поставив его перед своим капризным тощим потомком, произнесла слова нижеследующего содержания:

- Ешь быстрее, а то этот мальчик все съест.

И тут тот тощий, действуя двумя руками одновременно, умял весь плов за обе щеки.

Вернувшись домой, я выразил своей матери принципиальное несогласие с такой постановкой вопроса, поскольку наглядное присутствие при чужом пищеварительном процессе оскорбляло мое пробуждающееся человеческое достоинство. Моя мать приняла к сведению эти возражения и на другой раз не одолжила меня соседке.

Тогда мать тощего парня пошла в направлении других соседей, имевших сыновей. Она раздобывала для повышения аппетита своего отпрыска ребят со всех концов нашего аула, а потом и из аулов соседних.

В результате принятых его мер тот тощий так растолстел, что не имел уже состояния самостоятельно передвигаться...

Когда я вижу некоторые толстые книги, мне по ассоциации памяти представляется тот растолстевший парень.

А я чувствовал себя и тем парнем из маминой притчи, что сидел на обочине, и этим растолстевшим парнем одновременно. Я и впрямь не знал, в какую сторону мне идти, но при этом мне казалось, что у меня из-под руки рвут темы и сюжеты будущих рассказов, и я хотел написать сразу обо всем на свете. Долго маялся и в конце концов решил воспользоваться советом народной мудрости и торить свою тропу. Не надо ни на кого оглядываться, ни на кого равняться, ни к кому прислушиваться. Надо просто писать, что хочешь, и говорить, как думаешь. Это и будет правильным, решил я, но тут же вспомнил одну из легенд, рассказанных моим дедушкой...

Мой дедушка рассказывал. Однажды хан Хорезма пригласил к себе в Хиву главного бия каракалпаков, нашего предка Айдоса-баба. Мудрый Айдос-баба не поехал в одиночестве, а взял спутником себе одного джигита. Джигит тот считался умным не по годам и даже ученым, потому что он ездил куда-то учиться. А взял его бий не просто так. Была у бия своя цель. Хотел он убедить хана, что можно отделить

каракалпаков от Хорезма, что могут каракалпаки образовать собственное ханство. Вот и думал Айдос-баба; мол, покажу хану этого парня и скажу ему, что управлять страной черношапочников будут вот такие молодые, умные и образованные джигиты. И смягчится тогда сердце его, и поймет хан, что не должен он властвовать над такими людьми, а обязан он предоставить им самостоятельность.

Хан пригласил Айдоса-баба поужинать с собой. А есть плов вместе с ханом с одного блюда тогда считалось величайшей честью. Ее-то и удостоился наш предок.

Вот сидят они - Айдос-баба со своим спутником и хан хивинский со своим советником. Едят плов. А тут одна рисинка прилипла к ханской бороде. Заметив это, советник хана тут же сочинил бейт:

Великий хан! Светло твое чело,
Я от тебя не скрою ничего.
В лесах Хорезма путник заблудился,
Пошли пять всадников, чтоб вывести его.

Хан улыбнулся, незаметно провел ладонью по бороде, и рисинки как не бывало.

Очень этот бейт понравился Айдосу-баба, Когда они вышли после ужина, он и говорит своему спутнику: вот, мол, какой мудрый советник у хана. Какой он находчивый. Надо же, сравнил бороду с лесом, а рисинку - с путником, и пять пальцев - как пять всадников.

А джигит ему в ответ, что нечему тут дивиться. Вы, говорит, только рисинку на бороду себе уроните, а я уж найду что сказать. Хан сразу поймет, с кем он имеет дело.

На следующий день снова зовут их отобедать с ханом. Снова плов едят. Тут уж Айдос-баба нарочно выронил одну рисинку себе на бороду.

Обрадовался его спутник да как закричит:

- Ну, наконец-то, Айдос-баба, вы сделали то, о чем мы вчера договорились. Снимите рисинку с вашей бороды, и пусть хан видит, какие мы, каракалпаки, аккуратные люди, и поймет, что нам можно предоставить самостоятельность.

Глянул хан на Айдоса-баба. Засмеялся и вышел из комнаты, ничего не сказав.

Моя мать поучала: «Лучше сырое, чем недоваренное. Кто ничего не умеет делать - делает лучше, чем тот, кто умеет наполовину».

18

После того случая, когда невольно подслушал то, что говорилось в кабинете председателя Союза писателей, я долго не мог приблизиться к дверям этого учреждения. Стыдно было появляться с пустыми руками. Я сам себе внушал, что обязан прийти сюда с «гостинцем», с романом или повестью, ну на худой конец с рассказом. Ведь они там - в Союзе писателей - ждут прозу, и, как мне почему-то казалось, ждут ее именно от меня.

А еще я боялся встретиться лицом к лицу с живым писателем. Вдруг он меня о чем-то спросит, а я отвечу невпопад, и он подумает {да нет, не подумает, а поймет), что я неуч и дурак,- ведь со стыда же помрешь.

И все-таки не выдержал. Ходил-бродил вокруг да около, а потом вдруг направился прямо в Союз писателей. Ладно, была не была, а если спросят: «Зачем пришел?»- скажу, что хочу посоветоваться, о чем писать.

К моему удивлению, двери были открыты и никто не стоял при входе «на страже», никто не задержал меня. В зале шло какое-то заседание, и я смело вошел и уверенно сел на ближайший свободный стул.

Обсуждение в Союзе писателей, на котором я впервые присутствовал

Рецензент. Как основной рецензент, я вынужден подробнее остановиться на анализе обсуждаемой книги. Она состоит из двух частей. Первая часть - прозаическая. Вторая - поэтическая.

Прозаическая часть обсуждаемой книги мне не понравилась по многим причинам:

во-первых, события вымышленные описаны в ней как реальные, и, напротив, события, происходившие в действительности, изображены как невероятные, фантастические;

во-вторых, из всех многочисленных тружеников колхоза автор выбрал лишь одного ударника, это явно суживает тему повышения урожайности;

и, наконец, в-третьих, картина родной природы живописуется автором однобоко. На странице шестнадцатой изображена зима, а на шестьдесят третьей странице читаем: «Опять пришла зима». Где же остальные времена года? Создается впечатление, что в наших краях сплошная стужа, а это не способствует воспитанию чувства любви к родной земле.

Автор. Вы просто не заметили. Я описал полностью все времена года на первых четырех страницах, чтобы потом не повторяться.

Вопрос с места. А есть ли достоинства?

Рецензент. К основным достоинствам обсуждаемого произведения я отношу то, что оно являет нам образец настоящей поэтической прозы. Все монологи и диалоги героев написаны стихами. Что же касается второй - поэтической части книги, то должен признаться, что я от столь маститого автора ожидал большего. Я ждал от него новаторства, но, увы, не нашел его.

Недостает этим стихам единства формы и содержания. Возьмем конкретный пример: стихотворение о дружбе. Как оно срифмовано? А срифмовано оно кое-как! А как должно было быть? А должен был автор рифмовать подряд по 8-10 строк, а еще лучше все стихотворение написать на одну рифму, чтобы мы видели, что все строки крепко связаны, сдružены меж собой.

И напротив - стихи о любви. Тут бы автору рифмовать их попарно. Но он опять рифмует перекрестно. Что хочет он сказать такой рифмовкой? Как мы должны относиться к такой перекрестной любви?

Автор. Я категорически не согласен с подобной оценкой моего творчества. Легко кричать другому: «В твоём саду мало плодов!» А что в саду у самого рецензента?

Всем известно, что одно мое стихотворение опубликовал центральный журнал, который выходил сотысячным тиражом. Значит, я известен ста тысячам читателей. Я известный поэт и требую, чтобы мое творчество обсуждалось соответствующим образом.

Вопрос с места. Мне непонятно, первая часть книги это что: новость, поэма или роман?

Автор. Я назвал ее романом.

Рецензент. Автор не страдает скромностью.

Автор. Совсем не в этом дело. В нашей литературе нет еще романов, и я решил, сделав первый шаг в этом направлении, помочь литературе.

Председательствующий. Великий Максим Горький свой роман «Мать» скромно назвал повестью. А великий Гоголь хоть и уже освоил прозу, в отличие от наших писателей, но все же свой роман «Мертвые души» скромно назвал поэмой. Это потому, что скромность украшает гениев.

Автор. Хорошо, если так, то я свой роман готов назвать рассказом. Прошу это мое заявление занести в протокол.

Вопрос с места. А не будет ли это плагиатом? И так уже очень часто наших поэтов обвиняют в плагиате.

Автор. Меня в плагиате обвинить нельзя. Для того чтобы украсть что-то из чужой книги, книгу эту сначала надо прочитать. А я никого, кроме себя, не читаю.

Председатель. Теперь должен выступить второй рецензент.

Второй рецензент. Свое мнение я передал автору в письменном виде. Поэтому думаю, что мне выступать необязательно.

Автор. Конечно, необязательно. И рецензия ваша тоже необязательная. Она вся написана казенными словами. Вот послушайте, товарищи: «...Язык служит средством общения между людьми, поэтому язык должен служить и орудием сближения людей, но одновременно с этим он может служить и орудием разобщения людей, поэтому поэт должен внимательно следить за своим языком и понимать, чему он служит...» И все в таком роде.

Голос из зала . Прочтите еще абзац.

Автор. Не буду. Рецензия написана не для вас, а для меня.

Второй рецензент. Приведенная цитата не служит глубокому и полному пониманию моей рецензии. Но все остальные высказанные в моей рецензии замечания и предложения должны послужить на пользу автору.

Автор. Какая там польза? Вы не отметили в моем произведении ни одного достоинства.

Второй рецензент. Это служит доказательством того, что я их не нашел.

Автор. А надо уметь находить. На то вы и критик. Вам всегда надо помнить, что писателями становятся самые талантливые и мудрые люди. И чтобы их понимать, критик тоже должен быть хоть чуточку умнее обыкновенного человека.

Председатель. Да не горячитесь вы. Я, к примеру, не считаю, что в наше время писатель умнее и талантливее других людей. Его преимущество только в том, что он умеет свои мысли красиво и понятно излагать на бумаге. Но если он и этому не научился, то ему вовсе кичиться нечем.

Я читал кое-какие ваши стихи. Все они на злобу дня или на вечные темы. Злободневность - хорошо. И обращение к вечным темам тоже не предосудительно. Но стихи-то у вас сырые, неотшлифованные. А в своих сатирических произведениях вы напоминаете охотника, который целит то в одну, то в другую сторону, но не стреляет, а лишь пугает.

Автор. Не искажайте! Не подтасовывайте! Вы просто завидуете мне. И вообще лучше бы нашей литературой правил не такой полуграмотный и завистливый мастер слова, как вы, а человек посторонний. Лучше бы правил вовсе не писатель. Тот, по крайней мере, хоть прислушивался бы к мнению большинства.

Председатель. Если так, то пусть решает большинство. Товарищи, какое примем решение: доработать автору свою книгу, приняв во внимание все сделанные замечания, или рекомендовать книгу издательству в этом виде?

Голоса из зала:

- Пусть он ее упрячет подальше и хранит дома...
- Переработать...
- Пусть перепишет все в стихах...
- Хватит издеваться над автором. Дать ему рекомендацию.

* * *

С этого обсуждения я вышел с таким чувством, словно меня обманули или обидели. Нет, не обидели, а оскорбили.

Я давно мечтал увидеть живых писателей. Считал их мудрецами, каждому слову которых нужно внимать затаив дыхание. Я много раз представлял себе, как произойдет эта встреча, и каждый раз она казалась мне несбыточным чудом, волшебной сказкой. И вдруг...

У нас в Каракалпакии, особенно утром или вечером, можно увидеть в степи странные силуэты. Издали они кажутся руинами древних городищ. Они манят, привораживают тайной и красотой. А подойдешь и увидишь груды глиняных комьев. То, что издали казалось крепостной

стенной, на самом деле просто слежавшаяся пыль: проведи по ней рукой, и она тут же начнет осыпаться под пальцами.

Вот так же в прах рассыпалось мое представление о мудрецах писателях после этого обсуждения.

Если бы не эта проклятая война! Если бы жив был мой первый вожатый Узакберген Бекниязов и такие же, как он,- молодые, грамотные, ищущие люди. Разве такой была бы сейчас наша литература? Разве могли бы они устроить такую говорильню, такую крикливую перепалку?

19

Сразу же после окончания пединститута я был приглашен на работу в редакцию журнала «Амударья». Во время войны выпуск журнала «Литература и искусство Каракалпакии» был приостановлен и возобновлен только в 1955 году. Тогда же журнал и переименовали в «Амударью».

Штат был малочисленный. Редактор и ответственный секретарь - руководящий состав. Машинистка, корректор и уборщица - технический состав. А весь творческий состав редакции, весь, так сказать, коллектив работников среднего и нижнего звена представлял я в единственном лице.

В мои обязанности входило: готовить рукописи к печати, вычитывать гранки и сверки, относить материалы в типографию, писать отказы, если рукопись возвращали автору, отвечать на письма, помогать при надобности корректору. Но это все лишь побочная деятельность, своего рода «занятия по совместительству», а главное, ради чего меня и взяли в редакцию, то есть моя основная задача, заключалось в том, чтобы выезжать на поля во время посевной, уборочной и прополочной кампаний и оказывать шефскую помощь всем, кто в ней нуждался.

А в те дни, когда я трудился не на хлопковых полях, а на пиве литературной, забот мне тоже хватало. В стенах редакции я оказался на самом бойком месте. Кто бы ни пришел - всяк почему-то первым делом направлялся ко мне. Осведомиться о настроении редактора, о том, стоит ли идти к нему с той или иной просьбой. Порой просили разузнать, разведать, «проветилировать вопрос» о том, как отнесется руководство журнала к какому-либо предложению.

И, выходя из кабинета редактора или ответственного секретаря, опять же сворачивали ко мне, чтобы поделиться радостью или огорчением, а иногда и просто поболтать, посудачить о том о сем. Мне вообще-то некогда было их слушать. За время моих сельскохозяйственных командировок накапливалось довольно много работы, и я вынужден был читать рукопись за рукописью, поэтому все, что они говорили, воспринимал вполуха. Но это, похоже, ничуть не огорчало моих собеседников, если им нужно было излить душу, они ее изливали перед моим рабочим столом, им вполне хватало моих коротких поддакиваний и редких поощрительных кивков.

Но тем не менее не могу сказать, чтоб их слова «в одно ухо влетали, а в другое вылетали», нет, многое оставалось и у меня в мозгу. К сожалению, очень многое, то есть не только нужное и интересное, но и всякая чушь, порой явная галиматья. Все это держать в уме я не хотел и начал выносить на бумагу. Завел специальный дневник «Разговоры авторов», куда и записывал высказывания, суждения, изречения и назидания моих посетителей. Я уже знал, что существует жанр мемуаров, и полагал, что некоторые из этих записей со временем окажутся ценными свидетельствами очевидца, или, вернее сказать, «ушесдышца», хоть такого слова и нет в языке.

Говорили они обо всем по - всякому. Кто всерьез, кто в шутку, кто с иронией, а то и с издевкой, кто спокойно и ласково, а кто и грубо.

В дневнике, чтобы не запутаться, но и не выдать своих собеседников (все же они говорили «не для протокола» и записывать свои высказывания меня не просили), я ставил лишь начальные буквы имени или фамилии, а то и псевдонима.

Дневник тот сохранился. Недавно я его обнаружил среди своих бумаг. Полистал и, признаюсь, теперь уже сам не могу определить, кого именно зашифровал тогда под той или иной буквой.

Из дневника «Разговоры авторов»

13 августа 1955 года. Ж... поучал: «Запомни, юноша, сотрудник журнала должен направлять умы писателей, а не просто их рукописи выправлять. Поэтому и ты, Ка-ипбергенов, должен сначала как следует направить свой ум, а потом уже и нашим умам нужное направление давать. Вот так-то...»

С... размышлял- герой деятельный, зато он мало размышляет. Как бы соединить эти две традиции - вот было бы прекрасно...»

16 августа. Ш... говорил: «Если какой-нибудь певец повторит весь репертуар Шаляпина, то такой певец достоин похвалы. А если какой-нибудь писатель своими словами повторит всего Шекспира или Льва Толстого, то такой писатель никому не нужен...»

А... говорил

Когда потомки будут петь наши песни, выйдут на сцену в шевиотовых костюмах, габардиновых плащах и велюровых шляпах? Такой пиджачишко, как на тебе, небось не наденут.

А наши критики все твердят: «Достоверность, достоверность», а того не понимают, что в искусстве правда всегда приукрашена. А я вот это понимаю...))

17 августа 1955 года. И... сплетничал: «Знаю я одного поэта, понимаешь ли. Ты его тоже знаешь, так что не будем называть имен. Он, понимаешь ли, заставляет свою жену читать все книги, а сам ничего не читает.

Она ему потом все пересказывает. Это же новый способ эксплуатации женского труда. Понимаешь?...»

18 августа 1955 года. П... говорил: «Послушай, есть у Омара Хайяма две строчки, которые не дают мне покоя. Часто я их вспоминаю.

<="" p="">

Наверное, у великих людей и скромность великая, а? Но по мне, лучше, если всего в меру. Даже когда хорошее свойство - ну вот, например, скромность - слишком уж разрастается, то это тоже плохо. Поэт должен верить, что он явился в этот мир, чтобы его украсить и облагородить. Без такой веры невозможно писать. Я не гений, но я верю, что могу улучшить мир, и хочу это сделать».

19 августа 1955 года. Б... внушал: «Теперь гости бывают разные. Один может есть только за дастарханом, ему непременно ковер расстилай и выставляй пиалушки. Другой - только за столом, сидя на стуле, и пиалушек ему не нужно, а подавай чашки и фужеры. Один ест руками с общего блюда, а другому вилка с ложкой надобны и отдельная тарелка. Где ж на всех напасть? Тут столько денег уходит, что ой-ей-ей.

Мы и в литературе так же: хотим угостить читателя, да все не знаем, как его усадить...»

Х... объяснял

Как сегодня платят? По листажу. Кто больше написал, тот и получает больше. Верно это? Нет, не верно. Плохая норма не должна цениться выше хорошего стихотворения.

Труд писателя надо оценивать не построчно, а повременно. То произведение дороже, над которым автор дольше работал.

Я вот, к примеру, все время работаю: и когда хожу или еду куда-нибудь, и когда ем, и даже во сне. Могу сказать, что вот это свое стихотворение писал всю жизнь и еще полчаса.

Правильно я говорю? Правильно! Вот и ты, Каипбергенов, не забудь передать мои правильные мысли своему редактору, когда он станет выписывать мне гонорар...»

24 августа 1955 года. К... жаловался: «Что-то в последнее время очень меня беспокоит судьба молодых. Стоит им опубликоваться, да если еще и похвалят, то тут же начинают выпивать. Ты ему говоришь: «Не пей», а он тебе в ответ: «Поэт должен быть бунтарем», ты ему говоришь: «Пиши старательнее, тщательнее отделявай свои стихи», а он тебе на это: «Нас, настоящих талантов, всегда недооценивают современники». Но разве потомкам будут нравиться неряшливые стихи, написанные впопыхах?...»

26 августа 1955 года. Ю... настаивал: «Я не чувствую проявления заботы Союза писателей в отношении меня.

Принес я им цикл стихов, созданный моим трудом и талантом. Я написал его, чтобы за свой собственный счет пристроить рабочий кабинет к своему дому, поскольку Союз писателей не спешит улучшать мои жилищные условия. А если у поэта нет в доме своего рабочего места, то и стихи его получаются недостаточно высокохудожественные. Разве я не прав?

Я хотел помочь им улучшить мои жилищные условия, а они, не ценя моих намерений, отдадут мой цикл стихов консультанту.

Консультант прочитал и начал указывать мне на имеющиеся недостатки. Если ты видишь недостатки, так и исправь их. А иначе какой же ты консультант и за что от нашего Союза деньги получаешь? Так каждый сумеет указывать: тут исправь, тут допиши, тут перепиши... И я так могу. Плати мне деньги - я всех раскритикую. Разве не так?

Вот тебе, Каипбергенов, мой цикл. Ты ведь не консультант, ты - литсотрудник. Значит, ты и должен не консультировать меня, а литературно потрудиться над моими стихами. Разве я не прав?»

И... рассказывал

Говорят, что когда Юлий Цезарь с войском впервые приплыл в Африку, то, сойдя на берег, он неожиданно споткнулся и упал, раскинув руки. Это в те времена считалось дурной приметой. Но Цезарь не растерялся и лежа крикнул громко, чтобы все слышали: «Ну вот, Африка, ты уже у меня в руках!»

Как только приходит в редакцию автор, который начинает грозить и кричать, что все вы у него вот где, что всех он в руках держит, то так и знай, что на самом деле, скорее всего, лежит он ничком...»

29 августа 1955 года. Н... вещал: «Моих героев любит народ. И это меня радует. Говорю без ложной скромности. Потому что герой не может быть мудрее автора...»

30 августа 1955 года. Ж... говорил: «Пишем мы в одиночестве. И это правильно. Так удобнее работать. Но никогда нельзя забывать и о том, что твою книгу человек будет читать в одиночестве. Сможет ли он это вынести?...»

31 августа 1955 года. Н... философствовал: «Во дворце души каждого человека сияют светлые лучи, но есть и темные пятна. Озарить всю душу светом или затемнить, затенить ее - зависит от самого человека. Свет в душе струится из трех источников, трех негасимых ламп. Источники эти - трудолюбие, доброта и образование.

Застят свет и отбрасывают густые черные тени три преграды. Их имена: лень, зазнайство, зависть.

Кто озарит душу свою лучами трудолюбия, доброты и образованности, тот сделает счастливым прежде всего самого себя, затем - своих близких и соплеменников, а через них и все человечество.

А кто затемнит душу свою тенями лени, зазнайства и зависти, тот сделает несчастным прежде всего самого себя, затем омрачит жизнь близким и друзьям, наконец, своим соплеменникам, а через них хоть чуточку, но потускнеет и жизнь всего человечества.

Задача литературы - запомни это - просветлять людские души...»

2 сентября 1955 года. Д... шутил (нет, пожалуй, не шутил, а говорил серьезно): «Послушай, Каипбергенов, почему ты до сих пор не бросил литературу? На что ты надеешься? Зачем зря время тратишь, работая в журнале? У тебя же нет данных для того, чтобы стать

писателем. Твое имя никогда не прозвучит в литературе. Ты сам посмотри, какое оно длинное и несурзное: ТУЛЕПБЕРГЕН КАИПБЕРГЕНОВИЧ КАИПБЕРГЕНОВ. Его же невозможно выговорить. Какой редактор захочет печатать автора с таким именем? Ведь тебе за одну фамилию придется выплачивать гонорар как за целую поэтическую строку. А если вздумаешь заняться прозой, то имя, фамилия и отчество займут целую главу, а то и полкниги.

И не гляди на меня так.

Я тебе верно говорю: бросай литературу...»

3 сентября 1955 года. Поехал в колхоз на уборку хлопка. Повезло, попал в родной аул и на уборочной пробуду целый месяц.

Увещевания коше-бия. Я тут в промежутке между делами некоторый период времени думал о тебе и составил мысленный портрет твоего внутреннего облика.

Ты намереваешься поступить в писатели. А что необходимо для реализации данного намерения? В первую очередь для его реализации необходимо происхождение.

Все современные писатели Каракалпакии произошли из бедности. Все из прошлого неимущего сословия. И не только наши писатели. Максим Горький в детстве принадлежал к бездомным сиротам. С сиротством тебе положительно не повезло. У тебя на протяжении всего этапа детства имелись не только отец и мать, но еще и дед с бабкой сверх того. Но то хорошо, что все они были обездолены и бедны. Это, вне всяких сомнений, должно способствовать появлению у тебя таланта к литературной склонности.

Теперь возьмем тебя в аспекте другого разреза. Так сказать, в плоскости содержания.

Чем прославились все предыдущие писатели прошлого? А тем, что открыто выступали против предыдущей власти. Чем собираешься прославиться ты? Если тоже имеешь скрытые умыслы открыто выступить против власти, то лучше уезжай из нашего аула и никогда в свидетельствах собственной автобиографии не ссылайся на факт проживания в нашем ауле. Понял?

Но если ты не достигнешь уровня степени славы, то такой писатель нашему аулу тоже не нужен. Мы не хотим, чтобы у нас в ауле были памятные места, связанные с биографией жизни неизвестного писателя.

Какой итог результата из всего этого выходит? А такой итог выходит, что результата из тебя может и не получиться. А раз так, то вот тебе мой душевный и предусмотрительный совет: бросай ты поприще своей литературы и возвращайся в аул на поприще школьного учителя.

Из рассказов аксакалов.

В это время приехал к нему бий каракалпаков. Приехал проведать, осведомиться о здоровье и спросить, не может ли он чем помочь больному.

Хан сказал ему:

- Возьми золото в казне, возьми зерно в закромах, возьми скот на выпасах и все это раздай своим черпошапочникам, пусть они помолятся о моем здоровье.

Бий обещал это сделать, и как только воротился в степи, так созвал народ и стал раздавать и деньги, и хлеб, и скот, говоря при этом:

- Все взятое вернете в день смерти хана. Ханские соглядатаи проведали о том и все донесли хану. А он, услышав это, пришел в ярость и повелел казнить бия.

Узнал о ханском приговоре поэт Бердах, и поспешил он в Хиву. Явился к хану и спросил его:

- Почему велите казнить бия?

- Он нарушил мое повеление,- говорит хан,- бий должен был говорить людям о моем здоровье, а он им сказал о моей смерти.

На это поэт Бердах ответил так:

- Никто не может заставить людей полюбить себя. Но каждый может сделать так, чтобы стать нужным для людей. Все люди в степи пять раз на дню молятся о вашем здоровье. Молят Аллаха, чтобы дни ваши тянулись как можно дольше, чтобы пережили вы всех живущих, И не потому молятся, что любят вас, а потому, что не хотят возвращать долги.

Услышал хан слова Бердаха и задумался...

Легенда, рассказанная моим отцом. Жил-был человек на свете, звали его Адильбек. Прожил он примерно половину своей жизни, и

задумался вдруг, и спросил себя: «А для чего живу-то? Кому и какая польза от меня?»

И с того самого дня решил жить только для пользы людей. Но жизнь-то уже наполовину растеряна. Наверстывать надо, надо сделать что-нибудь важное, мелкой пользой уже не обойдешься. И стал он спрашивать людей, чем бы таким ему заняться, чтобы не зря, чтобы не жаль было на это весь остаток жизни положить.

Встретился как-то ему дервиш, который многое повидал, многое знал. И сказал он Адильбеку:

- Есть на Устюрте караванная дорога. Идет она с запада на восток и с востока на запад, и много полезных товаров по той дороге перевезено, и долго давала она жизнь всему Устюрту, да вот теперь совсем оскудела дорога. Старые колодцы пересохли, новые никто не вырыл. Вот кабы ты поселился посреди Устюрта, да нашел бы там воду, да поил бы ею людей и верблюдов - вот было бы очень полезное дело.

Послушался его Адильбек. Пошел и поселился посредине Устюрта. И воду отыскал. И колодец вырыл. Ожила опять дорога.

Однажды к дому Адильбека еле-еле дополз один странник. Совсем уже помирал от жажды и голода. Напоил он странника водой, накормил его досыта, тот оправился и просит:

- А теперь дай мне чилим⁵²[52]. Я без чилима не могу.

Адильбек сам не курил чилима, потому и не держал его в доме. Отказал он страннику. А странник разозлился, набросился на него с кулаками, обругал его последними словами, проклял и Адильбека, и весь род его до седьмого колена и ушел.

И снова задумался Адильбек, и снова спросил себя: «А как помогать-то людям? Какой помощи они ждут?»

Из советов моего дедушки:

«Дарить - не воровать, тут озираться незачем».

«Делай что умеешь. Говори что знаешь. Дари что имеешь. Кто делает не умея - тот портит, кто дарит не свое - тот мошенник, кто говорит не зная, тот должен помнить поговорку: «Слово, которое вырвалось из-за тридцати двух зубов, может разойтись среди тридцати двух племен».

⁵²[52] Трубка для курения наркотина.

«Если уверен в своей правоте, то делай все как задумал. Всегда найдутся люди, которые тебя поймут».

20

Еще из дневника «Разговоры авторов»

6 октября 1955 года. Ю... говорил: «Каипбергенов, как дела? Что там новенького, в твоём родном ауле?»

Я, кстати, тоже был на уборке хлопка. И знаешь, что заметил? Неладное заметил. Прежде дехкане незнакомого человека угощали молоком и хлебом задаром. Деньги брать, если помнишь, позором считалось. А теперь берут, берут как делать нечего. И даже не берут, а дерут, почти по рыночной цене. Что же с народом-то творится?

Так ведь и вовсе иссякнет гостеприимство. А без гостеприимства мы уже будем не черношапочники, а шайтан знает кто.

А я ведь к ним не просто так приехал. Не путник я, не странник и даже не гость. Я ведь им помогать приехал, с шефской, так сказать, миссией.

Слушай, а может, много помощников у народа развелось? Шефов много? На всех молока не хватает. А?..

Над этим надо бы подумать. А вернее сказать - писать об этом надо. Писать...»

10 октября 1955 года. Ш... возмутился: «Что ж это получается?! Приношу статью, а мне говорят: «Вы написали не в стиле нашего журнала». Ладно, несу в газету, а там слышу: «Перепишите это в стиле передовицы».

Ишь ты, сколько разных стилей завели. А я вот пишу в своём стиле. Этого что, недостаточно?

А они мне говорят: «Стиль у вас какой-то корявый». Ну и что с того? Пусть корявый. Разве они не знают поговорку: «Даже кривой может видеть прямую правду»?..»

А... рассуждал

11 октября 1955 года. М... недоумевал: «Что за манера завелась у этих нынешних критиков. Все время норовят в одной статье объединить разных поэтов. Это то же самое, что загонять в один сарай и коней, и коров, и

И вообще эти критики вечно норовят горстью песка замутировать чистое озеро. Что за манера такая завелась...»

14 октября 1955 года. А... рассуждал: «Когда я читаю классиков, у меня тоже создается впечатление, что великие таланты жили только в прошлом. Но разве это верно? Нет. Потому что всем известно, что великих людей создает великая эпоха. А наша эпоха самая великая из всех. Значит, и мы - самые великие писатели. Но это поймут потом. А хочется, чтобы уже теперь понимали...»

Е... вспоминал: «Как-то на базаре заметил я, что продавец один зазывалу нанял. Зазывала тот в яблоках его покопался, вынул одно, румяное да зрелое, и давай вертеть его в руках и кричать на весь базар:

- Посмотрите, каков плод! Просто загляденье, полюбоваться на него и то - одно удовольствие, а есть - и вовсе наслаждение.

Потом зазывала подошел к другому продавцу, выискал у него яблоко с червоточинкой и опять заголосил на весь базар:

- Видите! Видите, люди! У него весь товар гнилой! Где ж стыд-то? Как таким товаром торговать можно?

Ох, критики наши мне того зазывалу очень уж напоминают...»

15 октября 1955 года. Ж... жаловался: «Я хотел взять кого-нибудь из молодых писателей себе в подопечные, чтобы добрые пожелания ему высказать и в литературу его направить. Чтобы его наставить на верный путь и правильно сориентировать.

С этим и пришел к твоему редактору.

- Укажи,- говорю,- кому бы стать наставником? А он мне в этом благом начинании отказал. Обидно, понимаешь ли...

Когда меня критикуют и говорят, что стихи мои -навоз, я не спорю. Пусть говорят, на то они и критики. Но ведь мог бы я взрастить молодой талант. Быть наставником - это то же самое, что удабривать поле, на котором молодой талант произрастает. А для этого дела навоз очень даже может пригодиться.

А хочешь, Каипбергенов, я буду твоим наставником?

Ах, да, я и забыл, что ты собираешься прозу писать. Это другое дело. Я могу наставлять только по поэзии...»

О... шептал, подслушав жалобу Ж...: «Наставничество нам с тобой во как нужно. Что ни говори, а в литературе господствует власть авторитетов. Наставник, если он умный, не будет повторять себя в ученике, а поможет другому встать на собственные ноги. Ему ж выгодно взрастить учеников из таких, как мы с тобой. Мы его и в старости поддержим, и после смерти вспомянем, когда все уже про него забудут. Умный наставник это должен понимать.

Ты-то, наверное, уже напросился в подопечные к своему редактору? Что, нет? А почему? Ну как знаешь, но если ты не против, то я к нему попрошусь.

Ладно?..»

17 октября 1955 года. Б... и Ш... спорили друг с другом. Б... утверждал: «Должна ли существовать так называемая «теория бесконфликтности»? Нет. Никакой бесконфликтности не может быть даже в теории. Не зря же мудрецы говорят, что жизнь - это сплошное переплетение смеха и слез.

Кое-кто возражает. Мол, в пашей действительности нет антагонистических противоречий, и, следовательно, в нашем искусстве, если оно отражает эту действительность, не должно быть конфликтов.

Сие в корне не верно. В нашей яркой и созидательной жизни в принципе конечно же нет и не может быть моста злу. Поэтому, разумеется, конфликт добра со злом у нас невозможен и в принципе не допустим. Но возможен и в принципе необходим конфликт добра с еще большим добром, за которое все мы сообща боремся.

Если герой хочет, чтобы сегодняшняя жизнь была лучше вчерашней, а завтрашняя - лучше сегодняшней, то он обязан вести борьбу за прогресс.

А если есть борьба в жизни, то, значит, и искусство, отражающее нашу жизнь, должно быть конфликтным. В искусстве должен быть отображен напряженный конфликт хорошего с лучшим. Борьба хорошего с лучшим, победа лучшего над хорошим - вот что нам насущно необходимо в искусстве и литературе...»

Ш... возражал

Писатели же конфликтуют потому, что мы, критики, их перехвалили. Всех перехвалили. Даже неучей бесталанных, тех, кто случайно забрел в литературу да и заблудился, затерялся в ней, а теперь выбраться никак не может и в дебрях литературы совсем уже одичал.

Всех перехвалили. Даже правило такое завели: в любом произведении перво-наперво ищи достоинства, а уж потом брани за недостатки.

Всех перехвалили. А забыли народную поговорку: «Похвали достойного - и он ухватит звезду с небес, похвали недостойного - и он ухватит тебя за шиворот»...»

18 октября 1955 года. У... и Д... судачили, обсуждая одного поэта, который недавно был уличен в плагиате. У... судачил: «Сразу после того собрания, ну, где его разоблачили, он, видите ли, получил письмо от одного «читателя». Да ребенку ясно, что письмо это он сам себе написал. И «читатель» благодарит его за то, что в его варианте (слово, видите ли, нашел - «вариант»), так вот в его варианте стихи, дескать, лучше, чем в оригинале. Каков? А?!»

С этим письмом он побежал по всем редакциям. И к вам в журнал наверняка заявится».

Д... судачил «А я слышал, будто после того случая он заявил всем, что если с него не снимут обвинение, то в знак протеста он покончит с собой, а в посмертной записке виновниками своей смерти назовет всех, кто разоблачил его. Говорят, даже письма разослал во все инстанции».

У... судачил

Д... судачил

Как только проведал он про это, так враз и отказался от самоубийства. И будто бы заявил своей жене: «Не наложу на себя руки, пока народ не переменит этот варварский обычай».

Вот и ждет, когда наш народ цивилизованным станет».

У... судачил

19 октября 1955 года. Т... мудрствовал: «Писатель - человек особого таланта. Он и сценарист, и режиссер, и актер, даже не актер, а весь актерский состав, и гример, и бутафор - тоже он. Такой вот талант в писателе неохватный. Такой талант надо рекламировать. А с рекламой у нас в литературе дело поставлено гораздо хуже, чем в кино, хотя там у них все таланты вовсе однобокие по сравнению с талантом писателя.

Вот организуйте в своем журнале настоящую рекламу литературы. Это будет дело! Я даже согласен вам помочь. Сделаем так. У меня много неопубликованных произведений. Я готов дать их вашему журналу. Вы их разрекламируйте. И у вас поднимется тираж. Л тираж - это первое дело. Я сам подпишусь. И еще кое-кого уговорю. Кое-кого... Понял?..»

21 октября 1955 года. Н... сообщал: «Решил я детектив написать. Чтоб, значит, действие в нем - ух, захватывающее. И чтоб следователь - такой умный майор, проницательный. И преступник чтоб тоже хитрый и неуловимый. В общем, чтоб вышел детектив так детектив, а не какой-нибудь судебный очерк на тему морали.

Пересмотрел много разных дел, всё скукота одна: тот зарезал из ревности, тот подрался по пьянке, а тот украл как мелкий жулик, а попался как большой дурак. П вдруг встречаю случай - так и просится в сюжет.

Представляешь: заходит это он в магазин и прячется среди манекенов. А ночью взял, что ему нужно, выбил витрину - да и был таков.

Ну? А?!

Начал я внимательно изучать дело, глядь - а преступник-то из нашего рода.

Род наш всегда честностью славился. Ни единого преступника в нём отродясь не было. Поэтому и не стал я порочить сородичей своих. Пришлось отказаться от замысла. А жаль...

Жаль. Такой случай. И ведь как придумал-то хитро. Молодец! Что ни говори, а умный человек. Я даже позавидовал его мудрости. Почему это мне такая мысль на ум не пришла? Ведь как просто: постоял среди манекенов, а потом раз - и на всю жизнь обеспечен, и не надо для прокорма ничего писать. Даже детективов...»

Т... сердился

Или вот еще: узнали, что в других литературах есть сонеты, элегии и баллады, и вот уже соревнуются, кто быстрее перенесет это на нашу почву: «Я - автор первого каракалпакского сонета!», «А я первым в истории отечественной литературы создал балладу па каракалпакском языке!»

Аплодируйте, впишите это красными буквами в историю, ставьте памятник автору...

Мой сосед первым в нашем ауле дом шифером покрыл. Так что же, его теперь за это великим зодчим именовать? Так, что ли?..»

З... поддержал

22 октября 1955 года. Н... рассказывал: «Представь себе, до чего же необразованны наши критики. Недавно один из них обругал меня за то, что моей книге предпослан эпиграф. Да-да, эпиграф. Дескать, в эпиграфе уже выражена главная идея моей книги, так что саму книгу я мог уже и не писать. А если идея в моей книге другая, то тогда зачем же я брал эпиграф, зачем вводил читателей в заблуждение? Ну как тебе это нравится?»

Прочитав это, я тут же вспомнил один случай. Сижу как-то в ресторане, а напротив какой-то толстяк ест суп. Вдруг он сморщился и

вынимает изо рта лавровый лист, держит его двумя пальцами и зовет официантку.

- Что за безобразие!- кричит он,- Почему в еду попал лист? Я,- кричит он,- журналист! (Врет, я всех журналистов в Нукусе знаю, а его впервые видел.) Вот,- грозит он,- как напишу фельетон. Как пропесочу, как раздракою, как протащу, как опозорю вас на весь свет, тогда будете у меня знать, кому в суп листья подсовывать!

Шум, гам, тарарам. Позвали шеф-повора. Шеф-повор тому «журналисту» объясняет, что это, дескать, не простой лист, а лавровый, что есть его не надо, он в еду для аромата положен.

Но толстяк не понимает:

- Я,- кричит,- суп заказал, чтоб его есть, а не чтоб нюхать!

Тут в спор вмешались другие посетители. Все вразумляют толстяка, а он упирается, стоит на своем. Скандал, да и только. Я до конца не стал сидеть. Все равно аппетит испортился. Расплатился и ушел.

А недавно подумал: а что, если я напишу для вас статью, перескажу этот случай и поделюсь с читателями своими мыслями об эпиграфе, о его роли в литературе? Я уже и название придумал: «Эпиграф - брошь на платье литературы». Ну как?..»

24 октября 1955 года. Ж... оправдывался: «Все кричат: «Плагиат! Плагиат!!» Разорались. Рады унижить мое достоинство, опорочить мое славное имя. А того понять не хотят, что никакого плагиата и не было. Да, не было. Была простая ошибка. Можно даже сказать, что не ошибка, а описка.

Перевел я неизвестные стихи известного казахского поэта. И случайно написал свое имя не снизу, не под стихами, а сверху. Вот именно случайно, по присущей мне привычке. Ведь над своими стихами я привык ставить свое имя.

Отнес перевод в газету. А там сидят одни ротозеи, разини сплошь. Совершенно невнимательный народ эти газетные работники. Нет чтобы исправить мою ошибку, а они взяли да так, не проверив факты, и напечатали.

Что мне осталось делать? Не мог же я подводить себя и их. Я пошел им навстречу, решил не ставить их под удар и промолчал. В итоге поплатился за свою же сострадательность.

Вот я тебе случай расскажу. В нем запечатлена правильная народная мудрость.

Помню, когда колхозы только начинались, тогда всем беднякам начали раздавать коров. Ну, тем, у кого их не было. И нам корова тоже полагалась. А в это самое время мой старший брат, как нарочно, увел корову из соседнего аула. Заходит к нам председатель колхоза, заглядывает в хлев и говорит:

- А, у вас уже есть одна.

И не дал нам корову. Прошло два года, корова дважды отелилась. Тут моему отцу стало стыдно, и он приказал старшему брату вернуть корову бывшим хозяевам. Брат отвел ее в соседний аул, а те, бывшие хозяева, очень обрадовались.

- Ой-бой,- говорят,- вот спасибо так спасибо. Нам колхоз другую корову дал, а эту отыскать мы уже и не надеялись.

И на радостях, чтоб отблагодарить брата, дали ему вместо коровы телочку.

Вот видишь, если следовать народной мудрости, мудрости простых людей, то как получается? А получается, что от заимствования всем одна польза.

А они все забыли заветы народной мудрости. Чего, спрашивается, орут: «Плагият! Плагият!»? Если подумать, то от него все только в выигрыше остались.

Во-первых, те стихи, что я так мастерски перевел с казахского, потом были переведены на русский и напечатаны в одном толстом журнале. Но в том журнале они были напечатаны как каракалпакские стихи. Разве это плохо для растущего престижа нашей молодой национальной литературы?

А вот когда меня обзывают вором и тем самым в моем лице перед лицом других народов наносят вред престижу пашей молодой национальной литературы, разве это хорошо?

Нет. Это очень плохо.

Я приготовил достойный ответ всем этим крикунам. Хочу показать его вашему редактору. А ты меня в этом поддержи...»

25 октября 1955 года. А... говорил: «Никакой управы нет на этих критиков-кретинов. Они доболтались уже до полной глупости. Один из них, рецензируя мой новый сборник стихов, спрашивает:

- Почему автор не может писать на уровне Николая Тихонова или Гафура Гуляма?

Что тут спрашивать? Ведь любому ясно почему. Любому ясно, что критик несправедлив ко мне. Тихонов и Гулям известны во всем

Советском Союзе, а то, может, и во всем мире. Они и должны писать на всесоюзном и на мировом уровне. А я-то тут при чем? Я известен лишь в автономной республике, и даже не во всей республике, а главным образом, в своем родном районе. Вот и пишу на районном уровне. Чего ж им еще?

Если умрут Тихонов и Гулям, то им памятники поставят в Ленинграде и в Ташкенте, их именами улицы назовут. А когда умру я, то мне памятник, даже не памятник, а так - бюст, поставят в родном ауле, но аул, я думаю, не переименуют.

Ну, можно ли требовать от меня того же, что от Тихонова и Гуляма? Это же глупость, да и только...»

Размышления Садыка-шаира: «Чем только не кичатся наши поэты! Чем только не похваляются!

Один гордится тем, что он длиннее всех, другой - тем, что толще всех, а этот вот похваляется тем, что бездарнее других. Но есть еще и такие, которые задрав нос бьют себе в грудь и кричат;

- Я самый каракалпакский из всех каракалпаков.

Это уж вовсе ерунда какая-то. Можно быть русским, узбеком, каракалпаком. Можно быть полурусским, полуузбеком, полукаракалпаком. Но быть больше русским или каракалпаком, чем остальные,- хоть лопни от натуги, а не сможешь.

Вспоминаю, что в старину, когда в семье рождался недоношенный ребенок, его клали не в люльку, а в шапку и шапку вешали на кереге⁵³[53].

И вот теперь, когда слышу, как кто-нибудь орет, что он самый-самый черношапочный из всех черношапочников, что в черной шапке он был с рождения и красовался в ней раньше всех, тогда понимаю: это недоносок...»

26 октября 1955 года. С... говорил: «Писатель и критик - это люди, которые служат одному делу. Мы часто называем писателя художником слова. Хорошо, примем это сравнение. Если писатель - художник,

⁵³[53] Плетеный каркас юрты.

создающий картину, то критик - экскурсовод на выставке картин. От того, как он понимает то, что изображено на полотне, и от того, как он это объясняет зрителю,- тоже многое зависит...»

28 октября 1955 года. Ц... вспоминал: «Впервые я увидел кино перед войной. Кажется, в 1939 году. Тогда к нам в аул приехал такой грузовичок-передвижка. Натянули экран. Дождались ночи. Народ собрался. Что за картина была, не помню. Помню только, что про гражданскую войну. Смотрели затаив дыхание. Но вот на экране пулемет повернулся в сторону зрителей. И тут такое началось... Кто ничком упал, кто за других прячется, кто побежал с криками...

У нас нет навыков восприятия художественного произведения. Стоит автору изобразить проворовавшегося продавца, зазнавшегося начальника или, не дай бог, бездарного поэта, как тут же все продавцы, начальники и в особенности поэты начинают думать, что «огонь» именно по ним...»

29 октября 1955 года. Размышления Аббаза-шаира:

«В давние времена один дервиш пришел из дальних стран в степи Каракалпакии. В дороге он оголодал и устал. А тут как раз на пути аул. Свернул он к ближайшему дому, но еще и до двери не добрался, как из дома появился хозяин с палкой в руках.

Испуганный дервиш застыл как вкопанный. А хозяин, не обращая на него внимания, начал колошматить палкой по дверям соседей и кричать:

- Пошли! Пошли! Все пошли!

Соседи выскочили тоже не с пустыми руками, и все они направились к арыку, что протекал между двумя аулами. Поднявшись на берег арыка, они стали кричать и ругаться, понося последними словами жителей соседнего аула.

Те, заслышав ругательства, тоже вышли из домов, и завязалась драка. Когда драка кончилась, побитый и усталый хозяин воротился домой. Тут он заметил дервиша, и пригласил его к себе, и принял как подобает принимать гостя. Когда дервиш отдохнул, поел и пришел в себя, он начал расспрашивать хозяина, что, мол, случилось.

- Да ничего особенного,- ответил хозяин.- Просто за арыком стоит аул, в котором проживают люди другого рода-племени.

- А разве у вас нет бия, который мог бы разрешить все споры меж родами?- удивился дервиш.

- Есть-то есть,- ответил хозяин,- но бий тоже не безродный, он всегда будет на стороне своих соплеменников.

- Почему же вы деретесь?- не унимался дервиш.- Разве у вашего рода-племени другой язык, другая вера, чем у соседей, разве вы не можете договориться и понять друг друга, друг другу поверить?

- Нет. И язык у нас один, и вера единая,- объяснял хозяин,- и все мы каракалпаки, а вот деремься, почему - я сам не понимаю.

Кажется мне, что наш читатель вроде того дервиша, который никак не может уразуметь, с чего это род писателей дерется с родом критиков, чего не поделили два рода нашей литературы.

А может, и впрямь родовые распри, что от века вели каракалпаки, у нас уже в крови, в характере? Но ведь именно распри в течение многих веков и мешали нашему развитию...»

1 ноября Мои собственные мысли.

Говорят, что «повторенье - мать ученья», и этот дневник стал для меня своеобразным уроком. Но если бесконечно повторять азы, то никогда не дойдешь до конца азбуки-алиппе. А хочется идти вперед.

Мысли авторов журнала стали для меня чем-то вроде наглядного пособия, чем-то вроде примера. Примеры бывают положительными и отрицательными. Но поучительны и те и другие.

Мой дедушка говорил: «Извиняться за ошибку -это не стыд, но стыдно унижаться, извиняясь».

Я не прошу прощения у наших авторов за то, что записал их высказывания. И ни у кого из них не требую извинений за то, что они мне наговорили, хотя и были там советы и предложения оскорбительные...

Отец говорил: «Решив сделать добро, не заботься о последствиях; решив причинить зло, о последствиях не забывай».

Я не стремился никому причинить зла. И если кто-то из авторов узнает свой голос и обидится, то это его дело. Я же сделал все, от меня зависящее, чтобы поведать о сущности, не переходя на личности.

А впрочем, я, видимо, зря опасуюсь: никто и не обидится. Нет в мире человека, который бы искренне считал себя глупцом, а свой жизненный опыт считал бы никчемным и бесполезным. Не случайно поговорка утверждает, что «не всякий даст тебе кусок хлеба, но совет готов дать каждый». Все советы я записал верно, и вряд ли кто-нибудь захочет от них отречься.

21

Работа в редакции журнала «Амударья» продолжалась. Но со временем к моим обязанностям литсотрудника, младшего редактора, письмоводителя и шефа-помощника всех колхозов прибавилась еще одна. Я должен был вести протоколы. Сперва на заседаниях редколлегии, потом и на выездных собраниях и встречах, а потом и на всяких совещаниях и обсуждениях в Союзе писателей республики.

Сам ритуал протоколирования соблюдался постоянно и неукоснительно, более того, он был облачен в демократическую форму. Голосованием выбирался председатель собрания и секретарь, то есть я. Но после собрания и заседаний, сколько помню, никто и никогда не спрашивал этих протоколов, никуда их не подшивал, нигде их не хранил. Однако я по молодости считал свои записи документами и не смел их выбросить или уничтожить, даже мысли такой не появлялось. Я их берег. И вот недавно обнаружил все в той же куче старых бумаг.

Я не стенографист. Поэтому записывал не все, а что успевал. Со временем наострился не просто строчить, а улавливать мысль выступавшего и ее-то записывать. Кто пробовал заниматься таким же делом, тот поймет, насколько это трудно. В устных выступлениях мысли, как правило, путаются и рвутся на полуслове, порой их и вовсе нельзя уловить, а записывать что-то надо. Приходится из всех «нитей выступления» вязать одну «главную нить». Как у нас порой говорят: «Красной нитью проходит мысль...» или «Доказательства шиты белыми нитками». Вот и распутываешь словесное рукоделие, вытаскивая «красную» из клубка белых.

Могу сказать, что сам по себе поиск смысла в речи - занятие увлекательное. Одни, не подозревая, говорят вещи умные и дельные, другие сознательно несут ахинею, пытаюсь скрыть истинный смысл, третьи пользуются чужими идеями, выдавая их за свои, а четвертые, напротив, стараются собственные суждения приписать кому-нибудь из

авторитетов или выдать их за народную мудрость. Все это, по-моему, интересно и поучительно.

Решив опубликовать выписки из старых протоколов, я снял все имена и фамилии выступавших, заменив их обобщенными словами: «докладчик», «рецензент», «председатель», «автор», «оратор» или просто «голос». Сделал это не только потому, что не хочу спустя годы ставить кого-то в неловкое положение, напоминая ему его же слова двадцатипятилетней давности. Нет, не только. Просто большинство выступлений, на наш нынешний взгляд, весьма безлики и характеризуют не столько самого оратора, сколько тогдашний общепринятый стиль речи и способ мышления. В отличие от них, народные поэты Аббаз Дабылов и Садык Нурымбетов говорили по-своему, их ни с кем не спутаешь, потому-то их имена я и не стал заменять на анонимные «оратор» или «голос».

Надо еще признаться, что допустил маленькую вольность. Не удержался и кое-где прокомментировал протокольные записи, а порой вспоминал и высказывания дедушки, аксакалов или коше-бия, когда эти высказывания казались мне уместными.

Впрочем, я не документалист и надеюсь, что подобное своеволие извинительно. Чутьочка «отсебятины» в художественном произведении не повредит.

Да (едва не забыл), номера протоколов тоже условные. Протокол № 1 не означает, что он был первым из тех, которые я вел тогда, а значит это всего-навсего, что он первый из тех, что я предлагаю читателю в данной книге. И так...

Выписка из протокола № 1

Председатель собрания. Товарищи! Исполняется двадцать пять лет с того знаменательного для всех нас дня, когда в печати появилось первое стихотворение одного из самых уважаемых наших поэтов, можно сказать, одного из аксакалов нашей поэзии, чье творчество занимает особое место в каракалпакской литературе.

Автор просил, чтоб это событие было отмечено торжественно, и мы, пойдя навстречу его пожеланиям, заранее назначили основного докладчика. Он известит нас о том, как идет подготовительная работа

по составлению юбилейного полного собрания сочинений нашего поэта-аксакала.

Докладчик

Голос

Автор

Докладчик

Коше-бий в таких случаях говорил: «Поэт по месту определения его таланта должен быть уподоблен языку народа. А язык, он не только слова выговаривает, но еще и по вкусу сладость определяет».

Голос

Докладчик

Голоса:

- Сократить повторы!

- Кому нужны эти самоцитаты?

- Ничего не надо сокращать, не покушайтесь на авторское право.

Докладчик

Во-первых, автор - хозяин своих слов, где хочет, там их и произносит.

Во-вторых, аксакал нашей поэзии не из числа тех конъюнктурщиков-перевертышей, которые сегодня говорят одно, а завтра другое. Нет, он не отступает от собственных слов и гордо повторяет их в каждом новом сочинении. На мой взгляд, такое постоянство любой честный человек должен лишь приветствовать.

Председатель

Докладчик

Второй раздел собрания сочинений - это стихи о земле. Надо отметить, что наш поэт-аксакал на редкость последователен в своем творчестве и привык любое дело доводить до конца, не в пример некоторым, которые готовы всякое полезное начинание бросить на половине. Нет, у него все на своих местах. Если весной он призывал к активному проведению посевной кампании, то осенью не забудет обратиться с призывом активно провести сбор хлопка. Собрание сочинений нашего поэта - это настоящая летопись жизни республики. По ней потомки смогут совершенно точно сказать, сколько раз за последние двадцать пять лет автономная республика выполнила государственный план по сдаче хлопка-сырца. Одиннадцать раз, товарищи. Слово, сказанное поэтом, можно не перепроверять. А сколько раз родной район поэта, патриотом которого он был и остается

пояныне, получал переходящее знамя? - можете спросить вы. Отвечу точно, поскольку знаю это из его стихов,- шесть раз.

Третий раздел - интимная лирика. Сюда включены стихи, посвященные жене, дням рождения родных и друзей поэта. Могу вас заверить, что в этом разделе вы встретите образцы подлинного доброжелательства...

Мой комментарий

Коше-бий по этому поводу говорил: «В местности нашей округи находился на проживании один мулла, обладавший незаурядными данными голосовой силы. Особенно преисполнялся он вдохновением в момент чтения заупокойной молитвы, по причине чего все окрестные старцы-аксакалы выражали неременным условием своих похорон обязательное приглашение именно данного священнослужителя.

И мой отец в своей последней просьбе выразил пожелание, чтобы обслужил его не кто иной, как Байназар-мулла.

Позже я тому мулле задал конкретно поставленный вопрос о содержании смысла читаемой им молитвы. А он, виновато улыбаясь, выразил чистосердечное признание, что пониманию арабского языка не обучен и значения произносимых слов сам не постигает, но знает одно: произносить надо зычно и с эмоциональным чувством».

Голос

Голоса

- Правильно!

- Не кощунствуйте!

- Вы просто завидуете его плодовитости!

Докладчик

С одной стороны, аксакала нашей поэзии необходимо представить как можно шире, потому что его творчество полнее воспринимается во всей своей широте.

С другой стороны, известно, что настоящего мастера можно представить и несколькими, а то и всего одним произведением. У поэта Грибоедова в основном известна лишь одна комедия в стихах -«Горе от ума», а у писателя Фурманова - главным образом, роман «Чалаев», так же и у Николая Островского, все знают его роман «Как закалялась сталь». Так что...

Голос . Да как вам не стыдно сравнивать его с такими писателями! Как язык-то повернулся...

Автор . Что это вы кусаться начали? Ведь ваши зубы на моих стихах выросли 54[54]. Или забыли?

Голос . Помним. Потому и рот перед людьми открыть стыдимся - наши зубы от ваших стихов сплошь кривые.

Первый рецензент. Передо мной трудная задача. Дело в том, что у нас много известных поэтов, но, к сожалению, мало, как бы это сказать?... Мало известных произведений...

У нас уже есть история литературы и есть имена, навечно вписанные в нее, но нет... Не знаю, как тут лучше выразиться... Нет пока что самой этой литературы.

Голоса:

- Не смейте охаивать нашу национальную литературу!

- Не злорадствуйте над нашими недостатками!

- Не лезьте грязными руками в двадцатипятилетний труд поэта!

Первый рецензент. Поймите меня правильно... Я имел в виду... То есть мне кажется...

Второй рецензент (перебивает первого). Товарищи! Я знаю, что хотел сказать предыдущий оратор, хотя он все время ходит вокруг да около и не решается высказать главное.

А мы не должны отводить глаза от реальности. А мы должны трезво взглянуть на вещи! Должны прямо посмотреть в лицо действительности!

Какова же эта действительность? А такова, что наш поэт-аксакал является продолжателем традиции каракалпакской поэзии.

А какова же эта традиция? А это - скажем честно и без обиняков - традиция устной поэзии. Вот именно, устной...

Стихи его трудно и скучно читать, но если он сам прочтет их вслух, да еще и с выражением, и громко при этом, то они могут и понравиться.

Голоса:

- Верно.

- Не он один. Многие так: произносят вслух - слушаешь; увидишь в книге или в газете - читать не хочется.

Второй рецензент. Вот я и думаю, товарищи. Многие стихи наших поэтов прошлого записаны «из народных уст». Скажу прямо и откровенно: стихи нашего поэта-аксакала надо записать из его уст. Может, тогда они станут лучше.

^{54[54]} Каракалпакская поговорка, означающая: «я вас выкормил, вытестовал».

Голоса:

- Вот пусть себе и читает их, но не печатает.
- Не кощунствуйте! Не унижайте поэта!

Притча, рассказанная Садыком-шаиром. У одного человека были сыновья-близнецы. Как только они выросли и возмужали, он их обоих женил и отделил от себя - каждому построил дом.

В первый день самостоятельной жизни один из братьев вышел на улицу, раскрыл ладони и обратился к богу:

- Всесильный и всемогущий! Молю тебя, даруй мне отару овец. Смилуйся надо мной и не дай мне пропасть с голоду.

Тогда второй брат, услышав эту молитву, подошел и, пристроившись рядом, тоже обратился к богу:

- Всесильный и всемогущий! Смилуйся надо мной и даруй мне пару голодных волков.

Первый брат его одернул и спрашивает:

- Эй, дурень, зачем тебе волки?

- А затем,- отвечает второй,- чтобы они перегрызли твоих овец и чтобы ты не кланчил у бога дармового прокорма.

Мне кажется, все мы тут потомки тех близнецов...

Притча, рассказанная Аббазом-шаиром. В одном ауле жили два приятеля, хорошо жили, ладно. Все сообща делали, друг другу не перечили. Надумали они сообща арбу купить и отправились за покупкой в Хиву. Облюбовали хорошую арбу, в цене сошлись с продавцом, купили, впрягли в ту арбу обоих своих коней, да тут и рассорились в пух...

Один говорит:

- Я спереди сяду.

Другой в ответ:

- Нет, я.

До драки дошло, до схватки кулачной. Люди, завидев это, кликнули городского казы^{55[55]}, чтоб рассудил их по чести и совести.

^{55[55]} Судья.

По совести казы судить умел, а по уму - не очень. Недолго думая повелел он распилить арбу повдоль: каждому по колесу, каждому по оглобле.

И пошли приятели восвояси. Один свою половинку справа подпирает, другой свою - слева. Но зато каждый спереди, никто не за спиной.

Голоса:

- Ну и что?

- Хватит нас баснями потчевать!

- Какое это имеет отношение к вопросу повестки дня?

- Не кощунствуйте! Если хотите дать поэту совет, то советуйте вразумительно.

Третий рецензент. Если мы не издадим это собрание сочинений, то никто не спросит: «Почему?» Если же издадим, то опять-таки никто не удивится и не спросит: «Зачем?» А раз так, то стоит ли обижать аксакала нашей поэзии? К тому же уважаемый докладчик провел большую работу по сбору материала и подготовки рукописи в печать. Стоит ли пренебрегать его работой? Я думаю, что издать легче, чем не издать.

Председатель. Ставлю вопрос на голосование. Кто за то, чтобы предложить издательству выпустить полное собрание сочинений нашего уважаемого поэта-аксакала? Прошу поднять руки.

Кто против?

Воздержавшиеся?

Так. Пиши: единогласно.

Мы от всей души поздравляем вас, аксакал!

Автор. Большое и чистосердечное мое поэтическое спасибо нашему Союзу писателей за неустанную заботу о нашей национальной литературе вообще и о моем творчестве в частности. Всем вам, дорогие товарищи, я желаю таких же успехов в творчестве и долгой жизни. Еще раз спасибо.

Мой комментарий. Наверное, каждое время порождает какие-то свои особые слова, которые воспринимаются как пароль, как знак, что именно за этими словами скрыт серьезный смысл. И напротив, настоящая мудрость, но без сопровождения слов-паролей кажется людям этого времени вовсе и не мудростью, а так - баснями, байками,

посторонними разговорами не по существу вопроса. Времена меняются, меняются пароли - и вот видишь, что все, казавшееся когда-то содержательным и серьезным, на поверку оказывается пустопорожним. И думаешь уже о том, а нет ли и в нашем времени таких слов-паролей, слов-заклинаний? Всегда ли, произнося, например, «проблема», «духовность», «личность», мы действительно говорим о чем-то проблемном, духовном, личностном и так далее?

Мой дедушка поучал: «Следи за своими ногами, чтобы не вляпаться в навоз. Следи за своим языком, чтобы не ляпнуть дурость».

На этом совещании прозвучало немало дуростей, но в конце концов и они оказались полезны мне в ту пору. Чем? Это уж мое дело.

Выписка из протокола № 2

Председатель. Товарищи! У нас сегодня знаменательное и странное событие. Знаменательно оно тем, что в Союз писателей поступила рукопись первого романа в истории нашей каракалпакской литературы. Называется роман «Песнь каракалпаков».

Странность же состоит в том, что автор не подписался под рукописью. Поэтому, кем является автор - известным и всеми уважаемым писателем или никому не ведомым новичком, мы не знаем. Нам предстоит обсудить вопрос: как поступить с этой рукописью? Предложить ее издательству или отклонить?

Голос. Посмотрите по штемпелю на конверте, откуда автор.

Председатель. По штемпелю судя - из Нукуса. Возможно, он сейчас сидит в этом зале. А возможно, отправил рукопись, находясь в городе проездом.

Союз писателей попросил наших уважаемых критиков ознакомиться с рукописью и отрецензировать ее.

Рецензент. Если судить по названию романа, то стоит предположить, что автор - человек несведущий в литературе, новичок. Он не знаком с образцами мировой классики. Я никогда не читал и даже не слышал, чтобы хоть один роман назывался «Песнь казахов», или «Песнь узбеков», или же «Песнь французов».

Судя по названию, трудно понять, у кого автор перенимает эстафету творчества. А если писатель не перенимает эстафету, то он ее и не передает. Нужен ли нам роман, который не передаст эстафету национальной прозы нашим потомкам? Я считаю, что вопрос должен ставиться в этой плоскости.

Второй рецензент. Если автор новичок, как предполагает мой коллега, предыдущий рецензент, то, следовательно, он должен быть молод. Молодой же человек ориентировался бы на вкус молодежи и в целях ее воспитания написал бы роман в жанре детектива. Потому что детектив привлекает читателей и делает имя автора популярным. А читатели и популярность как раз и нужны молодому начинающему прозаику.

Но автор назвал свой роман «Песней». Здесь чувствуется влияние старых традиций. Поэтому я предполагаю, что неизвестный автор на самом деле известный писатель. Он потому и скрыл свое имя, что не нуждается в популярности, она у него и так уже есть. И поскольку автор - человек известный и, следовательно, уважаемый, я считаю, что роман этот необходимо опубликовать.

Первый оратор. Смотрю я на рукопись и вижу, что она пухлая, толстая, страниц в ней много.

Наш народ, как известно, самый читающий народ в мире. Но где он читает? А читает он в транспорте. Надо беречь его время. Я согласен со вторым рецензентом: рукопись можно издать, но предварительно сократив ее.

Второй оратор. Я не виню автора за то, что свой роман он назвал «Песнь каракалпаков», хотя я тоже не знаю книг, озаглавленных как «Песнь россиян» или «Песнь эстонцев». Но автор шел своей дорогой, а это доказывает, что он настоящий писатель. И поэтому я не согласен с первым рецензентом.

Но не могу полностью согласиться и со вторым рецензентом, который считает, что неизвестный автор на самом деле человек известный и уважаемый. Может, оно и так, но не известно, кому он известен и кем уважаем.

Что я имею в виду. Я имею в виду, что даже такой гениальный классик, как Лев Толстой, всякий раз, когда он описывал в своем романе женскую одежду, советовался со своей женой Софьей Андреевной, чтобы она поправила или дополнила, где что надо. И другие писатели всегда советовались со знающими людьми. А с кем

советовался наш неизвестный автор - нам это не известно. И в таком случае, порекомендовав рукопись в печать, мы берем всю ответственность на себя и можем попасть в неудобное положение, пропустив ошибку.

Третий оратор. Вопрос о названии романа поставлен ребром, поставлен правильно и своевременно. Я считаю его центральным вопросом повестки дня.

На первый, поверхностный взгляд может показаться, что ничего особенного нет в том, что, допустим, нашего молодого поэта Генджемурата Изимбетова звали бы Каллибеком, а, напротив, молодого критика Каллибека Бекжанова звали бы Генджемуратом.

Но это лишь на первый и, подчеркиваю, поверхностный взгляд. А мы обязаны смотреть в глубь явлений, смотреть непредвзято, но заинтересованно и пристально. А глядя в глубь явлений, мы обязаны констатировать, что книга - это не человек. Мы не вправе уклоняться от этого факта.

Факты же говорят сами за себя. Толстой назвал роман «Война и мир». Шолохов назвал роман «Тихий Дон». Таковы факты.

Если бы Толстой озаглавил роман иначе, скажем - «События 1812 года», а Шолохов, в свою очередь, озаглавил бы свой роман «Судьба Мелехова», то что было бы? А было бы то - и об этом мы должны сказать открыто, глядя в глаза правде,- что названия были бы не такими, какие они есть! Я осмелюсь утверждать, что они не соответствовали бы авторскому замыслу. А форма, как известно, должна соответствовать содержанию. Или, как гласит наша мудрая пословица: по полю и урожай, но бороде и бритва.

И мы тоже обязаны судить не поверхностно, обязаны заглянуть в глубь вещей, потому что...

Голос. Хватит! Хоть кто-нибудь заглянул в глубь книги? Или все вы прочли лишь ее название?

Четвертый оратор. Вопрос задан правильно. Я ознакомился с оглавлением данного романа и могу сказать, что оно интереснее и содержательнее названия. Рукопись разбита на три отдельные части. Первая часть названа «Жизнь», вторая - «Любовь». Название третьей части - «Дружба».

Наш мир вечно меняется, вечно обновляется, но есть в нем и вечные категории. Вечны день и ночь, весна и осень, свет и тень. Точно так же вечны жизнь, любовь и дружба. Я глубоко уверен, что автор

глубоко прав, разделив свой роман на три части и озаглавив каждую из этих частей именно таким образом, как он это сделал. Озаглавив части таким образом, он сразу создал художественные образы, которые порождают в читателе образное мышление.

И мне, как одному из читателей, на память пришел следующий образ, которым я и хотел бы поделиться с вами, а если здесь присутствует и автор, то равным образом и с ним тоже.

Однажды возвращался я из Москвы на поезде. В купейных вагонах мест не оказалось, и мне пришлось всю дорогу ехать в общем вагоне. В общем, это оказалось даже интересно. У меня оказалось сразу много попутчиков, со всеми мы познакомились, пили чай, и каждый рассказывал что-то о своей жизни. В поезде люди сходятся быстро и легко. Правда, многие из них по пути сходят с поезда, зато появляются новые пассажиры и появляются новые судьбы, новые темы для разговора.

Возвратившись благополучно к себе домой, я потом не раз возвращался мысленно к тому путешествию и пришел к выводу, что жизнь - это поезд, где все мы пассажиры общего вагона, которые делят друг с другом радости и беды. Этим наблюдением я и хотел бы поделиться с автором, если он находится здесь. Такие образы находятся в творчестве не так уж часто, и я советовал бы автору использовать мою находку в своем романе, в части, озаглавленной «Жизнь».

Голоса:

- Вы хоть и член совета по критике, но не вправе давать советы автору.

- Здесь не общий вагон, нечего вспоминать свою жизнь. Это каждый может.

- Пора, наконец, говорить по существу.

Пятый оратор. Товарищи! Если - как нас верно призывают и критикуют из зала - говорить по существу, то я должен определенно заявить: один человек не может написать и даже не имеет права писать роман под названием «Песнь каракалпаков», да еще разбивать его на такие части, как «Жизнь», «Любовь» и «Дружба». Такой роман должен быть коллективным трудом, он должен вобрать в себя опыт всех каракалпаков. И автор - если он вообще существует - обязан прислушаться к любому из наших советов.

Шестой оратор. Вот именно. Я не стану долго распространяться, вспоминая но отдельности жизнь, любовь и дружбу. Не стану, ибо художественный образ должен объединять в себе все сразу. Вот вам пример, где все соединилось.

Однажды жили два дружка - Асан и Досан. Не только они меж собой дружили, но и жены их тоже, и дети их тоже. И вот пошли они как-то искупаться в Амударье. Разделись почти догола. Тут Асан увидел на пузе Досана родимое пятно. Потом глянул на пузики его детей и видит, что у них такие же родинки. Тогда Асан и говорит:

- Ого, дружок Досан, ну и сильна же твоя порода, всех детишек родинками наградил.

А жена Досана - куриная ее голова, раньше мужа должна во все встрять - и говорит;

- Чему тут дивиться? Такие родинки вообще у всех детей. Глянь на своих ребятишек.

Глянул Асан, а у его детей такие же родимые пятна и на том же месте. Посмотрел он на жену свою, а та аж краской залилась.

Разъярился Асан да как стукнет свою жену, ну она и кубарем в Амударью. И утонула в момент. А Досан хватъ ножик, которым дыню резал, и тем ножом - в горло Асану.

Вот вам и жизнь, и любовь, и дружба, и все вместе.

Аббаз-шаир. . Какая же тут жизнь? Какие же тут любовь и дружба? Тут смерть, прелюбодейство и предательство.

Все ваши советы автору напоминают мне одну древнюю притчу. Послушайте.

Давным-давно один бий решил сплотить всех жителей своего аула, для чего собрал их вместе и сказал:

- Поклянемся на молоке. Молоко - самое белое и святое, что есть в мире.

С этой целью посреди аула установил он большой котел и накрыл его крышкой. А в середке той крышки была маленькая дырочка. И повелел бий всем жителям аула принести по кувшину молока и через ту дырочку влить в котел.

Когда весь аул исполнил повеление и последний из аульчан приближался к котлу со своим узкогорлым кувшином, бий остановил его, взял кувшин и вылил на ладонь каплю. Там была вода.

- Как посмел ты всех нас обмануть?- спросил бий сурово.- Мы хотели поклясться на молоке, чтобы единство наше было таким же

чистым и животворным, как молоко. И ты осмелился разбавить наше молоко водой, ты осмелился разбавить наш союз? Что будем делать с отступником?

- Изгнать его!

- Повесить за ноги!

- Отрезать ему уши!

Аульчане закричали, и гневен был их крик. Отступник испугался и взмолился:

- Простите меня. Я не хотел зла. Я хотел только немного схитрить и получить маленькую выгоду. Думал, что если все принесли молоко, то один кувшин воды будет незаметен.

- Бесстыжий!

- Скаред!

- Негодяй!

Сурово судили аульчане своего земляка. Тогда бий сказал:

- Я знаю, как его наказать. Пусть опустит он руку в кипящий котел.

А ну, открывай крышку.

Виновный открыл крышку и ахнул. В котле была чистая вода. И потупились все аульчане, и застыдились даже в глаза друг другу взглянуть. Так вместо единения произошло в том ауле разъединение людей, и больше уже они ни в чем и никогда не верили друг другу.

Кажется мне, что все советы автору, прозвучавшие пока, это кувшины с водой, принесенные к котлу с молоком.

Садык-шаир. Позвольте и мне вспомнить старую притчу.

Когда пророк Мухаммед женился в третий раз, он па радостях решил женить и своего насыпка - сына старшей жены от первого брака.

Свадьбу пасынку устроил пышную и на торжество созвал людей со всей Аравии.

На следующий день гости разъехались, а невеста в доме мужа сняла чадру и приступила к обязанностям жены младшего мужчины в доме. В обязанности ее входило и подавать воду для омовения своему свекру.

Наполнила она кувшин теплой водой и вошла в покои Мухаммеда. Мухаммед впервые увидел ее, увидел, как гибок ее стан, услышал, как нежен ее голос, и воспылал он страстью к своей снохе. Но не знал, как ему быть, ведь она же жена его пасынка.

Однако нашлись хитрые советчики, и уверили они пророка, что пасынок - не сын, кровь чужая. И если отречется он от пасынка, то нет ничего зазорного в том, что возьмет он в жены свою бывшую сноху.

Так Мухаммед и поступил. Пасынка изгнал, а сноху назвал своей четвертой женой и разрешил каждому мусульманину впредь иметь четырех жен.

Слушаю я это обсуждение, и кажется мне, что мы тоже хотим прогнать автора, а его книгу присвоить себе. Или не так?

Седьмой оратор. Никто не хочет присваивать этот роман. Так что можете успокоиться и не читать нам морали при помощи своих старинных и ветхих притч. Нам не нужен такой роман. Настоящая книга должна отражать эпоху, выражать дух времени и звать людей вперед к новым свершениям, но при этом не забывать и о пройденном этапе, об уроках истории.

Ничего подобного в «Песне каракалпаков» нет. Нет призывов в будущее, нет принципиальной и всесторонней оценки настоящего. Нет извлечения уроков из прошлого...

Голос. Как вы смеее так говорить? Вы же не читали рукопись!

Седьмой оратор. Ну и что? Здесь никто ее не читал, но все выступают. А я говорю в принципе.

Голос. Другие хотя бы не рубили книгу на корню.

Седьмой оратор. Это потому, что они недостаточно принципиальны. А всякое дело надо сразу решать в принципе. Если книга отражает, выражает и зовет - тогда пусть издается, а если нет - тогда ее надо пресечь на корню, чтобы не расцвела махровым цветом. Повторяю - дело в принципе, а вот принципа никто из выступавших и не коснулся.

В таких случаях коше-бий говорил: «Один казы, рассматривая вопрос в плоскости принципа, решил за правонарушительный проступок сына наказать еще и того отца, который доводится этому сыну прямым родителем. Каждому из них казы присудил по девять ударов телесного наказания палкой.

Отец терпеливо перестрадал все девять ударов, не проронив ни единого звука, выдававшего наличие телесной боли.

Сын последовал наглядному примеру своего отца и продолжил дело молчания в период принятия заслуженного наказания.

Зато отец того сына в тот же период издавал страдальческие вскрики, выразившиеся в громком «ойканье» после каждого удара, адресованного его отпрыску.

Судья выразил удивление по этому поводу и поинтересовался, почему это отец сына безмолвствовал, находясь непосредственно под палкой, а теперь, находясь вне непосредственного контакта с орудием наказания, изрекает болезненные звуки?

На что отец ответил:

Те удары пришлось по наружному покрову кожи, а эти достигают непосредственно сердечной области».

Мой комментарий. Я убежден, что автора не было в зале, иначе бы он закричал от боли, увидев, как избивают его роман, его детище.

Председатель. Товарищи! Мы так и не решили самого главного вопроса текущей повестки дня. Не выяснили, кто автор. Дело не в том, что никто не читал романа, а в том дело, что никто не признал автора. А можем ли мы допустить, чтобы первый в истории нашей национальной литературы роман оказался анонимным?

Голоса :

- Почему в нем только три части? Кроме «Жизни», «Любви», «Дружбы» нужны еще «Зрелость», «Счастье», «Свобода»...

- Вот именно. Почему нет «Счастья» и «Успехов»? Без них нельзя. В принципе нельзя!

Председатель. Повторяю. Главное, что не нашелся автор. Если бы он нашелся, мы бы его обязали по части «Свободы» и «Успехов». Но его нет. Хорошо, если он выявится позже. Тогда в истории нашей литературы мы смогли бы записать, что первый каракалпакский роман написан неизвестным писателем, который после публикации романа приобрел всенародную известность в масштабах нашей автономной республики. А если он вовсе не объявится? Как тогда быть?

Предлагаю следующее постановление. ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

Собрание Союза писателей постановляет:

1. Если автор романа «Песнь каракалпаков» найдется, то:

а) ознакомить его с протоколом данного собрания,

б) продолжить обсуждение романа в присутствии автора.

2. Второй и последующие пункты постановления будут иметь место после реализации первого пункта данного постановления.

Кто за? Кто против?

Воздержавшихся нет.

Пиши: единоголасно.

Мой комментарий. В тот день, как помню, с собрания расходились медленно и молча, словно с похорон. Да, видимо, так оно и было - погребли первый каракалпакский роман, погребли под толщей ненужных слов.

Протокол не случайно сохранился. Я берег его особо тщательно, все ждал, что автор, может быть, объявится. Но он не объявился. То ли и впрямь был новичок и то, как встретили в Союзе писателей его первую рукопись, навсегда отвратило автора от желания пробовать свои силы в литературе? То ли рукопись - мистификация опытного писателя, которому просто хотелось посмотреть, полюбоваться, какая кутерьма вокруг нее поднимется?

Не знаю. Теперь об этом можно лишь гадать.

Мне конечно же хотелось прочитать рукопись, но она хранилась в сейфе у председателя, и ее никому не выдавали, чтобы, как выражались, «не возвращаться больше к этому вопросу без особой надобности». Хотелось мне и повстречаться с автором, поговорить с ним, поскольку я чувствовал, что тоже хочу и, кажется, даже смогу написать роман.

Мой дедушка говорил: «Главное вот что - не ищи себя среди великих, а ищи величие в себе».

Применительно ко мне это можно было выразить иначе: не ищи себя среди писателей, а ищи писателя в себе.

Так-то оно так, только трудно искать в одиночку.

Из советов моего дедушки. На любой вопрос есть три ответа: «да», «нет», «не имеет значения».

Сам я привык к первым двум, а тех, кто отвечает «не имеет значения», терпеть не могу. Что за чванство? Что за безразличие? Что значит «не имеет значения»? Для кого «не имеет»? Для того, кто спрашивает,- имеет. Потому он и спрашивает. Если для тебя

безразлично, то объясни почему. Все это одна лишь хитрость. Просто сказать «да» или «нет» труднее, чем увилывать от ответа. Но сам-то человек должен знать, как он относится к жизни. Если для человека жизнь «не имеет значения», то ему и жить-то незачем.

Хочу, чтобы вы, мои внуки, всегда отвечали прямо. Да так да. Нет так нет. Без всяких там уловок и увилваний. Тогда ваша жизнь будет счастливой. Тогда и душа моя будет спокойна и на этом и на том свете...

Я всегда дорожил спокойствием дедушкиной души. Действительно, нерешительность - это не путь и даже не тропинка. Но и путь выбрать тоже непросто. Особенно путь в литературе. И тем более когда сама литература находится на распутье.

А в середине пятидесятых годов наша национальная литература находилась именно на распутье. Все понимали, что она сильно отстала не только от мировой или русской (это и понятно - до революции у нас не было своей письменности и, само собой, письменных произведений), но и от соседних литератур, например от казахской и узбекской. Все понимали: нужна нам реалистическая проза. Однако пока не было не только романов и новостей, но не было и навыка их создания и привычки к их восприятию. Существовали лишь поэзия да в какой-то мере критика (если хоть в какой-то мере можно относить к критике те «размышления» о поэзии, которые появлялись в нашей республиканской печати в те годы).

Влечение к поэзии, «влечение - род недуга» испытывала тогда не только литература в целом, но и каждый отдельный человек. Сужу по себе.

Вроде бы уже напрочь отрешился от мечты стать поэтом. Вроде бы уже окончательно решил заняться прозой. Но поэзия не отпускала. Она как хмельное зелье - хоть и тошнит уже, а все тянет.

Поразмыслив, я принял компромиссное решение, однако тогда оно казалось мне (если опять-таки применить нынешнюю терминологию) комплексным. Задумал перевести статью Владимира Маяковского «Как делать стихи».

Конечно, заимствования, подражания, пересказы - не самый прямой путь в литературу. Не парадный вход, но зато удобный выход из кризисных ситуаций.

Я переводил статью. Критическую статью о поэзии. Притом о поэзии новой, новаторской, нетрадиционной. Но сама-то статья написана не стихами, а значит - прозой. Вот так - десять лис в одном капкане.

Закончив перевод и уразумев наконец, как же надо делать стихи, не только уразумев, но и объяснив это своим соплеменникам на родном каракалпакском языке, я вдруг не просто понял, нет, я всей душой почувствовал, что окончательно освободился от поэзии, почувствовал, что не могу и, главное, не хочу больше писать стихов.

Однако сойти с дороги - не значит вступить на другую дорогу. Можно оказаться и на обочине. Так со мной и произошло, поскольку проза мне по-прежнему не давалась.

Постепенно мне стало казаться, что в этом повинен город. Я начал почти задыхаться в нем. Чувство, знакомое многим писателям, родившимся среди полей. И не в том дело, что давят многоэтажные громадины, что мешают шум и многолюдье, что асфальт кругом и ни травинки не видать. Не в том.

Тогдашний Нукус не был еще ни многоэтажным, ни многолюдным и асфальтом тоже не мог похвастаться. В те годы зелени в нем было побольше, чем в ином ауле. Да и вообще внешне он скорее напоминал большой аул, нежели столичный город. И все же душил. Душил одиночеством, оторванностью от родни, от родных мест.

И я отправился к своим.

* * *

Притча, которую рассказала моя мать. Однажды на перекрестке дорог сошлись странники. Сели они поесть. Каждый вынул из хурджума то, что из дома прихватил, и выложил на общий дастархан.

Тут подошел к ним дервиш. А у дервиша, как известно, с собой ни хурджума, ни еды. Вот и сел он в сторонке, поодаль.

Однако люди заметили его и пригласили поужинать с ними.

Поел дервиш да и говорит:

- Возьмите меня с собой. Один из странников ему в ответ:

- Мы бы взяли, да путь далек, а припасов у тебя нет.

Дервиш согласился:

- Это точно, съестным я не запася, зато у меня в запасе есть множество таких вещей, которые облегчат вам дорогу.

- Что за вещи такие?- спрашивают странники.

- Это шутки, загадки, притчи, предания,- отвечает дервиш.- Пока мои ноги будут идти, а язык ворочаться, я вам такого понараскажу, чего вы и в жизни-то не слыхивали.

Задумались странники. Кто в затылке скребет, кто бороду оглаживает. И тут самый старый и мудрый из них сказал:

- Нужный человек. Возьмем его с собой. Взяли они дервиша и не пожалели о том.

Мать меня утешала и успокаивала, стараясь внушить мне, что писательство вовсе не такое уж никчемное и дармоедное занятие. Как и в прошлые мои приезды, она стремилась побыстрее выпроводить меня обратно в город, считая, что в ауле мне делать нечего.

Впрочем, о значении литературы я и сам имел представление. Но какой литературы? Этот дервиш мне не пример. Я тоже знаю уйму всяких сказок, преданий, притч и назиданий, сам видел множество интереснейших случаев, от других слышал массу невероятнейших и поучительнейших историй, но для литературы этого мало. Надо еще знать, кому и зачем все это рассказывать.

Никогда не мечтал я писать занимательно-развлекательное чтиво, чтобы скрашивать досуг трудящихся после напряженной работы. Не мечтал и писать нечто подбадривающее в пути, увеселяющее в дороге. И подходить к общему дастархану с шутками и прибаутками тоже не собирался. Да и не мастак я по этой части.

Нет, тот дервиш мне не пример. Вот если бы он, как человек много странствовавший, многое повидавший, рассказал своим спутникам о том городе, куда они направляются, объяснил бы им, какие трудности ждут их на пути и как трудности эти преодолеть, если бы он не развлекал, а увлекал - тогда другое дело.

Но для этого нужно знать, куда идут люди и ты вместе с ними. Знать, от чего ты хочешь их предостеречь, о чем предупредить.

Не зря Аган Никифорович Сидоров говорил, что писатель должен обладать не столько каким-то особым видением мира, сколько хоть минимальным предвидением.

Мой народ вот уже два с лишним века ведет оседлую жизнь, но ведь все равно он движется, движется во времени, движется в пространстве, вернее - двигает, изменяет пространство, которое он обжил и освоил. Двигается в помыслах, в мечтах, в сознании своем.

И я должен понять, куда он идет, и предвидеть то, что ждет его на этом пути.

Шутка сказать - предвидеть путь народа. Не очень-то скромное намерение. Пусть так, но не стоит забывать, что из скромности можно сделать уступку кому-то или чему-то, но совершить поступок из скромности - такое еще никому не удавалось.

Мой отец говорил: «Тот не джигит, кто дожидается приглашения. Джигит сам решает, куда ему нужно скакать и где он сейчас нужнее».

Как я провел три месяца в ауле - это неинтересно. Даже мне вспоминать неинтересно, и вряд ли кому-нибудь будет интересно читать.

Через три месяца я вернулся в город.

* * *

Есть поговорка: лучше раз увидеть, чем сто раз услышать.

Мой дедушка говорил иначе: «Что толку увидеть тыщу лиц, лучше узнай хотя бы имя хотя бы одного человека».

На мой взгляд, задача литературы - или, по крайней мере, одна из ее основных задач - узнать подлинное имя всего сущего в мире.

Назвать все сущее по имени и по отчеству, то есть не только знать, как правильно именовать то или иное, но и понимать, откуда что пошло, что от чего происходит.

Впрочем, это я теперь так думаю, а тогда - в середине пятидесятых - просто чувствовал, что мне не хватает знаний. Нет, речь не о знаниях, которые можно приобрести, изучив различные науки (их, конечно, тоже не хватало, но не в том дело), речь о знании жизни, знании людей. Знание народной жизни - может, это и высокомерно звучит, но без такого знания нет смысла брать в руки перо и водить им по бумаге.

Притча, рассказанная «дедушкой-юристом». Как-то весной, когда бушевала гроза и хлестал проливной дождь, в одном доме собрались люди. Они слушали мудреца.

Дверь была открытой. Через нее мудрец увидел, как по дороге, увязая в грязи, беспрестанно поскользываясь и падая, бредет маленький мальчик. Мудрец выбежал под ливень, взял мальчика на руки и принес в дом. Мальчуган аж посинел от холода, дрожал и стучал зубами, слова выговорить не мог. Мудрец быстро раздел его, отжал одежду и повесил ее сушиться возле очага. Когда одежда подсохла, а дождь прекратился, он одел малыша и вывел его за дверь.

- Спасибо, дедушка,- сказал мальчик,- пусть бог вас высушит.

Мудрец погладил его по голове:

- И тебе спасибо, мальчик, за доброе слово. Живи долго,- сказал он на прощание.

Сидевшие в доме удивились:

- О каком добром слове вы говорите? Разве пожелание «Пусть бог вас высушит» не похоже на проклятие?

- Эх, люди, люди,- вздохнул мудрец.- Малыш пожелал добра от всей души. Но если говорящий еще неразумен, то слушающий должен быть умным.

Признаюсь, что в то время смысл этой притчи я понял так: не беда, что люди, окружающие тебя, не умеют выражать свои мысли, ты как писатель обязан вдуматься в их слова и тогда поймешь, как они добры и искренни.

Действительно, мне тогда по молодости и писательской неопытности частенько казалось, будто люди, окружавшие меня, еще не доросли до того, чтобы стать героями рассказа или повести (о романах я если и помышлял, то втайне, даже себе боялся в этом признаться). Казалось мне, что они настолько еще не дозрели, что подумывал: а не написать ли какой-нибудь вымысел, может, фантастику?..

Теперь понимаю, что смысл притчи «дедушки-юриста» иной: не беда, что ты как писатель молод и неопытен, не беда, что твой стиль коряв и косноязычен пока, главное - пиши от души, и умный читатель тебя поймет, оценит твою искренность и поблагодарит за добрые слова.

И ныне, пожив на свете и исписав не одну кипу бумаги, я думаю: а ведь и впрямь, быть уверенным, что читатель мудр, что он не глупее тебя, а, пожалуй, и поумнее во многом,- это же счастье.

Ну а что касается вымысла, то тут мне хочется привести один из рассказов нашего коше-бия.

Рассказ коше-бия. Как-то в нашем ауле выступал лектор по линии культпросвета в направлении расширения кругозора в сторону астрономических знаний.

На вопрос: «Имеются ли на иных планетах живые обитатели и какова степень уровня их развития?» - он ответил: «Возможно, что это вполне вероятно». Этот тезис своего утверждения он решил проиллюстрировать примером из общеизвестной легенды. Уточняя конкретно: имеется в виду легенда о пророке Исе⁵⁶[56].

Согласно содержанию данной легенды перед нами разворачивается следующая картина: пророк Иса прибывает к мусульманам. Прибывает он непосредственно с неба и предпринимает целый ряд стараний, направленных в сторону привлечения мусульман к вере в новый религиозный дурман. Но мусульмане достаточно одурманены своим магометанством и не желают меняться в предложенном им направлении. Уяснив для себя факт этого их нежелания, пророк Пса, не намереваясь долго задерживаться в их чуждой его взглядам среде, быстро потрогал себя пальцами по лбу и плечам, а затем улетел в обратном направлении.

Данный лектор в связи с вышеизложенной легендой выразил гипотетическое предложение, что пророк, может, и звался Иса, но был он по своей исконной принадлежности отнюдь не пророком, а космонавтом-инопланетянином. И, надавив соответствующие кнопки на лбу и плечах, стартовал с Земли и вышел на орбиту своей планеты.

Сопровождаемый аккомпанементом взрыва хохота и свиста лектор тоже отбыл в обратном направлении.

Из беседы аксакалов.

⁵⁶[56] Иисус Христос, он у мусульман считается одним из пророков.

- ...Насочинять три хурджума вранья - дело нехитрое. Но так выдумку рассказать, чтоб ей, как правде, поверили,- вот истинное красноречие...

- Раз поверят. Два поверят. А потом изобличат ложь, и тогда считай, пропал. Ни одному твоему слову веры не будет, хоть какую истину ни скажи, все в ней станут подвох искать...

- Нога на кости держится. А язык без кости. Споткнется нога - кость поломаешь. Споткнется язык - весь пропадешь...

24

Я слег в постель. Обострилась старая болезнь. Смешно и странно звучит выражение «старая болезнь», когда речь идет о молодом человеке, которому нет еще и тридцати. Но мне было не до смеха, и врачам, похоже, тоже.

Как на этот раз протекала болезнь, толком не помню, потому что часто впадал в беспамятство. Но когда начал поправляться, ко мне подошел врач. После обычного обхода он вдруг сел на краешек моей кровати. И мы разговорились.

Лекарство врача. Поначалу он, как и положено, расспросил о самочувствии, о том о сем, дал кое-какие советы. Но заметив что вид у меня слишком уж невзрачный, взгляд потухший, в лице ни кровинки (это и понятно), но мало того, и ни капли оптимизма в голосе, он вдруг взял листок бумаги, положил на него таблетку анальгина, а рядом нарисовал кружок.

- Пожалуйста, попробуй увеличить или уменьшить этот кружок, не прикасаясь к нему ручкой.

Я взглянул на рисунок без особого интереса. Кружок как кружок. Величиной с трехкопеечную монету. Каждому ясно, что ни увеличить, ни уменьшить его нельзя. Ясно, что тут какая-то головоломка.

Он не стал испытывать мое терпение. Отодвинул таблетку и поставил на ее место бутылочку с микстурой. Сразу стало заметно, что кружок словно бы уменьшился, и теперь мне показалось, что он размером с двухкопеечную монету. Получалось, что кружок не просто сузился, но и подешевел, понизился в цене - этакая инфляция. От такого сравнения я невольно улыбнулся.

Заметив мою улыбку, врач обрадовался.

- Вот видишь,- сказал он,- любая вещь может казаться большой или маленькой. Все зависит от того, с чем ее сравнивать. Нормальный человек рядом с гением почти бездарь, а рядом с бездарем почти талант. Беспальный в сравнении со здоровым - инвалид, а в сравнении с безруким - практически здоров. И так далее. Твоя болезнь хоть и легочная, но не из легких, извини за неуместный каламбур. Но ты же пережил войну. Пусть и в тылу, но всегда помни, что ты из поколения, пережившего войну. Вспомни, какими выходили люди из войны, и поймешь, что твоя болезнь не самая страшная.

Затем он снова пододвинул к себе бумагу и начертил на ней еще один кружок такого же размера. - Какой больше?- спросил он.

- Одинаковые.

Тогда он первый кружок густо заштриховал, тот стал почти черным. А второй оставил белым, но заштриховал фон вокруг него.

- А теперь?

- А теперь больше белый.

Он действительно казался заметно крупнее черного,

- Понял, что хочу сказать тебе?- продолжал врач,- Постарайся в любых обстоятельствах видеть жизнь светлой. И тогда, сколько бы ты ни прожил, жизнь всегда будет большой. И напротив, если все видеть в черном цвете, то хоть сто лет проживи, а жизнь-то будет маленькой.

Вся эта игротерания конечно же была просто психологическим приемом, при помощи которого врач хотел поднять мое настроение и тем самым помочь мне быстрее выздороветь. Но он конечно же и не подозревал, что его кружочки впишутся в круг моих беспрестанных мыслей.

Беспамятство беспамятством, но, видимо, и в нем я не забывал о своих «литературных мечтаниях», где-то на дне сознания они теплились, тлели, и нужно было лишь слабое дуновение, чтобы они вновь вспыхнули. Врач вдохнул в меня жизнь. Его кружочки оказались лучшими таблетками, лучшим лекарством.

Как теория относительности Эйнштейна перевернула физику, так и его «теория соотношений» вдруг перевернула мое сознание. Я понял, что должен написать повесть. Первую повесть на каракалпакском языке. Пусть она станет точкой отсчета. Какой бы она ни получилась, но все равно появится надежда, что следующая окажется лучше нее. Кто бы эту следующую повесть ни написал, я или другой автор.

* * *

...И я написал свою первую повесть о жизни аульной ребятни во время минувшей войны, Написал о том, что знал лучше всего. Написал о том, что засело не только в моем сознании, но и в крови и плоти. «В печенке засело», как говорится, в данном случае не в печенке, а в легких, но это уже детали.

Повесть назвал «Секретарь», потому что главный герой был секретарем комсомольской организации. Но в названии таился и дополнительный смысл. Я окончательно решил для себя, что писатель должен быть не «самописцем», регистрирующим собственные переживания, а секретарем своего народа, который фиксирует все, что происходит в народной жизни.

Каждая книга (особенно первая) - это для писателя предмет гордости и тайной, и {что греха таить} явной. Но она же и повод для тревоги, боязни. Боязни тайной, но от этого особенно острой.

Когда повесть была отпечатана отдельным изданием и пущена в продажу, меня какая-то неведомая мне дотоле сила властно потянула к книжным магазинам.

Сперва я не торопясь прогуливался перед входом, внимательно присматривался к покупателям (несут они мою книгу или нет) и искоса поглядывал на витрину, где моя повесть красовалась (как мне казалось) на самом видном месте. К тому же если немного отойти от витрины, то отражение моего лица ложилось точно на книгу, и получалась обложка с портретом автора. Очень даже симпатично все это выглядело.

Наконец отважился войти в магазин и приблизиться к прилавку. Хотелось узнать, что люди говорят о моей повести, увидеть, как читатель берет ее в руки, перелистывает, о чем-то спрашивает продавца.

Вошел в магазин и вновь порадовался про себя. Повесть моя стояла в одном ряду с книгами Толстого, Чехова, Шолохова, Мопассана. Солидная компания.

Но как только схлынул первый восторг, тут же окатило меня холодом стыда и страха. Книга моя рядом с их томами была слишком

маленьким «кружочком», почти точкой, мизерной, как пылинка, соринкой. Я вдруг понял, что соринку эту никто из читателей и не приметит, она лишь у меня в глазу застряла. К тому же великие писатели смотрели сурово. В это время книги их выпускались в дешевых картонных переплетах, но зато с суперобложками, украшенными крупными портретами авторов. И все они - гении и величайшие мастера - сердито и с явным укором смотрели на меня или косились в сторону моей повести, будто говорили: «А ну, смахни эту соринку. Она весь вид портит. И ты решил к нам присоседиться, подстроиться в наш ряд? Стыд-то есть?»

Стыд был. И жгучий.

Бочком-бочком я выбрался из магазина и - опрометью домой. Были бы деньги, вот честное слово, пошел бы и скупил все экземпляры своей книги и потом... Но, хвала Аллаху, денег не было. Порою безденежье очень полезно...

И до сих пор частенько мне слышится: «стыд-то есть?»

Из преданий, рассказанных моим дедушкой. А когда-то ведь и у нас, у каракалпаков, было свое ханство и в нем, как положено, был хан, наш - черношапочник.

И вот однажды решил он посмотреть, как народ простой живет. Снял ханский расшитый халат, обрядился в лохмотья дервиша, да и за порог.

Вышел тайным ходом. А потом обошел дворец. Глядит, стража стоит. Он к ним, чтоб проверить, узнают его или нет.

- Чей дворец?- спрашивает.

- Ты что, слепой? Разве не видишь, что дворец ханский. И проваливай подобру-поздорову, потому что никому не велено приближаться к ханскому жилищу.

Пошел «дервиш» на окраину. А там другой дом и стража другая.

- Что за дом?- спрашивает.

- Ты что, с луны свалился?- говорят ему.

- Нет, я просто нездешний, только сегодня пришел.

- Это зиндан, здесь сидят те, кто замышлял против нашего милостивейшего хана. И проваливай побыстрее, а то, пока мы тут с тобой болтаем, они могут взбунтоваться или убежать.

Вышел хан за город. Идет по дороге, вдруг видит, стражники гонят людей, связанных одной веревкой.

- Что натворили эти бедолаги, куда их ведут?

- Эй, дервиш, стой поодаль и не приближайся! - кричат ему стражники,- А сам-то ты заплатил подать хану или тебя той же веревкой повязать?

Приходят он в аул. Смотрит - ребяшня аульская игру затеяла. Играют в ханство. Один крикнул: «Я - хан!» Другой: «Я - визирь». Третий: «Я - палач». А кто и рта раскрыть не успел, те - простой парод. Согнулся «народ» перед «ханом». Тот на их спинах улегся, как на широкой тахте. Кому локтем в ухо заехал, кому пятку на макушку положил. И отдыхает. А «визирь» подгоняет «живую тахту», и ходит она по кругу. Вдруг один из «простолюдинов» споткнулся, и «хан» свалился. Тут же подбежал «палач», и того «простолюдина», который уронил «хана» вместе с его достоинством, начали «казнить».

Увидел все это настоящий хан и решил отречься от власти своей. Так дервишем и ушел из каракалпакской земли. И ни наследника не оставил, ни завещания.

С тех пор и не стало у нас своего ханства. А что хорошего? Народ-то беспризорным остался и вон сколько веков по всем землям скитался, ото всех обиды терпел. Уйти всегда просто. А вот выход из трудности найти - это посложнее будет. Все дела бросить - не велика премудрость, вот хоть одно дело поднять да на ноги поставить, тут и помудровать и помозговать надо.

Коше-бий говорил: «Однажды пророк Мухаммед брился. И после завершения процесса бритья он обнаружил наличие крови на своей щеке. Вследствие чего стал Мухаммед выражать свое неудовольствие в форме претензии, адресованной богу:

- Эй, Аллах, на каком основании создал ты на лице моем волосы, подлежащие бритью, и при этом не проявил должной заботы о создании кожи, которая бы не подвергалась ранению бритвы? Это я расцениваю как явную недоработку со стороны твоей руководящей инстанции.

На что Аллах ответил:

- Я провел большую работу по созданию двух глаз на твоём лице и двух рук при твоём теле, в дополнение к вышеназванному сотворил я и зеркало. Чего тебе еще? И не смей перекладывать свои ошибки на мои упущения.

Эх, Тулепберген, Тулепберген... Все, что надлежит иметь человеку при себе, при тебе наличествует. Так что, согласно смыслу изречения парикмахеров: «Извольте бриться».

Моя мать говорила: «Ты ведь, как все дети, и ходить-то начал не сразу. Сперва ползком. Потом на четвереньках. Потом стоять на двух ногах учился. Первый шагок делал. А теперь как побежишь, так мне за тобой и не угнаться».

Мой отец говорил: «Без ошибок в этой жизни не проживешь. Но если не исправлять ошибок, тоже погибнешь».

Я хотел переписать свою первую повесть всю целиком, от начала до конца. Но, начав ее снова обдумывать, вдруг понял, что у меня в голове выстраивается следующая повесть. Ее я и написал. Так и пошло...

Вместо послесловия. Интервью, которое я взял у самого себя

Вопрос. Что бы я сделал, если бы удалось начать жизнь сызнова?

Ответ. Часто на подобный вопрос приходится читать такие ответы, что, мол, хотел бы прожить ту же жизнь, о другой не мечтаю. Я верю этим людям, но присоединиться к ним не могу.

Мой дедушка говорил: «Кабы заново родиться, я б умнее был и не ленился после обеда переделывать то, что сделал до обеда».

Видимо, я уродился в дедушку. Часто жалею об ошибках и упущениях. Мне вот и сейчас, когда эта книга закончена, хочется многое в ней переделать. Впрочем, я и так ее не раз и не два переписывал. Мог бы переписать еще десять раз, но за это время накапливаются другие дела и задачи. От них тоже не отвернешься.

Вопрос. Почему эту книгу я считаю романом-эссе, хотя, по сути, состоит она не столько из авторских размышлений, сколько из преданий, сказаний, притч, советов?

Ответ. Ну, предания так предания. Вот еще одно.

Рассказывают, что, когда Айдос-баба решил женить одного из своих братьев, он устроил богатую свадьбу. На свадебный той съехались сородичи со всех концов степи. Чтобы порадовать их, Айдос-баба приказал каждому гостю подарить по живой овце.

Получили гости овец, но не обрадовались. И стали бранить и упрекать Айдоса:

- Надо же, такую роскошную свадьбу устроил, такие ценные подарки каждому из многочисленных гостей раздал, а о веревке для овец и не подумал. А может, пожадничал. Как без поводка вести овцу? .

Не зря в нашем роду считают Айдоса своим предком. Я тоже подумал об «овце» и забыл про веревку. Указание на жанр - тот же поводок, с ним читателю удобнее, есть куда «привязать» роман. Лишь в самом конце мне пришло в голову привязать к роману «веревку». Не знаю,, может быть, кому-то она покажется излишне длинной, а кому-то поводок покажется слишком коротким, слишком «тугим».

Мне хотелось пригласить читателя на той и дать ему на память подарок. А уж как ему управляться с тем подарком, надеюсь, он сам сообразит, потому что верю: читатель умен и опытен. По крайней мере, именно на такого читателя и рассчитана эта книга.

Вопрос. Со словом «эссе» как-то разобрались. Но книга явно мемуарная, почему же она названа романом?

Ответ. К любым литературоведческим нормированным понятиям каждый писатель добавляет свой «довесок». Для меня слово «роман» не просто жанровый термин. Часто можно услышать, как человек говорит: «Моя жизнь - это настоящий роман». Или о любви двух людей говорят: «У них роман». Помнится, Нодар Думбадзе сравнивал роман с... пылесосом. При этом, по-моему, он имел в виду не только способности пылесоса затягивать в себя все, что встречается на пути, но - главное - способность очищать все, к чему он прикасается.

Для меня роман - это нечто, во-первых, жизненное, во-вторых, сложное, а в-третьих, захватывающее.

По моим понятиям, роман - это целая историческая формация. История одной человеческой жизни сродни истории всего человечества. В ней тоже своя эволюция и свои революционные перевороты. Но происходят они в одной душе.

По моим представлениям, каждый новый роман - открытие новой планеты, на которой свой климат, своя атмосфера, своя жизнь.

Роман позволяет через судьбу одного человека показать судьбу народа. А если удастся, то и судьбу человечества. Через судьбу одного аула или одного дома - судьбу страны и планеты.

Астрономам известны так называемые компактные галактики.

Для меня роман - это компактная, спрессованная вселенная.

Вопрос. Для чего я затеял это автоинтервью, этот разговор с самим собой?

Ответ. Во-первых, автор - это еще и первый читатель. И разговариваю я не с самим собой, а с читателем.

А во-вторых...

...Моя мать поучала: «Если хочешь договориться с другими, то почаще спорь с собой».

Я почувствовал необходимость написать эту книгу, разобраться в своем прошлом, в тех основах, на которых держится моя жизнь.

В строительстве сначала закладывают фундамент, а потом на нем возводят здание. В жизни - тоже. Но только каков фундамент под тем, что ты сделал и чем ты жил, приходится понимать не в юности, а в поздней зрелости. И думаю, что не только у меня так. Думаю, что у большинства людей после пятидесятилетия появляется острая потребность разобраться в собственной судьбе, начиная с самого основания, найти главные опоры жизни.

Каракалпак никогда не пожелает даже лютому врагу: «Чтоб тебе жена изменила», «Чтоб тебя друг предал». Я тоже сын своего народа и тоже знаю, что такое проклятье хуже любого оскорбления. Без опоры человек не просто погибнет или пропадет, он рухнет.

В этой книге я искал тех, на ком держится моя жизнь, и теперь говорю:

- Светлая память всем, кто ушел. Спасибо вам.

- Спасибо всем, кто жив. Живите долго.

Вопрос. Как, и это все, этим и кончается «Каракалпак-намэ»?

Ответ. Да. Книга кончается не потому, что исчерпаны все чувства и мысли. Не потому, что нечего больше сказать. На любую вольную тему можно говорить хоть всю жизнь. Но жизнь одна, а тем много.

«Если бы не ждали больные, то я каждого пациента лечила бы, пока он не станет здоровее здорового», - говорит моя дочь - медик.

«Что ни день, то новости. А газета постоянно требует свежих материалов. Если б не это, я бы так отшлифовал, так отредактировал статью, что загляденье», - говорит мой старший сын - журналист.

«Моя бы воля, так я бы не требовал от суда никаких приговоров, а жизнь бы отдал, чтобы перевоспитать хоть одного преступника. Но сами же преступники не дают сделать этого. Один судебный процесс закончился, а надо уже готовиться у другому», - говорит «дедушка-юрист».

«Будь моя воля, я бы целый день преподавал одну литературу, но есть другие предметы и другие учителя»,- говорил мой учитель литературы.

«Кабы старики не умирали, то и молодые бы не выросли»,- говорил мой дедушка.

Книга закончена. Но пока жив, не устану говорить о своем народе, о его миролюбии и чистосердечии, о его мудрости и наивности, о его вековых скитаниях и о его вечной готовности перед друзьями выставить на дастархан все, что есть в доме. Не устану говорить об этом и в следующих книгах.

До новой встречи. Живите долго, мои главные опоры.